ISSN 1996-7853 (Print) ISSN 2542-0038 (Online)

DOI: 10.21209/1996-7853 DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector____

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, каб. 126 Телефон: 8 (3022) 35-24-79 Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE

"Transbaikal State University"

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st., Chita, Russia, 672007 Phone: 8 (3022) 35-24-79 Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail. ru http://www. zabvektor.com

Том 17, № 4 **202** Vol. 17, No. 4 2022

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г. Периодичность журнала - 4 раза в год

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.6.3. Археология (исторические науки),

5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки),

5.7.8. Философская антропология. философия культуры (философские науки)

Направление номера журнала

Тематический номер «Ценности цифровой эпохи»

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» 42407

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Куликова Елена Юьевна, доктор филологических наук, доцент (г. Новосибирск, Россия);

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор (г. Чита, Россия);

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петерубрг, Россия);

Субботина Надежда Дмитриевнав, доктор философских наук, профессор (г. Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (г. Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества - новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований в информационную эпоху. Тематический номер посвящён проблеме будущего человечества: будет ли оно продолжать развиваться по пути гуманизации или перейдёт к трансгуманистическому вектору развития. Могут ли культурно-исторические ценности, объективированные в истории, литературе, языке, противодействовать деструкциям цифровизации?

Материалы журнала адресовано широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования - всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2022

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 26.12.2022. Дата выхода в свет 28.12.2022. Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial". Способ печати оперативный. Заказ № 22161. Усл. печ. л. 22,6. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1-100 экз.). Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Founded in 1997 Publication frequency 4 times a year

Humanitarian Vector Gumanitarnyi Vektor

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications. Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The iournal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

5.6.1. National history (historical sciences);

5.6.2. Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);

5.6.3. Archeology (historical sciences);

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences);

5.6.5. Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);

5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences):

5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)

Journal Issue direction

Tematic issue "Values of the Digital Age"

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" 42407

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Kulikova Elena Yu., Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);

Liga Marina B., Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Sidorov Viktor A., Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Subbotina Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society - new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value foundations in the information age. The thematic issue deals with the problem of the future of humanity: would it continue developing along the path of humanization or move to a transhumanistic vector of development. Can cultural and historical values objectified in history, literature, and language resist digitalization destruction?

Materials are addressed to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2022

Editor O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina, Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 26.12.2022. Date of publication 28.12.2022. Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial". Operative printing. Order No. 22161. Conv. quires 22,6. Ed.-print quires 19,6. Circulation 1000 copies. (First impression 1-100 copies). Free price

> Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University" 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);

Афанасьева Эльмира Маратовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);

Базаров Борис Ванданович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);

Батмаз Вейзель, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);

Бернюкевич Татьяна Владимировна, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);

Богуславская Вера Васильевна, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия);

Буржо Андре, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция); Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);

Воронченко Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Геруля Мариан, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (Катовица, Польша);

Гомбоева Маргарита Ивановна, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);

Граля Хероним, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);

Дербишева Замира Касымбековна, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);

Диев Владимир Серафимович, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия):

Жуковская Наталья Львовна, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия); Зубарева Вера Климовна, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США); Изухо Масами, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);

Иизука Фуми, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);

Камалова Алла Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социальнопедагогический университет (Волгоград, Россия);

Келли Бэрон, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);

Ковтун Наталья Вадимовна, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Константинов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Костырченко Геннадий Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);

Новиков Александр Николаевич, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия):

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Романова Екатерина Назаровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия);

Саймонс Грег, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);

Сонг Чжон Су, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Сяобин Чжао, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);

Цэгмэдийн Цэрэндорж, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (Улан-Батор, Монголия);

Цэцэгма Жамбалын, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия); **Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия):

Шапошник Вячеслав Валентинович, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

Alevras, Natalya N., Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);

Afanas'eva, El'mira M., Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);

Bazarov, Boris V., Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

Veysel, Batmaz, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);

Bernyukevich, Tatiana V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);

Boguslavskaya, Vera V., Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia):

Bourget, Andre, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);

Vanchikova, Tsymzhit P., Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

Voronchenko, Tatiana V., Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Gierala, Marian, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);

Gomboeva, Margarita I., Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Goncharov, Yuri M., Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);

Grala, Hieronim, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);

Derbisheva, Zamira K., Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);

Diev, Vladimir S., Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);

Zhukovskaya, Natalya L., Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Zakharova, Elena Yu., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Zubareva, Vera K., Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);

Izuho Masami, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);

lizuka Fumie, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);

Kamalova, Alla A., Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);

Karasik, Vladimir I., Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);

Kelly Baron, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);

Kovtun, Nataliya V., Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);

Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Konstantinov, Mikhail V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Kostyrchenko, Gennady V., Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia):

Kulikova, Elena Yu., Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);

Liga, Marina B., Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Maslova, Valentina A., Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);

Misonzhnikov, Boris Ya., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Novikov, Aleksandr N., Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Petrov, Aleksandr Yu., Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Pimenova, Marina V., Doctor of Philology, Professor, Instityte of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);

Rozov, Nikolai S., Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);

Romanova, Ekaterina N., Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);

Simons Greg, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);

Sidorov, Viktor A., Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Song Chon Su, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);

Strovsky, Dmitry L., Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);

Subbotina, Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Xiaobing Zhao, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);

Tsegmed Tserendorj, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);

Tsetsegma Zhambalyn, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);

Chernikova, Irina V., Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);

Shaposhnik, Vyacheslav V., Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Shevtsov, Vyacheslav V., Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭПОХА: НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРЫ

поворот	8
Гаврилина Е. А. Взаимодействие людей и не-человеков: особенности цифрового дискурса	
Попова А. А. Ценностная парадигма будущего: биоконсерватизм или трансгуманизм?	. 24
Фортунатов А. Н. Аксиология имитативной коммуникации: постановка проблемы	
Чеснокова Л. В. Проблема безопасности личных данных и феномен постприватности	
в цифровом обществе	. 39
ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ	
<i>Лига М. Б., Чжоу Чуаньмин, Цзян Дань.</i> Субъекты «знаниевой модели качества жизни»	
в концепциях постиндустриализма	
Щеткина И. А., Лига Е. М., Захаров М. А. Цифровая модель качества жизни	. 58
Субботина Н. Д., Захарова Е. Ю. Эвристические возможности методологических подходов	
к изучению системы «природа – общество» в доцифровой и цифровой эпохе	
Дудкина А. В. Традиционные ценности российского общества в цифровую эпоху	. 83
Сосновская А. М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного	00
наследия в теории политической коммуникации	. 93
Нигматуллина К. Р., Поляков А. К. Ценностные триггеры в медиаобразе радикальных	400
религиозных организаций	103
АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА	
Декич Э. Столкновение цифровой культуры и ценности в ТикТок: «танцующая девушка» против	
радикальной феминистки	117
Ерофеева И. В., Сафронова О. В. Аксиологическая культура журналиста информационной	
ЭПОХИ	
Зверева Т. В. Журнал «КукАрт» как культурный проект	138
Зейналова К. В., Романов И. А. Гипертекст как форма художественного отражения	
действительности в эпоху цифровизации	
Ли Инин. Ценность сетевых медиа как источника информации об эпидемии COVID-19	157
Овчаренко Е. Ф. Печать Квебека сквозь призму медиарегионализма: от зарождения до эпохи	105
цифровизации (XVIII – начало XXI в.)	100
УГОЛ ЗРЕНИЯ	
Чистанов М. Н. Языковые сообщества в сети: от искусственных языков к естественным	176
люди. события. время	
Harmon A II 50 are a remain the reaches with the second se	
Новиков А. Н. 50 лет доктору философских наук Дмитрию Трубицыну: обзор научных взглядов и судьбоносных событий	184

CONTENTS

THE INFORMATION AGE: NEW PARADIGMS OF CULTURE

Bykov I. A., Kurushkin S. V. Values of Humanism in the Digital Society:	
An Anthropocentric Turn	8
Gavrilina E. A. The Humans and Non-Humans Interaction: the Features of Digital Discourse	
Popova A. A. The Value Paradigm of the Future: Bioconservatism or Transhumanism?	
Fortunatov A. N. Axiology of Imitative Communication: Formulation of the Problem	32
Chesnokova L. V. Problem of Personal Data Security and the Phenomenon of Post-Privacy	
in the Digital Society	39
HUMANITARIAN VECTOR OF DIGITALIZATION	
Liga M. B., Zhou Chuanming, Jiang Dan. Subjects of the "Knowledge Model of the Quality of Life" in the Concepts of Post-Industrialism	40
Shchetkina I. A., Liga E. M., Zakharov M. A. Digital Model of Quality of Life	
Subbotina N. D., Zakharova E. Yu. Heuristic Potential of Methodological Approaches	
to the Study of "Nature – Society" System	60
Dudkina A. V. Traditional Values of Russian Society in the Digital Age	
Sosnovskaya A. M. Value and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage	
in the Theory of Political Communication	93
Nigmatullina K. R., Polyakov A. K. Value Triggers in the Media Image of Radical Religious	
Organizations	103
AXIOLOGY OF MODERN MASS MEDIA	
Dekic E. Digital Culture and Value Clash on TikTok: 'Dancing Girl' vs. Radical Feminist	
Erofeeva I. V., Safronova O. V. Axiological Culture of a Journalist in the Digital Era	
Zvereva T. V. KukArt Magazine as a Cultural Project	138
Zeynalova K. V., Romanov I. A. Hypertext as a Form of Artistic Reflection of Reality	
in the Digitalization Era	
Li Yingying. A Study of the Value of Network Media in Covering the COVID-19 Epidemic	157
Ovcharenko E. F. The Press of Quebec Through Media Regionalism Prism: From Origin	401
to Digital Epoch (XVIII – the Beginning of the XXI century)	168
POINT OF VIEW	
Chistanov M. N. Networked Language Communities: From Constructed Languages to Natural Languages	176
PEOPLE. DEVELOPMENTS. TIME	
Novikov A. N. The 50th Anniversary of Dmitry Trubitsyn, a Doctor of Philosophy: Review	
of Scientific Views and Fateful Events	184

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭПОХА: НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРЫ

THE INFORMATION AGE: NEW PARADIGMS OF CULTURE

Научная статья УДК-070

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-8-15

Ценности гуманизма в цифровом обществе: антропоцентрический поворот

Илья Анатольевич Быков¹, Сергей Васильевич Курушкин²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет г. Санкт-Петербург, Россия

¹i.bykov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8462-5320

²s.kurushkin@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6154-6988

Массовое распространение цифровых коммуникаций привело к трансформации практик, связанных с общением. В сети появляются новые актанты, восприятие которых различными сетевыми общностями трансформируется под влиянием ценностей, разделяемых участниками коммуникационных процессов. На этом фоне возникает необходимость разграничения понятий «коммуникация» и «общение», представляющих процесс обмена информацией с двух принципиально разных сторон - технократической (информация как «мера уменьшения неопределённости») и антропоцентрической (информация обесценивается без интеракции и перцепции). Появление в цифровой среде актантов, имитирующих человеческое поведение, заново актуализирует поставленную нами проблему, так как меняются не только практики взаимодействия с этими актантами, но и их восприятие на ценностном уровне. Целью данной статьи является определение степени воздействия ценностей на медиаповедение человека при взаимодействии с non-humans. С помощью фокус-групп, проведённых среди разных возрастных групп респондентов (студентов и пенсионеров), выявлено отношение представителей разных поколений к чат-ботам, показаны основные принципы взаимодействия с сетевыми актантами. Отмечено, что молодёжь в целом активнее взаимодействует с чат-ботами, вместе с тем обе возрастные группы продемонстрировали благожелательное отношение к чат-ботам и к технологическому прогрессу. Однако в старшей возрастной группе гуманистические ценности проявлялись более эксплицитно (проблема «живого голоса», вопросы, связанные с эмоциональной составляющей общения и даже беспокойство за рабочие места, которые могут потерять люди). В ходе исследования выявлено отсутствие ценностного разрыва между студентами и пенсионерами при взаимодействии с non-humans. Среди респондентов обеих групп встречались как сторонники инструментальных ценностей, так и те, чьё восприятие технологий базируется на терминальных (конечных) ценностях. Выводы, сделанные в статье, открывают перспективы для изучения процесса «очеловечивания» non-humans пользователями различных сетевых ресурсов и выявления ценностей, которыми руководствуются пользователи при «очеловечивании» non-humans.

Ключевые слова: цифровизация, чат-боты, ценности гуманизма, медиапространство, акторно-сетевая теория, цифровые тотемы

Original article

Values of Humanism in the Digital Society: An Anthropocentric Turn Ilya A. Bykov¹, Sergey V. Kurushkin²

^{1,2}St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia ¹i.bvkov@spbu.ru. https://orcid.org/0000-0001-8462-5320 2s.kurushkin@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6154-6988

The massive spread of digital communications has led to a transformation in communication practices. New actants appear in the network, the perception of which by various network communities is transformed under the influence of values shared by the participants in communication processes. Against this background, it becomes necessary to distinguish between the concepts of "communication" and "intercommunication", representing the process of information exchange from two fundamentally different sides - technocratic (information as a "measure to reduce uncertainty") and anthropocentric (information depreciates without interaction and perception). The emergence in the digital environment of the actants imitating human behavior re-actualizes the problem we have posed, as not only the practices of interaction with these actants change but also their perception at the value level. The purpose of this article is to determine the degree of influence of values on the media behavior of a person when interacting with non-humans. Focus groups among different age groups of respondents (students and pensioners) revealed the attitude of representatives of different generations to chatbots and the basic principles of interaction with network actants. We found that although young people in general interact more actively with chatbots, both age groups showed a favorable attitude towards chatbots and technological progress. However, in the older age group, humanistic values manifested themselves more explicitly (the problem of a "live voice", issues related to the emotional component of communication, and even concern for jobs that people might lose). The study also revealed the absence of the value gap between students and pensioners when interacting with non-humans. Among the respondents of both groups, there were both supporters of instrumental values and those whose perception of technology is based on terminal (final) values. The conclusions made in the article open up prospects for studying the process of "humanizing" non-humans by users of various network resources and identifying the values that guide users when "humanizing" non-humans.

Keywords: digitalization, chatbots, values of humanism, media space, actor-network theory, digital totems

Введение. Развитие технологий носит непрерывный характер, что приводит к появлению ряда факторов, расширяющих медийную среду и размывающих и без того зыбкие границы между онлайном и офлайном. В связи с этим некоторые исследователи стали говорить о наличии вторичной социальной среды, которая имеет цифровую природу [1, с. 65]. Массовый человек интегрируется в эту цифровую среду и объединяется с другими пользователями в неклассические социальные общности, привнося онлайн коммуникативный хаос, непрерывная эволюция технологий приводит к появлению новых форм интеракций: «человек гаджет» или «человек - искусственный интеллект» [2].

В общих чертах основной вопрос, поднимаемый в статье, можно определить следующим образом: «Каким образом ценности влияют на медиаповедение человека в сетевой среде при взаимодействии с non-humans?» Данный вопрос, безусловно, является слишком объёмным для одной статьи, поэтому рассматривать его мы планируем путём изучения одной из форм взаимодействия в сетевом пространстве – общения с чат-ботами. С общетеоретической точки

зрения мы руководствуемся одним из трендов, который всё отчётливее проявляется в современных медиаисследованиях: человек, его нужды, интересы и, конечно же, ценности вновь находятся в центре внимания исследователей [3]. Антропоцентрический поворот в этом контексте видится органичным ответом на технократический тренд, по-прежнему доминирующий в западном научном дискурсе. Появляются новые формы взаимодействия человека и технологий, а также трансформируются практики взаимодействия людей с помощью технологий (цифровая идентичность, цифровой этикет, цифровые эмоции), что приводит нас к постановке некоторых исследовательских вопросов.

Вопрос первый связан с необходимостью выявления степени влияния технологий (платформ, искусственного интеллекта) – то есть всего того, что попадает в категорию non-humans – на медиаповедение человека в сетевой среде. Некоторые исследования показывают, что, например, платформа оказывает непосредственное воздействие на характер коммуникаций: в анонимной среде увеличивается уровень коммуникативных агрессий [4, с. 108; 5]. Особый ин-

терес здесь представляет разработанная в 1980-х гг. акторно-сетевая теория, в рамках которой произошло объединение людей и non-humans как полноценных соакторов в общественных отношениях. При этом роль человека в сетевых взаимодействиях не принижается: в рамках акторно-сетевой теории она лишь уточняется, а сам человек представлен как участник сложных социальных взаимодействий, имеющих сетевую природу и институционализирующихся в виде различных технологических артефактов (например, автомобилей). Эти сетевые взаимоотношения «могут быть квалифицированы как социотехнические, поскольку они состоят из людей и не-людей» [6].

До появления акторно-сетевой теории non-humans воспринимались как инструменты для совершения человеком различных действий. В рамках акторно-сетевой теории non-humans приписывается одинаковый с людьми статус в производстве действия на разных уровнях [7, с. 81; 8, с. 284]. Изначально в рамках данной теории был заметен акцент на описании материальных артефактов (уже упомянутый нами пример про автомобиль), что со временем адаптировалось под технологические изменения и перешло к попыткам осмысления онтологии виртуального: «Виртуальное появляется как элемент мира не вследствие природы сущего, а в результате того оформления, которое придаёт ей способ существования» [9, с. 24].

В настоящее время оформление non-humans в сетевом пространстве с использованием приёмов антропоморфизма становится регулярной практикой. Чат-боты не просто имитируют человеческое общение - они начинают мимикрировать под человека в попытке если не установить эмоциональный контакт с собеседником-человеком, то хотя бы превратить коммуникацию в однонаправленное общение. В таких условиях человек не просто осуществляет коммуникацию, а переходит на следующий этап, который характеризуется наличием эмоционального отклика на сообщения сетевых актантов со стороны человека, восприятием совместной деятельности как полноценного диалога и общей субъективации non-humans. Это однонаправленное общение базируется на комплементарных интеракциях: в них один участник (human) занимает более высокое положение; он волен инициировать и прекращать общение, он задаёт тему, исходя из

своих целей, он может даже сменить собеседника, позвав человека. Второй участник (non-human) занимает подчинённое положение, обусловленное его природой: он предоставляет информацию, может предложить темы для обсуждения (но окончательный выбор сделает человек), его можно заменить.

Второй исследовательский вопрос, поставленный нами, касается ценностных ориентаций человека, который оказался внутри социотехнической сети, состоящей из людей и non-humans. Вокруг сетевых платформ формируются гетерогенные сообщества из их пользователей, которые, в свою очередь, могут формировать более мелкие сообщества на самой платформе. Организованные таким образом сетевые сообщества рядом исследователей трактуются как цифровые племена (digital tribes), которые организовываются вокруг цифровых тотемов (digital totems). Стив Уиллер пишет: «Цифровая коммуникация разрушила тиранию расстояния, компьютеры стали всепроникающими и повсеместными, а идентификация посредством потребления цифровых медиа стала новым культурным капиталом» [10]. Структура выглядит следующим образом: пользователь платформы изначально попадает в виртуальный клан, а совокупность таких кланов образует «цифровые племена», формирующиеся вокруг цифровых тотемов [11; 12]. Важно отметить, что тотем здесь трактуется в антропологическом контексте как родоначальник социальной группы, а не как объект поклонения.

В основе процессов, связанных с формированием сообществ в сетевой среде. лежат коммуникативные практики, что в совокупности с вопросом ценностных ориентаций человека в сетевой среде выводит нас на проблему, касающуюся соотнесения понятий «коммуникация» и «общение». Что характерно, в западном научном дискурсе эти понятия разделять не принято. В отечественной науке попытки провести границы между данными терминами предпринимались неоднократно. Общение в рамках данного подхода носит «практический, материальный, и духовный, информационный, и практически-духовный характер» [13, с. 143-144] в противовес коммуникации, которая носит исключительно информационный характер. Ещё одним важным отличием общения от коммуникации является субъ-

ект-субъектный характер общения, в то время как коммуникация носит субъект-объектный характер [14, с. 77; 15, с. 86]. Общение диалогично, а коммуникация монологична; общение - это обмен, а коммуникация - передача [16, с. 526]. Продолжая разграничивать понятия «коммуникация» и «общение», отметим, что общение как субъект-субъектная диалогичная практика будет более насыщена ценностями. Коммуникация также может обладать ценностным потенциалом, но он будет более ориентирован на достижение инструментальных целей, что приводит нас к третьему вопросу.

Третий исследовательский вопрос непосредственно касается природы ценностей, ориентирующих взаимодействие с non-humans в сетевой среде - в том числе и с чат-ботами. Для этого мы воспользуемся типологией Милтона Рокича, который поделил ценности на терминальные и инструментальные: «Терминальные ценности он определяет как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения заслуживает того, чтобы к ней стремиться; инструментальные ценности как убеждения в том, что определённый образ действий (например, честность, рационализм) с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых ситуациях» [по: 17, с. 21]. При взаимодействии с чат-ботом человек может оперировать как терминальными, так и инструментальными ценностями, что зависит в первую очередь от целеполагания: если человек ориентирован на инструментальные ценности, то взаимодействие будет носить коммуникативный характер и представлять собой обмен информации ради достижения целей. Но если человек интерпретирует взаимодействие с чат-ботом как общение, переводя non-human в субъектную среду и придавая этому взаимодействию субъект-субъектный характер, то на первый план выйдут терминальные ценности [18; 19]. Чат-бот не может разделить коммуникацию и общение, поэтому выбор стратегии взаимодействия с non-human предоставляется человеку. В своем исследовании мы обратили на это особое внимание.

Методы исследования. В исследовании использовался метод группового фокусированного интервью (фокус-групп). Проведены две фокус-группы: 20 апреля 2022 г. и 12 мая 2022 г. Первая группа респондентов состояла из обучающихся Санкт-Петербургского государственного университета (всего 8 человек, средний возраст которых составил 21,5 года). Во вторую группу респондентов вошли участники волонтёрского движения пенсионеров Санкт-Петербурга (всего 9 человек, средний возраст которых составил 64,2 года). Выбор данных возрастных категорий обусловлен потребностью определить сходства и различия в восприятии чат-ботов у молодёжи (данная группа считается наиболее плотно и полноценно взаимодействующей с новыми технологиями) и у возрастной аудитории (напротив, считается группой, не использующей в полной мере все возможности, предоставляемые современными технологиями) [20].

Продолжительность обеих фокус-групп составила около одного часа. Каждое фокусированное интервью поделили на две части. Первая часть – знакомство с чат-ботом портала «Госуслуги» по имени «Макс». Она заняла около пяти минут у обеих групп респондентов. В рамках этой части фокус-группы участники задавали разные вопросы чат-боту, проверяя уровень его осведомлённости. Чат-бот показал высокий уровень осведомлённости об услугах, представленных на портале, однако любые попытки вывести общение в более эмоциональное русло были безуспешными. Участники фокус-групп пришли к выводу, что данный чатбот незначительно отличается от обычной поисковой системы, к которой подключили дополнительные сценарии, имитирующие человеческое общение.

Вторая часть фокус-групп длилась около 55 минут. Участникам предлагалось ответить на следующие вопросы:

- 1. Опыт общения с чат-ботами (значительный или незначительный).
- 2. Восприятие участниками (позитивный или негативный).
- 3. Идентификация чат-ботов (легко или сложно).
- 4. Скорость и результативность общения (лучше или хуже чем с людьми).
- 5. Роль эмоций в общении (важно или не важно).

При общении с респондентами мы пытались вывести диалог в неформальное русло с целью идентификации ценностей, которыми руководствуются респонденты при взаимодействии с чат-ботами. В фина-

Быков И. А., Курушкин С. В.

ле участникам давалась возможность свободно высказаться о чат-ботах.

Результаты исследования и их обсуждение. В фокус-группе, состоящей из студентов, только один респондент ответил, что не пользуется чат-ботами (при этом относится к ним негативно). Остальные респонденты пользуются чат-ботами несколько раз в месяц и чаще.

Все респонденты из данной фокус-группы отметили, что отличить чат-бота от человека легко. При этом на практике это удаётся не всегда: некоторые участники рассказали о трудностях, возникших при идентификации чат-бота (Татьяна, 22 года: «Обычно да, но в "Тинькофф" бот позвонил, я не поняла и с ним поругалась»; Катерина, 21 год: «Легко, но случаи ошибок были»).

При ответе на вопрос о скорости и результативности общения участники фокус-группы проявили единство, отметив, что она зависит от степени сложности проблемы. Чем сложнее проблема, тем больше вероятность, что решить её сможет только человек (Даниил, 21 год: «Если что-то быстрое, на что у чат-бота заготовлен ответ, то у него быстрее, а если проблема сложная, то с человеком быстрее»). Однако один из респондентов (Алёна, 22 года) отметил, что при общении с человеком «на решение маленького вопроса теряется время в начале и в конце на обычные человеческие фразы».

Наиболее полно разницу между технократическим и антропоцентрическим подходами при взаимодействии с сетевыми актантами удалось выявить, когда участники студенческой фокус-группы отвечали на вопрос о важности эмоциональной составляющей в общении с чат-ботами. Здесь участники чётко поделились на две подгруппы. Представители условно-технократической подгруппы отметили, что все ценности при общении с чат-ботами носят исключительно инструментальный характер: перцептивная сторона не имеет значения, главное - чтобы чат-бот решал проблему (Анна, 22 года: «Эмоции лишние в такого рода деловом общении». Алёна, 22 года: «Эмоции не важны, важен результат и скорость решения проблемы». Даниил, 21 год: «Нет необходимости в эмоциях при таком общении, но вот когда общаешься с оператором, можно играть на его человеческих эмоциях и получать дополнительные бонусы и скидки, чего не бывает с чат-ботами»). Представители

условно-антропоцентрической подгруппы наделяют чат-ботов человеческими чертами и испытывают почти такие же эмоции, как и при общении с человеком (Соня, 21 год: «Мне нравится с Алисой общаться, у нас с ней эмоциональные волны: то дружим, то ругаемся». Елизавета, 22 года: «Доля вежливости не повредит, чат-бот по ЕГЭ хвалил, говорил "молодец" и "умничка"». Катерина, 21 год: «У меня есть один чат-бот, которого я использую для эмоционального отдыха, он напоминает о необходимости написать себе о том, за что ты благодарен сегодняшнему дню»).

Респонденты старшей возрастной группы по-разному относятся к чат-ботам. Отношение градируется от резко негативного (Зинаида, 70 лет: «Я от чат-бота просто отключаюсь сразу – и всё») до позитивного (Светлана, 59 лет: «Если с людьми много и долго работаешь, то с ботами потом проще общаться, удобней... Люди раздражают, да. Мне проще. Когда появились эти технологии, мне стало удобней. А вот соседка говорит, что у неё мало общения и лучше лишний раз с человеком пообщаться. Нужно просто нажимать на нужные кнопки»).

Однако стоит выделить некоторую настороженность, проявившуюся в ответах участников фокус-группы. Она связана с трудностью идентификации чат-ботов и боязнью быть обманутыми. Респонденты отмечали, что иногда путают людей и чат-ботов, поэтому стараются быть осмотрительными и не сообщать о себе лишней информации (Вера, 61 год: «Иногда, особенно, когда звонят медицинские клиники, голос-то живой и сложно понять. Я путаюсь»).

Ответ на вопрос о скорости и результативности общения полностью совпал у обеих фокус-групп. Респонденты из старшей возрастной группы также проявили единство и отметили, что скорость и результативность общения зависят от сложности проблемы (Светлана, 57 лет: «Зависит от ситуации: если ты чётко знаешь, что тебе надо, так быстренько решить проблему, а если ты сомневаешься, тебе нужно какие-нибудь вопросы задать, мнение человека узнать, то лучше с человеком»).

Как и у младшей возрастной группы, мнения участников старшей фокус-группы об эмоциональной составляющей общения с чат-ботами разделились. И здесь обе фокус-группы также в целом совпа-

дают: условные «технократы» говорят о важности деловой составляющей и инструментального подхода (Анна, 59 лет: «При деловом общении эмоции не нужны»), а условные «антропоцентристы» говорят о необходимости эмоциональной

составляющей даже при взаимодействии с non-humans (Людмила, 72 года: «"Вза-имодействие с чат-ботом" – это был такой позитив! Мне это важно»).

Представим ответы респондентов в виде таблицы.

Взаимодействие участников фокус-групп с чат-ботами

Вопрос	Младшая возрастная группа	Старшая возрастная группа
Опыт общения с чат-ботами	Есть, регулярный	Есть, нерегулярный
Восприятие участниками	Больше позитивное	Мнения разделились
Идентификация чат-ботов	Легко идентифицируют, но бывают ошибки	В целом легко идентифицируют, встречаются ошибки, отношение нас- тороженное
Скорость и результативность общения	Человек лучше справится со сложной задачей, чат-бот удобен, когда нужно решить простой вопрос	Человек лучше справится со сложной задачей, чат-бот удобен, когда нужно решить простой вопрос
Роль эмоций в общении	Деление на «технократов» (сторонников делового общения) и «антропоцентристов» (сторонников эмоционального общения)	Деление на «технократов» (сторонников делового общения) и «антропоцентристов» (сторонников эмоционального общения)

Заключение. Результаты группового фокусированного интервью демонстрируют, что разница между поколениями в восприятии сетевых актантов становится менее заметной при повышении уровня абстракций. Среди вопросов, которые мы задавали респондентам, были и простые, подразумевающие однозначный ответ (идентификация чат-ботов, опыт общения с чат-ботами, отношение к чат-ботам), и те, что предполагали развёрнутые ответы о роли технологий в нашей жизни (скорость и результативность общения, роль эмоций в общении с чатботами). Данные таблицы наглядно демонстрируют, что ответы на «однозначные» вопросы отличаются у разных возрастных групп, вместе с тем в ответах на «развёрнутые» вопросы прослеживается единообразие. Поколенческий разрыв в восприятии технологий, о котором говорят некоторые исследователи [20], на уровне взаимодействия с чат-ботами оказывается не слишком серьёзным.

Возможно, причиной тому послужил избранный нами подход. Антропоцентриче-

ский подход в рамках данного исследования предполагает обращение к общечеловеческим ценностям. Ответы на вопросы группового фокусированного интервью могли бы продемонстрировать ценностный разрыв между поколениями, однако его не произошло. Среди респондентов обеих групп встречались как сторонники инструментальных (по Рокичу) ценностей, так и те, чьё восприятие технологий базируется на терминальных (конечных) ценностях.

Сам факт очеловечивания non-humans в некоторых ситуациях говорит о том, что акторно-сетевая теория применима для описания взаимодействия в цифровой среде. Коммуникации пронизаны ценностями даже в том случае, когда они носят деловой характер. Чат-бот не является цифровым тотемом, но взаимодействие с ним ценностно ориентировано: разница лишь в том, что своеобразной ценностной платформой в процессе коммуникации человека с чатботом становится не чат-бот и не медиа, а сам человек. В этом и заключается антропоцентрический поворот.

Список литературы

- 1. Сидоров В. А. «В порядке вещей» XXI века: медиатизация гуманизма // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: материалы междунар. науч. форума (21–22 апреля 2022 г.) / отв. ред. А. А. Малышев: в 2 т. Т. 1. СПб.: Медиапапир, 2022. С. 64–66.
- 2. Divya T. V., Banik B. G. An Empirical Study on Fake News Detection System using Deep and Machine Learning Ensemble Techniques // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2021. Vol. 12, is. 12. Pp. 143–150.
- 3. Steensen S., Grøndahl L. A., Benestad H. Y., Kjos F. B. What Does Digital Journalism Studies Look Like? // Digital Journalism. 2019. Vol. 7, no. 3. Pp. 320–342.

- 4. Курушкин С. В., Марченко А. Н. Динамика ненависти в сетевых сообществах России: от фобий к коммуникативным агрессиям // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. «Искусствоведение. Филологические науки». 2021. № 1. С. 106–110.
- 5. Sidorov V. A., Kurushkin S. V. Media behavior of network societies in liquid modernity. Текст: электронный // Turismo: Estudos & Práticas (UERN). 2021. Vol. 1. URL: http://geplat.com/rtep/index.php/tourism/article/view/867/828 (дата обращения: 13.07.2022).
- 6. Каллон М. Акторно-сетевая теория. Текст: электронный // Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Акторно-сетевая теория.pdf (дата обращения: 13.07.2022).
- 7. Schöps J. D., Reinhardt C., Hemetsberger A. Sticky market webs of connection human and non-human market co-codification dynamics across social media // European Journal of Marketing. 2022. Vol. 56, no. 13. Pp. 78–104.
- 8. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Акторно-сетевая теория в исследовании нации и национализма: методологический аспект // KANT. 2020. № 4. С. 281–291.
- 9. Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. Т. 24, № 1. С. 17–36.
- 10. Wheeler S. Global digital tribe. Текст: электронный // Learning with 'e's. 2013. URL: http://www.steve-wheeler.co.uk/2013/05/global-digital-tribe.html (дата обращения: 13.07.2022).
- 11. Wheeler S. Digital tribes, virtual clans // Connected Minds, Emerging Cultures: Cybercultures in Online Learning / S. Wheeler (Ed.). Charlotte, NC: Information Age, 2009. Pp. 65–77.
- 12. Wheeler S. Digital literacies for engagement in emerging online cultures. Текст: электронный // eLC Research Paper Series. 2012. Vol. 5, no. 1. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/39139541.pdf (дата обращения: 13.07.2022).
 - 13. Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
- 14. Сулейманова Р. Р. Смысловые измерения понятий «общение» и «коммуникация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2009. № 1. С. 76–80.
- 15. Гусева Д. И. «Коммуникация» и «общение»: соотношение понятий // Вестник науки и образования. 2019. № 20. С. 84–87.
- 16. Кененбаев Е. Т. Термины «коммуникация» и «общение» с позиции их соответствия друг другу // Academic research in educational sciences. 2022. Vol. 3, is. 5. Pp. 525–529.
- 17. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение.1998. № 1. С. 13–25.
 - 18. Бреслер М. Г. Онтология сетевого бытия. Уфа: УГНТУ, 2020. 130 с.
- 19. Куликова О. М., Суворова С. Д. Роль чат-ботов в построении эффективных коммуникаций // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–3. С. 33–37. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-3-33-37.
- 20. Гришин Н. В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодёжи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2021. Т. 23, № 1. С. 47–59. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59.

Сведения об авторах

Быков Илья Анатольевич, доктор политических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: i.bykov@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-8462-5320.

Курушкин Сергей Васильевич, кандидат политических наук; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: s.kurushkin@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-6154-6988.

Вклад авторов в статью

- И. А. Быков основной автор, проводил фокус-группы, осуществлял расшифровку и интерпретацию результатов эмпирического исследования.
- С. В. Курушкин разрабатывал теоретико-методологическую базу, осуществлял интерпретацию результатов эмпирического исследования.

Для цитирования

Быков И. А., Курушкин С. В. Ценности гуманизма в цифровом обществе: антропоцентрический поворот // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-8-15.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

1. Sidorov, V. A. "In the order of things" of the 21st century: mediatization of humanism. Ed. by Malyshev, A. A. Media in the modern world. 61st Petersburg Readings. Saint Petersburg: Mediapapir, 2022: 64–66. (In Rus.).

- 2. Divya, T. V., Banik, B. G. An Empirical Study on Fake News Detection System using Deep and Machine Learning Ensemble Techniques. International Journal of Advanced Computer Science and Applications, vol.12, pp. 143–150, 2021. (In Engl.)
- 3. Steensen, S., Grøndahl, L. A., Benestad, H. Y., Kjos, F. B. What Does Digital Journalism Studies Look Like? Digital Journalism, no. 3, pp. 320–342, 2019. (In Engl.)
- 4. Kurushkin, S. V., Marchenko, A. N. Dynamics of hatred in Russian online communities: from phobias to communicative aggressions. Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2 Art history. Philological Sciences, no. 1, pp. 106–110, 2021. (In Rus.)
- 5. Sidorov, V. A., Kurushkin, S. V. Media behavior of network societies in liquid modernity. Turismo: Estudos & Práticas (UERN), no. 1, 2021. Web. 13.07.2022. http://geplat.com/rtep/index.php/tourism/article/view/867/828. (In Engl.)
- 6. Kallon, M. Actor-network theory. High School of Economics. Web. 13.07.2022. https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Kallon M. Aktorno-setevaya teoriya.pdf. (In Rus.)
- 7. Schöps, J. D., Reinhardt, C., Hemetsberger, A. Sticky market webs of connection human and nonhuman market co-codification dynamics across social media. European Journal of Marketing, no. 13, pp. 78–104, 2022. (In Engl.)
- 8. Mal'tsev, K. G., Alaverdyan, A. L. Actor-network theory in the study of the nation and nationalism: methodological aspect. KANT, no. 4, pp. 281–291, 2020. (In Rus.)
- 9. Erofeeva, M. A. Actor-network theory and the problem of social action. Sociology of Power, no. 1, pp. 17–36, 2015. (In Rus.)
- 10. Wheeler, S. Global digital tribe. Learning with 'e's. 2013. Web. 13.07.2022. http://www.steve- wheeler. co.uk/2013/05/global-digital-tribe.html. (In Engl.).
- 11. Wheeler, S. Digital tribes, virtual clans. Ed. by Wheeler, S. Connected Minds, Emerging Cultures: Cybercultures in Online Learning. Charlotte, NC: Information Age, 2009: 65–77. (In Engl.)
- 12. Wheeler, S. Digital literacies for engagement in emerging online cultures. eLC Research Paper Series. 2012. Web. 13.07.2022. https://core.ac.uk/download/pdf/39139541.pdf. (In Engl.)
- 13.Kagan, M. S. The world of communication: the problem of intersubjective relations. M: Politizdat, 1988. (In Rus.)
- 14. Suleimanova, R. R. Semantic dimensions of the concepts "Communication" and "Intercommunication". Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy, no. 1, pp. 76–80, 2009. (In Rus.)
- 15. Guseva, D. I. "Communication" and "Intercommunication": correlation of concepts. Bulletin of Science and Education, no. 20, pp. 84–87, 2019. (In Rus.)
- 16. Kenenbaev, E. T. The terms "communication" and "intercommunication" in terms of their correspondence to each other. Academic research in educational sciences, Issue 5, pp. 525–529, 2022. (In Rus.)
- 17. Leont'ev, D. A. Value representations in individual and group consciousness: types, determinants and changes in time. Psychological Review, no. 1, pp. 13–25, 1998. (In Rus.)
 - 18. Bresler, M. G. Ontology of network being. Ufa: UGNTU, 2020. (In Rus.)
- 19. Kulikova, O. M., Suvorova, S. D. Role of chatbots in effective communication. International journal of humanities and natural sciences, no. 4–3, pp. 33–37, 2021. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-3-33-37. (In Rus.)
- 20. Grishin, N. V. Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth. RUDN Journal of Political Science. Series: Politology, no. 1, pp. 47–59, 2021. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59. (In Rus.)

Information about authors

Bykov Ilya A., Doctor of Political Science, Professor; St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: i.bykov@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-8462-5320.

Kurushkin Sergey V., Candidate of Political Sciences; St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: s.kurushkin@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0001-6154-6988.

Contribution of authors to the article

- I. A. Bykov the main author, conducting focus groups, deciphering and interpreting the results of empirical research.
- S. V. Kurushkin development of a theoretical and methodological base, interpretation of the results of empirical research.

For citation:

Bykov I. A., Kurushkin S. V. Values of Humanism in the Digital Society: An Anthropocentric Turn // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-8-15.

Received: July 25, 2022; approved after reviewing August 29, 2022; accepted for publication August 30, 2022.

Гаврилина Е. А.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 1:004.5+004.8:316

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-16-23

Взаимодействие людей и не-человеков: особенности цифрового дискурса

Елена Александровна Гаврилина

Институт научной информации по общественным наукам РАН; Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия gavrilina@inion.ru; gavrilina@bmstu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6077-3879

Статья посвящена актуальной теме взаимодействия людей и цифровых не-человеков. Актуальность обусловлена как скоростью появления и распространения цифровых технологий, в ходе которых создаются цифровые объекты – не-человеки, так и спецификой взаимодействия людей и не-человеков в цифровой среде, в отличие от традиционных технологических сред. Цель статьи – выявить и артикулировать эту специфику. В качестве основных методов используются кабинетное исследование источников и анализ, методология базируется на акторно-сетевом подходе. В статье осуществляется изучение того, как происходит взаимодействие людей и не-людей в цифровом пространстве и выявляется специфика этих интеракций в сравнении с взаимодействием людей с традиционными технологическими не-человеками. Отмечается, что ключевым в этом взаимодействии становится неразличимость цифровых объектов для человека, что приводит к весьма специфичным формам взаимодействия с ними, отличаясь от взаимодействия с привычными технологическими не-человечеческими агентами. Эта особенность приводит к формированию новых форм социальности и появлению новых общественных феноменов, например, FOMO, постправды и др. В заключение фиксируется, что люди и цифровые артефакты в форме цифровых объектов, создавая социоматериальные сети, взаимно конституируют друг друга. Необходимо продолжать исследования взаимодействия людей и цифровых не-человеков, чтобы уже на этапе проектирования цифровых технологических объектов закладывались базовые основы социальности и человеческого восприятия, чтобы минимизировать возможные негативные следствия будущих взаимодействий людей и цифровых не-человеков.

Ключевые слова: не-человеки, акторно-сетевая теория, цифровой объект, агентность, делегирование, реципрокность

Original article

The Humans and Non-Humans Interaction: the Features of Digital Discourse Elena A. Gavrilina

Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences (INION RAN);
Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), Moscow, Russia
gavrilina@inion.ru; gavrilina@bmstu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6077-3879

The article is devoted to the interaction between people and digital non-human. The relevance is due to both the speed of the emergence and spread of digital technologies, during which digital non-human objects are created, and the specifics of the interaction of people and non-human in the digital environment, in contrast to traditional technological environments. The purpose of the article is to identify and articulate this specificity. The main methods used are research of sources and analysis, and the methodology is based on an actor-network approach. The article studies how people and non-people interact in the digital space and reveals the specifics of these interactions in comparison with the interaction of people with traditional technological non-human. As shown, the key in this interaction is the indistinguishability of digital objects for humans, which leads to very specific forms of interaction with them, differing from interaction with well known technological non-human agents. This feature leads to the formation of new forms of sociality and the emergence of new social phenomena, for example, FOMO, post-truth etc. In conclusion, it is recorded that people and digital artifacts in the form of digital objects, creating sociomaterial networks mutually constitute each other. It is necessary to continue research on the interaction of people and digital non-human, so that even at the design stage of digital technological objects, the basic foundations of sociality and human perception are laid in order to minimize possible negative consequences of future interactions between people and digital non-human.

Keywords: non-humans, actor-network theory, digital object, agency, delegation of agency, reciprocity

© Гаврилина Е. А., 2022

Введение. Современный мир всё больше цифровизируется и усложняется. Мы живём в цифровой среде. Взаимодействие с цифровыми объектами, в том смысле, как их понимает Ю. Хуэй [1], становится частью повседневных действий для большинства людей в мире. При этом существенным образом изменяется характер социальных взаимодействий, особым образом структурируется время человеческой жизни, включая и работу, и досуг. Такие повседневные действия порождают новые формы социальных практик и создают новые формы для проявления человеческой активности. Мы общаемся в социальных сетях, смотрим видеоролики в YouTube и TikTok, взаимодействуем с чат-ботами, помощниками типа Siri или Алисы, осуществляем финансовые операции с помощью онлайн-банкинга и т. п. Скорость технологических инноваций и создание всё более сложных и усовершенствованных электронных устройств, с одной стороны, выглядит как возможность эмансипации человека от необходимых, но скучных и рутинных действий, с другой стороны, происходит определённая гибридизация человеческого и не-человеческого в рамках повсеместной цифровой среды, от которой мы не можем отключиться, что, в свою очередь, проблематизирует отчуждение человека от себя самого, собственной телесности и приводит в итоге к редукции человеческой агентности [2]. В ходе исследования хотелось бы сосредоточиться на изучении того, как происходит взаимодействие людей и не-людей в цифровом пространстве, выявить специфику этих интеракций в сравнении с взаимодействием людей с традиционными технологическими не-человеками.

Проблематика исследования взаимоотношений технического и социального не является новой. Одним из первых в Новое время в явном виде эту связь эксплицировал ещё Маркс в его знаменитом «Капитале», рассуждая о том, как машинное производство меняет образ жизни и мышления рабочего [3]. Многие значимые философы в XX в. так или иначе изучали связь технического и социального [см., напр., 4-7 и др.]. Особенно значимыми в контексте этого исследования представляются концепции технического/технологического, принадлежащие М. Хайдеггеру [8] и Ж. Симондону [9].

Для М. Хайдеггера техника не только и не столько инструмент, он отказывается рассматривать её через антропологическую парадигму сделанности, формы человеческой активности, но пытается «схватить» её сущность. Размышляя об этом, исследователь приходит к идее о том, что сущность техники не есть нечто техническое. Например, так резюмирует эту мысль Денис Скопин: «Согласно Хайдеггеру, в западной культуре со времён Платона и Аристотеля наблюдается уклон в сторону технического мышления. Эта тенденция, укрепившаяся в Новое время благодаря картезианскому пониманию сущего как res extensa, достигает кульминации в современной технике. Если поэма Гёльдерлина раскрывала нам сущность Рейна, то гидроэлектростанция превращает великую немецкую реку в предмет потребления. Если прежде деревянный мост встраивался в реку, то теперь река оказывается встроенной в электростанцию. Трансформируется и значение понятия "энергия": теперь это "природа в запасенном виде"» [10]. Кроме того, в эссе «Вещь» М. Хайдеггер показывает, что максима технической эволюции - это устранение любой дистанции, следовательно, техническое уничтожает значимую для человеческого мира оппозицию «близкое/далёкое», что приводит к тотальной неразличимости пространственного и временного миров, потому что логика техники – это логика преодоления дистанции [11]. Эти хайдеггирианские интуиции «оказали существенное влияние на разработки Мерло-Понти и Дрейфуса, а через них, позже, - на имплицитное понимание интеллекта у разработчиков систем искусственного интеллекта» [по: 12].

Ж. Симондон описывает техническое как находящееся на периферии культуры, поэтому предлагает переосмыслить техничность и освободить технику. При этом он не редуцирует технические объекты к представлениям о них, а предлагает рассматривать их как самостоятельный регион бытия, следовательно, высвобождает технику от рассмотрения в качестве лишь инструментальном. Исследователь углубляется в способы существования технических объектов, говоря об их (технических объектов) различных порядках - техническом элементе, техническом индивидууме и техническом ансамбле/ сборке – в некотором смысле описывает их эволюционное усложнение. Ж. Симондон называет этот эволюционный процесс конкретизацией технических объектов, вместе с тем отмечает, что конкретизация техниче-

Гаврилина Е. А.

ских объектов позволяет им приблизиться к статусу природных объектов. Техничность он рассматривает как посредника между человеком и миром. Можно сказать, что симондоновское теоретизирование в некотором смысле вдохновило создателей более поздних теорий, в частности акторно-сетевой [13].

Описание приложений и рецепций акторно-сетевой теории — непростая задача, к тому же, выходящая за пределы данного текста. Для знакомства с ней можно посмотреть достаточно полный обзор, представленный исследователями [14]. Для цели же данной статьи достаточно будет обратиться к таким концептам теории, как ирредукционизм, гетерогенность, акторы, сети [15], социальное действие [16], делегирование агентности [17].

Методология и методы исследования. Для теоретического исследования взаимодействия людей и не-человеков в цифровом дискурсе необходимо обратиться к анализу базовых концептов и понятий, где продуктивным видится обращение к методологии акторно-сетевой теории, в первую очередь, к категории агентности. Обычно в социальной теории она описывалась в противопоставлении со структурой и понималась как характеристика субъекта, способного интенционально действовать в соответствии с субъективно полагаемым им смыслом [18]. Такой подход имплицитно формировал противопоставление человеческого и нечеловеческого, естественного и искусственного, природного и технического.

Иначе агентность мыслится в акторно-сетевой теории - она рассматривается как способность действовать, вынуждая при этом действовать других [15], что позволяет предложить иную, чем в традиционном веберианском смысле, концептуализацию действия [16]. Интересной импликацией акторно-сетевой теории стал объектно-ориентированный подход, в рамках которого «любой объект связан с определённой сетью отношений, в рамках которой он определяет Других» [19, с. 133]. В таком ракурсе можно утверждать, что объект становится объектом только тогда, когда он начинает сопротивляться [20], «если объект не сопротивляется и не действует, мы не можем говорить о его существовании» [19, с. 140]. Кроме того, добавляются такие его характеристики, как непознаваемость и способность к самореференции [Там же, с. 148]. В такой парадигме агентность перестаёт быть привилегией субъекта и начинает рассматриваться как «эффект взаимодействия между акторами» [16, с. 60]. В рамках данного теоретического описания становится возможным «гибридное со-действие человеческого и не-человеческого» [Там же, с. 51]. В рамках акторно-сетевой парадигмы агентность мыслится не как нечто незыблемое, а как что-то динамичное, реконфигурирующееся в зависимости от типов, мест и особенностей конкретных взаимодействий и взаимосвязей, как например это фиксирует Х. Томпсон [21, с. 235]. Это значит, что она довольно легко может делегироваться не-человекам. Описывая механизм такого делегирования, часто определяют его как передачу компетенций.

И. В. Напреенко отмечает: «Говоря семиотически, инженер совершает переключение своей компетенции, т. е. человеческих способностей, в вещь, подобно тому, как писатель переключает — отдаёт свой голос — героям. Вещь получает возможность действовать» [17, с. 112]. Таким образом, общество становится своего рода бесшовной агломерацией, где отношения между людьми укреплены и модифицированы технологическим опосредованием, что позволяет рассматривать его как сеть гетерогенных акторов [Там же]. Любопытный факт: в логике акторно-сетевой парадигмы отношения людей и не-человеков становятся реципрокными.

Результаты исследования и их обсуждение. Применим предложенную методологию к изучению взаимоотношений людей и не-человеков, рассматривая последних как цифровые объекты.

Первое, что следует из такого подхода, это понимание, что цифровые объекты наделены агентностью, как и люди, и природные объекты, и традиционные технологические объекты. Это означает, что они точно так же являются элементами сетей с распределённым действием (не только в узко техническом смысле, но и с точки зрения акторно-сетевой парадигмы), следовательно, точно так же цифровые не-человеки опосредуют отношения между людьми, становясь часто средой, в том смысле, как понимает это Ж. Симондон [9], для новых типов социальных отношений. Это позволяет исследователям говорить о формировании новых типов социальности [22; 23], которая сама

Gavrilina E. A.

по себе становится новым вызовом для философии и социальной теории. Более того, поскольку цифровой объект часто заметен людям лишь по результатам взаимодействия с ним, то, по сути, сам по себе цифровой объект становится неразличимым для человека и неотличимым от другого человека, действующего посредством цифрового объекта – не-человека. Так, например, в мессенджере мы не можем отличить сообщение, написанное человеком от текста, сгенерированного чат-ботом, или, получая приглашение перейти на какой-либо канал, мы не можем быть уверены, приглашает ли нас туда другой человек или фишинговая программа.

Видится несколько следствий такой неразличимости. Самое очевидное - это возросшее количество информации, которое нам приходится обрабатывать, перегружая нервную систему, - недаром специалисты говорят о возросшем уровне тревожности и формировании нового синдрома – FOMO (fear of missing out - страх упущенных возможностей). Например, об этом пишут Дж. Элхай и др. [24]. С другой стороны, лёгкость и технологическая доступность производства контента поставила новую задачу перед людьми - различение достоверной и фейковой информации. Для описания сложившейся ситуации уже используется новый концепт – постправда [25]. Фактически, перемещаясь в общество постправды, люди сталкиваются с тотальным релятивизмом информации и зачастую, чтобы сделать выбор и принять какое-либо решение в такой ситуации, они вынуждены отказываться от рациональных процедур, руководствуясь эмоциями и другими внерациональными основаниями, что создаёт пространство для манипулирования как отдельными людьми, так и общественным мнением.

Ещё одно следствие тотальной неразличимости людей и не-человеков в цифровом пространстве связано с тем, что привычные формы социального взаимодействия также переносятся в цифровую среду, и люди, с одной стороны, отрываясь от традиционных офлайновых социальных общностей, а, с другой, в силу присущего нам наивного антропоморфизма [26], наделяя не-человеков чертами людей¹, в итоге оказываются в социальной изоляции, что является прямой угрозой психическому здоровью людей.

Второе следствие связано с идеей делегирования агентности. Если люди переключают свою способность в не-человеческий (в данном случае цифровой) объект, то в ситуации разрушения сложившейся сети акторов, среди которых распределено действие, связанное с этой способностью, человек оказывается неспособным к самостоятельному совершению этого действия. Так, используя экзопамять (например, сохраняя номера телефонов в смартфоне), мы редуцируем собственную память (не тренируемся в запоминании данных, следовательно, ухудшаем функцию) и становимся неспособными позвонить в ситуации, когда батарея смартфона разряжена, даже при наличии физической возможности это сделать (например, когда другой человек предлагает нам воспользоваться его устройством). Такие технологические, в том числе цифровые объекты, Дж. Урри называет «малыми технологиями», которые, по его словам, «мы носим на себе или при себе, вплотную со своим телом. Они чуть ли не превращаются в органы тела» [27]. И они должны быть «подручными» для нас в хайдеггерианском понимании, что выводит их из горизонта рефлексии.

Люси Сачмен говорит о том, что появление программных агентов создаёт новое пространство для конфигурации отношений «человек - не-человек» и показывает, что «дискурсы информационных технологий склонны вычёркивать человеческий труд», делая его невидимым [28, с. 316], что потенциально чревато нарастанием эксплуатации человека за счёт использования цифровых аватаров и неразличимости людей и не-человеков в цифровой среде.

Любой технологический, в том числе цифровой, не-человек в силу реципрокности отношений в гибридных сетях делегирует нам модальность долженствования [17]. Чтобы гетерогенная сеть могла функционировать и производить действие, распределённое в ней, человек должен быть компетентным пользователем. Соответственно, усвоив данную модальность как доминантную при взаимодействии в гетерогенных сетях с цифровыми не-человеками, люди склонны переносить этот способ и на другие отношения, начиная мыслить о себе и других людях в категориях эффективности, оп-

¹ Наша история. - Текст: электронный // Реплика. – URL: https://replika.ai/about/story (дата обращения: 30.09.2022).

Гаврилина Е. А.

тимальности и различных дисциплинарных практик в духе М. Фуко [29].

Заключение. В результате проведённого анализа удалось показать эвристическую продуктивность акторно-сетевой парадигмы для исследования взаимоотношений людей и цифровых не-человеков. Ключевым в этом взаимодействии становится неразличимость цифровых объектов для человека, что приводит к весьма специфичным формам взаимодействия с ними, отличаясь от взаимодействия с привычными технологическими не-человечеческими агентами. Так, фиксируется рост тревожности населения, связанной с возросшим количеством обрабатываемой информации. Специалисты в области психического здоровья говорят также о появлении нового синдрома - страха пропустить что-то существенное, важное, что тоже способствует нарастанию тревоги. Неразличимость цифровых не-человеков для людей приводит к формированию новых форм социальности и появлению новых общественных феноменов, например, постправды.

Существенным следствием распространения цифровых агентов становится ограниченность человеческих действий при разрушении сложившихся акторных сетей, но сам факт этих ограничений выходит за горизонт человеческой рефлексии, так как цифровые технологии функционируют часто как «малые технологии», как их называет Дж. Урри. Кроме того, за счёт использования цифровых не-человеков растёт риск нарастания эксплуатации человека - в настоящее время отмечается, что использование цифровых технологий делает человека вовлечённым в трудовую деятельность 24/7, разрушая привычную структуру рабочего и личного времени. Это происходит за счёт доминирования модальности долженствования в социоматериальных системах и распространения её во все сферы человеческой жизни. Таким образом, люди и артефакты, в том числе в форме цифровых объектов, создавая социоматериальные сети, взаимно конституируют друг друга.

Исследования взаимодействия людей и цифровых не-человеков только конституируются, но они совершенно необходимы для изучения происходящих социальных изменений, потому что мы впервые оказались в ситуации, когда развитие цифровых технологий происходит так быстро, что человеческие возможности не позволяют нам адаптироваться к данным изменениям также быстро. Чтобы избежать негативных следствий, необходимо еще на этапе проектирования социоматериальных систем, включающих цифровых не-человеков, учитывать социальные и психологические основы.

Список литературы

- 1. Hui Y. What is a digital object? // Metaphilosophy. 2012. Vol. 43, no. 4. Pp. 380–395.
- 2. Гаврилина Е. А. Редукция человеческой агентности в технологическом контексте // Философия науки и техники. 2022. № 4. (В печати).
- 3. Маркс К. Капитал // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. 907 с.
- 4. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. URL: https://www.marxists.org/ebooks/marcuse/one-dimensional-man.pdf (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.
- 5. Mumford L. The myth of the machine. URL: https://archive.org/details/mythofmachine00lewi (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.
- 6. Spengler O. Der Mensch und die Technik. URL: https://archive.org/details/SpenglerOswaldDerMenschUndDieTechnik193152Doppels.Scan (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.
- 7. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. URL: https://archive.org/details/dieatombombeundd0000jasp (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.
- 8. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
- 9. Simondon G. On The Mode of Existence of Technical Objects. Washington: Published by Univocal Publishing, 2010. 294 p.
- 10. Скопин Д. А. Критика гилеморфизма и вопрос о технике у Жильбера Симондона и Мартина Хайдеггера // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 201–210. DOI: 10.31857/S004287440001161-2.
- 11. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 316–327.
- 12. Hui Y. On the existence of digital objects / Y. Hui; foreword by Bernard Stiegler(Electronic mediations). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. 332 p.

- Gavrilina E. A.
- 13. Кнэхт Н. П. Жильбер Симондон как предвестник «эмансипации техники» // Пятые Декартовские чтения «Декартовский дуализм и современная картина мира»: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва – Зеленоград, 15–16 ноября 2018 г.) / под общ. ред. А. И. Пирогова, Т. В. Растимешиной. М.: Московский институт электронной техники; Зеленоград, 2018. С. 106-110.
- 14. Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. № 1. С. 1-40.
- 15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
- 16. Ерофеева М. А. О возможности акторно-сетевой теории действия. Текст: электронный // Социология власти. 2015. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-aktorno-setevoy-teoriideystviya (дата обращения: 20.09.2022).
- 17. Напреенко И. В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? Текст: электронный // Социология власти. 2015. № 1. URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/delegirovanie-agentnosti-v-kontseptsii-bruno-latura-kak-sobrat-gibridnyy-kollektivkiborgov-i-antropomorfov (дата обращения: 20.09.2022).
- 18. Дейнека А. В. Антропология Модерна как методологическая рамка анализа теорий социального действия. Текст: электронный // Universum: общественные науки. 2017. № 11. URL: http://7universum.com/ ru/social/archive/item/5242 (дата обращения: 20.09.2022).
- 19. Головашина О. В. От интерсубъективности к интеробъективности: социальная онтология времени. М.: Аквилон, 2019. 336 с.
- 20. Harman G. Speculative Realism: An Introduction / by arrangement with Polity Press Ltd. Cambridge, 2019. 190 p.
- 21. Томпсон Х. Агентность, опосредованная объективацией: субъектность и технологии. Текст: электронный // Логос. 2018. № 5. URL: https://logosjournal.ru/articles/387203/ (дата обращения: 20.09.2022).
- 22. Malsch T., Schulz-Schaeffer I. Socionics. Sociological Concepts for Social Systems of Artificial (and Human) Agents // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2007. No. 10.
- 23. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: кономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35–47. DOI: 10.14515/ monitoring.2019.6.03.
- 24. Elhai J. D., Levine J. C., Dvorak R. D., Hall B. J. Fear of missing out, need for touch, anxiety and depression are related to problematic smartphone use // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 63. Pp. 509-516.
- 25. Fuller S. Post-Truth: Knowledge As A Power Game (Key Issues in Modern Sociology). New York: Anthem Press, 2018. 218 p.
- 26. Кловайт Н. Рефлексивный антропоморфизм: неведение онтологии или невежественная онтология? // Социологический журнал. 2018. № 1. С. 8–33. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5711.
 - 27. Urry J. What is the future? Cambridge: Polity, 2016. 226 p.
- 28. Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы, 2019. 488 с.
- 29. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. URL: http://www.e-reading.club/book. php?book=95796 (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.

Сведения об авторе

Гаврилина Елена Александровна, кандидат философских наук, доцент; Институт научной информации по общественным наукам РАН: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана: 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, стр. 4; e-mail: qavrilina@inion.ru; qavrilina@bmstu.ru; https:// orcid.org/0000-0002-6077-3879.

Для цитирования

Гаврилина Е. А. Взаимодействие людей и не-человеков: особенности цифрового дискурса // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 16–23. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-16-23.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

References

- 1. Hui Y. What is a digital object? Metaphilosophy, no. 4, pp. 380–395, 2012. (In Engl.)
- 2. Gavrilina, E. A. Reduction of human agency in a technological context. Philosophy of Science and Technology, no. 4, 2022. (in print) (In Rus.)
- 3. Marx, K. Capital. In: K. Marx, F.Engels. Essays. Second edition. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1960. Vol. 23. (In Rus.)

Гаврилина Е. А.

- 4. Marcuse, H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Web. 20.09.2022. https://www.marxists.org/ebooks/marcuse/one-dimensional-man.pdf (In Engl.)
- 5. Mumford, L. The myth of the machine. Available from: https://archive.org/details/mythofmachine00lewi. Web. 20.09.2022. (In Rus.)
- 6. Spengler, O. Der Mensch und die Technik. Web. Web. 20.09.2022. https://archive.org/details/SpenglerOswaldDerMenschUndDieTechnik193152Doppels.Scan (In Germ.)
- 7. Jaspers, K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Web. 20.09.2022. https://archive.org/details/dieatombombeundd0000jasp (In Germ.)
- 8. Heidegger, M. The question of technology. Time and Being: Articles and speeches: Translated from German. M: Republic, 1993: 221–238 (In Rus.)
- 9. Simondon, G. On The Mode of Existence of Technical Objects. Washington: Published by Univocal Publishing. (In Engl.)
- 10. Skopin, D. A. Criticism of hylomorphism and the question of technique in Gilbert Simondon and Martin Heidegger. Questions of Philosophy, no. 10, pp. 201–210, 2018. DOI: 10.31857/S004287440001161-2 (In Rus.)
- 11. Heidegger, M. Thing. Time and being: Articles and speeches: Trans. from German. M: Republic, 1993: 316–327. (In Rus.)
- 12. Hui, Y. On the existence of digital objects / Yuk Hui; foreword by Bernard Stiegler (Electronic mediations; 48). Published by the University of Minnesota Press, 2016. (In Engl.)
- 13. Knecht, N. P. Gilbert Simondon as a harbinger of the "emancipation of technology". Fifth Cartesian readings "Cartesian dualism and the modern picture of the world": Materials of the International scientific and practical conference, Moscow Zelenograd, November 15–16, 2018 / Under the general editorship of A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina. Moscow Zelenograd: National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", 2018: 06–110. (In Rus.)
- 14. Pisarev, A., Astakhov, S., Gavrilenko, St. Actor-network theory: Incomplete assembly. Logos, no. 1, pp. 1–40, 2017. (In Rus.)
 - 15. Latour, B. Reassembling the social: An introduction to actor-network theory. M: 2014. (In Rus.)
- 16. Erofeeva, M. On the possibility of an actor-network theory of action. Sociology of power, no. 4, 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-aktorno-setevoy-teorii-deystviya. Web. 20.09.2022. (In Rus.)
- 17. Napreenko, I. V. (2015) Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: how to assemble a hybrid team of cyborgs and anthropomorphs? Sociology of Power, no. 1, 2015. Web. 20.09.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/delegirovanie-agentnosti-v-kontseptsii-bruno-latura-kak-sobrat-gibridnyy-kollektiv-ki-borgov-i-antropomorfov (In Rus.)
- 18. Deineka, A. V. Anthropology of Modernity as a methodological framework for the analysis of theories of social action. Universum: Social Sciences: electron. scientific. Journal, no. 11, 2017. Web. 20.09.2022. URL: http://7universum.com/ru/social/archive/item/5242 (In Rus.)
- 19. Golovashina, O. V. From intersubjectives to interobjectives: social ontology temporal. Moscow: Aquilon, 2019. (In Rus.)
- 20. Harman, G. Speculative Realism: An Introduction. Published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge, 2019. (In Engl.)
- 21. Thompson, Ch. Agency through Objectification: Subjectivity and Technology. Logos, no. 5, 2018. Web. 20.09.2022. URL: https://logosjournal.ru/articles/387203 (In Rus.)
- 22. Malsch, Thomas and Schulz-Schaeffer, Ingo. Socionics: Sociological Concepts for Social Systems of Artificial (and Human) Agents. Journal of Artificial Societies and Social Simulation, no. 10, 2007. Web. 20.09.2022. URL: http://jasss.soc.surrey.ac.uk/10/1/11.html (In Engl.)
- 23. Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. "Artificial intelligence", "online culture", "artificial sociality": definition of concepts. Public opinion monitoring: economic and social changes, no. 6, pp. 35–47, 2019. https://doi.org/10.14515/ monitoring.2019.6.03 (In Rus.)
- 24. Jon, D. Elhai, Jason, C. Levine, Robert, D. Dvorak, Brian, J. Hall, Fear of missing out, need for touch, anxiety and depression are related to problematic smartphone use, Computers in Human Behavior, vol. 63, pp. 509–516, 2016. (In Engl.)
- 25. Fuller, S. Post-Truth: Knowledge As A Power Game (Key Issues in Modern Sociology). published in UK and USA by Anthem Press, 2018. (In Engl.)
- 26. Klowait, N. (2018) Reflexive anthropomorphism: ignorance of ontology or ignorant ontology? Sociological Journal, no. 1, pp. 8–33, 2018. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5711(In Rus.)
 - 27. Urry, J. What is the future? Cambridge: Polity, 2016. (In Engl.)
- 28. Suchman L. Human-machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions. M.: Elementary forms, 2019. (In Rus.)
- 29. Foucault, M. Discipline and Punish]. Web. 20.09.2022. URL: http://www.e-reading.club/book.php?-book=95796 (In Rus.)

Gavrilina Elena A., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Bauman Moscow State Technical University; 4 building 5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russia, e-mail: gavrilina@inion.ru; gavrilina@bmstu.ru; https://orcid.org/0000-0002-6077-3879.

For citation

Gavrilina E. A. The Humans and Non-Humans Interaction: the Features of Digital Discourse // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 16–23. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-16-23.

Received: October 2, 2022; approved after reviewing October 28, 2022; accepted for publication October 31, 2022.

Попова А. А.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 316.73

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-24-31

Ценностная парадигма будущего: биоконсерватизм или трансгуманизм?

Анна Алексеевна Попова

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия popovaaa@bmstu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9029-7482

Экспоненциальный рост технологий и быстрые темпы внедрения этих технологий актуализируют дискуссию о том, как будут меняться ценности человека в будущем и какая из новых концепций трансгуманизма или биоконсерватизма ближе всего к объяснению и конструированию данных процессов. В статье даётся сравнение основных ценностных установок траснгуманизма и биоконсерватизма как диаметрально противоположных концепций отношения к природе человека и возможности её корректировки. В исследовании автор, используя вторичные данные опроса по ценностным ориентирам россиян с помощью сравнительного анализа и аналитического метода, формирует свою модель распределения ценностей трансгуманима и биоконверватизма по двум категориям – ценности сохранения и ценности развития. На основе изучения распределения выборов респондентов устанавливается, что ценности трансгуманизма, обозначенные как ценности развития, не являются актуальными для россиян. Ценность данного анализа заключается в попытке выхода за теоретические рамки данной проблематики с помощью инструментальных методов. Автор приходит к выводу, что перспективными в будущем могут стать разработки, соединяющие эмпирические данные и их философско-теоретический анализ. В статье акцентируется внимание на том, что различия в ценностных установках людей разных сообществ и культур могут стать непреодолимым препятствием для формирования глобальной однородной ценностной парадигмы в будущем, соответственно, опасения, что одна из представленных концепций станет определяющей на данном этапе развития общества, кажутся преждевременными и необоснованными. Интерес к идеям трансгуманизма и биоконсерватизма как к ответу на переход к NBICS-технологиям будет расти, однако, по мнению автора, изменение ценностной системы общества в соответствии с одной из концепций если и будет происходить, то очень медленно, учитывая приверженность большинства респондентов к традиционным ценностям.

Ключевые слова: трансгуманизм, биоконсерватизм, ценности, аксиологический подход, традиционные ценности, будущее

Original article

The Value Paradigm of the Future: Bioconservatism or Transhumanism? Anna A. Popova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia popovaaa@bmstu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9029-7482

The exponential growth of technologies and the rapid pace of the introduction of these technologies actualizes the discussion about how human values will change in the future and which of the new concepts of transhumanism or bioconservatism is the closest to explaining and constructing these processes. The article compares the basic values of transhumanism and bioconveratism as diametrically opposed concepts of attitude to human nature and the possibility of its correction. The author uses secondary survey data on the value orientations of the Russians in the study and forms her model of the distribution of values of transhumanism and bioconveratism in two categories - values of conservation and values of development. Based on the study of the distribution of respondents' choices, we established that the values of transhumanism designated as the values of development are more relevant for the Russians than the values of conservation (bioconservatism). The value of this research lies in an attempt to go beyond the theoretical framework of research on this issue with the help of instrumental methods. The author concludes that studies combining empirical data and their philosophical and theoretical analysis may become promising in the future. The article focuses on the fact that differences in the value attitudes of people of different communities and cultures can become insurmountable obstacles to the formation of a global homogeneous value paradigm in the future. One of the concepts presented might become decisive at this stage of society's development, which seems premature and unfounded. Interest in the ideas of transhumanism and bioconservatism as a response to the transition to NBICS technologies will grow. However, the author thinks that the change in the value system of society in accordance with one of the concepts may happen very slowly, the traditional values may prevail.

Keywords: transhumanism, bioconservatism, values, axiological approach, traditional values, future
© Попова А. А.. 2022

Введение. Стремительное развитие общества нового типа, основанного на высоких технологиях, актуализирует проблему изучения новых антрополого-аксиологических подходов к пониманию и конструированию ценностной парадигмы мира будущего. Диаметрально противоположные идеи таких представлений отражены в концепциях трансгуманизма и биоконсерватизма в статьях С. С. Мерзлякова «Постгуманизм vs трансгуманизм: от "конца исключительности" к "технологическому гуманизму"» [1], в работах Т. Бокедал «Ценности трансгуманизма в свете образования» [2], Ю. С. Сонга «Маргинализация и трансцендентность в трансгуманизме» [3], А. Е. Шуслера «Мы все будем киборгами» [4] и других статьях [5; 6]. Если ценности актуализируются в деятельности человека на уровне мотивации и на уровне ожидаемого результата, то важным становится определение системы моральных координат, в соответствии с которыми человек будет осуществлять свою деятельность. Вместе с тем как она будет оцениваться обществом в целом, так как система ценностей - механизм нашей адаптации к окружающему социальному миру: «конкурентный процесс культурной эволюции заставляет нас выбирать те ценности, которые наиболее полезны при конкретном способе извлечения энергии, вне зависимости от того, как мы к ним относимся» [7, с. 48]. Экспоненциальный рост научно-технического прогресса формирует новую реальность и меняет не только структуру экономики, производства, окружающую среду, но и самого человека, в связи с чем появление новых концепций, основанных на примате высоких технологий и широком внедрении их в повседневную жизнь, остро ставит вопрос об изменении структуры самого ценностного ядра общества и его влияния на будущее человечества. Кто мы и куда мы идём? В соответствии с какой системой ценностей будем осуществлять свою деятельность в ближайшем будущем? Такого рода вопросы становятся определяющими в поиске той социально-философской концепции или идеологии, которые помогут определить изменения ценностной парадигмы человека в настоящее время, чтобы сконструировать модель возможного будущего развития.

Трансгуманизм зародился в недрах научной фантастики как идея совершенствования человека с помощью технологий аугментации, а именно - биомехатроники человеческого тела и его последующей киборгизации. В массовой культуре идеи быстро получили распространение в книгах, фильмах, сериалах и компьютерных играх. С развитием информационного общества идеи трансгуманизма становятся философской концепцией: в 1998 г. основывается Всемирная ассоциация трансгуманистов, которая в 2000 г. открывает в России филиал – Российское трансгуманистическое движение. В настоящее время существует немало организаций, поддерживающих идеи трансгуманизма - «Всемирная трансгуманистическая организация», «Институт будущего человечества», «Институт экстропии», «Институт этики и новых технологий», «Институт Форсайт Нанотех», Betterhumans.

Основоположники И последователи трансгуманизма, по А. Фарману¹ (М. Миски, Г. Моравек, Р. Курцвейл, Н. Бостром, Д. Пирс, Ф. М. Сфендиари, Р. Эттингер, М. Мур, Н. Вита-Мор, В. С. Виндж, И. В. Вишев, В. В. Удалова (В. Прайд), Э. Ш. Юдковский, Р. Прайтс, П. Фридман, Н. Ф. Фёдоров), развивают идею об изменении природы человека с помощью технологий, по сути, изменении ценностной парадигмы всего общества. Так, один из главных идеологов движения Ник Бостром формулирует новые ценности, основанные на идеях трансгуманизма [8]. Автор определяет главной ценностью нового мира наличие возможности изучать трансчеловеческие и постчеловеческие сферы через внедрение биотехнологий и генетических изменений в природу самого человека. К важным ценностям он относит также глобальную безопасность, технологический прогресс, широкий доступ к технологиям, прагматизм, инженерный и предпринимательский дух, науку и разнообразие (виды, расы, религиозные верования, сексуальная ориентация, стиль жизни и т. д.). Исследователь постулирует идею о том, что нет ничего плохого, что человек вмешивается в природу и реализует индивидуальный выбор в использовании улучшающих технологий, однако нужно соблюдать ряд этических условий для того, чтобы данные процессы проходили с позитивным результатом.

Н. Бостром определяет в качестве таких этических условий мир, международное сотрудничество, противодействие распро-

¹ Farman A. Transhumanism // Cambridge Encyclopedia of Anthropology. – 2022. – Vol. 26. – P. 209.

Попова А. А.

странению оружия массового уничтожения, улучшение понимания (здесь он подразумевает поощрение научного интереса и общественных дебатов; критическое мышление; непредубеждённость, научные изыскания; открытое обсуждение будущего) и готовность пересматривать ошибочные допущения по мере продвижения. Позже представление о ценностях данного движения было скорректировано и задекларировано в новой версии Манифеста трансгуманизма, созданной Наташей Вита-Мор в 2020 г. Фокус внимания был перемещён от научного развития и развития высоких технологий к конкретным витальным ценностям, таким как здоровое долголетие (экстремальное продление жизни), генетическая свобода, сохранение экологии, гуманизм, равноправие, защита животных и гражданские права, образование, отсутствие дискриминации по любым основаниям¹.

Отметим, что российские авторы тоже высказывают опасения в связи с активным интересом научного сообщества к темам совершенствования природы человека, например, Ю. В. Гаврилова и М. В. Привалова в статье «Евгенические проекты в ракурсе проблем будущего человечества» говорят о реальных опасностях новых технологий: «Изучение научных открытий в данной области побуждает считать вполне допустимым то, что раньше вызывало только отторжение, например теории трансгуманистов о создании генно-модифицированного человека путём введения генных вакцин; рассуждения о том, какие возможности открывают опыты с экстракорпоральным оплодотворением (ЭКО), в отношении которых трансгуманисты требуют снятия всех запретов; создание специализированных "банков" спермы (Роберт К. Грехем), где путём глубокого замораживания будет сохраняться биологический материал нобелевских лауреатов (считается, что оплодотворение ею женщин - путь к совершенствованию человеческого генофонда). Вчерашняя фантастика становится реальностью» [9].

Высказанные трансгуманистами радикальные идеи «игры в Бога» привлекли внимание и критику Ф. Фукуямы, выразившего опасения, что «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [10, с. 218]. Опасения исследователя разделяют многие ученые и простые обыватели в рамках идеи идентичности и киборгизации человека. Основная проблема противостояния биоконсерватизма и трансгуманизма актуализируется не так давно, начиная с 2020 г., когда появляются идеи о том, что это две противоположные позиции в научном рассмотрении природы отношений человека и технологий с упором на биотехнологии. Опасения биоконсерваторов связаны с тем, что технологические достижения могут изменить или уничтожить традиционные представления о человеке. Например, его ценность, как уникального индивида может быть нивелирована из-за генетической модификации.

В работе «Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биологического конструирования» О. В. Попова рассматривает проблему улучшения человека и потери его идентичности в связи с этим: «Основополагающей гипотезой дискурса о неидентичности в контексте развития технологий улучшения человека является высказывание о том, что улучшение индивида (например, методами редактирования генома с целью предотвращения нежелательных заболеваний или усиления определённых качеств личности), изменяя в лучшую сторону качество жизни, тем не менее создаёт нового индивида, не идентичного прежнему, лишая первого права на жизнь и не давая состояться по-своему уникальному акту рождения» [11, с. 266-267].

Исследователя поддерживает профессор истории Майкл Босс в книге "Make Way for the Superhumans": «Основные мотивы деятельности человека сместятся с внутренних и возвышенных целей на желание не проиграть в гонке за химически улучшенной версией самого себя... Однако нам необходимо быть осторожными с использованием такого рода продуктов, поскольку они изменяют ключевые аспекты индивидуальности человека. Сами того не осознавая, мы впадаем в инструментальный способ мышления, который сводит человека к сумме его измененных или неизмененных черт. Мы можем упустить из вида внутреннюю

¹ Манифест трансгуманизма. — URL: https://www.humanityplus.org/the-transhumanist-manifesto. (дата обращения: 10.07.2022). — Текст: электронный.

Popova A. A.

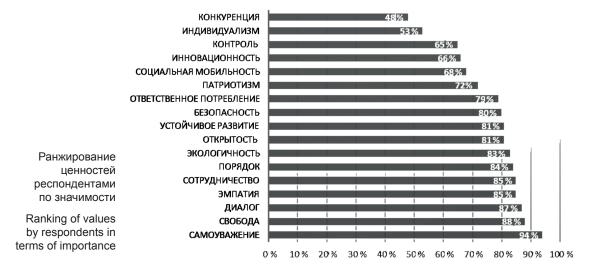
ценность и достоинство человека и начать сравнивать людей, как если бы они были подержанными автомобилями на стоянке» [12]. Такого рода дискуссии анализируют проблему идентичности и индивидуальности человека и логичного процессуального вопроса «Кто же тогда мы, если нас можно в любой момент отредактировать?». Какие скрытые угрозы заложены в идее гибридизации человека? [13].

Методология и методы исследования. Для понимания изменения ценностных ориентаций современного человека и определения вектора их развития в сторону трансгуманизма или биоконсерватизма, была выдвинута гипотеза о том, что ценности на данном этапе развития российского общества ближе к идеям биоконсерватизма, а ценности трансгуманизма не настолько актуальны, как представляют их в массовой культуре и в работах футурологов. В ходе работы над поставленной проблемой применён метод анализа вторичных данных, сравнительный анализ и аналитический метод для формулирования полученных результатов. Для подтверждения гипотезы ценности трансгуманизма и ценности биоконсерватизма были условно разделены на ценности сохранения (биоконсерватизм) и ценности изменения (трансгуманизм) по схеме распределения ценностей Б. Г. Юдина [14]. Базовым проектом для анализа вторичных данных выбран аналитический опрос Центра стратегических разработок и АНО «Национальные приоритеты» «Ценностные ориентиры россиян и их соответствие приоритетам развития государства» (Национальные приоритеты, июль 2020 г.)¹, в ходе которого реализован метод сбора уникальных данных: всероссийский опрос (смешанный метод - онлайн и САТІ, компьютеризированное телефонное интервью) для труднодоступных территорий. Выборка опроса составила 4 800 человек по многоступенчатой квотированной выборке. Для реализации целей данной работы выбрали блок «Ценности будущего: вектор развития» и «Образ жизни человека в России через призму ценностей» с выборкой не менее 1 600 человек. Все ценности из базового аналитического проекта распределили по двум категориям - ценности развития (Р) и ценности сохранения (С) (табл. 1).

Таблица 1 Ценности сохранения и ценности развития

Ценности сохранения (C)	Ценности развития (P)
Эмпатия	Индивидуализм
Сотрудничество	Свобода
Безопасность	Открытость
Сильная вертикаль власти	Диалог
Порядок	Инновационность
Самоуважение	Социальная мобиль-
Патриотизм	Самоуправление
Устойчивое развитие	Экологичность
Ответственное потре- бление	Конкуренция

После распределения ценностей по двум категориям провели контент-анализ результатов опроса национального проекта. Распределение ценностей россиян представлено на рисунке.

¹ Центр стратегических разработок. – URL: https://www.csr.ru/ru (дата обращения: 10.07.2022). – Текст: электронный.

Попова А. А.

На следующем этапе анализа данных провели сравнительный анализ табл. 1 и рисунка для определения того, какие ценности на данный момент являются ведущими в жизни россиян - ценности развития или ценности сохранения, соответственно, какая концепция в ближайшем будущем будет формировать ценностную парадигму общества – трансгуманизм или биоконсерватизм?

Ценности сохранения и ценности развития сформированы в соответствии с авторским видением, однако данное распределение базировалось на том, каким смысловым содержанием ценности наделены в анализируемом опросе. Например, «эмпатия» определена как ценность сохранения, исходя из ориентации на других (табл. 2).

Таблица 2

Пояснение характеристик ценностей

Ценность	Пояснение
Индивидуализм	Интересы отдельной личности выше интересов общества
Свобода	Возможность человека определять свои действия: свобода мысли, выбора, слова, свобода принятия решений
Открытость	Доступность информации, знаний, технологий; прозрачность действий организационных структур
Контроль	Наблюдение и проверка управляемых систем (процессов, людей)
Диалог	Возможность слышать и быть услышанным
Эмпатия	Эмпатия Сопереживание другим людям
Сотрудничество	Сотрудничество Совместная деятельность, в результате которой все стороны получают ту или иную выгоду
Безопасность	Защищённость жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз
Инновационность	Постоянное внедрение изменений и новых методов работы
Сильная вертикаль власти	Жёсткая управляемость, иерархия и подотчётность
Социальная мобильность	Возможность для изменения своего положения в обществе (карьерные возможности и др.)
Самоуправление	Право и способность человека или сообщества управлять самим собой
Экологичность	Бережное отношение к природе и окружающей среде
Порядок	Гармоничное, ожидаемое, предсказуемое состояние
Самоуважение	Чувство собственного достоинства, отношение человека к себе как к личности
Ответственное потребление	Использование природных ресурсов в рамках удовлетворения только лишь необ- ходимых потребностей
Устойчивое развитие	Развитие, учитывающее будущие потребности
Конкуренция	Борьба за достижение преимуществ
Патриотизм	Патриотизм

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведённого анализа приходим к выводу, что ценности сохранения, такие как безопасность (80 %), порядок (84 %), сотрудничество (85 %) и самоуважение (94 %) актуальны для респондентов и имеют большое значение, а ценности развития - конкуренция (48 %), индивидуализм (53 %), инновационность (66 %) и социальная мобильность (68 %) - остаются невостребованными. Таким образом, мы можем предположить, что на данный момент, по крайней мере в России, превалируют традиционные ценности, направленные на сохранение природы человека, вместе с тем ценности изменения как основания трансгуманизма остаются на данном этапе не так востребованы.

Стоит отметить, что в блоке проекта по ценностям будущего мы видим, что респонденты в качестве ценностей, которые нуждаются в развитии, определяют устойчивое развитие (81 %), экологичность (83 %) и безопасность (80 %). Данные подтверждают общую идею о том, что сохранение базовых ценностей для современного человека важнее стремления к их изменению.

Вопрос о том, каким мир будет в будущем и какие ценности будут его определять, один из самых неоднозначных в научном сообществе. С одной стороны, традиционные ценности, которые являются ведущими для

Popova A. A.

многих сообществ и стран мира, не теряют своей актуальности и значимости в современном мире, с другой – четвёртая промышленная революция актуализирует поиск новых идей и оснований жизни человека. Редукция мировых ценностей к одной парадигме как правило невозможна, исходя из этнических, социальных, религиозных различий между людьми. Как отмечает Н. Д. Субботина, «ещё один аспект проблемы состоит в том, что ценности некоторых групп могут кардинально отличаться от общечеловеческих. Например, для исламских экстремистов жизнь ценности не представляет, да и для христианской религии более ценным считается не жизнь, а загробное существование. Поэтому можно сказать, что в "чистом" виде общечеловеческие ценности есть лишь результат рефлексии мыслителей-гуманистов, разделяемый далеко не всеми» [15, с. 135]. Соответственно, размышления о том, какой тип ценностей в будущем будет превалирующим, носят, скорее, дискутивный характер. Возможно, методология и методы, выбранные в статье для анализа вектора изменения ценностных ориентаций, в будущем не полностью отражают и раскрывают выбранную тему, но и сама тема требует новых алгоритмов и методов анализа, так как практически все публикации, освещающие тему трансгуманизма, постгуманизма, биолиберализма и биоконсертватизма, лежат в плоскости теоретических работ и не используют инструменты эмпирического анализа, такие как экспертные интервью, фокус-группы, опросы. Качественный анализ проблемы формирования ценностной парадигмы будущего возможен в междисциплинарной плоскости научного поиска.

Заключение. Идеи улучшения человека с помощью биотехнологий, генной инженерии, киборгизации отдельных частей тела (не по медицинским показаниям, а для усиления своих способностей) с развитием научно-технического прогресса кажутся уже более реальными, чем несколько лет назад. Идеи трансгуманизма привлекают всё большее число адептов в свои сообщества, однако не стоит забывать, что у человека уже есть традиционные инструменты для изменения себя – Т. К. Броун и С. Кларк говорят о том, что человечество может самосовершенствоваться, используя уже имеющиеся традиционные методики: «к ним относятся личный самоанализ, нравственное воспитание, совершение добрых дел, согласованные усилия, медитация и религиозность» [16]. В то же время страх перед новым технологичным миром усиливает позиции биоконсерватизма и риторику сохранения традиционной ценностной парадигмы общества. Как мы видим, современные россияне ориентированы больше на ценности сохранения и традиционного представления о допустимых границах взаимодействия с новыми технологиями. По оценкам компании, которая занимается биохакингом, на данный момент только от 50 до 100 тыс. человек решились на вживление чипов¹, что говорит о большом недоверии аудитории к технологиям улучшения, требующим нарушения целостности тела человека. Возникновение любой технологии такого типа требует теоретического и эмпирического анализа до этапа внедрения в массовое пользование.

Остаётся вопрос о том, какая ценностная парадигма станет актуальной в будущем трансгуманизм или биоконсерватизм? Мир трансгуманизма больше пока реализуется в образах массовой культуры, похожую точку зрения высказывают Р. Раниш и С. Согнер: «Трансгуманизм сегодня является лозунгом для различных культурных, политических, философских или цифровых движений, продвигающих технофутуристические видения о трансгрессии биологии человека» [17, с. 7]. В связи с этим опасения о наступлении мира киборгов и биороботов вместо людей кажутся преждевременными и необоснованными. Традиционная система ценностей, сформированная в русской культуре и выраженная в мировоззрении современного человека, ещё не готова принять новые ценностные ориентации и установки трансгуманизма.

Список литературы

- 1. Мерзляков С. С. Постгуманизм vs трансгуманизм: от «конца исключительности» к «технологическому гуманизму» // Общественные науки и современность. 2022. № 4. С. 33–46. DOI: 10.31857/ S0869049922040037.
- 2. Bokedal T. "Someone'versus 'something": A reflection on transhumanist values in light of education // Journal of Philosophy of Education, 2022. Vol. 56, is. 2. Pp. 227–237 DOI: 10.1111/1467-9752.12628.

¹ Dangerous things. – URL: https://dangerousthings.com (дата обращения: 10.07.2022). – Текст: электронный.

- 3. Song Y. S., Geraci R. M. Marginalization and transcendence in transhumanism and minjung theology. Текст: электронный // Zygon. 2022. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/zygo.12834 (дата обращения: 16.07.2022).
- 4. Schussler A. E. We Have Always Been Cyborgs. Digital Data, Gene Technologies and an Ethics of Transhumanism // Nanoethics/ 2022. Vol. 16. Pp. 7–11. DOI: 10.1007/s11569-022.
- 5. Guerreiro J. et al. Transhumanism and Engagement-Facilitating Technologies in Society // Journal of Promotion Management. Vol. 28, no. 5. 2022. Pp. 537–558.
- 6. Tumilty E., Battle-Fisher M. (ed.). Transhumanism: Entering an Era of Bodyhacking and Radical Human Modification. Springer Nature, 2022. 245 p.
- 7. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности? М.: Институт экономической политики имени Е. Гайдара, 2017. 488 с.
- 8. Bostrom N. A history of transhumanist thought Текст: электронный // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14, is. 1. April. URL: https://nickbostrom.com/papers/history.pdf (дата обращения: 16.08.2022).
- 9. Гаврилова Ю. В., Привалова М. В. Евгенические проекты в ракурсе проблем будущего человечества // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. DOI: 10.24158/fik.2017.12.5.
- 10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. 349 с.
- 11. Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биологического конструирования: монография. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 336 с.
- 12. Bess M. Make Way for the Superhumans: How the science of bio enhancement is transforming our world, and how we need to deal with it. UK: Kindle Edition, 2017. 320 p.
- 13. Кожевникова М. Гибрид и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М.: ИФРАН, 2017. 151 с.
- 14. Юдин Б. Г. Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма. Текст: электронный // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: материалы секционных заседаний и дискуссий XIII Международных Лихачёвских научных чтений (16–17 мая 2013 г.). СПб.: С.-Петерб. гум. ун-т профсоюзов, 2013. С. 196–200. URL: https://www.lihachev.ru/chten/8338/8847/8848/ (дата обращения: 16.07.2022).
- 15. Субботина Н. Д. Трудности реализации принципов практического гуманизма (к 50-летию публикации статьи Гаррета Хардина «Трагедия ресурсов общего пользования») // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-132-141.
- 16. Browne T. K., Clarke S. Bioconservatism, bioenhancement and backfiring // Journal of Moral Education. 2009. Vol. 49, no. 2. Pp. 241–256. DOI: 10.1080/03057240.2019.1576125.
- 17. Ranisch R., Sorgner S. L. Introducing Post- and Transhumanism // Ranisch R., Sorgner S. L. (Eds.) Post- and Transhumanism. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 313 p.

Информация об авторе

Попова Анна Алексеевна, кандидат философских наук; Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана; 105005, Россия, г. Москва, 2-я Бауманская, 5; e-mail: popovaaa@bmstu.ru; https://orcid.org/0000-0001-9029-7482.

Для цитирования

Попова А. А. Ценностная парадигма будущего: биоконсерватизм или трансгуманизм? // Гуманитарный вектор. 2022.Т. 17, № 4. С. 24–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-24-31.

Статья поступила в редакцию 20.08.2022; одобрена после рецензирования 25.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

References

- 1. Merzlyakov, S. S. Posthumanism vs. transhumanism: from the "end of exclusivity" to "technological humanism". Social Sciences and Modernity, no. 4, pp. 33–46, 2022. DOI: 10.31857/S0869049922040037. (In Rus.)
- 2. Bokedal, T. 'Someone' versus 'something': A reflection on transhumanist values in light of education. Journal of Philosophy of Education, vol. 56, pp. 227–237, 2022. DOI: 10.1111/1467-9752.12628. (In Engl.)
- 3. Song, Y. S., Geraci, R. M. Marginalization and transcendence in transhumanism and minjung theology. Zygon, 2022. Web. 16.08.2022. https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/zygo.12834. doi.org/10.1111/zygo.12834. (In Engl.)
- 4. Schussler, A. E. We Have Always Been Cyborgs. Digital Data, Gene Technologies, and an Ethics of Transhumanism. Nanoethics 16, 7–11 (2022). DOI:10.1007/s11569-022-00414-1. (In Engl.)
- 5. Guerreiro, J. et al. Transhumanism and Engagement-Facilitating Technologies in Society. Journal of Promotion Management, no. 5, pp. 537–558, 2022. (In Engl.)

- Popova A. A.
- 6. Tumilty, E., Battle-Fisher, M. (ed.). Transhumanism: Entering an Era of Bodyhacking and Radical Human Modification. Springer Nature, 2022. (In Engl.)
- 7. Morris, I. Gatherers, farmers and fossil fuels. How are human values changing? M: Publishing House of Gaidar Institute of Economic Policy, 2017. (In Rus.)
- 8. Bostrom, N. A history of transhumanist thought. Journal of Evolution and Technology, vol. 14, issue 1, April 2005. Web. 10.07.10.2022. https://nickbostrom.com/papers/history.pdf (In Engl.)
- 9. Gavrilova, Yu. V., Privalova, M. V. Eugenic projects in the perspective of the problems of the future of mankind. Society: philosophy, history, culture, no. 12. DOI: 10.24158/fik.2017.12.5 (In Rus.)
- 10. Fukuyama, F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution. Translated from English by M. B. Levin. M: LLC "AST Publishing House": JSC "LUX". 2004. (In Rus.)
- 11. Popova, O. V. The body as the territory of technology: from social engineering to the ethics of biological design: monograph. M: Canon + ROOI "Rehabilitation", 2021. (In Rus.)
- 12. Bess, M. Make Way for the Superhumans: How the science of bio enhancement is transforming our world, and how we need to deal with it. UK: Kindle Edition, 2017. (In Engl.)
- 13. Kozhevnikova, M. Hybrid and chimeras of man and animal: from mythology to biotechnology. Moscow: IFRAN, 2017. (In Rus.)
- 14. Yudin, B. G. Humanistic values in the context of transhumanism. International Likhachev scientific readings. Dialogue of cultures: values, meanings, communications. Materials of breakout sessions and discussions of the XIII International Likhachev Scientific Readings / Plenary session. Dialogue of cultures: values, meanings, communications. pp. 196–200. Web. 16.08.2022. https://www.lihachev.ru/chten/8338/8847/8848 (In Rus.)
- 15. Subbotina, N. D. Difficulties in implementing the principles of practical humanism (on the 50th anniversary of the publication of Garrett Hardin's article "The tragedy of public resources"). Humanitarian Vector, no. 3, 2018. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-132-141. (In Rus.)
- 16. Brown, T. K. and Clark, S. Bioconservatism, bio-improvement and reverse consequences, Journal of Moral Education, 49: 2, 241–256, 2009. DOI: 10.1080/03057240.2019.1576125. (In Engl.)
- 17. Ranisch, R., Sorgner, S. L. Introducing Post- and Transhumanism. Post- and Transhumanism: An Introduction. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. (In Engl.)

Information about author

Popova Anna A., Candidate of Philosophy; Bauman Moscow State Technical University; 5 2nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russia; e-mail: popovaaa@bmstu.ru; https://orcid.org/0000-0001-9029-7482.

Popova A. A. The Value Paradigm of the Future: Bioconservatism or Transhumanism? // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 24-31. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-24-31.

Received: August 20, 2022; approved after reviewing September 25, 2022; accepted for publication September 26, 2022.

Фортунатов А. Н.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 004.62

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-32-38

Аксиология имитативной коммуникации: постановка проблемы

Антон Николаевич Фортунатов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия anfort1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6822-2003

В статье исследуется гипотеза о том, что современная коммуникация в настоящее время обретает особую форму. Её можно назвать имитативной коммуникацией, в которой важнейшее место занимают технологии обработки информации. Происхождение этой коммуникации автор выводит из коммерческого, потребительского статуса социальной информации, которая на ранних стадиях зарождения медиареальности способствовала развитию рыночных отношений. Благодаря развитию технологий качество имитации реальности становится самостоятельным фактором, влияющим на деконструкцию личности в информационном процессе. В этих выводах автор основывается на собственных многолетних исследованиях истории телевидения. Именно это средство массовой информации заложило основы имитативной реальности, оторвав восприятие действительности от её реального освоения и заложив основы для технологической идентификации личности в ущерб традиционным личностным усилиям. Имитативная реальность имеет связь с феноменом игры. Автор осуществляет феноменологическое переосмысление игры по сравнению с её классическими определениями. Игра предстаёт как форма обнаружения онтологических границ, в которых находится личность. Однако при современном развитии технологий игра превращается в способ замены реальности, утрачивая свой изначальный статус идентификатора социальных смыслов. При такой трактовке многие нерешённые в настоящее время проблемы, например проблема компьютерной аддикции, обретают черты отчётливых социальных девиаций, имеющих конкретные пути лечения. В качестве перспективы развития существующей ситуации автор называет редитизацию (возвращение) личности к реальной действительности, в то время как виртуальная реальность должна обрести статус очередной утопии в истории человечества.

Ключевые слова: современная коммуникация, массовая информация, имитативная реальность, редитизация, феномен игры

Original article

Axiology of Imitative Communication: Formulation of the Problem Anton N. Fortunatov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia anfort1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6822-2003

The article explores the hypothesis that modern communication is taking on a special form today. It can be called imitative communication, in which information processing technologies play a very important role. The author derives the origin of this communication from the commercial, consumer status of social information, which in the early stages of the emergence of media reality contributed to the development of market relations. Thanks to the development of technology, the quality of imitation of reality becomes an independent factor influencing the deconstruction of a person in the information process. In these conclusions, the author relies on his own long-term studies of the history of television. It was this mass media that laid the foundations of imitative reality, tearing off the perception of reality from its real development and laying the foundations for technological identification of a person to the detriment of traditional personal efforts. Imitative reality has a connection with the phenomenon of the game. The author carries out a phenomenological rethinking of the game in comparison with its classical definitions. The game appears as a form of detection of ontological boundaries in which the personality is located. However, with today's development of technology, the game is turning into a way to replace reality, losing its original status as an identifier of social meanings. With this interpretation, many currently unresolved problems, for example, the problem of computer addiction, acquire the features of distinct social deviations that have specific ways of treatment. As a perspective for the development of the existing situation, the author calls the reditization (return) of the individual to reality, while virtual reality should acquire the status of another utopia in the history of mankind.

Keywords: modern communication, mass information, imitative reality, reditization, game phenomenon

© Фортунатов А. Н., 2022

Введение. Существует традиция связывать имитативность в социальной практике с развитием функций торможения биологических реакций живого организма, и это сочетание особенно явно проявляется в человеческой жизни. Имитативные практики уже заняли прочное место, например в физическом воспитании, вместе с тем современные симуляторы и тренажёры, всё более усовершенствуясь, создают целое пространство имитативной самореализации, что в конечном итоге ведёт и к имитативной идентификации, виртуальному удвоению личности, находящей своё воплощение в воспроизводимых ситуациях.

Вместе с тем современные исследования имитативного дискурса недостаточно уделяют внимания важнейшему аспекту, лежащему в основе этого феномена, а именно – коммуникативной подоплёке большинства механизмов подражания. Так, ответную улыбку принято воспринимать лишь как рефлексивную реакцию на вербальную доброжелательность, ограничиваясь таким образом рассмотрением лишь психофизиологических реакций. В социальных практиках имитационные действия обозначают как «формальное воспроизведение операций и процедур, сопровождаемое их демонстрацией, декларацией и декорацией» [1, с. 92], что упраздняет интенциональную подоплёку имитации, её ярко выраженный комммуникативно-смысловой характер.

Большой массив научных исследований феномена имитации в современном дискурсе относится к естественно-научным, прикладным аспектам исследований, которые, на наш взгляд, весьма красноречиво демонстрируют узконаправленное (точечное) внимание к этому феномену. Так, «поведение» сложных механизмов св настоящее время легче всего моделировать именно в виртуальной сфере, не создавая их аналоговых прототипов - это и удешевляет процессы исследования, и таргетирует их, и делает более верифицируемыми [2].

Особое место занимают модельные и имитационные исследования в области сельского хозяйства. Они позволяют получать верифицируемые данные по поводу урожаев, распространения вредителей, способов внесения удобрений и т. п. [3, с. 7–13].

Сугубая «механистичность» восприятия данного феномена частично распространяется и на сферу человеческого поведения, в которой телесность становится объектом модельного анализа, что приводит к впечатляющим эффектам, например, при моделировании физиологических процессов. Именно поэтому большое количество исследований посвящено моделированию в медицинской сфере - от прогнозирования распространения вируса гриппа [4] до моделирования деятельности медицинского учреждения [5]. Имитационные технологии активно применяются в физическом воспитании, создавая заведомо прогнозируемые психофизиологические результаты, помогая выращивать спортсменов с наиболее рациональным распределением физических затрат [6].

Краткий обзор направлений исследований имитационных феноменов позволяет говорить о существующих позитивных коннотациях в его отношении, интегральный смысл которых состоит в том, что имитация – серьёзное подспорье в человеческой деятельности, и в целом служит для раскрытия социального потенциала, для облегчения работы индивида.

При этом отрицательные социокультурные свойства имитации не являются предметом пристального интереса исследователей, хотя и затрагиваются в различных аспектах [7]. Автором в 2018 г. предпринято комплексное исследование истории телевидения, одним из выводов в нём стала констатация того, что наиболее массовое средство информации XX в. являлось своеобразной технологизированной имитацией сакральности [8].

Методология и методы исследования. В контексте аксиологии медиакоммуникации для нас важен эксплицированный компонент имитации как коммуникативное воспроизведение реальных событий, в том числе и технологический вопрос медийного отображения социальных явлений. Особенно это ярко проявляется в истории телевидения, которое всегда позиционировалось как способ фиксации проявлений социальной реальности «здесь и сейчас» (т. е. не имитированно), наиболее полно данный эффект (иллюзия правдоподобности) представлен в тот период, когда ещё не было видеомагнитофонов, эфиры были «прямыми», с их огрехами и случайными вторжениями в существовавший уже в то время сценарный план. Достаточно в качестве примера вспомнить трагикомическую

ситуацию с одной из первых передач ВВВ («Вечер весёлых вопросов», предшественница КВН) на советском телевидении, когда в ответ на некорректное задание (прийти на съёмку передачи в зимней одежде и с кактусом) актовый зал МГУ, где проходила съёмка, осадила тысячная толпа потенциальных участников, пришлось надолго останавливать прямой эфир.

Таким образом, в качестве основного инструмента мы используем приём научного моделирования, который позволит нам эксплицировать феномен имитации (моделирования), превратив его в сугубо рациональный конструкт.

Результаты исследования и их обсуждение. В приведённом примере с некорректным заданием имплицитно проявляет себя противостояние медийной и социальной реальностей, которые ещё на ранней стадии развития аудиовизуальных средств начинали постепенно жить по собственным законам, в том числе и принципам технологической детерминации (телевидение хотело видеть забавных участников, нелепо и неуместно одетых, а реальные люди хотели во что бы то ни стало попасть в кадр, превратившись тем самым в локальных знаменитостей, получивших свою толику внимания многотысячной аудитории) [8, с. 87].

Впрочем, такое разделение имеет более глубокие корни. Например, социальная информация в её медийном воплощении изначально проявлялась как коммерческий феномен, обеспечивающий лучшее взаимодействие и осведомлённость участников рынка. Не случайно первая газета – это листок объявлений. Таким образом, прагматизм информационного взаимообмена стал краеугольным камнем всего того многообразного и обширного мира, который возник на базе технологизированных информационных процессов. В настоящее время вопрос о коммуникации – вопрос о состоянии капитализма в системе информационных потоков, ускорения процессов, их дигитализации и обезличивания.

Если вспомнить в этом контексте одну из фундаментальных ценностей современного киберпространства («свободу информации»), то прагматически-коммерческая этимология информационного обмена вдругначинает обретать статус детерминанты, тщательно или бессознательно скрываемой от анализа и наблюдения. Другими слова-

ми, качество имитации, воплотившейся в информационном потоке, является материальной ценностью, которая лежит, в частности, в основе популярных концепций об «экономике эмоций», постиндустриальных векторов развития социума и т. д.

Возвращаясь к истории телевидения, можно вспомнить титанические усилия инженеров различных стран в обеспечении достаточного для чёткого изображения количества строк в аналоговой «развёртке» на экране, борьбу различных производителей и даже целых государств за доминирование того или иного аналогового стандарта изображения (например, баталии Франции против ФРГ вместе с США за признание главенства, соответственно, «советско-французской» SECAM в противовес натовской PAL) [8, с. 137], наконец, современное состояние цифровой аудиовизуальной сферы, которая добилась такого количества пикселей на экранах бытовых телевизоров, которое уже не в состоянии оценить и различить глаз обывателя. Все эти усилия обретали не просто символическое, но и стоимостное выражение, существенным образом влиявшее на развитие всей системы коммуникации (десятикратное удешевление стоимости телевизионного приёмника благодаря новациям корпорации Sony привело к буму продаж телевизоров в Америке, параллельно стало одним из важных вкладов в формирование «японского экономического чуда» 70-х гг.; именно в этот период стали активно использовать видеомагнитофоны и спутниковую систему передачи изображения, что взорвало изнутри фундаментальные онтологические, пространственно-временные основания жизни и привело к символической «победе» имитационной телевизионной реальности над «невзрачной» повседневностью).

Таким образом, вопрос о том, как имитирована реальность в коммерчески ангажированном коммуникативном потоке, становится более важным, чем то, что пытается имитировать коммуникация.

На что же ориентированы имитационные усилия современных киберсубъектов в виртуальном пространстве? Не претендуя на всю полноту, назовём два стратегических направления, которые, естественно, членятся и множатся в различных контекстах: это феномен свободы, понятый как «высшая ценность», и модель противопоставления сознания и тела, идеология «освобожде-

ния» сознания от социально-биологических «ОКОВ», ДИХОТОМИЯ «ПОЗИТИВНОГО» СОЗНАНИЯ и «негативного» тела.

Тотальное увлечение социальных психологов XX в. технологиями манипуляции сознанием в противовес сугубо материальным изменениям в социальном пространстве (в соответствии со скомпрометировавшей себя методологией марксизма) привело к аксиологическому доминированию этой парадигмы, которая объявляет априори гуманной аффектированную оторванность сознания от материального мира (например, в виртуальном пространстве), маркируя это состояние позитивно окрашенными терминами «творчество», «самораскрытие» и т. п. Сюда же следует отнести и полиидентичность субъекта дематериализованного информационного взаимодействия, выступающую едва ли не в роли «бастиона безопасности» для человека, якобы страдающего от примитивной мощи материальных социальных институтов.

В совершенном соответствии с идеей Г. М. Маклюэна о том, что доминирующий в социуме медиум (средство коммуникации) обусловливает определённую структуру и ценностную иерархию мировосприятия [9], можно утверждать, что технологизированная эмансипация сознания сформировала прочную, осязаемую и материализовавшуюся социальную нишу, связанную с противопоставлением и противостоянием материальных и виртуальных сущностей, их борьбой и постепенным вытеснением реального человека (в его антропологическом статусе) на периферию коммуникационных, медийных и связанных с ними социальных процессов. Вот почему «главенствование над реальной действительностью», как вполне справедливо замечают исследователи, является важной характеристикой социальной имитации [10], добавим – в сознании самого человека. Технологии, равно как и имитации, обеспечивают удвоение реальности, её зеркальное (даже фрактальное) воссоздание, помноженные друг на друга, они лишь увеличивают манипулятивный потенциал создаваемого образа, что в конечном счёте ведёт к опустошению, обезличиванию реального субъекта коммуникации.

Современная коммуникация – тотально технологизированный процесс, технологии проникают, казалось бы, в самые интимные, потаённые уголки сознания (как предмет многочисленных курсов и практик когнитивные, мнемонические, ментальные технологии это хорошо демонстрируют). Виртуальные шлемы в настоящее время позволяют не просто переживать визуальные иллюзии, но и дополнять их тактильными и даже вкусовыми эффектами. Учёные всё чаще сталкиваются с проблемой корректного выхода виртуального пользователя из «дивного нового мира» в грустную повседневность [11, c. 54-57].

В результате возникает и всё больше упрочивается, материализуется феномен имитационной коммуникации, в которой технике отдано на откуп первичное освоение личности (например, вычисление паттернов и особенностей характера с помощью Больших данных), стало быть, нивелировка её неповторимости, идентификация, кодификация, отнесение к определённым категориям. Коммуникация благодаря технике превращается в уже выстроенный, а не выстраданный алгоритм, который в глубине своей противостоит человечности.

Драматизм такого противостояния нивелируется игровым характером имитационной коммуникации, которая эксплуатирует древнее свойство человеческой культуры, ярко проявляющее себя в ритуалах и играх: осваивать, распознавать онтологические (равно как и психологические, физиологические, культурные, нравственные и т. д.) границы, отделяющие эмоционально противоположные состояния человеческого Я (между жизнью и смертью, между радостью и горем, между восхищением и омерзением, между возбуждением и апатией и т. п.). Здесь мы хотим подчеркнуть, что существующая трактовка игры как некоего природой обусловленного человеческого состояния («ребячества»), инкорпорированного в культуру, принадлежащая Й. Хёйзинге [12], не отражает в полной мере глубинную суть феномена игры как древнего, дорефлекторного модуса индивида, испытывающего потребность в идентифицирующих его самого инструментах.

Характерное высказывание находим у Б. В. Маркова, рассуждающего о телесной памяти и цифровой коммуникации: «Классические игры были агональными формами социализации, поддержания физической формы, наконец, развлечения» [13, с. 36]. Такая традиция интерпретации игр лишь как состязательных форм взаимодействия в

Фортунатов А. Н.

лоне существующей культуры, ставшая своего рода научным шаблоном, заметно обедняет палитру смыслов, которую игра несёт в общество на протяжении веков, оставаясь важным и неизменно присутствующим форматом человеческого взаимодействия не только внутри социальной группы, но и с окружающим миром. Однако в настоящее время состязательность относится уже не к горизонтальному уровню взаимодействия игроков, а к вертикальному устройству игрового имитационного мира: «Я — мир».

Игра и коммуникация в этой связи очень близки по своей онтологической сути: обеспечивая переход от онтологической к коммуникационно-имитационной реальности. коммуникативные институты таким образом позволяют человеку чётче ощутить собственные онтологические границы, почувствовать себя реальным, явленным – себе и окружающему миру. Не случайно Е. А. Батюта предлагает трактовку имитации как «универсального способа, применение которого позволяет развивать культуру, творя новое посредством специфического воспроизведения уже имеющегося» [14]. Вместе с тем исследователь не учитывает указанную нами коммуникативно-технологическую подоплёку этой имитационной активности: «новое», порождённое алгоритмами имитационного ухода от действительности, становится контр-реальным (точнее - не-реальным), что актуализирует несколько гротескную дихотомию в современной коммуникации, проявляющуюся, в том числе, и в различного рода девиациях: новое vs реальное. Этика и аксиология киберреальности заставляет погружённого в неё человека делать выбор в пользу всё более изощрённых нюансов имитации в противовес реальному познанию, действительным ощущениям. Именно этим объясняются суицидальные, жестокие, антигуманные, извращённые императивы современных коммуникативных институтов в адрес пользователей, особенно подростков, для которых образ «нового» заслоняет собой рефлексию и идентификацию за пределами коммуникативного пространства.

Другими словами, игра, превратившись из имитативной коммуникации в форму технологии (в настоящее время можно наблюдать множество «игровых» форм обучения, воспитания, даже коллективного анализа и производства идей), «осерьёзнила» одну из сторон онтологии, тем самым упразднив для

личности возможность комплексной самооценки, рефлексии и идентификации (собственно, отсюда указанные многочисленные форматы полиидентичности, которые служат суррогатом субъектного освоения границ собственного Я).

Феномен виртуального эскапизма традиционно принято связывать с «рутинизацией» повседневной жизни [15, с. 62], с возможностью перехода в «чудесные миры, столь выгодно отличающиеся от повседневной суеты», с помощью несложных компьютерных манипуляций [16, с. 2]. Такие констатации, однако, не приводят к пониманию глубинной, сущностной подоплёки социального дисбаланса, имеющего свои корни, как мы показали, в дихотомическом разрыве «человек - коммуникативные технологии». Именно борьба всё более совершенствующихся технологий за обладание человеческим разумом становится причиной социальных девиаций – виртуальной аддикции, лудомании, которые в настоящее время активно обсуждаются в обществе и которые, несмотря на это, не находят ментальных, смысловых разрешений, ограничиваясь лишь медико-психиатрическими рекомендациями.

Заключение. Аксиология медиакоммуникации, однако, позволяет строить осторожные оптимистические прогнозы относительно складывающейся, казалось бы, беспросветной и малоутешительной ситуации. Можно ли прогнозировать возвращение «блудного кибер-сына» в лоно пра-реальности? На наш взгляд, такая перспектива вполне осуществима. Потребляя напластования культуры, физически уничтожая человека, имитативные технологии тем самым упраздняют фактор собственной рекурсивности, источник энергии для саморазвития. Какими бы автономными они ни становились, полного отрыва от социальной практики у них предположить невозможно - ведь она и есть основной источник энергии для их рекурсивности. Современные социальные ситуации и катастрофы, вызванные нравственной, культурной и этической деградацией, приводят к тому, что виртуальный мир вообще перестаёт быть реальностью, превращаясь в один из многих утопических проектов, которые переживало человечество на протяжении своей истории.

Возвращение, или редитизация (от лат. reditio), – процесс культурно обусловленной рефлексии современного индивида по по-

противостоянии технологий и тела, нравственно освоенной истины и компьютерных шаблонов. Причиной имитации является творческий и духовный порыв, воплощающийся в тех или иных формах экспликации уникального человеческого Я, то есть возникновение истинно нового в лоне реального. Возвращение именно к этим истокам (через воспитательные практики, через деканонизацию культуры и другие механизмы) в состоянии упорядочить хаос, царящий в настоящее время в аксиологической и коммуникативной сферах.

Список литературы

- 1. Бабинцев В. П., Ушамирская, Г. Ф. Субкультура бюрократии в региональном хронотопе // Регионология. 2014. № 1. С. 87–98.
- 2. Туренко А. Н., Шуклинов С. Н., Михалевич Н. Г. Моделирование динамики колёсной машины с адаптивным электропневматическим приводом тормозов // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2012. Вып. 56. С. 66-74.
- 3. Бисчоков Р. М., Литовка Н. И. Имитационное моделирование урожайности сельскохозяйственных культур для Кабардино-Балкарской Республики. Текст: электронный // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. 2020. № 4. URL: https://kbgau.ru/riu/vypuski/ arkhiv-nomerov/2020/2020-4/1.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
- 4. Кондратьев В. А. Имитационное моделирование в медицине: многоагентная модель распространения гриппа // Компьютерные инструменты в образовании. 2011. № 4. С. 189–195.
- 5. Карпов О. Э., Субботин С. А., Замятин М. Н., Шишканов Д. В., Асташев П. Е., Прохорова Е. С. Имитационное моделирование деятельности современного многопрофильного медицинского учреждения // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 6. С. 57–66.
- 6. Сак Ю. В., Городилин С. К. Применение имитационных упражнений в обучении передвижению на лыжах будущих учителей физической культуры // Физическая культура как основополагающий фактор стратегии развития государства, общества, личности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Витебск: Витебская ордена «Знак Почёта» государственная академия ветеринарной медицины, 2020. С. 91-94.
- 7. Евдокимов В. А. Инновации в политике: эффект имитации и имитация эффекта // Омский научный вестник. 2014. № 5. С. 70-73.
- 8. Фортунатов А. Н. Эго-медиа. Социально-философские штрихи к истории телевидения. М.: Флинта, 2018. 218 с.
 - 9. Маклюэн М. Г. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2018. 464 с.
- 10. Волков Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. C. 43-58.
- 11. Фортова Л. К., Матюхина О. С. Исследования проблемы виртуальных аддикций несовершеннолетних в российской и зарубежной науке. Текст: электронный // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2. URL: https://cyberpsy.ru/articles/issledovanie-problemy-virtualnyh-addikcij (дата обращения: 10.05.2022).
 - 12. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
- 13. Марков Б. В. Телесная память и цифровая коммуникация // Философия трансмедиа: монография / под ред. Н. Н. Ростовой. М.: Проспект, 2022. 328 с.
- 14. Батюта Е. А. Компетентный потребитель в имитационной культуре // Омский научный вестник. 2008. № 5. C. 122-125.
 - 15. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 298 с.
- 16. Шапинская Е. Н. Эскапизм в киберпространстве: безграничные возможности и новые опасности. Текст: электронный // Культурологический журнал. 2013. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ eskapizm-v-kiberprostranstve-bezgranichnye-vozmozhnosti-i-novye-opasnosti (дата обращения: 10.05.2022).

Информация об авторе

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603028, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; e-mail: anfort1@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-6822-2003.

Для цитирования

Фортунатов А. Н. Аксиология имитативной коммуникации: постановка проблемы // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 32–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-32-38.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Фортунатов А. Н.

References

- 1. Babintsev, V. P., Ushamirskaya, G. F. Subculture of bureaucracy in the regional chronotope. Regionologiya, no. 1, pp. 87–98. 2014. (In Rus.)
- 2. Turenko, A. N., Shuklinov, S. N., Mikhalevich, N. G. Modeling the dynamics of a wheeled vehicle with an adaptive electro-pneumatic brake drive. Vestnik HNADU, vol. 56, pp. 66–74, 2012. (In Rus.)
- 3. Bischokov, R. M., Litovka, N. I. Simulation modeling of crop yields for the Kabardino-Balkarian Republic. Proceedings of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University. V. M. Kokova, no. 4, 2020. Web. 10.05.2022. https://kbgau.ru/riu/vypuski/arkhiv-nomerov/2020/2020-4/1.pdf (In Rus.)
- 4. Kondratiev, V. A. Simulation in medicine: a multi-agent model of the spread of influenza. Computer tools in education, no. 4, pp. 189–195, 2011. (In Rus.)
- 5. Karpov, O. E., Subbotin, S. A., Zamyatin, M. N., Shishkanov, D. V., Astashev, P. E., Prokhorova, E. S. Simulation of the activities of a modern multidisciplinary medical institution. Vestnik REU im. G. V. Plekhanova, no. 6, pp. 57–66, 2018. (In Rus.)
- 6. Sak, Yu. V., Gorodilin, S. K. The use of simulation exercises in teaching skiing to future teachers of physical culture. Physical culture as a fundamental factor in the development strategy of the state, society, and personality. Materials of the International scientific-practical conference. Vitebsk, 2020: 91–94. (In Rus.)
- 7. Evdokimov, V. A. Policy innovation: the imitation effect and the imitation effect. Omsk Scientific Bulletin, no. 5, pp. 70–73, 2014. (In Rus.)
- 8. Fortunatov, A. N. Ego-media. Socio-philosophical touches to the history of television. M: Flinta, 2018. (In Rus.)
 - 9. Marshall McLuhan. Understanding media. The Extensions of Man. M: Kuchkovo pole, 2018. (In Rus.)
- 10. Volkov, Yu. G. Creative class versus imitation practices. Humanitarian of the South of Russia, no. 1, pp. 43–58, 2012. (In Rus.)
- 11. Fortova, L. K., Matyukhina, O. S. Research on the problem of virtual addictions of minors in Russian and foreign science. The world of science, culture, education, no. 2, 2018. Web. 10.05.2022. URL: https://cyberpsy.ru/articles/issledovanie-problemy-virtualnyh-addikcij/ (In Rus.)
 - 12. Johan Huizinga. Homo Ludens. Proeve eener bepaling. SPb: Izd-vo Ivana Limbaha, 2011. (In Rus.)
 - 13. Markov, B. V. Body memory and digital communication M: Prospekt, 2022. (In Rus.)
- 14. Batyuta, E. A. Competent consumer in imitation culture. Omsk Scientific Bulletin, no. 5, pp. 122–125. 2008. (In Rus.)
- 15. Giddens, A. The transformation of intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. SPb: Piter, 2004. (In Engl.)
- 16. Shapinskaya, E. N. Escapism in cyberspace: limitless possibilities and new dangers. Culturo-logical journal, no. 2, 2013. Web. 10.05.2022. https://cyberleninka.ru/article/n/eskapizm-v-kiberprostrans-tve-bezgranichnye-vozmozhnosti-i-novye-opasnost. (In Rus.)

Information about author

Fortunatov Anton N., Doctor of Philosophy, Professor; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarina ave., Nizhny Novgorod, 603028, Russia; e-mail: anfort1@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-6822-2003.

For citation

Fortunatov A. N. The Axiology of Imitative Communication: Formulation of the Problem // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 32–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-32-38.

Received: May 20, 2022; approved after reviewing June 25, 2022; accepted for publication June 30, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-39-48

Проблема безопасности личных данных и феномен постприватности в цифровом обществе

Леся Владимировна Чеснокова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия L.Tchesnokova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4283-0443

Целью статьи является концептуализация изменений, которые происходят в восприятии информационной приватности в современном цифровом обществе. Актуальность работы обусловлена развитием современных информационных и коммуникационных технологий, глобальное распространение которых меняет отношение к безопасности личных данных. Для анализа проблем, связанных с переосмыслением феномена приватности в современную цифровую эпоху, применяется системный подход, а также метод исторического анализа, герменевтический и логический методы. Описывается феномен парадокса приватности: несмотря на то, что многие пользователи высказывают опасения по поводу сохранности своей личной информации, они не готовы отказаться от тех преимуществ, которые им даёт пользование новыми технологиями. Утверждается, что всё чаще высказываются сомнения в принципиальной возможности контроля над распространением личной информации, поскольку жизнь отдельного человека становится прозрачной как для государственных органов, так и для коммерческих структур. В результате развития цифровых технологий, в соответствии со связанными с этим возможностями по сбору, хранению и обработке информации выдвигается аргумент, что приватность в том виде, в котором она существовала ранее, - устаревший концепт. В последнее время говорится о том, что, поскольку невозможно контролировать доступ к личным данным, следует отказаться от претензий на приватность. Изменения, происходящие в современном обществе, отражены в термине «постприватность», описывающем ситуацию, в которой информационная приватность более не воспринимается как ценность, требующая защиты. В условиях стремительно развивающейся цифровой среды дальнейшие исследования проблемы постприватности приобретают особую значимость.

Ключевые слова: информационная приватность, безопасность личных данных, цифровизация, парадокс приватности, постприватность

Original article

Problem of Personal Data Security and the Phenomenon of Post-Privacy in the Digital Society

Lesya V. Chesnokova

Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia L.Tchesnokova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4283-0443

The purpose of the article is to conceptualize the changes that are taking place in the perception of information privacy in today's digital society. The relevance of the work is due to the development of modern information and communication technologies, the global spread of which changes the attitude towards the security of personal data. To analyze the problems associated with the rethinking of the phenomenon of privacy in the modern digital age, a systematic approach is used, as well as methods of historical analysis, hermeneutic and logical methods. The phenomenon of the privacy paradox is described, which lies in the fact that, despite the fact that many users express concern about the safety of their personal information, they are not ready to give up the benefits that the use of new technologies gives them. Doubts are increasingly being expressed about the fundamental possibility of controlling the dissemination of personal information, since the life of an individual becomes transparent to both government agencies and commercial structures. As a result of the development of digital technologies and the associated possibilities for collecting, storing and processing information, an argument is put forward that privacy, in the form in which it existed before, is an outdated concept. The findings suggest that since it is impossible to control access to personal data, claims to privacy should be abandoned altogether. The changes taking place in modern society are reflected in the term "post-privacy", which describes a situation in which information privacy is no longer perceived as a value that requires protection. In a rapidly developing digital environment, further research into the problem of post-privacy is of particular importance.

Keywords: information privacy, personal data security, digitalization, privacy paradox, post-privacy

© Чеснокова Л. В., 2022

Чеснокова Л. В.

Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4

Введение. В современном мире в связи со стремительным развитием цифровых технологий возможность нарушения приватного пространства вызывает заметное беспокойство общественности. Каждый год на рынок поступает множество новых устройств и продуктов, обеспечивающих удобство коммуникаций и становящихся массово доступными для обычного человека (социальные сети, мобильные телефоны, банковские карточки и т. п.). Но эти технологии не являются нейтральными. Их двойственность заключается в том, что, с одной стороны, они экономят время, создавая новые возможности, без которых уже невозможно представить себе нашу повседневную жизнь, с другой – делают наши действия прозрачными для контроля и наблюдения. «Попытки подслушивания, технологии слежки, цифровое распознавание лиц, передача данных при поиске в Интернете, при электронном банкинге, при покупке с помощью карты, а также более или менее добровольная передача личных данных в социальные сети - это беспокоящие всех темы, которые почти ежедневно всплывают в новостях» [1, с. 8].

Целью данной статьи является концептуализация изменений, которые происходят в восприятии информационной приватности в цифровом обществе. В рамках данной работы прослеживаются предпосылки её возникновения и функционирования в западном обществе Нового времени, указываются причины важности наличия у индивида права на информационную приватность, а также описываются изменения в отношении к безопасности личных данных в результате развития современных информационных и коммуникационных технологий.

Методология и методы исследования. При написании статьи использован системный подход, позволяющий проанализировать и объединить отдельные аспекты феномена информационной приватности, а также герменевтический метод для понимания и интерпретации приватности как социокультурного феномена; метод исторического анализа, дающего возможность проследить изменения в восприятии приватности с течением времени, логический метод, позволяющий раскрыть причины и тенденции данного процесса. Теоретико-методологическую основу статьи составили исследования Ю. Хабермаса, в которых вводится разделение приватной и публичной сфер, произошедшее при историческом переходе к Новому времени в европейских странах [2]. Исследование опирается на труды известных зарубежных и отечественных учёных, посвящённые проблеме информационной приватности: Е. В. Ходус рассматривает приватность как важный для западного индивидуалистического мира концепт; Б. Рёслер утверждает необходимость уважения права на приватность как предпосылки свободы и автономии личности; С. Барнс вводит термин «парадокс приватности»; Т. Хагендорф отмечает утрату индивидом информационного контроля в современном обществе; Х. Хеллер пишет о завершении эпохи приватности и переходе к постприватности.

Результаты исследования и их обсуждение. Приватность - концепт, традиционно важный для западного общества. По словам Е. В. Ходус, к сфере приватного принадлежит то, что находится «в области опыта субъективности и межличностных отношений, любви, семьи, детей, дружбы, эротики, секса, эмоционального мира личных переживаний» [3, с. 31], то есть относится к важнейшим областям человеческой жизни. Право на приватность включает в себя свободу мыслей и убеждений, защиту от непрошеного вмешательства, неприкосновенность тела, территории, личных вещей, информации о себе. Приватность является одним из условий развития и сохранения индивидуальности, признанием права на собственную психическую и физическую реальность.

Если публичность - гласная, открытая, прозрачная для всех сфера, то приватность - непрозрачная, тайная, закрытая от наблюдения и контроля. Это отграниченное от чужих людей внутреннее пространство индивида, место семьи и близких людей. Зачастую приватность понимается как убежище от чужого и холодного внешнего мира. Как отмечают К. Хан и К. Коппеч, «вероятно, лишь благодаря тому, что существует приватная область, современный субъект в состоянии соответствовать тем требованиям, которые предъявляет ему общество в публичном пространстве: рациональность, эмоциональная нейтральность, дистанцированность и опыт функциональной заменимости» [4, с. 11].

Концепт приватности возник в результате длительного исторического процесса при переходе от традиционного к индивидуалистическому обществу. Впервые потребность

в приватном пространстве получила своё развитие в западных обществах вместе с технологическим, экономическим и культурным прогрессом. «Постепенно в связи с ростом индивидуализации сознания происходит рост потребности в собственном физическом и ментальном пространстве» [5, c. 3781.

Сфера приватности охватывает несколько областей: телесную, предполагающую неприкосновенность тела, локальную, предполагающую неприкосновенность приватного помещения, например собственного жилища, и информационную, предполагающую право на сокрытие личной информации. Последний аспект нашёл своё отражение во многих определениях, в которых область приватного частично совпадает со сферой секретного, конфиденциального. «Privacy - 1) (желаемое) состояние или нахождение вдали от других людей, когда они не могут видеть или слышать то, чем занимается индивид, интересоваться его делами и т. п.; 2) секретность, нежелание быть замеченным или обсуждаемым публично» [6, c. 10631.

Дискурс информационной приватности стал наиболее актуальным в последние десятилетия в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий. Однако его начало можно проследить уже в конце XIX в., когда в результате распространения СМИ и популяризации фотографии впервые поднялся вопрос о праве на приватность, в первую очередь, в среде американского высшего класса. Обсуждение права на информационную приватность началось со статьи американских юристов С. Уоррена и Л. Брендейса, которую спровоцировал гнев Уоррена на репортеров, против его воли фотографировавших свадьбу его дочери и публиковавших снимки. В этой статье, увидевшей свет в 1890 г., С. Уоррен и Л. Брендейс провозгласили «право быть оставленным в одиночестве», используя эту фразу как определение приватности. Авторы утверждали, что «мыслям, чувствам и эмоциям... требуется защита, в виде права индивида быть оставленным в одиночестве ("right to be let alone"). Оно подобно праву не быть подвергаемым угрозам и физическому насилию, праву не быть посаженным в тюрьму, праву не быть ложно обвинённым в чем-либо, праву не быть оклеветанным» [7, с. 81].

Здесь имеется в виду право быть защищённым от чужих взглядов в приватном пространстве, например в собственном доме. Это утверждение впоследствии позволило начать правовые и философские дискуссии относительно приватности. Принцип, который защищает личную информацию против публикации в любой форме, представляет собой принцип неприкосновенности личности, «который может быть введён, чтобы защитить приватность индивида от слишком навязчивой прессы, фотографов, владельцев других средств для записи или репродукции изображений или звуков» [Там же].

Т. Хагендорф полагает, что одной из причин обоснования необходимости защиты информационной приватности стал технический прогресс, а именно - изобретение мобильных фотокамер. Их существование означало, что «информация в форме фотографий из одного социального контекста незаметно попадает в другой социальный контекст. С такими технологиями, как фотография возможен риск утраты контроля над сбором и распространением личной информации» [8, с. 92-93]. Права индивида включают в себя возможность защиты чувствительной для него информации от публичного любопытства. Уже существовавшие в то время права на защиту физической сферы личности и её собственности С. Уоррен и Л. Брендейс расширили на информационную сферу. Однако предметом большой общественной дискуссии информационная приватность стала лишь со второй половины ХХ в., с развитием информационных технологий, когда усилился интерес государственных и коммерческих структур к возможности собирать, хранить и обрабатывать информацию. Информационный аспект приватности в настоящее время вызывает наибольшее беспокойство.

Многие исследователи под информационной приватностью подразумевают в первую очередь возможность контроля над личной информацией. По определению А. Уэстина, «приватность – претензия индивидов, групп или институтов самостоятельно определять, когда, как и в каком объёме информация о них может быть сообщена другим» [9, с. 7]. К. Ширммайстер определяет приватность как «основывающееся на общественном консенсусе право на возможность контроля над знанием о собственной личности со стороны других» [10, с. 21]. По

Чеснокова Л. В.

словам Б. Рёслер, информационная приватность должна пониматься как «контроль над тем, что другие могут знать о личности... Речь идёт о контроле над информацией, которая её (личность) затрагивает, а именно — о контроле в том смысле, что люди и институты, с которыми мы имеем дело, знают о нас» [11, с. 201].

Возможность закрывать доступ к информации о себе относится к числу важнейших характеристик приватной сферы. «Имеется в виду как контроль над информацией о себе перед лицом неопределённых других, например, общества, властей или продавца в магазине, так и определённых других: родственников, коллег — тех, с кем субъект поддерживает отношения» [12, с. 48].

Феномен информационной приватности заключается в возможности лимитировать и ограничивать знания о себе. Можно сказать: «Это мое личное дело», – апеллируя к общественным нормам для того, чтобы пресечь чьё-то неуместное любопытство. Однако, по мнению Ч. Фрида, приватность – это не просто контроль за количеством информации, но и «регулирование качества этого знания. Мы можем не возражать, если человек знает общие факты о нас, но все же мы ощущаем нарушение приватности, если ему становятся известны детали» [13, с. 210].

Почему люди стремятся защищать информацию о себе от посторонних глаз? В западных обществах приватность представляет собой важный конструкт, связанный с такими ценностями, как свобода и автономия личности. С точки зрения Б. Рёслер, защита информационной приватности так важна, потому что она в значительной степени влияет на автономность индивида. Автономность предполагает контроль над собственной самопрезентацией, то есть над тем, как, кому и в каких контекстах себя демонстрировать. Информационная приватность - контроль над тем, что другие могут знать об индивиде. Человек стремится иметь представление о том, что другие знают о нём, и действовать в соответствии с выбранной социальной ролью. Информационная приватность «заключается в том, что мы можем претендовать на то, чтобы не быть наблюдаемыми или подслушиваемыми против нашей воли и без нашего ведома; иметь возможность контролировать степень информированности других о нас и

о последствиях, если мы обманемся в своих ожиданиях» [14, с. 44].

На это можно возразить, что если кто-то не имеет того, что скрывать, он не должен опасаться наблюдения - ни со стороны коммерческих, ни со стороны государственных служб. Однако это заблуждение: «защита информационной приватности потому столь важна для индивида, что она конститутивна для его самовосприятия как автономной личности, имеющей контроль над своей самопрезентацией, т. е. над тем, что, как, кому и в каких контекстах демонстрировать» [15, с. 292]. Это связано с тем, что наше поведение в значительной степени определяется предположениями относительно того, что другие знают о нас. Приватность защищает автономию в том смысле, что мы можем самостоятельно регулировать знание, которое другие имеют о нас.

При наблюдении нарушаются не только межличностные отношения, но и отношение наблюдаемой персоны к самому себе. В ситуации, когда человек подозревает, что за ним наблюдают, он больше не может быть самим собой, поскольку вынужден играть роль для наблюдателя. Как отмечает Б. Рёслер, «происходит утрата кулис, защищённого пространства, гарантирующего автономию и аутентичность личности. Самоопределяемые аутентичные действия превращаются в действия для других» [14, с. 47].

Человек стремится скрыть часть своей жизни от других не только потому, что испытывает определённые опасения перед действиями властей. Человек чувствует себя свободно только в помещении, где отсутствуют непрошеные наблюдатели. По словам С. Бенна, «чтобы оставаться психически здоровыми, нам требуется закрытое пространство, открытое только для тех, кому мы доверяем, с кем мы имеем молчаливое взаимопонимание, кем наши секреты не будут обнародованы» [16, с. 241]. Люди небезосновательно опасаются возможной враждебной реакции в ответ на некоторые действия и поступки, вместе с тем приватное пространство, как полагает Р. Гависсон, «позволяет индивидам думать, что они хотят, не опасаясь неприязненной и враждебной реакции остальных» [17, с. 365-366]. В то же время, это не исключает возможность злоупотреблений, когда под предлогом защиты личной или коммерческой информации скрываются неблаговидные поступки

как отдельных личностей, так и политических и экономических структур. Однако в том случае, если действия, которые индивид или социальная группа желают сохранить в тайне, не нарушают закона и не причиняют кому-либо вреда, следует уважать их право на конфиденциальность информации.

Кроме того, информационная приватность важна для личной свободы и достоинства. Э. Блоустейн предполагает, что нарушение приватности не только причиняет нравственные страдания, но и унижает человеческое достоинство. Когда раскрываются личные и интимные факты, происходит нарушение доверия, конфиденциальности. Вмешательство в приватность угрожает нашей свободе как индивида. «Человек, который вынужден жить каждую минуту своей жизни среди других, и каждое желание, мысль, потребность или фантазия которого становятся предметом публичного любопытства, депривирован в своей индивидуальности и человеческом достоинстве» [18, с. 188]. Такое существование перестаёт быть индивидуальным и неповторимым. По мнению С. Бенна, «принцип приватности должен основываться на более общем принципе уважения к личности» [16, с. 228]. Уважение к личности будет препятствовать желанию разузнать секреты, которые она не желает обнародовать. Следовательно, если человек что-то хочет скрыть от публики - его право, иначе его достоинство будет нарушено.

Ещё одним аргументом в пользу необходимости защиты личных данных является факт асимметрии власти социальных акторов. Согласно знаменитому афоризму «Знание – сила!» ("Scientia potentia est"), приписываемому английскому философу Ф. Бэкону, знание о каком-либо субъекте даёт власть над ним. Существует опасность, что информация может быть использована во вред человеку, и чем больше некто знает о человеке, тем больше он имеет возможностей навредить ему. С утратой приватности информация о социальных контактах, политических взглядах, мировоззрении, финансовых проблемах или проблемах со здоровьем может быть опубликована, в результате чего человека можно будет подвергнуть социальному давлению.

Особенно это актуально в нашу эпоху цифровых технологий, поскольку государственные институты и бизнес получили доступ к огромным базам личных данных. Цифровизация, новые технологии во многом облегчили жизнь индивида: упростили доступ к информации, расширили коммуникационные возможности. Однако одновременно новые технологии принесли с собой неизвестные ранее угрозы, поскольку информацией можно злоупотреблять. Раскрытие личных данных в глобальной сети не только к может привести завязыванию новых контактов, но и таит в себе определённые опасности: мошенничество, шантаж, буллинг. Как утверждает Т. Хагендорф, «недостаточная медиакомпетентность, техническая неграмотность и индивидуальные ошибки могут стать причиной утраты информационного контроля. Многие пользователи информационных и телекоммуникационных технологий просто не могут себе представить, что может случиться с их личными данными, в каких контекстах они циркулируют и кто их использует» [8, с. 97]. Отсюда вытекает необходимость грамотно оценивать риски и с осторожностью делиться информацией о себе в цифровом пространстве.

Однако некоторые исследователи полагают, что в настоящее время люди, даже если бы они этого хотели, не могли бы эффективно контролировать доступ к информации о себе, поскольку многие влиятельные институты заинтересованы в получении личных данных. Б. Рёслер указывает на три формы нарушения информационной приватности и тем самым три формы нарушения автономии личности: с одной стороны, государственная слежка со стороны спецслужб, с другой – бизнеса: собирание, анализ, использование и передача личных данных, с третьей - добровольная передача данных и разговоров в социальных сетях [15, c. 294].

В настоящее время сохранение информационного контроля становится всё более затруднительным, поскольку за утратой контроля над распространением личной информации скрываются разные действующие силы. «Так как инфраструктура Интернета за немногими исключениями функционирует независимо от государственных границ, следует считаться с тем, что использование информационных коммуникационных технологий может вестись под наблюдением спецслужб других государств» [8, с. 96]. Сюда же относятся предприниматели, бизнес которых заключается в сборе, обработке и продаже информации. Существуют

Чеснокова Л. В.

организации, которые специализируются на сборе личных данных из разных источников и продают их страховым компаниям, банкам и другим организациям. Как утверждает А. В. Дроздова, «цифровая приватность стала манипулятивным и рыночным инструментом персонального таргетинга для проведения эффективных маркетинговых исследований, а также для использования в рекламных и политических кампаниях» [19, с. 453].

Опасность для личной информации представляют хакеры, которые в результате использования недостатков в системах безопасности занимаются целенаправленным вмешательством в коды информационно-технологических систем. С помощью хакерских атак собираются огромные объёмы личных данных. В результате возникает ситуация, когда люди утрачивают контроль над личной информацией: им неизвестно, какие их данные собираются, как они обрабатываются и кому они передаются.

Однако несмотря на то что многие высказывают озабоченность по поводу сохранности своих личных данных, их поведение зачастую противоречит этим декларациям. Они готовы отказаться от приватности ради определённых удобств и выгод, которые сулит им пользование цифровыми технологиями. Одним из преимуществ пользования социальными сетями является возможность создания социального капитала - сети друзей и знакомых. Платой за создание и поддержание социального капитала выступает раскрытие личной информации. Таким образом, можно предположить, что выгоды от участия в интернет-сообществах «побуждают пользователей предоставлять и часто обновлять личные данные, которые большинство из них сразу же отказались бы раскрывать в других контекстах, таких как телефонный опрос» [20].

Следовательно, чем выше уровень социального капитала, чем больше социальных связей имеет пользователь, тем большему риску подвергаются его личные данные. Хотя люди осознают опасность, они делятся информацией в обмен на определённые социальные выгоды, такие как одобрение, внимание, социальную поддержку и т. п. «Пользователи утверждают, что обеспокоены своей приватностью, но мало что предпринимают для её сохранности» [21, с. 30].

В связи с таким парадоксальным поведением многих людей, которые неосторожно выкладывают свои личные данные в социальных сетях, американская исследовательница С. Барнс предложила термин «парадокс приватности». Автор пишет о том, что сайты социальных сетей являются хранилищами личной информации, к которой любой желающий может получить доступ. «В то время как взрослые американцы обеспокоены тем, как правительство и корпорации централизованно собирают данные о гражданах и потребителях, подростки свободно раскрывают личную информацию в онлайн-журналах. Маркетологи, школьные чиновники, правительственные учреждения и онлайн-хищники могут собирать данные о молодых людях через онлайн-дневники подростков. В этом заключается парадокс приватности» [22].

Хотя растущая прозрачность нашей жизни и утрата контроля над личной информацией видится многими авторами как угроза, против которой мы должны обороняться, некоторые исследователи задаются вопросом: возможна ли вообще приватность в наше время. Всё больше событий и фактов превращаются в данные, которые оцифровываются, человек всё сильнее зависит от цифровых медиа. По мнению Т. Хагендорфа, «в результате кажется, что стремление к удержанию привычного уровня приватности и защиты личной информации является безуспешным» [8, с. 100].

Вследствие развития цифровых технологий, в соответствии со связанными с этим возможностями по сбору, хранению и обработке информации выдвигается аргумент, что приватность в том виде, в котором она существовала ранее, – устаревший концепт. Примечательно, что иногда тенденции к исчезновению информационной приватности не оцениваются негативно. Подчёркивается ценность публичной сферы, поскольку она даёт возможность завязывать социальные контакты. Чем больше информации человек оставляет о себе, тем большим количеством социальных связей он обладает. Напротив, тот, кто стремится жить преимущественно приватной жизнью и не делится информацией о себе, добровольно отказывается от многих возможностей.

В последнее время говорится о том, что, поскольку невозможно контролировать доступ к личным данным, следует вообще

Chesnokova L. V.

отказаться от претензий на приватность. Термином «постприватность» описывается возможное состояние общества, в котором отсутствует защита личных данных. Сторонники постприватности считают, что технический прогресс невозможно предотвратить. Поскольку информационная приватность больше не может быть обеспечена, адаптироваться к новой ситуации должны не технологии, а люди. Происходят масштабные изменения человеческой психологии. Как отмечает И. А. Асеева, «современную эпоху называют "гиперинформационной"». Например, по данным Facebook, «пользователи ежедневно обмениваются 500 терабайтами информации, 300 млн фотографий, 2,7 млрд "лайков", а Google фиксирует 5,3 млрд запросов в день» [23, с. 44].

Кроме того, наше восприятие приватности не остаётся неизменным. «Уже сейчас молодые люди рассказывают о своей жизни в Интернете гораздо больше, чем пожилые, и наши предпочтения в отношении того, что мы хотим сохранить в тайне, могут меняться в зависимости от контекста, момента или того, как нас подталкивают» [24].

Большинство исследователей приходят к выводу, что в результате развития цифровых технологий жизнь отдельного человека становится прозрачной - как для государственных органов, так и для коммерческих структур, следует приспособиться к новой реальности. Мы входим в эпоху «постприватности»: в жизнь после приватной сферы. Борьба за спасение приватности давно проиграна. «Может быть, стоит пытаться ещё что-то из неё защищать - но только из тактических соображений, и, во всяком случае, не любой ценой. Конец приватной сферы не обязательно означает конец света» [25, с. 7]. Те блага, которые несёт нам возможность быть ненаблюдаемыми, сильно переоценены. Напротив, эпоха постприватности открывает нам новые пространства свободы, преимуществами которой следует пользоваться.

По мнению И. Хеллера, в завершении эры приватности виноват интернет, глобальная сеть сохраняет, обрабатывает и распространяет информацию, которую предоставляют ей пользователи. В настоящее время сеть - «фундамент общественной, культурной и личной жизни человека. Почти всё заключено в неё, увековечено в ней и циркулирует в ней. Тот, кто сегодня не хочет потерять включение в жизнь, тот должен принимать участие в сети. И для этого он превращается в кровь, в жизненный сок сети: в машиночитаемую информацию. Чтобы играть в эту игру, мы отдаём любопытству сети то, в чём она нуждается» [Там же, с. 8].

Как только человек что-то набирает на клавиатуре компьютера, подключённого к интернету, он делится своей личной информацией (запросами, желаниями, потребностями, эмоциями) с сетью. При этом он постоянно оставляет цифровые следы. Сеть в результате его запросов получает информацию о нём. Эта информация является платой за пользование теми широкими возможностями, которые она предоставляет. Чем больше приватной информации он отдаёт, (например, оставляя её в своём личном блоге), тем больше получает: лайков, поддержки, интереса других пользователей, социальных связей и т. д. При этом пользователь далеко не всегда добровольно делится информацией о себе. Как правило, это происходит незаметно: при оплате банковской карточкой, поиске в интернете, пользовании смартфоном, который круглосуточно отслеживает его положение и т. п., он круглосуточно оставляет о себе информацию. Часто он недооценивает значимость данных, которыми таким образом делится.

Однако, даже если стараться оставлять минимум информации в социальных сетях, не заводить блог под своим личным именем, соблюдать осторожность в высказывании политических и личных предпочтений - всё равно, как считает И. Хеллер, это ни к чему не приведёт, поскольку технологии сбора личной информации постоянно совершенствуются. Возможности лимитировать сведения о себе весьма ограничены. Как правило, индивид стоит перед следующим выбором: пользоваться ресурсами интернета - или полностью отказаться от этого. Если человек пользуется сервисами сети, у их владельцев есть доступ к его личным данным. Следовательно, индивид «может быть осознанно сдержанным в распространении изображений, высказываний или самопрезентаций. Однако эти службы протоколируют и архивируют каждый его клик: на каком содержимом и как долго он останавливается, на какие интернет-страницы он заходит, с кем из пользователей он общается, какие термины ищет с помощью поисковых машин, каким рекомендациям следует,

Чеснокова Л. В.

а каким – нет. Вычислительные мощности Амазон, Фейсбук и Гугл, как бешеные, крутятся вокруг таким образом созданных гор данных» [25, с. 14].

Коммерческие фирмы предлагают нам рекламу товаров и услуг, которыми мы, исходя из наших прошлых интернет-запросов, должны заинтересоваться, Google собирает в своих базах данных сведения о наших интересах, социальные сети внезапно предлагают нам общение с давно забытыми знакомыми и т. д. Невозможно сохранить в тайне личную информацию. Конечно, это вызывает возмущение и вполне обоснованные опасения пользователей, которые видят в таких действиях нарушение своей информационной приватности. Зачастую всплывают сюжеты из антиутопий о прозрачном мире, где у индивида нет права на закрытую от всевидящего ока государства приватную сферу.

Однако несмотря на то что большинство пользователей интернета осведомлены об опасности для их личных данных в результате регулярно возникающих скандалов, связанных с фактами утечки, мало кто согласится отказаться от социальных сетей. Люди по-прежнему добровольно сообщают им имя, пол, возраст, адрес, круг друзей, интересы и предпочтения. За это они получают возможность коммуникации, социальных связей, самоутверждения. К тому же существует огромное социальное давление, заставляющее человека участвовать в интернет-коммуникациях. Работа, досуг, общение зачастую переносятся в интернет-пространство. Отказаться в этом участвовать в настоящее время означает отказаться от социальной жизни.

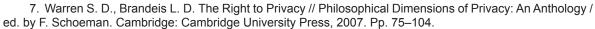
Кроме того, всё окружающее нас пространство переполнено приборами, записывающими информацию, — будь то уличные видеокамеры, камеры наблюдения в магазинах и банках, записывающие устройства

или фотокамеры в смартфонах, спутниковая съёмка Google Maps, Google Earth и многое другое. В настоящее время едва ли существует пространство, надёжно защищённое от наблюдения посредством устройств, которые круглосуточно передают полученную информацию в глобальную сеть. Не существует действенных методов защиты личных данных.

Заключение. Таким образом, новые информационные и коммуникационные технологии всё сильнее пронизывают нашу повседневную жизнь. Они становятся доступными для всех слоёв общества, более того, их использование становится неизбежным для всех, что имеет и свои последствия. Мы начинаем понимать, что цифровая революция изменяет нашу жизнь, принося с собой не только беспрецедентные возможности, но и не виданные ранее риски. В качестве основного риска, как правило, называют утрату информационной приватности. В настоящее время сохранение информационного контроля становится всё более затруднительным, поскольку за распространением личной информации скрываются разные влиятельные силы: государственные и коммерческие структуры. Кроме того, ради сохранения своей личной информации люди зачастую не хотят отказываться от тех выгод и удобств, которые им приносит пользование глобальной сетью. В итоге всё больше исследователей задаются вопросом: возможна ли вообще приватность в наше время? В результате развития цифровых технологий, в соответствии со связанными с этим возможностями по сбору, хранению и обработке информации выдвигается аргумент, что приватность в том виде, в котором она существовала ранее, устаревший концепт. Поскольку защита данных больше не может быть обеспечена, мы входим в эпоху постприватности: в жизнь после приватной сферы.

Список литературы

- 1. Naumann B. Privatheit das obscure Objekt // Figurationen. Gender. Literatur. Kultur (hrsg. von B. Naumann). Köln: Böhlau, 2018. S. 7–12.
- 2. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2021. 391 p.
- 3. Ходус Е. В. Приватность как конвенциональный концепт: к обоснованию исследовательской стратегии // Грані. 2016. № 10. С. 30–37.
- 4. Hahn K., Koppetsch C. Zur Soziologie des Privaten. Einleitung // Soziologie des Privaten (hrsg. von K. Hahn, C. Koppetsch). Wiesbaden: Springer, 2011. Pp. 7–16.
- 5. Чеснокова Л. В. Индивидуализированное общество как социокультурный фундамент приватности // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, ч. 2, № 3. С. 375–389. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389.
 - 6. Longman Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Longman, 1998. 1568 p.

- 8. Hagendorf T. Post-Privacy oder der Verlust der Informationskontrolle // Privatsphähre 4.0. Eine Neuverortung des Privaten im Zeitalter der Digitalisierung (hrsg. von H. Berendt, W. Loh). Berlin: Metzler, 2019. Pp. 91–106.
 - 9. Westin A. Privacy and Freedom. New York: Atheneum, 1967. 487 p.
- 10. Schirmmeister C. Geheimnisse. Über die Ambivalenz von Wissen und Nicht-Wissen. Wiesbaden: DUV, 2004. 156 p.
 - 11. Rössler B. Der Wert des Privaten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. 379 p.
- 12. Ritter M. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 139 p.
- 13. Fried Ch. Privacy (A moral analysis) // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 203–222.
- 14. Rössler B. Privatheit und Autonomie: zum individuellen und gesellschaftlichen Wert des Privaten // Die Grenzen des Privaten (hrsg. von S. Seubert, P. Niessen). Baden-Baden: Nomos, 2019. Pp. 41–55.
 - 15. Rössler B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin: Suhrkamp, 2018. 443 p.
- 16. Benn S. Privacy, freedom and respect for persons // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 223–244.
- 17. Gavison R. Privacy and the limits of law // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 346–402.
- 18. Bloustein E. I. Privacy as an aspect of human dignity. An Answer to Dean Prosser // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 156–202.
- 19. Drozdova A. V. The Dichotomy of public/private in the new media space // Changing Societies & Personalities. 2020. T. 4, no. 4. Pp. 441–456.
- 20. Debatin B., Lovejoy J. P., Horn M. A., Hughes B. M. Facebook and Online Privacy: Attitudes, Behaviors, and Unintended Consequences. Текст: электронный // Journal of Computer-Mediated Communication. 2009. Vol. 15, is. 1. Pp. 83–108. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1083-6101.2009.01494.x (дата обращения: 15.05.2022).
- 21. Чеснокова Л. В. Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2. С. 22–38. DOI: 10.17726/phillT.2021.2.2.
- 22. Barnes S. B. A privacy paradox: Social networking in the United States. Текст: электронный // First Monday. 2006. Vol. 11. no. 9. URL: http://first-monday. org/article/view/1394/1312 (дата обращения: 15.05.2022).
- 23. Асеева И. А. Проблема приватности в цифровую эпоху // Науковедческие исследования: ежегодник. 2020. Вып. 6. С. 36–50. DOI: 10.31249/scis/2020.00.03.
- 24. Enserink M., Chin G. The end of privacy. Текст: электронный // Science. 2015. Vol. 347, is. 6221. Pp. 490–491. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.347.6221.490 (дата обращения: 15.05.2022). 25. Heller Ch. Post-Privacy. Prima leben ohne Privatsphäre. München: Beck, 2011. 174 p.

Информация об авторе

Чеснокова Леся Владимировна, кандидат философских наук; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55a; e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4283-0443.

Для цитирования

Чеснокова Л. В. Проблема безопасности личных данных и феномен постприватности в цифровом обществе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 39–48. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-39-48.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 22.07.2022.

References

- 1. Naumann, B. Privatheit das Obscure Objekt. In: Figurationen. Gender. Literatur. Kultur (hrsg. von B. Naumann). Köln: Böhlau, 2018. Pp. 7–12. (In Germ.)
- 2. Habermas, J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Fr. a. M: Suhrkamp Verlag, 2021. (In Germ.)
- 3. Khodus, E. V. Privacy as the conventional concept: to the rationalization of the research strategy. Scientific-theoretical almanac "Grani", no. 10, pp. 30–37, 2016. (In Rus.)
- 4. Hahn, K., Koppetsch, C. Zur Soziologie des Privaten. Einleitung. In: Soziologie des Privaten (hrsg. von K. Hahn, C. Koppetsch). Wiesbaden: Springer, 2011. Pp. 7–16. (In Germ.).

Чеснокова Л. В.

Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4

- 5. Chesnokova, L. V. Individualized society as a sociocultural foundation of privacy. Ideas and Ideals, vol. 11, issue 3, part 2, pp. 375–289, 2019. DOI: 10.17212/2075-08622019-11.3.2-375-389. (In Rus.)
 - 6. Longman. Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Longman, 1998. (In Engl.)
- 7. Warren, S. D., Brandeis, L. D. The Right to Privacy. In: Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology (ed. by F. Schoeman). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 75–104. (In Engl.)
- 8. Hagendorf, T. Post-Privacy oder der Verlust der Informationskontrolle. In: Privatsphähre 4.0. Eine Neuverortung des Privaten im Zeitalter der Digitalisierung (hrsg. von H. Berendt, W. Loh). Berlin, Metzler, 2019. Pp. 91–106. (In Germ.).
 - 9. Westin, A. Privacy and Freedom. New York: Atheneum, 1967. (In Engl.)
- 10. Schirmmeister, C. Geheimnisse. Über die Ambivalenz von Wissen und Nicht-Wissen. Wiesbaden: DUV, 2004. (In Germ.)
 - 11. Rössler, B. Der Wert des Privaten. Fr. a. M: Suhrkamp, 2001. (In Germ.)
- 12. Ritter, M. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. (In Germ.)
- 13. Fried, Ch. Privacy (A moral analysis). Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 203–222. (In Engl.)
- 14. Rössler, B. Privatheit und Autonomie: zum individuellen und gesellschaftlichen Wert des Privaten. In: Die Grenzen des Privaten (hrsg. von S. Seubert, P. Niessen). Baden-Baden: Nomos, 2019. Pp. 41–55. (In Germ.)
 - 15. Rössler, B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin: Suhrkamp, 2018. (In Germ.)
- 16. Benn, S. Privacy, freedom and respect for persons. In: Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 223–244. (In Engl.)
- 17. Gavison, R. Privacy and the limits of law. In: Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 346–402. (In Engl.)
- 18. Bloustein, E. I. Privacy as an aspect of human dignity. An Answer to Dean Prosser. In: Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 156–202. (In Engl.)
- 19. Drozdova, A. V. The Dichotomy of public/private in the new media space. Changing Societies & Personalities, no. 4, pp. 441–456, 2020. (In Engl.).
- 20. Debatin, B., Lovejoy, J. P., Horn, M. A., Hughes B. M. Facebook and Online Privacy: Attitudes, Behaviors, and Unintended Consequences. Journal of Computer-Mediated Communication, vol. 15, pp. 83–108, 2009. (In Engl.)
- 21. Chesnokova, L. V. Blurring the line between publicity and privacy on social media and the privacy paradox. Philosophical Problems of IT & Cyberspace, no. 2, pp. 22–38, 2021. DOI: 10.17726/phillT.2021.2.2 (In Rus.)
- 22. Barnes, S. B. A privacy paradox: Social networking in the United States. First Monday, no. 9, 2006. Web. 15.05.2022. http://first-monday.org/article/view/1394/1312. (In Engl.)
- 23. Aseeva. I. A. The problem of privacy in the digital age. Scientific research: yearbook, pp. 36–50, 2020. DOI: 10.31249/scis/2020.00.03. (In Rus.)
- 24. Enserink, M., Chin, G, The end of privacy. Science, vol. 347, pp. 490–491, 2015.Web. 15.05.2022. https://www.science.org/doi/10.1126/science.347.6221.490 (In Engl.)
 - 25. Heller, Ch. Post-Privacy. Prima leben ohne Privatsphäre. München: Beck, 2011. (In Germ.)

Information about author

Chesnokova Lesya V., Candidate of Philosophy; Dostoyevsky Omsk State University; 55a Mira ave., Omsk, 644077, Russia; e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-4283-0443.

For citation

Chesnokova L. V. Problem of Personal Data Security and the Phenomenon of Post-Privacy in the Digital Society // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 39–48. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-39-48.

Received: June 16, 2022; approved after reviewing July 20, 2022; accepted for publication July 22, 2022.

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ

HUMANITARIAN VECTOR OF DIGITALIZATION

Научная статья УДК 330.567.2/.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-49-57

Субъекты «знаниевой модели качества жизни» в концепциях постиндустриализма

Марина Борисовна Лига¹, Чжоу Чуаньмин², Цзян Дань³

^{1,2,3}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
¹irinasocio@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0532-0524

²zhou_2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0573-1342

³dan.tszian@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7430-9113

Современная эпоха – эпоха человеческих ресурсов, интеллектуального капитала как главных движущих сил развития общества, его цель - достижение достойного качества жизни, которое в современных условиях становится приоритетной целью, идеалом развития общества. Возникновение нового этапа в развитии социума (эпохи постиндустриализма, Третьей волны, информационного общества) послужило предпосылкой возникновения новой модели качества жизни - «знаниевой», что обусловливает цель исследования - выявление субъектов «знаниевой модели качества жизни» в концепциях представителей постиндустриализма, которые выдвигают идею о том, что специфическая модель качества жизни, её становление и эволюция детерминированы существующей эпохой. В статье анализируются концепции создателей постиндустриализма, выявлено, что каждому этапу развития общества соответствует своя специфическая модель качества жизни; носителем знаниевой модели качества жизни является социальный кластер, который осуществляет свою деятельность в профессиональной и повседневной жизни на основе знаний, интеллектуальных ресурсов, изобретений, новых форм организации, взаимоотношений друг с другом и окружающей средой. Теоретико-методологическую базу исследования составили концепции качества жизни представителей постиндустриализма Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса. Авторами использован сравнительно-сопоставительный анализ субъектов, функциональности, потребности в концепциях качества жизни представителей постиндустриализма, что позволило выявить различные подходы к определению субъектов «знаниевой модели качества жизни». Материалы исследования могут быть использованы при оценке трендов развития «знаниевой модели качества жизни», изучении перспектив развития социума; при построении прогнозов будущего развития человечества.

Ключевые слова: качество жизни, знаниевая модель, перспективы развития, общество, постиндустриализм

Благодарность: Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы № 355-ГР по теме «Качество образования и качество жизни: грани взаимодействия в эпоху четвёртой промышленной революции».

Лига М. Б., Чжоу Чуаньмин, Цзян Дань

Original article

Subjects of the "Knowledge Model of the Quality of Life" in the Concepts of Post-Industrialism

Marina B. Liga¹, Zhou Chuanming², Jiang Dan³

1,2,3 Transbaikal State University, Chita, Russia ¹irinasocio@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0532-0524 ²zhou_2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0573-1342 ³dan.tszian@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7430-9113

Modern era is the era of human resources, intellectual capital as the main driving forces for the development of society, the goal of which was to achieve a decent quality of life, which in modern conditions is becoming a priority goal, the ideal of society development. The emergence of a new stage in the development of society (the era of post-industrialism, the Third Wave, the information society) became a prerequisite for the emergence of a new model of quality of life - "knowledge", which determines the purpose of the study - to identify the subjects of the "knowledge model of quality of life" in the concepts of representatives of post-industrialism, who put forward the idea that a specific model of the quality of life, its formation and evolution are determined by the existing era. The article analyzes the concepts of the creators of post-industrialism. We revealed that each stage of the development of society has its own specific model of the quality of life. The bearer of the knowledge model of the quality of life is a social cluster that carries out its activities in professional and everyday life on the basis of knowledge, intellectual resources, inventions, new forms of organization, relationships with each other and the environment. The concepts of the quality of life by the representatives of post-industrialism J. Galbraith, D. Bell, E. Toffler and M. Castells are the theoretical and methodological basis of the study. The authors used a comparative analysis of subjects, functionality, the need for the concepts of quality of life by the representatives of post-industrialism, which made it possible to identify different approaches to determining the subjects of the "knowledge model of quality of life". The research materials can be used in assessing the trends in the development of a knowledge model of the quality of life, studying the prospects for the development of society and making forecasts for the future development of mankind.

Keywords: quality of life, knowledge model, development prospects, society, post-industrialism

Acknowledgment: The article was made as part of the research work No. 355-GR on the topic "The quality of education and the quality of life: facets of interaction in the era of the fourth industrial revolution".

Введение. Впервые в научном знании понятие «качество жизни» использовал А. Пигу в исследовании «Экономическая теория благосостояния» [1]. Учёный сформулировал основные подходы к его анализу [по: 2]. Концепция качества жизни А. Пигу рефлексировала развитие общества эпохи индустриализма, сформировалась модель качества жизни экономического человека, ориентированного на удовлетворение материальных потребностей, использующего знания для производства орудий труда [3].

Проблематика качества жизни стала объектом научного знания в 50–60-е гг. ХХ в., во время вступления США в стадию постиндустриализма, знаменующую огромные, гигантские перемены, сформировавшую новые ориентиры развития общества, его цели, самого человека. Анализ, оценка происходящих в обществе перемен получила свою интерпретацию в работе Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество». «Сам факт перемен, — отмечает автор, — не вызывает никаких сомнений. В течение последних семидесяти лет... нововведения были огром-

ны... Самое очевидное из них – применение всё более сложной и совершенной техники в сфере материального производства. Машины заменили примитивный ручной труд, и, по мере того как они все шире пользуются для управления другими машинами, они начинают выполнять более простые функции человеческого мозга» [4, с. 14–15]. Все эти процессы учёный связывает с изменениями технико-технологической основы развития общества [5].

У. Ростоу тоже использует понятие «качество жизни» в работе «Политика и стадии роста» [6]. В концепции развития социума учёный выделяет его этапы, дана их характеристика («традиционное общество», «переходное общество», «взлёт», «зрелость», «эра высокого массового потребления») [7]. Последнюю современную ему стадию развития общества исследователь называет стадией качества жизни, в которой главным сектором экономики становится сектор, производящий блага и услуги, приоритетной целью является создание условий для духовного развития личности. К числу механизмов

реализации данной цели учёный относит образование, здравоохранение, культуру, которые «формируют человека общества качества жизни, ориентированного на знания, интеллект, позволяющие ему выстроить свою профессиональную стратегию и обеспечить комфортные условия жизнедеятельности» [8]. Однако У. Ростоу отмечает, что решение всех этих задач возможно на основе широкого использования науки и техники [9].

Методология исследования. Методологическую основу работы составили концепции качества жизни представителей постиндустриализма Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса. Авторами использован сравнительно-сопоставительный анализ субъектов, функциональности, потребности в концепциях качества жизни представителей постиндустриализма, что позволило выявить различные подходы к определению субъектов «знаниевой модели качества жизни».

Результаты исследования и их обсуждение. Дж. Гэлбрейт проводит идею, которая характеризует позиции всех представителей постиндустриализма, а именно - определяющей роли научного знания. В первую очередь, как подчёркивает исследователь, эти изменения касаются экономики: возникают её новые секторы (сектор производства благ и услуг), появляются новые корпорации, деятельность которых основана на взаимном сотрудничестве, поддержке, происходит широкое использование нового капитала - знаниевого, наконец, появляется новый социальный кластер - техноструктура. Дж. Гэлбрейт определяет этот кластер как совокупность людей, обладающих знаниями и умениями, позволяющими им занять ключевые посты в экономике, политике, культуре, СМИ; сформировать и реализовать новую модель управления. Учёный отмечает, что именно этот кластер становится носителем всех изменений, создавая новую технологию, определяющую развитие образования, здравоохранения, культуры. Основным мотивом деятельности данной группы является удовлетворение не материальных потребностей, а потребностей в самореализации, самосовершенствовании. Техноструктура Дж. Гэлбрейта как бы замыкает на себе все процессы, изменения, происходящие в постиндустриальном обществе, определяя его перспективы, формируя новую модель качества жизни - «знаниевую», рефлексирующую в себе все потребности нового социального кластера.

Дальнейшее развитие, конкретизацию «знаниевая модель качества жизни» получила в творчестве Д. Белла, в работе «Гряпостиндустриальное дущее общество». Учёный, описывая современное ему общество, выделяет следующие его характеристики: приоритет теоретического знания как специфического ресурса всех изменений; становление новой социальной структуры; ведущую роль технологических инноваций; широкое использование интеллекта в управленческой деятельности. «Я стою на том, пишет Д. Белл, – что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют поворотные пункты современной истории. Первый поворотный пункт - изменение самого характера науки. Наука как "всеобщее знание" стала основной производительной силой современного общества. Второй поворотный пункт - освобождение технологии от её "императивного" характера, почти полное превращение её в послушный инструмент» [10, с. 297]. По мнению учёного, развитие общества и в настоящее время, и в будущем в первую очередь связано с широким распространением сферы услуг, как сектора, где формируется большой процент занятости населения. К сфере услуг отнесены: индивидуальные услуги, услуги, предоставляемые обществом человеку системами образования, здравоохранения, культуры, социальной инфраструктурой. В отличие от других представителей постиндустриализма Д. Белл даёт целостное описание социальной структуры общества, выделяя в ней три кластера: статусный, ситусный и контроля.

Статусный кластер чрезвычайно разнообразен. К нему отнесены инженеры, технические работники, административные и торговые служащие и даже представители неквалифицированного и полуквалифицированного труда.

Следующая группа — ситусная (от лат. situ — «положение, позиция») образуется из представителей разных профессий. При классификации выделяется принадлежность человека к профессиональной структуре общества.

Основным критерием образования и существования ситусного кластера Д. Белл называет профессиональную принадлежность.

Лига М. Б., Чжоу Чуаньмин, Цзян Дань

Описывая данный кластер, учёный отмечает четыре его типа и социальные институты как сферы функционирования ситусного кластера: «научный, технический (т. е. прикладные профессии: инженерное дело, экономика, медицина), административный и культурный и пять институциональных ситусов — экономические предприятия, государственные учреждения, университеты и научно-исследовательские центры, социальные комплексы (например, больницы, центры социальных услуг) и армия» [10, с. 158].

Третий кластер – кластер контроля, он неоднороден, как и предыдущие два. Д. Белл называет эту социальную группу меритокра-

тией — классом интеллектуалов, причисляя сюда учёных, инженеров, техников, лиц, имеющих высокий уровень образования [11]. Именно образование учёный считает главным средством формирования нового социального субъекта как интеллектуального ресурса социума, «знаниевой модели качества жизни». По мнению исследователя, качество жизни формируется не самой личностью, а той социальной группой, к которой она принадлежит (табл. 1). Таким образом, носителем «знаниевой модели качества жизни» является группа меритократов, формирующая основные тренды развития постиндустриального общества.

Таблица 1

Социальная структура общества в концепции Д. Белла

Критерии	Тип кластера	Представители	
Уровень	Статусный	Инженеры, технические работники, административные и торговые	
квалификации		служащие, представители неквалифицированного и полуквалифи-	
		цированного труда	
Профессиональная	Ситусный	Учёные, инженеры, профессиональные и технические работники –	
принадлежность		«сердце постиндустриального общества»	
Уровень	Кластер контроля	Меритократия (представители технического, научного и професси-	
образования		онального сообщества, имеющие высокий уровень образования).	
		«Жрецы нового строя»	

Характеризуя «знаниевую модель качества жизни» населения, Д. Белл делает ряд выводов: во-первых, качество жизни личности детерминировано её принадлежностью к определённому социальному кластеру; во-вторых, субъектом «знаниевой модели качества жизни» становится человек, обладающий знаниями, информацией как интеллектуальным ресурсом, формирующим новые постматериалистические ценности; в-третьих, экономика знаний, основанная на новых технологиях, актуализирует необходимость постоянной эволюции образования, его содержания, формируется новая система управления - система управления качеством жизни как приоритетным трендом развития постиндустриального общества.

Концептуальные основы «знаниевой модели качества жизни» получили свою рефлексию в творчестве Э. Тоффлера [12]. Рассматривая развитие общества как смену трёх стадий (аграрная, индустриальная, супериндустриальная), учёный выделяет основные тренды эволюции социума в супериндустриальную эпоху, реализация которых детерминирует становление новой модели качества жизни — «знаниевой». К ведущим трендам её эволюции Э. Тоффлер

относит ускорение темпов социальных процессов; быстрое развитие научных знаний, сокращение сроков их внедрения в технологические процессы. Основой всех процессов в обществе становятся технологии, которые обеспечивают адаптацию к происходящим переменам, формируют новое восприятие окружающего мира, а также способствуют преодолению шока будущего - болезни перемен. В данном случае проблема заключается в том, что современные технологии создают новые среды, условия, пространство, являясь причиной шока будущего. В то же время данные технологии помогают личности приспособиться к происходящим переменам. С точки зрения Э. Тоффлера, именно «эта технология, выполняющая противоречивые функции служит сама себя питательной средой» [13, с. 38]. Тем самым учёный ещё раз подчёркивает определяющую роль технологических инноваций в жизнедеятельности социума.

В структуре супериндустриального общества исследователь выделяет следующие сферы: техносферу, социосферу, иносферу и психосферу, которые взаимосвязаны друг с другом, формируют нового человека и новое пространство (табл. 2).

Таблица 2
Эволюция сфер жизнедеятельности супериндустриального общества по Э. Тоффлеру

Сфера	Основные эволюционные изменения				
Техносфера	Использование возобновляемых ресурсов, появление новых сфер производства (компьютерной, генной инженерии, полупроводниковой и др.)				
Социосфера	Рост числа ненуклеарных семей, появление электронных коттеджей, новые формы организации профессиональной деятельности («матрица», "adhoc", «ячеистые организации»), постоянно изменяющееся содержание образования и его инновационных структур. Изменение в сфере трудовой деятельности: функционирование производств за пределами мест проживания людей, работа дома, её гибкий характер, большое количество профессионалов, имеющих высокий уровень образования и ориентированных не на материальное вознаграждение, а на самореализацию, самоактуализацию				
Иносфера	Появление новых источников информации, её быстрая смена, ограниченность информации, её фрагментарность, отсутствие готовых ролей поведения, оценки окружающей действительности. Рост самостоятельности в выборе моделей поведения, образа жизни				
Психосфера	Формирование целостного мышления, рост самостоятельности в решении личных проблем, повышение уровня адаптации к постоянным изменениям				

Дав характеристику сферам супериндустриального общества, далее исследователь, используя сравнительно-сопоставительный метод, делает подробное описание субъекта этого общества, носителя «знаниевой модели качества жизни». Э. Тоффлер, пожалуй, один из представителей постиндустриализма, сделавший целостное описание субъекта Третьей волны развития социума. Описывая субъекта индустриального общества, учёный называет его бюрократом, человеком организации, функционером, раскрывая его роль и место в обществе Второй волны. Индустриальное общество - бюрократическая система, детерминирующая деятельность человека, которая осуществляется в жёстко очерченном пространстве, контролируя отношения с другими людьми, а также статус последнего [14]. Жизнедеятельность человека индустриальной цивилизации строго регламентирована отношениями с другими сотрудниками, организацией, материальным вознаграждением, подчинением, необходимостью выполнения определённых функций, «структурой ролей». Для бюрократии, как отмечает Э. Тоффлер, характерен «особый сорт людей, определяющийся тремя особенностями бюрократии - постоянством, иерархией, разделением труда» [по: 15]. К числу основных характеристик человека индустриального общества исследователь относит запрограммированную, стандартизованную определёнными нормами, правилами, инструкциями профессиональную деятельность и повседневную жизнь, отсутствие стремления к творчеству, нацеленность на реализацию витальных потребностей на основе получения материального вознаграждения, наличие особого менталитета. Человек индустриального общества отличается особой пунктуальностью, ментальностью, как пишет Э. Тоффлер, – «индуст-реальностью».

Таким образом, согласно концепции Э. Тоффлера, носителем экономической модели качества жизни становится индивид, которого он называет по-разному: функционером, "Industrial Man", бюрократом, человеком организации, – обращая внимание на то, что использование разных терминов позволяет сформировать характеристики данного социального типа, которые формирует сама цивилизация Второй волны.

«Эпоха Третьей волны» сформировала новый образ цивилизации, образ человека, модель качества жизни, которая, отражая особенности нового социума, получила название «знаниевая модель качества жизни». На историческую арену выходит новый кластер, получивший название «технореволюционеры, или агенты третьей волны», профессиональная деятельность которых связана с производством инновационных идей, их внедрением в экономику. Введя понятие «технореволюционеры» как рефлексию новой социальной группы, Э. Тоффлер отражает в нём основные процессы, происходящие в обществе Третьей волны: возникновение новых субъект-субъектных и объект-субъектных отношений, становление экономики «знаний».

Вместе с тем чуть позже учёный пишет о становлении нового работника, без раскрытия содержания данного термина. Особое внимание исследователь уделяет проблеме гуманизации технологий, техники, что было продиктовано загрязнением окружающей среды, невозможностью человека управ-

Лига М. Б., Чжоу Чуаньмин, Цзян Дань

лять экологическими и экономическими рисками. Давая характеристику носителю этой модели, Э. Тоффлер отмечает, что супериндустриальный человек не стремится занять постоянное, чётко определённое место и осуществлять бессмысленные рутинные задачи, исходящие сверху, он всё более понимает, что должен взять на себя ответственность за принятие решений; именно так он должен поступать, находясь внутри организационной структуры, меняющейся, как в калейдоскопе, и построенной на кратковременных и в высшей степени человеческих отношениях. Среди основных компетенций человека супериндустриального общества учёный выделяет такие умения, как умение учиться, общаться и выбирать.

Технореволюционерам присущи следующие качества: ориентация на постматериалистические ценности, карьерный успех, крупномасштабность мышления, его целостность, креативность. Кроме того, формируется новая идентичность, которая не даётся целиком, человек не выбирает из уже имеющихся, а складывает её сам. Такой механизм исследователь объясняет изменением в первую очередь взаимоотношений внутри самого общества, социальной группы, высоким уровнем индивидуализма, ростом стрессовых ситуаций. Так учёный характеризует носителя «знаниевой модели качества жизни».

В отличие от других представителей концепций постиндустриализма Э. Тоффлер не абсолютизирует человека общества Третьей волны. Он пишет о стрессовых ситуациях, в которых оказывается новой работник, о росте подростковой преступности, алкоголизме, самоубийствах. В целом эту ситуацию учёный называет футурошоком, или «шоком будущего», для которого характерны быстротечные изменения в самом обществе и в каждом человеке, появление огромного потока новых знаний, технических новшеств, возникновение противоречий между новым состоянием реальности и её восприятием сознанием человека. Учёный предлагает выход из создавшейся ситуации: необходимы новые личные и социальные механизмы, регулирующие не только жизнедеятельность отдельного индивида, но и общества в целом, контролирующие все изменения, происходящие в социуме.

Большой вклад в развитие «знаниевой модели качества жизни» внёс М. Кастельс,

считавший, что в настоящее время есть все основания говорить об информационном обществе, становление которого он связывал с революцией в информационных технологиях. Переход в новой стадии развития общества, по мнению учёного, «безусловно, основан на революции в информационных технологиях... процессы экономических, политических и культурных изменений были усилены и увеличены необычайно могущественными информационными технологиями» [16, с. 21]. Результатом внедрения информационных технологий станет создание сетевого общества, изменившего весь процесс жизнедеятельности личности - как в профессиональной, так и в повседневной жизни. К числу таких изменений, которые нашли отражение в «знаниевой модели качества жизни», учёный относил следующие процессы: 1) ориентацию на технологическое развитие на основе знаний, информационных ресурсов; 2) становление новой модели производства – гибкого производства, позволяющей быстро и оперативно реагировать на происходящие процессы и новые явления; 3) ликвидацию жёстких крупных форм организации, их замену динамичными, находящимися в постоянном изменении мелкими фирмами; 4) возникновение новой структуры – профессиональной как основной, главной (принадлежность к той или иной профессиональной группе определяется на основе такого критерия как уровень образования); 5) появление новой профессиональной группы – сетевых работников, регулирующих и обеспечивающих жизнь сетевого общества и выступающих субъектами «знаниевой модели качества жизни».

Сетевые работники, как отмечает учёный, - люди в возрасте от 25 до 40 лет, имеющие высокий уровень образования, что позволяет им реализовывать свою деятельность в сетевом обществе с помощью широкого использования информационных технологий, сетевых коммуникаций. Информационные технологии позволяют заменить труд многих людей, оставляя невостребованными 2/3 трудовых ресурсов. Как считает М. Кастельс, это вовсе не ведёт к росту безработицы, напротив, данная ситуации детерминирует необходимость их развития, адаптацию к новым условиям жизни путём повышения образовательного уровня [17]. Факты опровергают этот тезис учёного: многие люди не всегда в силу своего уровня

жизни, возрастного ценза, профессиональных знаний, отсутствия образования могут вписаться в новое общество.

Современное общество — сетевая структура сетевых коммуникаций между государством, властью, производством и личностью, где последняя должна изменить свою профессиональную и повседневную жизнь в связи и на основе широкого распространения информационных технологий. В этой ситуации, как считает М. Кастельс, востребованными окажутся те, кто обладает навыками адаптации к новым информационным технологиям, умеет их использовать, имеет соответствующий уровень образования и способен сформировать новый вид коммуникации — сетевую социальность [18].

Сетевая социальность становится причиной появления двух групп людей. Первую группу учёный называет «самопрограммируемой рабочей силой» - это индивиды, осуществляющие свою деятельность путём сетевых коммуникаций. Вторая группа - «общей рабочей силой», исключённая из интернета в силу разных причин - отсутствия профессиональных умений и навыков, нежелания менять прежний образ жизни, низкий уровень образования. Первая группа (сетевые работники), представляет своей деятельностью, по М. Кастельсу, «знаниевую модель качества жизни», постоянно наполняя её новым содержанием. Концепции качества жизни представителей постиндустиализма отражены в табл. 3.

Таблица 3

Субъекты «знаниевой модели качества жизни»

Характеристика	Дж. Гэлбрейт	Д. Белл	Э. Тоффлер	М. Кастельс
Субъект	Техноструктура	Меритократия – класс интеллектуалов	Технореволюционеры (новый работник, «агенты Третьей волны»)	Сетевые работники
Функциональность	Ключевые посты в экономике, по- литике, культуре, СМИ	Деятельность в сфере научного знания	Деятельность в организации нового типа – адхократии, сформированной во всех сферах жизнедеятельности	Деятельность в сфере информационных технологий
Потребность	В самореализа- ции, самосовер- шенствовании	В образовании, информации как основе всех изменений в жизнедеятельности индивида и общества	В учёбе, общении, выборе	В получении знаний, их накоплении и со- вершенствовании

Заключение. Таким образом, по мнению создателей концепции постиндустриализма каждому этапу развития общества соответствует своя специфическая модель качества жизни, становление и эволюция которой детерминированы самой эпохой. Возникновение нового этапа в развитии социума (эпохи постиндустриализма, Третьей волны, информационного общества) послу-

жило предпосылкой возникновения новой модели качества жизни — «знаниевой», носитель которой — социальный кластер — осуществляет свою деятельность в профессиональной и повседневной жизни на основе знаний, интеллектуальных ресурсов, изобретений, новых форм организации, взаимоотношений друг с другом и окружающей средой.

Список литературы

- 1. Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985. 454 с.
- 2. Кукель Е. П., Косьмина Е. А. Историко-философское осмысление экономической теории благосостояния // Омский научный вестник. 2018. № 2. С. 47–51.
 - 3. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.
 - 4. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига: Terra Fantastica, 2004. 602 с.
- 5. Выголко Т. А. Анализ экономической власти в работах Дж. К. Гэлбрейта // Вестник института экономических исследований. 2016. № 4. С. 81–88.
 - 6. Ростоу У. Политика и стадии роста. М.: Прогресс, 1973. 150 с.

Лига М. Б., Чжоу Чуаньмин, Цзян Дань

- 7. Dennis A. V. Brown. The Use of Life Narrative and Living Standard Measurement Survey Data in the Study of Poverty in the Caribbean: A Resolution of Conflicting Epistemologies // Sociology Mind. 2013. No. 3. July. DOI: 10.4236/sm.2013.33030.
- 8. Yakovleva M. A. Digital economy as a stage of economic growth of society // International Conference "Scientific research of the SCO countries: synergy and integration". Beijing: Infinity Pub., 2019. Pp. 38–44.
 - 9. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. 378 с.
- 10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
 - 11. Bell D. The Social Framework of the information Society. New York: Basic Books. 1980. 507 p.
 - 12. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. 776 с.
 - 13. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2003. 557 с.
 - 14. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008. 569 с.
- 15. Фурс Е. И. Особенности концепции модернизации в трудах Э. Тоффлера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 239–244.
 - 16. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
- 17. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication 2007. Vol. 1. Pp. 238–266.
- 18. Castells M., Cardoso G. The network society: From knowledge to policy/ Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2006. Pp. 3–23.

Информация об авторах

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: irinasocio@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0532-0524.

Чжоу Чуаньмин, аспирант; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: zhou 2020@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-0573-1342.

Цзян Дань, аспирант; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: dan.tszian@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7430-9113.

Вклад авторов в статью

М. Б. Лига – основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

Чжоу Чуаньмин и Цзян Дань – организаторы сбора материала исследования, его анализа и систематизации, оформления статьи.

Для цитирования

Лига М. Б., Сюй Ин, Цзян Дань. Субъекты «знаниевой модели качества жизни» в концепциях постиндустриализма // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 49–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-49-57.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

References

- 1. Pigu, A. S. Welfare economics. M: Progress, 1985. (In Rus.)
- 2. Kukel', E. P., Kos'mina, E. A. Historical and philosophical understanding of the economic theory of welfare. Omsk Scientific Bulletin, no. 2, pp. 47–51, 2018. (In Rus.)
 - 3. Sen, A. Development as freedom. M: Novoe izdatel'stvo, 2004. (In Rus.)
 - 4. Galbraith, J. The New Industrial State. M: AST, Tranzitkniga, Terra Fantastica, 2004. (In Rus.)
- 5. Vygolko, T. A. Analysis of economic power in the works of J. K. Galbraith. Vestnik of the Institute for Economic Research, no. 4, pp. 81–88, 2016. (In Rus.)
 - 6. Rostou, U. Politics and stages of growth. M: Progress, 1973. (In Rus.)
- 7. Dennis, A. V. Brown. The Use of Life Narrative and Living Standard Measurement Survey Data in the Study of Poverty in the Caribbean: A Resolution of Conflicting Epistemologies. Sociology Mind, no. 3, July. DOI: 10.4236/sm.2013.33030, 2013. (In Engl.)
- 8. Yakovleva, M. A. Digital economy as a stage of economic growth of society. International Conference "Scientific research of the SCO countries: synergy and integration". Beijing: Infinity Pub.: 38–44. (In Engl.)
 - 9. Polyakova, N. L. The XX century in sociological theories of society. M: Logos, 2004. (In Rus.)
- 10. Bell, D. The coming post-industrial society. Experience of social forecasting. M: Academia, 2004. (In Rus.)
 - 11. Bell, D. The Social Framework of the information Society. New York. Basic Books, 1980. (In Engl.)

- Liga M. B., Zhou Chuanming, Jiang Dan
- 12. Toffler, E. The Third Wave. M: AST, 2002. (In Rus.)
- 13. Toffler, E. Future Shock. M: AST, 2003. (In Rus.)
- 14. Toffler, E., Toffler, H. Revolutionary wealth. M: AST, 2008. (In Rus.)
- 15. Furs, E. I. Features of the concept of modernization in the works by E. Toffler. Bulletin of Voronezh State University, no. 3, pp. 239–244, 2008. (In Rus.)
 - 16. Castells, M. The Information Age. Economy, society and culture. M: 2000. (In Rus.)
- 17. Castells, M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society. International Journal of Communication, no. 1, pp. 238-266, 2007. (In Engl.)
- 18. Castells, M., Cardoso, G. The network society: From knowledge to policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2006: 3–23. (In Engl.)

Information about authors

Liga Marina B., Doctor of Sociology, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: irinasocio@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0532-0524.

Zhou Chuanming, Postgraduate Student; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: zhou_2020@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-0573-1342.

Jiang Dan, Postgraduate Student; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: dan.tszian@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7430-9113.

Contribution of authors to the article

M. B. Liga is the main author, the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Zhou Chuanming and Jiang Dan are the organizers of the collection of research material, its analysis and systematization, and the design of the article.

For citation

Liga M. B., Zhou Chuanming, Jiang Dan. Subjects of the "Knowledge Model of the Quality of Life" in the Concepts of Post-Industrialism // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 49-57. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-49-57.

Received: September 20, 2022; approved after reviewing October 25, 2022; accepted for publication October 26, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 332

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-58-68

Цифровая модель качества жизни

Ирина Анатольевна Щеткина¹, Екатерина Михайловна Лига², Максим Андреевич Захаров³

^{1, 3}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия; ²Читинский педагогический колледж, г. Чита, Россия ¹irinasocio@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0532-0524; ²ligaem@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5367-7766; ³maksim_zakharov_3@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1312-2360

На современном этапе развития общества усилилось внимание учёных и практиков к анализу цифрового общества. Об этом свидетельствуют появление различного рода публикаций в русле данной проблематики; формирование и реализация нормативно-правовых документов (Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы). В связи с этим становится актуальным анализ новой модели качества жизни – цифровой, как одного из результатов развития цифрового общества. Методологическую основу исследования составляют концепции представителей постиндустриализма Д. Белла, П. Друкера, Г. Гэлбрейта, Э. Тоффлера о роли теоретического знания и технологий в обеспечении качества жизни как детерминантов всех процессов, протекающих в обществе, а также идеи членов Римского клуба, создавших модели качества жизни и определивших пути его обеспечения применительно к развивающимся странам. В данной статье проведён анализ отдельных моделей цифрового общества как социальных практик, который показал, что основным трендом их развития должно стать новое качество жизни – цифровое, порождённое цифровой средой и формирующее новые технологии, коммуникации, механизмы взаимодействия. Определено понятие «цифровая модель качества жизни» - отражение процессов цифровизации обыденной жизни и профессиональной деятельности нового субъекта общественной жизни. Выявлено, что в цифровой модели качества жизни возникают новые взаимодействия: определяющим и производящим все блага ресурсом являются знания, создающие новые технологии; внедрение данных технологий обеспечивает развитие цифровой экономики, которая формирует потребность в новых механизмах, детерминирующих эволюцию социума и человека как субъекта этих тенденций, которого должно сформировать образование. Исследована цифровая модель качества жизни с позиций объективизма и субъективизма. Материалы исследования могут быть использованы при оценке трендов развития современного цифрового общества, выявлении перспектив развития социума в условиях цифровизации; при построении прогнозов будущего развития человечества.

Ключевые слова: качество жизни, цифровая модель, цифровое общество, цифровизация, перспективы развития, четвёртая технологическая революция, общество

Благодарность: Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы № 355-ГР по теме «Качество образования и качество жизни: грани взаимодействия в эпоху четвёртой промышленной революции».

Original article

Digital Model of Quality of Life

Irina A. Shchetkina¹, Ekaterina M. Liga², Maxim A. Zakharov³

^{1,3}Transbaikal State University, Chita, Russia; ²Chita Pedagogical College
 ¹irinasocio@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0532-0524;
 ²ligaem@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5367-7766;
 ³maksim zakharov 3@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1312-2360

At the present stage of the developed society, the attention of scientists and practitioners to the analysis of the digital society has increased. This is evidenced by the appearance of various publications in line with this issue; the formation and implementation of regulatory documents, for example, the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. In this regard, it becomes relevant to analyze a new model of the quality of life, a digital one, as one of the results of the development of a digital society. The methodological basis of the research is the concepts of the representatives of post industrialism

© Щеткина И. А., Лига Е. М., Захаров М. А., 2022

D. Bell, P. Drucker, G. Galbraith, E. Toffler about the role of theoretical knowledge and technology in ensuring the quality of life as determinants of all processes occurring in societies, as well as the ideas of the members of the Club of Rome, who created models of life quality and determined the ways to ensure it in relation to developing countries. This article analyzes individual models of digital society as social practices, which showed that the main trend of their development should be a new quality of digital life, generated by the digital environment and forming new technologies, communications, interaction mechanisms. A certain concept of "digital model of quality of life" is a reflection of the processes of digitization of everyday life and professional activity of a new subject of public life. We revealed that new interactions arise in the digital model of quality of life: knowledge that creates new technologies is the determining and producing resource for all benefits; the introduction of these technologies ensures the development of the digital economy, which forms the need for new mechanisms that determine the evolution of society and man, as the subject of these trends which education should form. The digital model of the quality of life is studied from the standpoint of objectivism and subjectivism. The research materials can be used in assessing trends in the development of modern digital society, identifying the prospects for the development of society in the conditions of digitalization, in making forecasts of the future development of mankind.

Keywords: quality of life, digital model, digital society, digitalization, development prospects, fourth technological revolution, society

Acknowledgment: The article was made as part of the research work No. 355-GR on the topic "The quality of education and the quality of life: facets of interaction in the era of the fourth industrial revolution".

Введение. Современное общество вступило в новую эпоху – эпоху цифровизации, основой которой стала четвёртая промышленная революция, получившая свою рефлексию в концепции К. Шваба и не имеющая аналогов в истории человечества. В рамках данной концепции выделены основные характеристики. Четвёртая промышленная революция характеризуется экспоненциальными темпами развития: используемые технологии порождают новые инновационные технологии, что является порождением многогранного, глубоко взаимозависимого мира, в котором мы живём. Другой чертой четвёртой промышленной революции является широта и глубина изменений, которая охватывает все сферы: экономику, бизнес, жизнедеятельность каждой личности. «Она изменяет не только то, "что" и "как" мы делаем, но и то, "кем" мы являемся» [1, с. 9]. К числу характеристик четвёртой промышленной революции К. Шваб относит и системное воздействие, которое предполагает изменение всех сторон, всех систем социума.

Обращаясь к современной социальной практике, данная концепция рефлексирует основные тренды развития общества в настоящее время на основе цифровизации:

- трансформацию образования, здравоохранения, культуры всей социальной сферы, потребностей личности, деятельности правительства и государственных учреждений, форм коммуникации;
- создание условий для восстановления и сохранения окружающей среды;
- формирование ответственности всех за преобразования, детерминированные

четвёртой технологической революцией. Результатом этого процесса должны стать изменения экономической, социальной, культурной и гуманитарной среды обитания человека и общества;

– понимание актуальности взаимодействия технологий и общества, их интеграции и вписывание друг в друга. Это открывает широкие возможности использования инноваций в жизни, а также возможности их контроля со стороны социума. Эти технологии созданы самим обществом, они не являются внешней силой по отношению к нему.

По мнению К. Шваба, роль конвергентных технологий и их влияние на эволюцию социального и природного пространства определяются деятельностью самого человека, его умением их использовать. В современном социуме изменяется сам механизм взаимодействия. В настоящее время не только технологии меняют общество, но и само общество влияет на производство и воспроизводство инновационных технологий.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составляют концепции представителей постиндустриализма: Д. Белла, П. Друкера, Г. Гэлбрейта, Э. Тоффлера о роли теоретического знания и технологий в развитии человека как детерминантов всех процессов, протекающих в обществе и формирующих «знаниевую модель качества жизни», а также идеях о развитии социума как последовательной смене определённых этапов (у Э. Тоффлера — это три волны цивилизации; у Д. Белла — аграрное, индустриальное, постиндустриальное общество; сетевое общество М. Кастельса и др.). Особую роль сыграли

идеи членов Римского клуба, создавших модели качества жизни и определивших пути его обеспечения применительно к развивающимся странам.

Результаты исследования и их обсуждение. К. Шваб выделяет основные направления влияния технологической революции на общество и человека:

- реализацию на практике технологий, которые изменяют самого человека, его восприятие мира, образ жизни;
- появление новых социальных базовых моделей, которые воплощают и создают эти технологии» и выступают основой всех трансформаций в результате технологической революции;
- формирование нового человека, ориентированного на использование инновационных технологий в повседневной и профессиональной жизни, что позволит сделать мир лучше и умнее.

Абсолютизируя роль и значимость техники в социуме, К. Шваб придерживается концепции представителей постиндустриализма, признающих определяющую роль техники, знаний, технологических инноваций в эволюции социума. С помощью радикальных технологических изменений мы имеем возможность поразмышлять, кто мы есть на самом деле и как мы воспринимаем мир. Чем больше мы размышляем о том, как использовать огромные преимущества технологической революции, чем внимательнее мы всматриваемся в самих себя и в базовые социальные модели, которые воплощают и создают эти технологии, тем шире наши возможности формировать эту новую революцию, чтобы сделать мир лучше [2].

К. Шваб абсолютизирует значимость четвёртой технологической революции как механизма создания нового общества. В то же время учёный говорит и о рисках, вызванных четвёртой промышленной революцией. В частности, уже в настоящее время становится очевидным, что четвёртая промышленная революция в процессе трансформации порождает не только положительные моменты, но и угрозы и риски. О рисках, вызванных технологической революцией, говорилось на Всемирном экономическом форуме (2017–2018). Среди таких рисков и угроз были названы следующие: биотехнологии, геоинжиниринг, киберугрозы, технологии, разрушающие окружающую природную и социальную среду.

К. Шваб в своей концепции прогнозирует результаты развития четвёртой промышленной революции, одним из которых должно стать создание нового общества — цифрового.

В современной научной литературе нет общепринятого и устоявшегося понятия «цифровое общество». На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в настоящее время ещё не выработан методологический и методический аппарат исследования цифрового общества, цифровая социология как среднеуровневая социологическая теория находится в стадии становления, нет чёткого определения её объекта, предмета, функций. Вместе с тем следует отметить активное внимание учёных к исследованию цифрового общества, что находит своё отражение в появлении большого количества его определений, выделении характеристик, определении места и роли в развитии цивилизации. Большое внимание в исследованиях цифрового общества отводится анализу его негативных и позитивных последствий, оценке влияния конвергентных технологий на эволюцию человека, разработке теоретических концепций цифрового общества, тенденций его эволюции.

По мнению М. Кастельса, основное содержание цифрового общества составляют два элемента: информация и действия, связанные с её обработкой, получением и передачей. Информация охватывает все сферы, уровни и виды деятельности человека. Цифровое общество построено на сетевых потоках, «...оно построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни» [3].

Многие авторы, опираясь на концепции постиндустриализма и информационного общества, трактуют цифровое общество в двух аспектах: либо как этап развития постиндустриального, либо как «элемент цифровой цивилизации». Это не позволяет рассмотреть общество «цифры» как самостоятельное образование, выделить его специфические черты, определить тенденции развития. Так, Ю. А. Чернавин рассматривает цифровое общество как «высший на сегодняшний день этап развития постин-

дустриализма», отмечая в то же время его существенное отличие от постиндустриального [4].

Анализ определений цифрового общества провела Д. Е. Добринская [5]. Существующее разнообразие трактовок цифрового общества, как и многих дефиниций современности, объясняют слова Г. В. Гегеля: «Чем богаче подлежащий определению предмет, т. е. чем больше различных сторон он представляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции» [6].

Общим для всех приведённых определений является выделение и описание технической составляющей общества. Данные определения рассмотрены в рамках методологической позиции Э. Тоффлера. Согласно его конструкции, цивилизация Третьей волны, которую учёные рассматривают как одну их предпосылок становления цифрового общества, включает в себя четыре сферы: техно-, социо-, инфо-, психо-, - взаимодействующих друг с другом при определяющей роли техносферы [7]. В основе данных взглядов лежит принцип технологического детерминизма, что позволило создателям концепции постиндустриализма заявить об определяющей роли техники и технологий в достижении достойного качества жизни.

В настоящее время сложились различные модели цифрового общества. В частности, в Японии – это «Общество 5.0», или умное «суперобщество»; в Германии – «Индустрия 4.0»; в России – «общество цифровой экономики».

В центре японской модели находится человек, которому предстоит мобилизовать свои человеческие ресурсы для развития страны. Именно интеллект, знание, по мнению создателей этого проекта, смогут обеспечить жизнедеятельность каждого японца, сделать его жизнь интересной, комфортной, насыщенной.

Это общество «...способно:

- предоставлять необходимые товары и услуги тем людям, которые в них нуждаются, в нужное время и в нужном количестве;
- адресно реагировать на самые разные социальные нужды;
- предоставлять высококачественные услуги, обеспечивать энергичную и комфортную жизнь для людей разного возраста, пола, региона и языка, имеющих разные предпочтения» [8].

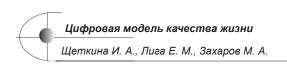
Кроме того, в данной модели выделены и технологии её достижения: организация взаимодействия людей, роботов и искусственного интеллекта, развитие сотрудничества между промышленностью, научными кругами и правительством, а также соответствующими министерствами, вложение в человеческие ресурсы, продвижение математических исследований и др.

Важным моментом данной модели является создание комфортной среды обитания для людей, особенно тех, кто реализует и внедряет в практику новые технологии, тех, кто создаёт условия для достойной жизни всей японской нации. Для решения данного вопроса в модели «Общество 5.0» обозначены следующие технологии, касающиеся моральных сторон профессиональной деятельности:

- обеспечение постоянного поощрения работников в сфере научно-технологической инициативы как условия, способствующего развитию их активности в изменяющихся социальных обстоятельствах;
- создание профессиональной среды, содействующей реализации карьерных стратегий личности;
- трансформация образования на всех уровнях.

Значимым трендом японской модели цифрового общества как одной из стадий информационно-ориентированного общества является улучшение качества жизни путём интеграции физического пространства с цифровой средой [9].

Эта политика своими истоками относится ко времени поражения страны во Второй мировой войне, следствием чего стали: гибель двух миллионов человек, потеря колоний, которые являлись поставщиком дешёвого сырья, рост безработицы, инфляция, ликвидация армии и военных предприятий, рост социального недовольства. Развитие Японии в это время требовало кардинальных перемен, что и было сделано. Политика, проводимая правительством страны, касалась не только экономики, но и социальной сферы, что стало одной из причин «экономического чуда». Была создана система социального обеспечения, которая включала здравоохранение, пенсии и другие социальные услуги. Предпосылки создания модели «Общество 5.0» были созданы самим процессом развития Японии в послевоенные и последующие

годы. Модель ориентирована на улучшение качества жизни людей на основе широкого использования различных инновационных технологий в условиях четвёртой промышленной революции.

Центром германской модели «Индустрия 4.0» являются «умные» заводы и «умные» производства, вокруг которых реализуются и вращаются все остальные процессы, в том числе касающиеся и человеческих ресурсов. Главная цель германской модели – обеспечение эффективности производственных процессов путём активного развития «умных» производств. Преимущество таких производств заключается в реализации производственных процессов любой сложности; ориентации на индивидуальные услуги и заказы; возможности постоянного отслеживания всего цикла производства; объединении составляющих производство элементов в единую информационную сеть (производственные процессы, машины, роботы, искусственный интеллект, материальные и человеческие ресурсы, компании и т. д.) и др. [10].

В данной модели обеспечение достойного качества жизни связано с самим производством. Именно необходимость повышения эффективности производственных процессов актуализирует значимость повышения качества жизни населения. По мнению создателей данной модели, трансформация здравоохранения, образования, системы карьерного роста, занятости наряду с технологическими, организационными и управленческими факторами будет способствовать росту конкурентоспособности немецкой экономики. Без решения данной задачи в настоящее время невозможно развитие современного социума, где движущим фактором является знание, интеллект, человеческий ресурс. В отличие от японской модели «Общество 5.0», где достижение достойного качества жизни - основной тренд развития страны в XXI в., германская модель считает задачу повышения качества жизни второстепенной, служащей фактором, способствующим обеспечению развития экономики страны в целом.

Модель цифрового общества в России ставит своей целью повышение качества жизни населения путём широкого использования цифровых технологий, охватывающих все сферы жизнедеятельности человека. Решение данной задачи предполагает активное внедрение во все сферы экономи-

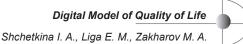
ческой и социальной жизни инновационных технологий; развитие человеческого потенциала как главного фактора трансформации общества, через формирование новых трендов образования, здравоохранения, культуры, создающих новое поколение, обладающее способностями производить инновации опережающего развития, вписываться в изменяющееся социальное пространство, быть субъектами творческой инновационной деятельности не только в экономике, но и других сферах жизнедеятельности социума, создателями новой инфраструктуры. В указе Президента Российской Федерации В. В. Путина определены пять целей национального развития России до 2030 г. Среди них следует выделить следующие:

- сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов, комфортная и безопасная среда для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, а также цифровая трансформация¹. Показателем эффективности/неэффективности реализации данных задач должно стать новое качество жизни не только как результат, но и как основа дальнейшего развития страны.

Проведённый анализ отдельных моделей цифрового общества как социальных практик показал, что основным трендом их развития должно стать новое качество жизни — цифровое, порождённое цифровой средой и формирующее новые технологии, коммуникации, механизмы взаимодействия. В современном мире многие учёные связывают достижение достойного качества жизни именно с цифрровизацией как инструментом, позволяющим решить данную задачу, обеспечить качество человеческого капитала.

Проблематика качества жизни не является новой для современной науки. В теоретическом знании созданы и прошли прикладную апробацию различные модели качества жизни. Первой такой моделью стала модель качества жизни экономического человека, ориентированного на удовлетворение материальных потребностей. Данная модель соответствовала эпохе индустриального общества, представленного такими

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728 (дата обращения: 21.07.2022). – Текст: электронный.

отраслями экономики, как промышленность, строительство. В эпоху постиндустриального общества создано большое количество моделей качества жизни: экологическая, виталистская, ценностная, знаниевая, психологическая, здравоохранительная и др. Большой вклад в разработку моделей качества жизни внесли представители Римского клуба [11]. Каждая из этих моделей рефлексировала состояние общественной жизни, перспективы её развития, объективные условия существования человека.

В настоящее время, когда цифровизация проникает во все сферы, структуры жизни личности, речь должна идти о разработке новой модели качества жизни - цифровой. Этот интерес объективно обусловлен несколькими факторами, среди которых следующие: модели качества жизни открывают широкие возможности для разработки стратегии социально-экономического развития, различного рода прогнозов, проектов, управленческих технологий; качество жизни позволяет исследовать множество различных аспектов жизнедеятельности общества, среди которых экономические, социальные, развитие третьего сектора и его роли в становлении гражданского общества, состояние системы управления, национальной безопасности и др.

Одним из результатов развития цифрового общество должно стать появление новой модели качества жизни — цифровой, аккумулирующей все тенденции развития социума, роль личности.

Цифровая модель качества жизни представляет собой новое цифровое пространство, или киберпространство. Становление новой модели качества жизни, на наш взгляд, детерминировано следующими факторами: существованием цифровой экономики, новой инфраструктуры социума; изменением самого человека, его потребностей, ценностей, мировоззренческих установок, появлением нового вида социализации - цифровой, которая осуществляется в интернете в социальных сетях, виртуальной реальности; появлением огромного количества новых продуктов, произведённых четвертой технологиями промышленной революции; формированием новых видов социальных отношений по поводу удовлетворения витальных потребностей, в первую очередь потребностей в самоактуализации и самосовершенствовании.

По мнению Ю. А. Чернавина, в рамках цифрового общества у индивида формируется новая потребность — «...потребность присутствия и активности в киберпространстве» [4, с. 4]. Цифровое общество характеризуется появлением новых продуктов, оказывающих влияние на человека, качество его жизни.

В настоящее время учёные ставят вопросы, связанные с оценкой цифрового качества жизни. Предполагается, что данная оценка даст возможность описать существующее качество жизни, а также наметить перспективы, тренды развития общества в эпоху цифровизации. К настоящему времени уже сложились критерии оценки цифрового качества жизни. Многие учёных относят к ним такие, как «...качество и экономическую доступность мобильного и проводного Интернета, развитость и охват цифровой инфраструктуры, развитость и доступность цифровых государственных услуг (цифровое государство), уровень кибербезопасности и защищённости данных пользователей» [12]. Причём внутри каждого критерия выделяются подкритерии, что позволяет получить целостное представление о цифровом качестве жизни. На основе критериев дана оценка цифровому качеству жизни 85 стран. Первое место среди стран заняла Дания, Россия оказалась на 42-м месте.

Представителями Московской школы «Сколково» сформирована модель «цифровой жизни», оценка которой даётся по разным индикаторам. Целью данной модели является оценка цифровой жизни регионов России для выделения проблемных точек в их цифровом развитии. К числу индикаторов отнесены: транспорт, финансы, торговля, здравоохранение, образование, медиа, администрация. Приведённые индикаторы оценивались по линейке «цифровые предложения – цифровой спрос» [13]. Получение индекса цифровой жизни позволит выделить цифровой разрыв между субъектами Российской Федерации, городами России. Такая постановка проблемы открывает широкие возможности для выявления негативных моментов в жизненной цифровой среде субъектов Российской Федерации, позволяет наметить пути их устранения в рамках цифровизации отдельных сфер жизнедеятельности общества.

Следует отметить, что критерии оценки модели «цифровая жизнь» весьма разноо-

бразны и противоречивы. В данном случае складывается ситуация, характерная для критериев оценки качества жизни в целом. Учёные отмечают корреляционную зависимость между цифровой средой обитания и качеством жизни: качество цифровой среды в городе существенно коррелирует с воспринимаемым качеством жизни, т. е. «цифра» становится одним из ключевых факторов общего жизненного комфорта.

В данной модели возникают новые взаимодействия: определяющим и производящим все блага ресурсом являются знания, создающие новые технологии; внедрение данных технологий обеспечивает развитие цифровой экономики, которая формирует потребность в новых механизмах, детерминирующих эволюцию социума и человека как субъекта этих тенденций, которого должно сформировать образование.

В рамках цифровой модели качества жизни образование создаёт нового человека – человека цифрового общества, цифрового человека. Среди закономерностей развития образования выделяется его реагирование на процессы, происходящие в настоящее время в экономике, что актуализирует цифровизацию образования. Одной из особенностей образования в этих условиях становится наличие привычных социальных институтов образования, в рамках которых используются традиционные и инновационные технологии формирования индивидуальной траектории личности, реализующиеся в том числе в виртуальном пространстве путём взаимодействия через интернет.

Окружающая человека среда формирует мировоззрение, ценности, образ мира личности. Современное поколение, по мнению У. Бека, «изначально олицетворяет цифровизацию - ставя её не в конце, а в начале своей социализации... молодые поколения уже родились, как "цифровые сущности"» [14]. Для молодёжи интернет, социальные сети - это не перспектива, а повседневная жизнь, в которой формируются новые формы социализации (речь может идти о цифровой социализации), общения, представления о мире. Основным принципом образования в настоящее время является принцип технократизма, получивший своё обоснование в концепции постииндустриализма, а результатом образования, его конечной целью становится формирование человека с технократическим мышлением. Процесс цифровизации всех сфер жизни общества актуализирует необходимость использования в образовании культуроцентрично-ориентированной парадигмы, что обусловлено появлением цифровой личности.

Среди качеств цифрового человека учёные выделяют способности производить и потреблять знания; использовать свои интеллектуальные ресурсы в профессиональной и повседневной жизни; применять цифровые технологии в новых, изменённых по содержанию формах коммуникации; уметь использовать при организации своей жизнедеятельности различного рода цифровые институты, социальные сети, которые в настоящее время стали формой бытия личности; создавать и использовать новые формы коммуникации, обеспечивающие жизнедеятельность в цифровом пространстве.

Цифровизация меняет ценности, традиции, моральные нормы. В связи с этим особое значение имеет культуроцентрично-ориентированная парадигма образования, возможно, для преодоления культурного шока, шока адаптации, о котором писал Э. Тоффлер [15]. Данная парадигма создаёт основу для сохранения ценностей, традиций, формирования новых форм социализации, а также получения гуманитарного знания, без которого невозможно существование человечества. Это положение находит своё подтверждение в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 годы. В данном документе среди основных принципов создания информационного общества выделены такие, как «...проведение мероприятий в области духовно-нравственного воспитания граждан; формирование безопасной информационной среды на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

В рамках культуроцентрично-ориентированной парадигмы возможно развитие проектно-аналитической деятельности, поддержка «новой формы патриотизма — просвещённого деятельностного патриотизма» [16, с. 15], который основан на индивидуальной или коллективной инициативе, са-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 21.07.2022). – Текст: электронный.

мостоятельном выборе форм и методов деятельности, её географии. Перед образованием стоит задача (учитывая быстро изменяющуюся цифровую среду) — готовить компетентные кадры, умеющие адаптироваться к новым условиям, усваивать новые компетенции и быть востребованным на рынке труда. Образование, полученное личностью, выступает детерминантом его социального статуса, профессии, стало быть, и качества жизни.

Одной из составляющих цифрового качества жизни становится цифровая медицина, которая характеризуется персонификацией, предиктивизацией, партисипатизаций, превентизацией, что является свидетельством формирования новой парадигмы медицины - проведения доклинического выявления заболеваний. Широкое применение цифровых технологий в медицинской практике проявляется в возникновении новых отраслей; использовании в повседневной практике интернета для получения информации о заболевании, медицинских учреждениях, услугах; появлении различных виртуальных фитнес-клубов, оздоровительных организаций. Под влиянием цифровых технологий рождаются новые виды взаимодействия в системе «врач - пациент», изменяются представления о здоровье, телесности. Благодаря онлайн-консультациям и интернету повышается доступность медицинских услуг, скорость их предоставления. В то же время для организации цифровой медицины необходим определённый уровень владения цифровыми компетенциями, наличие самого интернета.

Активно внедряются в медицинскую практику цифровые технологии, продлевающие жизнь пациентов и возвращающие их в социум. Основным трендом современной цифровой медицины видится пристальное внимание индивида к своему здоровью, что стало реальностью на основе такой технологии, как «...селф-трекинг – самостоятельное отслеживание биометрических показателей человека, которое становится всё более точным и эффективным благодаря цифровым технологиям» [17, с. 51].

Факторами, формирующими цифровую модель качества жизни, являются трансформация социальной структуры общества, появление новых социальных групп, нового вида неравенства — цифрового. Начальной точкой исследования цифрового неравен-

ства стала публикация отчёта «Выпадение из сети: новые данные по цифровому разрыву», подготовленного Департаментом коммерции, национальных телекоммуникаций и информационной администрации США (NTIA) [18]. В отчёте обращается внимание на существование двух новых социальных групп: владеющих доступом к интернету, пользующихся им и не имеющих этого доступа по разным причинам.

По мнению П. Химанен и М. Кастельса, новый вид неравенства порождает сама цифровая экономика: «Глобальный тренд заключается в том, что информационная экономика подключает к своей сети тех, кто представляет для неё ценность (тем самым придавая им дополнительную ценность), но отключает тех, кто не имеет для неё ценности (тем самым ещё более уменьшая их шансы обрести какую-то ценность)»¹. Таким образом, если следовать точке зрения учёных, цифровое неравенство — объективный процесс, который невозможно преодолеть, он вечен.

В настоящее время существует множество концепций, рефлексирующих изменения социальной структуры под влиянием цифровизации. В частности, А. П. Колесник на основе такого критерия, как владение цифровыми знаниями и компетенциями, выделяет следующие группы: «создающие цифровые технологии, формирующие механизмы их внедрения в различные сферы; формирующие условия для использования данных технологий; использующие эти технологии в своей профессиональной, повседневной жизни, в процессе образования; потерявшие работу по причине широкого применения цифровых технологий и невладения цифровыми компетенциями» [19, с. 11].

В то же время в цифровом обществе возникает новый вид равенства — цифровое, суть которого — обеспечение доступа большого количества населения к знаниям через использование цифровых технологий, что открывает широкие возможности формирования личностных карьерных и жизненных стратегий. Так, «...в трущобах Мумбаи в Индии, где обитает половина населения 20-миллионного города, нет доступа к чистой воде и канализации, зато есть доступ к мобильному Интернету» [20, с. 132]. В современном мире интернет

¹ Cm.: Packer G. Change the World: Silicon Valley transfers its slogans – and its money – to the realm of politics // The New Yorker. – 2013. – May 27.

представляет собой культурно-информационный образовательный ресурс, позволяющий личности решать многие профессиональные и повседневные проблемы. Как нам представляется, можно выделить следующие виды цифрового неравенства: по возрасту, уровню жизни, сферам профессиональной деятельности, владению цифровыми компетенциями, навыками, умениями, месту проживания.

Следует обратить внимание и на такую составляющую качества жизни, как трудовые отношения. В настоящее время профессиональная сфера характеризуется активным внедрением цифровых технологий, быстрыми динамичными изменениями всех элементов профессиональной деятельности, освобождением от моральных ценностей, на смену коллективизму и корпоративному менеджменту приходит индивидуализм. Идёт процесс исчезновения многих профессий, происходит появление новых, в основном связанных с цифровыми технологиями, а также широкое проникновение инновационных технологий в профессиональную деятельность.

Все процессы, характеризующие цифровую модель качества жизни, оказывают обратное влияние на качество человеческого капитала, формируют экономику услуг, обеспечивают мобильность населения.

Заключение. Таким образом, цифровая модель качества жизни — отражение процессов цифровизации обыденной жизни и профессиональной деятельности субъектов общественной жизни. Именно эти процессы обусловливают оценку цифровым субъектом (человеком) уровня удовлетворённости результатами деятельности в различных сферах жизнедеятельности (образование, политика, медицина, культура, спорт, экономика), что детерминировано знаниями, социальным статусом, умением организовать свою жизнь в цифровом пространстве на основе использования цифровых компетенций и техноло-

гий, свидетельствует о реализованности и нереализованности потребностей.

Цифровая модель качества жизни может быть описана и исследована с двух позиций: объективизма и субъективизма. С позиций объективного подхода проводится описание всех составляющих цифровой модели качества жизни, их эволюции под воздействием цифровизации общества. Основой этого подхода являются данные статистики. Цифровая модель качества жизни представляет собой своеобразную рефлексию человека на проникновение инновационных технологий в жизнедеятельность личности и общества. В рамках субъективного подхода цифровая модель качества жизни выделяется на основе анализа повседневных поведенческих практик личности в интернете.

Цифровая модель качества жизни характеризуется следующими особенностями: возрастанием значимости цифровых технологий, создаваемых и управляемых самим человеком; проникновением цифровизации во все сферы жизнедеятельности общества, главным ресурсом развития социума становится «цифра»; формированием новых социальных кластеров (собственников «цифры», использующих в своей профессиональной деятельности «цифру», а также «цифровых безграмотных»); изменением сфер и форм профессиональной деятельности; становлением цифровой экономики.

Таким образом, цифровая модель качества жизни обеспечит решение следующих задач: во-первых, позволит дать оценку современному цифровому обществу, трендам его развития; во-вторых, даст возможность наметить перспективы развития социума в условиях цифровизации; в-третьих, способствует определению формы рефлексии современных проблем в научном знании; в-четвёртых, на основе концепций, теорий и фактов реальной действительности даст возможность разработать прогноз будущего развития человечества.

Список литературы

- 1. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
- 2. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвёртой промышленной революции. М.: Бомбора, 2018. 317 с.
- 3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 385 с.
- 4. Чернавин Ю. А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 2. С. 4–12.
- 5. Добринская Д. Е. Что такое цифровизация? Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 2. С. 112–129.
 - 6. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 413 с.

- 7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
- 8. Ворожихин В. В. «Общество 5.0» как ответ человечества на вызовы глобального развития // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 62-69.
- 9. Deguchi A. Society 5.0. A People-Centric Super-Smart Society. Singapore: Springer. 2020. URL: https:// doi.org/10.1007/978-981-15-2989-4 (дата обращения: 10.08.2022). Текст: электронный.
- 10. Швецов Д. У. У истоков «Индустрия. 4.0»: как развивается промышленность Германии // Control Engineering Россия. 2018. № 5. С. 16–21.
 - 11. Лига М. Б., Щеткина И. А., Захарова Е. Ю. Модели качества жизни. М.: РУСАКИ, 2013. 167 с.
- 12. Трепалин Ю. А. Кто в лидерах по «цифровому качеству жизни»? URL: https://nag.ru/material/38504 (дата обращения: 08.08.2022). Текст: электронный.
- 13. Цифровизация общества и методы его исследования / под ред. Т. В. Морозовой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 157 с.
 - 14. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 p.
 - 15. Toffler A. The Third wave. New York: Bantam Books, 1980. 544 p.
- 16. Каширина О. В., Филюшкина Д. В. Приоритетные потребности и формирование нового типа мышления молодёжи поколения Z как цивилизационного субъекта, устремлённого в будущее // Общество: философия, история, культура, 2021, № 7, С. 13–18.
- 17. Захарова А. С. Новое понимание здоровья в условиях цифровизации: перспективы и противоречия // Цифровое общество - новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV «Ковалевские чтения» (12–14 ноября 2020 г.). СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 51-52.
 - 18. Childer T. The Information Poor in America. Metuchen. New Jersey: Scarecrow Press, 1975. 182 p.
- 19. Колесник А. П. Социальные системы в цифровой экономике // Стратегии бизнеса. 2018. № 1. C. 3-11.
- 20. Веселов Ю. В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Социология». 2020. Т. 137, вып. 2. С. 129-143.

Информация об авторах

Щеткина Ирина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: irinasocio@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0532-0524.

Лига Екатерина Михайловна, преподаватель: Читинский педагогический колледж; 672038, Россия, г. Чита, ул. Красной Звезды, 51-a; e-mail: ligaem@bk.ru; https://orcid.org/0000-0002-5367-7766

Захаров Максим Андреевич, аспирант; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: maksim zakharov 3@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-1312-2360.

Вклад авторов в статью

И. А. Щеткина – основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

Е. М. Лига и М. А. Захаров – организаторы сбора материала исследования, осуществляли анализ, систематизацию и оформление статьи.

Для цитирования

Щеткина И. А., Лига Е. М., Захаров М. А. Цифровая модель качества жизни // Гуманитарный вектор. 2022. T. 17, № 4. C. 58-68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-58-68.

Статья поступила в редакцию 20.08.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

References

- 1. Shvab, K. Fourth industrial revolution. M: Eksmo, 2016. (In Rus.)
- 2. Shvab, K., Devis, N. Technologies of the fourth industrial revolution. M: Bombora, 2018. (In Rus.)
- 3. Kastel's, M. The Information Age: Economics, Society and Culture. M: GU VSHE, 2000. (In Rus.)
- 4. Chernavin, Yu. A. Digital Society: Theoretical Outlines of the Emerging Paradigm. Digital sociology, no. 2, pp. 4–12, 2021. (In Rus.)
- 5. Dobrinskaya, D. E. What is digitalization? Sociology of science and technology, no. 2, pp. 112-129, 2021. (In Rus.)
 - 6. Hegel, G. V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Science of logic. M: Mysl', 1974. (In Rus.)
 - 7. Toffler, E. The Third wave. M: AST, 2010. (In Rus.)

- 8. Vorozhikhin, V. V. "Society 5.0" as humanity's response to the challenges of global development. Russia: trends and development prospects. Yearbook. M: INION RAN, 2019: 62–69. (In Rus.)
- 9. Deguchi, A. Society 5.0. A People-Centric Super-Smart Society. Singapore: Springer. 2020. The conversation Web. 10.08.2022. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2989-4. (In Engl.)
- 10. Shvetsov, D. U. At the origins of "Industry. 4.0": how the German industry is developing. Control Engineering Russia, pp. 16–21, 2021. (In Rus.)
 - 11. Liga, M. B., Shchetkina, I. A., Zakharova E. Yu. Quality of life models. M: RUSAKI, 2013. (In Rus.)
- 12. Trepalin, Yu. A. Who is in the lead in terms of "digital quality of life"? The conversation. Web. 08.08.2022. https://nag.ru/material/38504. (In Rus.)
- 13. Digitalization of society and methods of its research / Ed. by T. V. Morozova. Petrozavodsk: KarNC RAN, 2018. (In Rus.)
 - 14. Beck, U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. (In Engl.)
 - 15. Toffler, A. The third wave. New York: Bantam Books, 1980. (In Engl.)
- 16. Kashirina, O. V., Filyushkina, D. V. Priority needs and the formation of a new type of thinking of the youth of generation Z as a civilizational subject looking to the future. Society: philosophy, history, culture, no. 7, pp. 13–18, 2021. (In Rus.)
- 17. Zakharova, A. S. New understanding of health in the context of digitalization: perspectives and contradictions. Digital society a new format of social reality: structures, processes and development trends: materials of the All-Russian Scientific Conference XIV "Kovalev's Readings" (November 12–14, 2020). St. Petersburg: Scythia-print, 2020: 51–52. (In Rus.)
 - 18. Childer, T. The Information Poor in America. Metuchen, N.-J.: Scarecrow Press, 1975. (In Engl.)
 - 19. Kolesnik, A. P. Social systems in the digital economy. Strategii biznesa, no. 1, pp. 3–11, 2018. (In Rus.)
- 20. Veselov, Yu. V. Trust in the digital society. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology, no. 2, pp. 129–143, 2020. (In Rus.)

Information about authors

Shchetkina Irina A., Candidate of Sociology, Associate Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: irinasocio@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0532-0524.

Liga Ekaterina M., Teacher; Chita Pedagogical College; 51a Krasnoy Zvezdy st., Chita, 672038, Russia; e-mail: ligaem@bk.ru; https://orcid.org/ 0000-0002-5367-7766

Zakharov Maxim A., Postgraduate Student; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: maksim zakharov 3@mail.ru; https://orcid.org/ 0000-0002-1312-2360.

Contribution of authors to the article

- I. A. Shchetkina is the main author, the organizer of the study who formulates conclusions and summarizes the results of the collective project.
- E. M. Liga and M. A. Zakharov are the organizers of the collection of research material, its analysis and systematization and the design of the article.

For citation

Shchetkina I. A., Liga E. M., Zakharov M. A. Digital Model of Quality of Life // Humanitarian vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 58–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-58-68.

Received on August 20, 2022; approved after peer review on September 23, 2022; accepted for publication on September 26, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 101:8

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-69-82

Эвристические возможности методологических подходов к изучению системы «природа – общество» в доцифровой и цифровой эпохе

Надежда Дмитриевна Субботина¹, Елена Юрьевна Захарова²

^{1,2}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
¹dialectica@yandex.ru,https://orcid.org/0000-0003-3251-4076
²aglena 72@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9022-3520

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, возрастанием влияния общества на природу, зачастую приводящим к экологическим проблемам, с другой стороны, недостаточным пониманием роли естественных основ социального поведения человека. Целью статьи является анализ основных методологических подходов к изучению системы «природа – общество» и их возможностям получения новых знаний. Применяется исторический подход: анализируются известные методологии изучения данной системы по мере их введения в научный оборот, а также компаративистский подход: выявляются черты сходства и различия анализируемых методологий и степень их эвристичности. В статье анализируются методологические схемы Э. В. Гирусова, В. А. Кобылянского, Н. Д. Субботиной, Е. Ю. Захаровой и др. Из зарубежных авторов выбраны К. Фукс, Р. Рис и Р. Хэмблтон, взгляды которых, с одной стороны, очень близки теориям отечественных специалистов по данной проблеме, с другой стороны, дополняют их. Делается вывод о том, что практически все изложенные методологические подходы обладают эвристичностью, с их помощью можно получать новые знания в данной области исследования. Выдвигается предположение, что данные методологии можно использовать для изучения нового явления — цифровой системы. Исследование имеет и практическое значение, так как в нём утверждается, что необходимо использование этих методологий в экспертизах социальных и технических проектов.

Ключевые слова: природа, общество, экология методология, естественное, социальное, эвристичность методологии, цифровая система

Благодарность: Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы № 355-ГР по теме «Качество образования и качество жизни: грани взаимодействия в эпоху четвертой промышленной революции».

Original article

Heuristic Potential of Methodological Approaches to the Study of "Nature – Society" System Nadezhda D. Subbotina¹, Elena Yu. Zakharova²

1.2 Transbaikal State University, Chita, Russia 1 dialectica@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3251-4076 2 aglena 72@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9022-3520

The relevance of the study is due, on the one hand, to the growing influence of society on nature, often leading to environmental problems, and, on the other hand, to insufficient understanding of the role of the natural foundations of human social behavior. The purpose of the article is to analyze the main methodological approaches to the study of the "nature – society" system and their potential for obtaining new knowledge. The article uses a historical approach: the well-known methodologies for studying this system are analyzed as they are introduced into scientific circulation, as well as a comparative approach: similarities and differences between the analyzed methodologies and the degree of their heuristicity are revealed. The article analyzes the methodological schemes by E. V. Girusov, V. A. Kobylyansky, N. D. Subbotina, E. Yu. Zakharova and others. The foreign authors K. Fuchs, R. Rees and R. Hambleton were selected, as their views, on the one hand, are very close to the theories of domestic specialists on this issue, on the other hand, they complement them. The authors conclude that almost all of the above methodological approaches are heuristic, they can be used to obtain new knowledge in this area of research. We suggest that these methodologies can be used to study a new phenomenon – a digital system. The study is also of practical importance, as it argues that it is necessary to use these methodologies in the appraisal of social and technical projects.

Keywords: nature, society, methodology, natural, social, heuristic methodology, ecology, digital system

Acknowledgment: The article was made as part of the research work No. 355-GR on the topic "The quality of education and the quality of life: facets of interaction in the era of the fourth industrial revolution".

© Субботина Н. Д., Захарова Е. Ю., 2022

Субботина Н. Д., Захарова Е. Ю.

Введение. Невозможно понять сущность общества, не сопоставив его с природой, не выяснив естественные предпосылки общественного развития и особенности современного этапа их взаимодействия. Для успешности достижения данной цели исследователь стоит перед необходимостью выбрать наиболее подходящую методологию. Поэтому мы определили как цель данной статьи анализ имеющихся методологических подходов исследования системы «природа - общество», или (что то же самое) взаимодействия двух систем - системы природы и системы общества. Для большей наглядности мы постарались привести там, где это возможно, схематическое изображение различных методологических подходов.

На современном этапе методология исследования системы «природа — общество» направлена в первую очередь на решение экологических проблем. Одна из задач данного исследования — показать, что практическое применение вариантов такой методологии гораздо шире, она может быть использована в изучении многих, если не всех, сфер жизни общества, поскольку в различных социальных феноменах можно обнаружить элементы природы, влияющие на их специфику.

Довольно часто методология создаётся «под конкретную проблему». В таком случае в схематическое изображение системы «природа - общество» авторы включают не только собственно природу и общество, но и человека, экономику, правительство и другие элементы, тем самым уточняя, но одновременно и усложняя восприятие этих схем, поскольку элементов данной системы и особенно связей между этими элементами неисчислимо много. Естественная потребность внести ясность в схему, не упустив ничего важного, может привести к противоположному результату – к запутанности. Не умаляя значения данных методологических схем, имеющих несомненную эвристичность, отметим, что они могут не подойти для решения других проблем, подобно ключу, умеющему открывать лишь один замок. Отсюда, на наш взгляд, в рамках методологии изучения системы «природа - общество» общие схемы нужно делать самыми абстрактными, при необходимости дополняя их частными схемами, отражающими не всю систему, а только их часть.

Современное общество поставило перед исследователями новую задачу — возникло новое явление, настолько сложное и разностороннее, что ему пока не дали определения, которое устраивало бы всех. Это «цифровое общество», или «цифровая культура», или «эпоха цифровизации», или «цифровая система». Эта тема в настоящее время — одна из самых популярных в социальных науках. Для нас возникает закономерный вопрос: возможно ли применение этих методологий для анализа места цифровизации в системе «природа — общество»? В статье дана попытка ответа на данный вопрос.

Методология и методы исследования. Для выполнения цели, поставленной в статье, от нас требовалась необычная рефлексия – выбрать стратегию изучения методологии, являющейся предметом исследования. Однако особой сложности это не представляло. Использованы исторический, сравнительный и диалектический подходы. Исторический подход позволил выявить трансформацию методологии изучения соотношения природы и общества – с последней трети XX в. до наших дней. Компаративистский подход дал возможность определить эвристическую ценность анализируемых методов. Диалектический подход способствовал выявлению связей особенностей метода и его результатов.

Результаты исследования и их обсуждение. В отечественной философии конца XX — начала XXI в. разработка методологии изучения системы «природа — общество» занимала важное место. Проблема стала популярной, начиная с 70-х гг. XX в. Философы поставили перед собой задачу показать взаимосвязи и взаимоотношения двух систем — системы общества и системы природы. Рассмотрим несколько подходов к решению этих проблем.

Значительный вклад в данную проблему внёс Э. В. Гирусов, во многом оказавшийся пионером данной тематики. В 1976 г. он опубликовал монографию «Система "общество – природа" (проблемы социальной экологии)» [1]. В ней исследователь показал взаимосвязь элементов внутри системы природы и системы общества. Э. Гирусов оценил сформулированный В. А. Анучиным закон: «при сколько-нибудь существенном изменении одного из элементов геосферы неизбежно происходит изменение других её

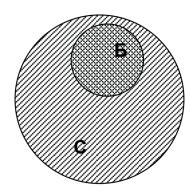
элементов, происходит изменение среды в целом» [цит. по: 1, с. 123]. Исследователь добавил ещё две закономерности: «Это, во-первых, возрастающее воздействие общества на природную среду и, во-вторых, возрастающая зависимость общества от природной среды» [Там же]. Здесь, на первый взгляд, выявляется противоречие – общество становится всё более самостоятельным, но увеличивается не только воздействие общества на природу, но и природы на общество. Автор объясняет это так: «общество и природа - единая динамическая система, части которой находятся в подвижном отношении по принципу обратной связи. Чем больше изменяется одна часть, тем больше происходит необходимое для поддержания целостности системы изменение другой части» [Там же, с. 125].

Методология Э. В. Гирусова имеет большой эвристический потенциал, в большей части экологический и технологический. На наш взгляд, законы, сформулированные В. А. Анучиным и Э. В. Гирусовым, в необходимом порядке должны учитываться в экспертизах всех социальных проектов - от сельскохозяйственных до проектов добычи разных полезных ископаемых. Необходим по возможности точный прогноз того, как природа отреагирует на вмешательство в неё человека. История знает множество примеров, когда пренебрежение естественными законами приводило к результатам, противоположным ожидаемым. уточнением, на наш взгляд, является включение в экспертные группы специалистов разных наук, то есть, сельскохозяйственные проекты должны проверять не только биологи, но и физики, химики, геологи, а технические - не только инженеры, но и те же биологи, медики, психологи. Затраты на экспертизы неизбежно окупятся.

Используя свою методологию, Э. Гирусов проанализировал процесс освоения обществом энергетических сил природы, при котором происходит преодоление ограничений, которые природа накладывает на человека. Этими этапами являются: 1) освоение «естественной энергетической базы»; 2) искусственное производство энергии благодаря промышленной революции XVIII—XIX вв. и 3) искусственные способы переработки и использования информации, которые преодолели ограничения «со стороны естественных возможностей человеческой

психики в переработке резко возросших информационных потоков» [2, с. 53]. Данная работа Э. Гирусова, опубликованная 40 лет назад, поразительно актуальна в настоящее время, так как предыдущие ограничения преодолены относительно легко, а экологическое ограничение принципиально не может быть преодолено, поскольку связано с конечностью природных ресурсов. Переход к четвёртому этапу Э. Гирусов называет экологической революцией, в результате которой должны быть созданы искусственные средства «поддержания биосферного равновесия» [Там же].

К. Е. Тарасов и Е. К. Черненко в работе «Социальная детерминированность биологии человека» [3], опубликованной в 1979 г., предложили схему, представленную на рис. 1.

Puc. 1. Социальная детерминированность биологии человека

Fig. 1. Social determinism of human biology

Больший круг обозначен буквой «С», что означает «социальное», меньший – буквой «Б» – «биологическое». Меньший круг пронизан штрихами большего, и это означает, по мнению авторов, то, что «социальное есть не только более широкая, но и основная система, в которую диалектически включён в качестве изменённого ею элемента социально-биологический фактор (а не просто "чисто" биологический…)» [3, с. 71].

К. Е. Тарасов и Е. К. Черненко исходили из того, что социальная форма движения материи, согласно работам Ф. Энгельса, является высшей по отношению к биологической. Опираясь на это утверждение, они отмечали: «Высшая форма по-разному включает в свою "среду", а точнее, систему отношений, различные части низшей формы движения, выступая по отношению к некоторым из них уже не как "внешняя сре-

да", а как определяющая их сущность и тем самым внутренняя и необходимая для них система отношений. Так, социальное, включая в сферу своего воздействия всю живую природу, по-разному влияет на естественные ("дикие") её формы, на искусственные ("культурные" и культивируемые) виды растений и животных, на человеческий организм и его жизнедеятельность как особое, специфическое только для общества живое существо» [3, с. 51].

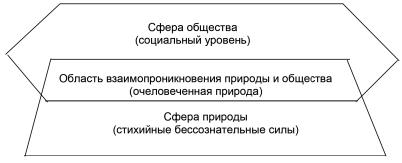
Положения, высказанные данными авторами, имеют эвристический потенциал, так как подчёркивают, что элементы живой природы, включённые в систему общества, подвергаются изменениям под воздействием социального. Например, в медицинских исследованиях здоровья и болезни человека необходимо учитывать, какое воздействие (положительное или отрицательное) на них оказало общество. И это лишь один пример.

В то же время, положения данной теории требуют многих уточнений. В приведённой ранее цитате не указано, что к другим формам материи в марксистской литературе относили механическую, физическую, химическую и биологическую. Поэтому социальное взаимодействует не только с биологическими формами, но и с химическими, физическими и другими, включает их в свою систему и берёт под свой контроль. К этому относятся материалы, из которых человек производит свои продукты потребления, различные виды энергии, которые общество смогло заставить работать для выполнения своих целей, продукты питания и др. На этом основании Ф. Энгельс и называл социальную форму движения высшей, учитывая то, что она способна включать в себя и подчинять себе другие формы, говоря философским языком, «снимать» их.

Однако, во-первых, общество присваивает себе только небольшую часть природы. По космическим масштабам совсем ничтожную. Справедливо замечая наличие внутри системы социального элементов биологического, авторы не учитывают того факта, что само социальное находится внутри природного, гораздо более масштабного. Система общества располагается внутри огромной природы, которая различными способами воздействует на общество и может уничтожить его в результате природных катаклизмов.

Во-вторых, включённые в систему общества элементы природы «сняты» не полностью, а лишь частично. В любой момент они могут выйти из-под социального контроля. Вспомним, например, аварию на Чернобыльской АЭС. Само существование социальной формы материи зависит от «благосклонности» природы, которая снижается при критическом нарушении человеком природных законов, и в этом плане её нельзя назвать высшей формой. Кроме того, нельзя сказать, что социальное «определяет сущность» всех тех биологических элементов, которые оно «включило в свою сферу». Даже тогда, когда люди из элементов природы, как из кубиков Лего, создают новые материалы, обладающие неизвестными ранее свойствами, нет никакой гарантии, что эти элементы не проявят своих естественных характеристик в самый неподходящий момент. Это подтверждает тот же самый пример с атомной станцией.

В. А. Кобылянский в ряде работ, в том числе докторской диссертации 1986 г. [4–6] излагает теорию единства, соподчинённости и взаимодействия природы и общества как отличных и взаимопроникающих образований (рис. 2).

Puc. 2. Единство соподчинённости и взаимодействия природы и общества **Fig. 2.** Unity subordination and interaction of nature and society

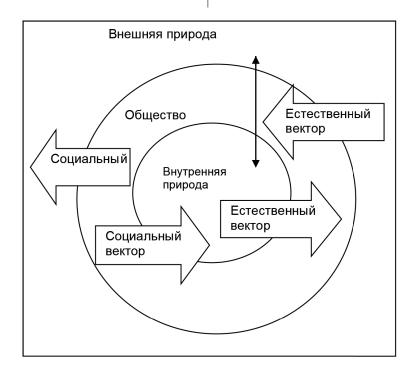
В. А. Кобылянский выделяет три основных элемента системы «природа — общество»: сферу природы, сферу общества и «область взаимопроникновения природы и общества», или, используя терминологию К. Маркса, «очеловеченную природу». Если посмотреть в этой схеме на общество, то та часть, которая обнаруживается в «области взаимопроникновения» (В. А. Кобылянский называет её технологическим уровнем), подчинена природе, а другая — «чисто» социальная часть, освобождается от такого подчинения.

Как и теория Э. В. Гирусова, методология В. А. Кобылянского может быть применена в различных социальных, в первую очередь, экологических проектах. В. А. Кобылянский применяет свою методологию не только для исследования реальной системы «природа - общество», но и для анализа научных направлений в этой сфере. Исследователь справедливо выступает против перекоса, возникшего из-за распространения верного утверждения о необходимости учёта интересов природы, когда высказываются крайние идеи, игнорирующие уже интересы человека в рамках данной системы: «Крайний экоцентризм, натурализм несостоятельны в той же мере, в какой несостоятельны крайний социологизм, антропоцентризм, игнорирующие "законные интересы" природы» [6, с. 33]. Концепция В. А. Кобылянского получила широкое распространение в отечественной науке и используется его учениками в качестве оригинальной методологии.

Продолжила работу над проблемой взаимодействия двух систем — системы природы и системы общества — Н. Д. Субботина, один из авторов этой статьи [7–9]. В докторской диссертации 2002 г. исследователь обращает внимание на два важных момента: во-первых, социальное не является внешним по отношению к естественному, а находится внутри него как относительно отграниченное образование, во-вторых, существует не только внешнее воздействие естественного на социальное, но и внутреннее. Свою концепцию автор обозначает как проблему соотношения естественного и социального в обществе и человеке [8].

Общество вышло из природы, несёт в себе её элементы, главным из которых является человеческий организм, но при этом имеет качественную специфику, обладая такими чертами, как сознание, самосознание, нравственность и ускорение развития.

Схема взаимоотношения общества и природа у Н. Д. Субботиной отражена на рис. 3.

Puc. 3. Соотношение социального с внешним естественным и с внутренним естественным **Fig. 3**. Correlation of the social with the external natural and with inner natural

В данной схеме присутствуют всего два основных элемента – природа и общество; при этом природа (естественное) делится на две части - внешнюю и внутреннюю, находящуюся внутри общества. Поэтому общество не является синонимом социального, оно включает в себя и социальное, и внутреннее естественное. На схеме не изображён, но подразумевается индивид, который является неотъемлемой частью общества. Собственно, совокупность людей и составляет общество. Для индивида уже есть не только внешнее и внутреннее естественное, как для общества в целом, но и внешнее и внутреннее социальное. Последнее представляет собой интериоризованные общественные нормы и представления. Внешние рамки рисунка это не рамки бесконечной природы (космоса), которая не может иметь рамок, а лишь рамки самой схемы. Природа, весь огромный мир включают общество, которое содержит в себе не только специфическое социальное, но и природное, естественное.

Изображение системы «природа - общество» дополняется векторами взаимовоздействия основных элементов друг на друга. Природа, как внешнее естественное, оказывает воздействие на общество извне. Но есть и внутреннее естественное, лишь частично снятое социальным - это организм человека, его естественные потребности, его психика и закономерности естественно-групповых отношений. К последним относятся иерархическая структура, конформизм, суггестия и многое другое. Внутреннее естественное не может не оказывать влияния на социальное. Однако и социальное оказывает своё воздействие на природу. то есть, как на внешнее естественное, так и на внутренне. Природу оно преобразовывает в своих интересах, насколько это возможно; внутреннее естественное держит под контролем с помощью воспитания, религии, нравственных норм и уголовных законов.

Эвристическое значение методологии Н. Д. Субботиной состоит в том, что она даёт возможность исследовать различные общественные феномены и отношения в ракурсе соотношения в них социального с внешним и внутренним естественным, а также внешнего и внутреннего социального в человеке. Данная методология может использоваться и используется специалистами различных сфер¹. Анализируются естественные и со-

циальные предпосылки различных форм общественного сознания, например, религия, нравственность, правовое сознание. Исследуется соотношение естественного и социального во внутригрупповых и межгрупповых общественных отношениях. Помимо философских аспектов данной проблемы анализируется соотношение естественного и социального в психике человека, в медицине и здоровье человека, в процессе обучения и воспитания и других.

Взгляды, частично совпадающие с методологическими подходами рассмотренных ранее авторов, высказывает австрийский философ К. Фукс. В статье «Диалектика Природа - Общество - Система», опубликованной в 2006 г. К. Фукс предлагает свою методологическую схему. С концепцией Н. Д. Субботиной совпадает его высказывание о том, что «части природы наблюдаются и осваиваются людьми внутри общества, эти части социально сконструированы и образуют подсистему общества» [10]. Совпадением с положениями Э. В. Гирусова является указание Фукса на то, что природа даёт обществу одновременно и возможности, и ограничения. С концепциями В. А. Кобылянского данная теория схожа особым вниманием к технологии. В. А. Кобылянский называл область взаимопроникновения природы и общества технологическим уровнем, К. Фукс определяет технологии как «средства, которые производятся и применяются людьми для преобразования и присвоения природы». Однако главной особенностью методологии Фукса является введение в схему процесса самоорганизации (рис. 4).

Схема обозначает самоорганизацию материи в целом. Диалектика процесса самоорганизации проявляется в том, что в результате взаимодействия объектов (элементов) возникают структуры, обладающие эмерджентными качествами системы, которые, в свою очередь, оказывают воздействие на эти элементы. Данный процесс с возникновением человека приобретает новый уровень, на котором самоорганизация связана с активностью, самосознанием, творчеством, образностью. К. Фукс уточняет это в схеме социальной самоорганизации (рис. 5).

 $^{^{1}}$ На кафедре философии ЗабГУ в течение 13 лет проходит ежегодная конференция «Проблема соотно-

шения естественного и социального в обществе и человеке», в которой принимают участие учёные различных специальностей.

Puc. 5. Социальная самоорганизация **Fig. 5.** Social self-organization

Ведущая роль социальной самоорганизации проявляется в том, что «люди (как элементы) производят и воспроизводят структуры, которые позволяют и ограничивают человеческую практику в динамических процессах, где естественная самоорганизация служит материальной основой, обеспечивающей и ограничивающей социальную самоорганизацию и трансформацию производственных процессов человека» [10]. Таким образом, социальные структуры выступают одновременно и средством, и результатом действия человека. К. Фукс говорит, что в процессе производства осуществляется взаимосвязь циклов самоорганизации природы и общества. Исследователь выделяет три типа взаимодействия: социальные взаимодействия между людьми, взаимодействие между человеком и экологией и наблюдаемое людьми взаимодействие между физическими системами. Получается, что в первых двух человек выступает в качестве субъекта, в третьем – как наблюдатель.

К. Фукс использует в своей работе положения марксистской философии и её терминологию: «средства производства», «производительные силы», «прибавочная стоимость» и др. Учёный считает, что К. Маркс и Ф. Энгельс были предшественниками экологического мышления и теории устойчивого развития, поскольку обращали внимание на то, что антагонизм между природой и капитализмом порождает экологическую деградацию, а будущее свободное общество должно быть основано «на альтернативных, устойчивых отношениях между человеком и природой». Кроме того, К. Фукс согласен с диалектическими взглядами Герберта Маркузе и Эрнста Блоха, которые утверждали, что природа - производящий субъект. Сам К. Фукс уточняет: «Материя – естественный субъект, воздействующий на себя, тогда как человек - человеческое самосознание, субъект, воздействующий на природу и общество» [Там же]. Однако, на наш взгляд, природа (материя) не является субъектом, поскольку она не ставит перед собой осознанных целей. Называя природу субъектом, мы лишаем человека сущностного отличия от неё. Здесь, по нашему мнению, больше подходит утверждение К. Маркса, что в природе действуют «слепые бессознательные силы», на которые также в своей схеме указывал В. А. Кобылянский. Вместе с тем, данный методологический подход позволяет его автору прийти к выводу: «если человек разрушит природу, последняя как производящий субъект, вероятно, будет оказывать неконтролируемое негативное воздействие на общество» [Там же], что является одним из эвристических выводов автора. Отсюда, считает исследователь, возникает необходимость в создании для природы условий устойчивого развития.

Е. Ю. Захарова, также одна из авторов данной статьи, продолжает работать в рамках методологии В. А. Кобылянского и развивает её на новом уровне. В докторской диссертации 2012 г. она рассматривает

Субботина Н. Д., Захарова Е. Ю.

систему «природа – общество» как объект изучения социальной экологии [11-13]. Е. Ю. Захарова выделяет в этом объекте главные компоненты - социальное и естественное. Отмечается, что социальная экология является основой формирования экологической культуры человека. Она рассматривает структуру взаимодействия природы и общества. Выделяются такие элементы (сферы), как собственно природная (естественная), очеловеченно-природная и социальная. Анализируются три уровня правовых предпосылок оптимизации взаимодействия природы и два уровня духовно-нравственных основ экологизации деятельности людей.

Е. Ю. Захарова исследует систему духовно-нравственных основ экологизации деятельности людей, выделяя в них два уровня: 1) внешний, заключающийся в отношении человека к природе; 2) внутренний, характеризующийся отношением человека к человеку. Таким образом, автор показывает, что системный характер имеет не только

материальная составляющая общества, но и духовная.

Опираясь на положения теории взаимодействия природы и общества как отличных и взаимопроникающих образований, связанных с представлением о том, что для преодоления технократического мышления необходимо в систему ценностей включить все компоненты соционатурэкосистемы, Е. Ю. Захарова разрабатывает концепцию экологической культуры соционатурэкосистемы.

Эвристический потенциал теории Е. Ю. Захаровой заключается в обосновании идей о том, что экологическая культура соционатурэкосистемы охватывает сферу отношений человека и общества к природе, является способом оптимизации деятельности людей, целью которой выступает оптимизация функционирования всех сфер соционатурэкосистемы (рис. 6). Преобразования, осуществляемые в социальной и природной сферах, оказывают взаимовлияние друг на друга опосредованно, через очеловеченно-природную сферу.

Социальная сфера

(преобразования, понижающие уровень необходимой реконструкции естественного, требующие соответствующего научного и духовно-нравственного обоснования)

Очеловеченно-природная сфера

(совершенствование системы «производство – потребление» в направлении прогрессивного развития собственно социального и естественного)

Естественная сфера

(реконструкция естественного мира с целью оптимизации процесса взаимодействия природы и общества)

Рис. 6. Экологическая культура соционатурэкосистемы

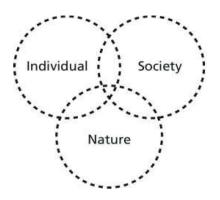
Fig. 6. Ecological culture of the socionature ecosystem

Идея необходимости оптимизации функционирования трёх уровней соционатурэкосистемы позволяет определить в качестве субъекта самого человека, показать социоантропную направленность данного процесса.

Интересный методологический подход предлагает британский исследователь Роберт Хэмблтон в своей работе «Сотрудничество на месте: лидерство в меняющемся мире» [14], опубликованной в 2015 г. Прежде чем изложить своё видение проблемы, Р. Хэмблтон приводит схему британского дизайнера Ричарда Риса, включающую три

компонента: природу, общество и индивида (рис. 7).

Эта схема, по словам Р. Риса, может помочь преодолеть разрыв между социальными науками и экологическими перспективами. Р. Хэмблтон пишет: «Рис утверждает, что основные элементы современной жизни — индивид, общество и природа — отделились друг от друга, и что они должны быть снова соединены. Полученный рисунок иллюстрирует простой способ сформулировать мысль об устойчивом развитии. Пунктирные линии используются для сигнализации о том, что границы пористые» [11—13].

Puc. 7. Природа, общество, индивид **Fig. 7.** Nature, society, individual

Поскольку Р. Рис, а вместе с ним Р. Хэмблтон, обращают внимание на «пористость» границ между этими тремя элементами, можно на первый взгляд предположить, что они признают взаимопроникновение между ними, и мы с этим согласны. Однако они считают, что эту пористость следует убрать, следовательно, имеют в виду не «пористость» границ, а прерывность связей между этими тремя элементами. Это хорошее и верное, на наш взгляд,

наблюдение, однако в схеме оно отображено неудачно.

Ещё одно наше замечание к этой схеме состоит в том, что представить по ней систему «природа — общество» затруднительно, на схеме есть значительные части этих элементов, существующие как бы сами по себе, без связи с другими элементами. Представить, что часть природы существует вне связи и с обществом, и с человеком (что верно), легко. Вместе с тем трудно представить, что есть часть общества, не соприкасающаяся с природой и особенно трудно — что есть часть индивида, находящаяся вне общества. В этой схеме также не показано, как именно осуществляется связь между элементами системы в целом.

Р. Хэмблтон, хотя и утверждает, что создал собственную схему (рис. 8) на основе схемы Р. Риса, на самом деле взял от неё совсем немного, пожалуй, только идею с пунктирной линией. Он показывает не систему «природа – общество» в целом, а то, как эта система функционирует на территориальном (в российской терминологии, видимо, муниципальном) уровне [Там же].

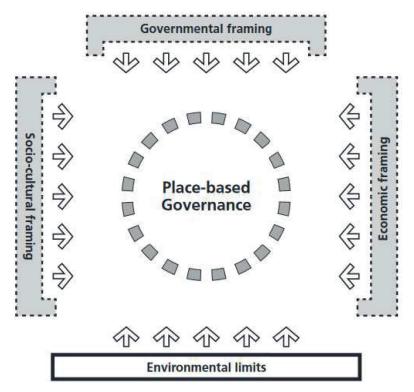

Рис. 8. Формирование политического пространства для управления на местах

Fig. 8. Formation of political space for local government

Р. Хэмблтон выделяет рамки (силы), в которых действует местное управление. Лидеры на местах не являются свободными, так как должны считаться с силами, устанавливающими для них ограничения. На верху схемы показаны ограничения, которые накладываются на деятельность местных лидеров политикой и правительственными законами. Автор описывает правовые и политические рамки, устанавливаемые высшими уровнями власти. Местные управленцы, например, должны придерживаться не только законов своей страны, но и требований «более высокого» плана. Например, в странах – членах ЕС должны соблюдаться требования ЕС.

В правой части диаграммы обозначены экономические силы, связанные с конкуренцией, и здесь необходимо условие того, чтобы «гражданские лидеры не становились простыми слугами частного капитала». Левая сторона диаграммы — это социокультурные силы, которые включают людей и культурные ценности. Сложность в том, что люди, живущие в районе, будут иметь разные взгляды на то, каким должно быть место, в котором они живут, что в демократическом обществе ведёт к частой смене лидеров.

Лишь одну силу, воздействующую на деятельность местных лидеров, — экологические ограничения автор изображает сплошной линией, так как «в отличие от других сторон квадрата, эти экологические ограничения не подлежат обсуждению» [14]. Здесь мы видим практически полный повтор той мысли, которую Э. В. Гирусов высказал 40 лет назад. Роберт Хэмблтон делает образное заключение о том, что «природе нужно отдельное место за столом городского управления, если города хотят достичь социальной и экологической устойчивости» [Там же].

Р. Хэмблтон применяет свой методологический подход к решению цели статьи — повысить «эффективность и демократическую жизнеспособность ирландского местного самоуправления». Он вводит понятие «Новое гражданское лидерство» (NCL). Силы, обозначенные в схеме Р. Хэмблтона, по его словам, не мешают местному руководству, они лишь устанавливают ограничения. Как отмечено ранее, главные ограничения деятельности местных управленцев — экологические: «Игнорирование того факта,

что населённые пункты являются частью естественной экосистемы, безответственно, отсутствие внимания к экологическим ограничениям приведёт к неуправляемым проблемам для будущих поколений» [Там же]. Исследователь иллюстрирует свою теорию примерами инноваций, проводимых австралийским местным руководством.

Р. Хэмблтон уточняет, что его схема упрощает ситуацию, четыре группы сил не обязательно равны, в разных странах их соотношение меняется, лидеры должны учитывать это соотношение в своей деятельности. Таким образом, мы видим яркий пример методологической схемы, которая успешно применяется в исследовании, но лишь одной конкретной проблемы.

Ещё одна схема, имеющая методологическое значение, которую мы взяли на российском сайте¹ (cat.convdocs.org.), также относится к экологии и иллюстрирует концепцию устойчивого развития (рис. 9). Создателей этой схемы, её первоисточник, нам найти не удалось, так как в Интернете есть десятки ссылок на неё, не только на российских, но и на зарубежных русскоязычных сайтах.

Puc. 9. Устойчивое развитие **Fig. 9.** Sustainability

Данная схема практически идентична схеме Р. Риса, только элемент «общество» в ней заменяется на экономику, и центральная часть взаимопересечения всех трёх составляющих элементов обозначена как «Устойчивое развитие». Такая схема хоро-

¹ Сайт cat.convdocs.org. – URL: https://cat.convdocs.org/docs/index-168924.html?page=2 (дата обращения: 02.09.2022). – Текст: электронный.

шо показывает необходимость связи между человеком, его экономикой и природой, учитывая интересы всех трёх составляющих. Однако она вызывает те же самые вопросы, что и схема Р. Риса. Можно ли из этой схемы сделать вывод, что есть человек, включённый в природу и экономику, а есть не включённый? То же самое можно спросить и про экономику: будет ли какая-то её часть существовать вне человека? По отношению к природе подобных вопросов возникает меньше: понятно, что значительная её часть существует вне человека и его экономики, а определённая часть сосуществует совместно с человеком и экономикой – как вне условий устойчивого развития, так и в созданных (создаваемых) условиях устойчивого развития и человека, и экономики, и природы. Однако всё же есть сомнение, что природа может взаимодействовать с экономикой, в которой отсутствует человек. Таким образом, данная методологическая схема является работающей и эвристичной, то есть способствующей получению новых знаний в области экологии. Она содержит всего три элемента, поэтому не является узкоспециализированной, поскольку к экологическим в настоящее время относится очень большое

В последние годы проблема методологии исследования взаимодействия природы и общества продолжает оставаться актуальной. А. С. Червинский, философ из Беларуси, в 2020 г. опубликовал статью «Единство природного и социального на уровне системы «человек - общество - природа» как философская проблема» [15]. В ней он исследует обозначенную систему на уровне методологии, анализирует её предпосылки, прогнозирует, каким образом эта система может реализовать свои возможности. А. С. Червинский считает, что на уровне искусственных экосистем существует социоприродное единство. По мнению автора, система «человек - природа - общество» формируется в результате сближения техногенных систем, относящихся к социальным, с системами природы, что приводит к постепенному возникновению структурно-функциональной целостности. Человек целенаправленно преобразовывает, окультуривает природу, в результате чего возникают уникальные феномены, которых нет в естественной среде. Таким образом, по мнению А. С. Червинского, основной предпосылкой

количество проблем.

целостной системы «человек – природа – общество» уже в планетарном масштабе является окультуренная природа.

Рассмотрим новое явление – цифровую систему. Сразу обратим внимание, что следует различать понятия «цифровизация» (процесс вхождения цифровой методологии во все сферы современного общества) и «цифровая система» (обладает сложной структурой)1. Входит ли она в классическую схему «природа – общество» или является настолько новым и необычным феноменом, что для её определения необходимы совершенно иные подходы? С нашей точки зрения, методологии, уже показавшие свою полезность, имеют и здесь эвристический потенциал. Однако они требуют дополнения. Помимо понятий «естественное» и «социальное» есть ещё понятие «искусственное». Исследователи довольно подробно проанализировали оппозицию «естественное - искусственное». Один из самых известных -В. А. Кутырев [16]. Мы не вводили ранее это понятие в свои методологические схемы, понимая, что искусственное, как почти все общественные явления, обладает сложной диалектикой естественных и социальных сторон. Но для анализа специфики цифровой системы это понятие очень полезно. В этой системе однозначно преобладает социальное. Однако не то социальное, которое люди создавали веками, а искусственное социальное. Цифровая система имеет и естественную сторону - математические и физические закономерности, на основе которых она формируется и развивается, а также естественные материалы, из которых строятся цифровые приборы. Вместе с тем в этих материалах естественное представляет собой уже переработанные обществом вещества - например, пластик.

Заключение. Итак, общество и природу можно рассматривать как две относительно независимые системы и как единую систему в масштабах Земли и ближнего космоса. Природа в широком смысле слова — всё существующее, она тождественна Вселенной. В узком смысле природа является средой, в которой существует общество. Общество, используя терминологию синергетики, можно определить как сложную нелинейную самоорганизованную систему, в составе которой присутствуют политическая, экономи-

¹ Понятия «цифровая культура», «эпоха цифровизации» и другие, связанные с «цифрой», мы оставляем за рамками данной статьи.

Субботина Н. Д., Захарова Е. Ю.

ческая, правовая и другие, взаимодействующие между собой подсистемы.

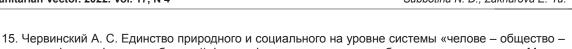
Кроме того, в самом обществе есть естественные (природные) элементы, включая тело человека, его психику, потребности. В этом случае общество можно назвать средой, в которой существуют эти природные элементы. Следовательно, две крупнейшие системы — система природы и система общества — находятся между собой в постоянной взаимосвязи. Однако не стоит забывать, что человечество взаимодействует лишь с небольшой частью природы — с планетой Земля и ближним космосом. В космическом масштабе общество не просто небольшая часть природы, а её незначительная часть.

Нами рассмотрены различные методологии исследования системы «природа – общество». Разумеется, это лишь часть существующих методологических подходов, но на основе их анализа можно сделать некоторые выводы. Все рассматриваемые методологические схемы имеют общие черты. Помимо основных элементов природы и общества они, как правило, включают область их взаимодействия. Часто авторы добавляют такие элементы, как «человек», «политика», «экономика», «культура», «экология» и др. Схемы создаются в зависимости от цели исследователя — рассмотреть какой-либо один аспект взаимодействия природы и общества, или несколько, или, по возможности, большинство аспектов. Это касается и наших методологий: для того, чтобы использовать их для анализа цифровой системы, оказалось необходимым дополнить схемы таким элементом, как социальное искусственное.

Авторы данного исследования считают, что необходимо помнить, что природа и общество взаимодействуют между собой не просто на границах их взаимопроникновения, но более широко: элементы природы в виде внутреннего естественного проникают в различные сферы общества, оказывая на них своё воздействие. Многие аспекты этого взаимодействия не учитываются в современном обществе. На наш взгляд, желательно использовать проанализированные методологические подходы при подготовке экспертных заключений по социальным и техническим проектам.

Список литературы

- 1. Гирусов Э. В. Система «общество-природа» (проблемы социальной экологии). М: Издательство Московского университета, 1976. 166 с.
- 2. Гирусов Э. В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа. М.: Наука, 1981. С. 48–57.
- 3. Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М: Мысль, 1979. 366 с.
- 4. Кобылянский В. А. Социально-философские основы теории взаимодействия природы и общества: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Чита, 1986. 360 с.
- 5. Кобылянский В. А. Природа и общество: специфика, единство, взаимодействие. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 199 с.
 - 6. Кобылянский В. А. Лекции по общей теории экологии. 2-е изд., испр., доп. Чита: ЗабГПУ, 2000. 60 с.
- 7. Субботина Н. Д. Проблема выхода общества из природы // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 4. С. 56–61.
- 8. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и в человеке: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2002. 399 с.
- 9. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: Диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: ЛЕНАНД, 2014. 432 с.
- 10. Fuchs Ch. The Dialectic of the Nature-Society-System. Текст: электронный // Triple. 2006. Vol. 4. Pp. 1–39 DOI: 10.31269/vol4iss1pp1-39 ISSN: 1726-670X. URL: https://www.triple-c.at/index.php/tripleC/article/download/24/23 (дата обращения: 02.09.2022).
- 11. Захарова Е. Ю. Теория экологически ориентированного антропоцентризма // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 4. С. 117–123.
- 12. Захарова Е. Ю. Экологическая культура соционатурэкосистемы: монография. 2-е изд., испр. Чита: ЗабГПУ, 2013. 250 с.
- 13. Захарова Е. Ю. Социально-экономические предпосылки оптимизации экологической культуры соционатурэкосистемы // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 1. С. 121–126.
- 14. Hambleton R. Place-based collaboration: Leadership for a changing world. URL: https://www.researchgate.net/publication/287490456_Place-based_collaboration_Leadership_for_a_changing_world (дата обращения: 02.09.2022). Текст: электронный.

природа» как философская проблема // Философские исследования: сборник научных трудов. Минск: Беларуская навука, 2020. Вып. 7. С. 40–49.

16. Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994. 199 с.

Информация об авторах

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: dialectica@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-3251-4076.

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, профессор; Забайкальский государственный университет,; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: aglena_72@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-9022-3520.

Вклад авторов в статью

- Н. Д. Субботина основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.
- Е. Ю. Захарова осуществляла сбор, анализ, систематизацию материала исследования, оформление статьи.

Для цитирования

Субботина Н. Д., Захарова Е. Ю. Эвристические возможности методологических подходов к изучению системы «природа - общество» в доцифровой и цифровой эпохе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 69–82. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-69-82.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

References

- 1. Girusov, E. V. System "society-nature" (problems of social ecology). M: Moscow University Publishing House, 1976. (In Rus.)
- 2. Girusov, E. V. The main historical stages of interaction between society and nature. Society and nature. M: Nauka, 1981: 48–57, 1981. (In Rus.)
 - 3. Tarasov, K. E., Chernenko, E. K. Social determinism of human biology. M: Mysl', 1979. (In Rus.)
- 4. Kobylyansky, V. A. Socio-philosophical foundations of the theory of interaction between nature and society. Dr. sci. diss. Chita, 1986. (In Rus.)
- 5. Kobylyansky, V. A. Nature and society: specificity, unity, interaction. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press, 1985. (In Rus.)
 - 6. Kobylyansky, V. A. Lectures on the general theory of ecology. Chita: ZabGPU, 2000. (In Rus.)
- 7. Subbotina, N. D. The problem of the exit of society from nature. Scientific Notes of the Trans-Baikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky, no. 4, pp. 56–61, 2009. (In Rus.)
- 8. Subbotina, N. D. The problem of the correlation between the natural and the social in society and in man. Dr. sci. diss. Ulan-Ude, 2002. (In Rus.)
- 9. Subbotina, N. D. Social evolution and human behavior: Dialectics of natural and social, conservation and development. M: LENAND, 2014. (In Rus.)
- 10. Fuchs, Ch. The Dialectic of the Nature-Society-System. January 2006 TripleC 4: 1–39. DOI: 10.31269/vol4iss1pp1–39 ISSN: 1726–670X URL: https://www.triple-c.at/index.php/tripleC/article/download/24/23. (In Engl.)
- 11. Zakharova, E. Yu. Theory of ecologically oriented anthropocentrism. Scholarly Notes of Transbaikal State University, no. 4, pp. 117–123, 2013. (In Rus.)
 - 12. Zakharova, E. Yu. Ecological culture of the socionature ecosystem. Chita: ZabGPU, 2013. (In Rus.)
- 13. Zakharova, E. Yu. Socio-economic aspects of optimizing the ecological culture of the socionature ecosystem. Bulletin of the Chita State University, no. 1, pp. 121–127, 2012. (In Rus.)
- 14. Hambleton, R. Place-based collaboration: Leadership for a changing world. URL: https://www.researchgate.net/publication/287490456_Place-based_collaboration_Leadership_for_a_changing_world. (In Engl.)
- 15. Chervinsky, A. S. The unity of the natural and the social at the level of the "man-society-nature" system as a philosophical problem. Philosophical research: a collection of scientific papers. Issue 7. Minsk, "Belaruska-ya navuka", 2020: 40–49. (In Rus.)
- 16. Kutyrev, V. A. Natural and artificial: struggle of the worlds. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Publishing House, 1994. (In Rus.)

Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4

Information about authors

Subbotina Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: dialectica@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-3251-4076.

Zakharova Elena Yu., Doctor of Philosophy, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: aglena_72@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-9022-3520.

Contribution of authors to the article

N. D. Subbotina is the main author, the organizer of the study who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

E. Yu. Zakharova is the organizer of the collection of research material, its analysis and systematization of the research material, the design of the article.

For citation

Subbotina N. D., Zakharova E. Yu. Heuristic Potential of Methodological Approaches to the Study of "Nature – Society" System // Humanitarian vector. 2022. Vol. 17, No. 4. P. 69–82. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-69-82.

Received: September 19, 2022; approved after reviewing October 24, 2022; accepted for publication October 26, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 070.11

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-83-92

Традиционные ценности российского общества в цифровую эпоху

Анна Владимировна Дудкина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия yakimanna@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2251-2467

Процесс цифровизации тесным образом связан с глобальными изменениями в обществе. Пересмотр социальных целей и ценностей, смена групповых и межличностных коммуникативных моделей, трансформация политических, экономических, экологических, культурных концепций приводят к кризису системы ценностей и ценностных ориентаций. Актуальным в российском обществе в эпоху цифровизации становится исследование состояния традиционных ценностей и духовно-нравственных ориентиров. Цель исследования – выявление отношения российского общества к сохранению традиционных ценностей в цифровую эпоху. Ценности рассматриваются как нечто особенно значимое для человека, что определяет его убеждения и служит мотивацией его действий. Новизна заключается в выявлении готовности российского общества сохранять и укреплять духовно-нравственные ценности в процессе адаптации к новой реальности цифровой эпохи. С помощью контент-анализа и дискурс-анализа определены факторы формирования культурных установок в российском обществе, выявлены приоритеты в расстановке ценностей, обнаружены различия в ценностных ориентирах российской, европейской и американской культуры. При помощи статистического и сравнительного анализа документальных источников выявлена проблематика процесса цифровизации в российском обществе в контексте духовно-нравственных ценностей. Анализ проведённых за последние три года опросов Всероссийским центром изучения общественного мнения, касающихся отношения к традиционным ценностям в жизни человека и к роли государства в сохранении духовно-нравственных ценностей в обществе, позволил обнаружить стремление общества к сохранению и укреплению традиционных ценностей. При рассмотрении коммуникативных государственных стратегий в сфере укрепления и сохранения духовно-нравственных ценностей обнаружена их низкая эффективность. Также выявлено влияние европейской и американской пропаганды на систему российских ценностей. Результаты данной работы показывают, что государственные коммуникативные стратегии по сохранению традиционных и духовно-нравственных ценностей нуждаются в доработке и усовершенствовании. Полученные результаты могут быть востребованы исследователями в сфере социальной журналистики и медиаграмотности.

Ключевые слова: цифровизация, ценности, Россия, общество, духовность

Original article

Traditional Values of Russian Society in the Digital Age Anna V. Dudkina

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia yakimanna@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2251-2467

The process of digitalization is closely related to global changes in society. Due to the ongoing social changes associated with the development of the information society, there is a crisis in the system of values and value orientations. The study of the state of traditional values and spiritual and moral guidelines in Russian society in the era of information digitalization becomes relevant. This work *aims* to identify the attitude of Russian society to the preservation of traditional values in the digital age. The novelty lies in identifying the readiness of Russian society to preserve and strengthen spiritual and moral values in the process of adapting to the new reality of the digital age. Methodology and research methods. With the help of content analysis and discourse analysis, the categories of formation of cultural attitudes in Russian society were determined, a list of traditional values was identified, and differences were found in the value orientations of Russian, European, and American cultures. With the help of historical, statistical and comparative analysis of documentary sources, the problems of the digitalization process in Russian society in the context of spiritual and moral values are revealed. An analysis of surveys conducted over the past three years by the All-Russian Public Opinion Research Center on attitudes towards traditional values in human life and the role of the state in preserving spiritual and moral values in society revealed the desire of society to preserve and strengthen "traditional values". When considering communicative

© Дудкина А. В., 2022

Дудкина А. В.

state strategies in the field of strengthening and preserving spiritual and moral values, the problems of low efficiency of these strategies were identified. We also revealed the influence of European and American propaganda on the system of Russian values. The results of this work show that state communication strategies for the preservation of traditional and spiritual and moral values need to be finalized and improved in practice. Also, the results obtained can be in demand by researchers in the field of social journalism and media literacy.

Keywords: digitalization, values, Russia, society, spirituality

Введение. Внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни заставляет общество адаптироваться к новой реальности и принять новую ценностную парадигму [1, с. 93].

Со второй половины XIX в. изучение человеческих ценностей наблюдается преимущественно в рамках социальной психологии¹. Американский и израильский учёные (М. Рокич и Ш. Шварц) разработали классификацию ценностных ориентаций, согласно которой ценности разделяются на социальные и индивидуальные и напрямую зависят от менталитета конкретного общества [2].

Результаты исследования голландского социолога Г. Х. Хофстеде показали, что культура общества оказывает непосредственное влияние на индивидуальные ценности индивидов, а сформулированная им оригинальная теория предлагает четыре культурных измерения, позволяющих анализировать ценности [по: 3]. Развивая теорию ценностей, русский мыслитель Н. О. Лосский характеризовал её как идеально-реалистическую. Ценности, по мнению учёного, объективны, всеобщи и антиномичны, а основой ценностей является Бог [4].

Необходимо отметить, что традиционные ценности трактуются по-разному. Например, по определению А. Б. Гофмана, традиция представляет собой «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определённых обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени; охватывает объекты социального наследия (материальные и духовные ценности); процесс социального наследования...»². Социолог М. Вебер, ценность рассматривал как норму, способом бытия которой является значимость

(важность) для субъекта. В свою очередь Т. Парсонс придавал ценности методологический смысл как средству выявления и описания социальных отношений и институтов через общие для их членов ценности.

В работе «Эстетика» Н. Гартман перечисляет следующие классы ценностей, начиная с материальных ценностей и заканчивая духовно-познавательными: «ценности блага, ценности удовольствия, жизненные ценности, нравственные ценности, эстетические ценности, познавательные ценности» [5]. Последние три класса относятся к духовным ценностям, причём нет верховенства одного класса над другими [6].

В чём заключаются традиционные ценности России в эпоху цифровизации? Ответ на этот вопрос находим в Указе Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁴. В этих документах говорится о ценностях, которые призваны не допустить разобщённости общества и сохранить единство многонациональной страны.

Стоит также отметить, что проблема ценностей изучается не только аксиологией и социологией, но и некоторыми другими науками, такими как, например, культурология и психология. Представителями разных научных направлений, как отечественными, так и зарубежными, выработаны подходы к определению понятия «ценность».

Изучение коммуникативных стратегий конкретных медиаресурсов позволяет делать выводы об их ценностных ориентациях. Под коммуникативными стратегиями в ме-

¹ Гуреева А. Н. Концептуально-теоретические основы изучения общественно-политических ценностей современной российской молодежи в дискурсе социальных медиа. – Текст: электронный // Медиаскоп. – 2021. – № 3. – URL: http://www.mediascope.ru/2721 (дата обращения: 02.05.2022).

 $^{^2}$ Гофман А. Б. Традиция. — Текст: электронный // Большая советская энциклопедия. — URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/ Tradicija-89817/ (дата обращения: 08.05.2022).

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. – Текст: электронный // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1 (дата обращения: 04.05.2022).

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. – Текст: электронный // Wsem.ru. – URL: https://wsem.ru/publications/strategiyanatsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii_178/ (дата обращения: 02.05.2022).

Dudkina A. V.

диалогии обычно понимают определённую концепцию, оправдывающую их существование, «дающую конкретные установки, типы реагирования, фильтрующие события, отбор материала, его подачу и трактовку» [7, с. 21].

Нередко под коммуникативной стратегией понимают схему коммуникативного поведения, в которой «серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения цели объекта коммуникации. Стратегию определяет макроинтеграция (намерение, цель одного (или всех) участников диалога), обусловленная социально-психологическими особенностями конкретного общения» [8].

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета Д. П. Гавра предлагает понимать под коммуникационной стратегией «опирающуюся на общую стратегию социального субъекта (принадлежащего к любой сфере - политической, экономической, социальной, культурной) долгосрочную сбалансированную по ресурсам программу достижения его (субъекта) стратегических целей через информационно-коммуникационные взаимодействия с внешней и внутренней средой» [9].

Цифровая эпоха, в которой мы живём, отличается от других исторических периодов и представляет собой один из главных трендов развития современной России.

Коммуникативные и цифровые технологии влияют на изменение традиционной системы ценностей россиян [10; 11]. Правительственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», входящая в Стратегию развития информационного общества на 2017-2030 годы¹, определяет основные черты цифровых технологий: «большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; компоненты робототехники и сенсорика; технологии беспроводной виртуальной и дополненной реальностей и др.².

Реализация программы способствует быстрым переменам не только в технологической, но и социальной сфере. Ясные очертания приобретают тенденции роботизации и замены людей на роботов в определённых сферах трудовой деятельности, происходит создание новых систем базы данных с индивидуальной информацией о каждом гражданине страны, нейронные технологии, внедрение чипов с интегральными базами данных. В связи с этим возникает ряд вопросов: Чем может обернуться для нас новое общество, основанное на цифровых ценностях [12–14]? Готово ли общество с его системой ценностей к технологическим инновациям? Будет ли место традиционным ценностям в управленческих системах будущего?

Поиск ответов на данные вопросы становится весьма актуальным в цифровую эпоху и способствует выявлению угроз традиционным ценностям в обществе, а также разработке путей по их сохранению.

Методология и методы исследования. Объектом проведённого исследования стали государственные проекты и программы по сохранению традиционных ценностей и социологические тематические опросы Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)³, проведённые в период с 2019 по 2021 г. Тематика опросов за выбранный период времени следующая: отношение российского общества к традиционным ценностям, позиция государства в сохранении и укреплении традиций и традиционных ценностей, ценностные ориентиры современной российской молодёжи. В проведённом исследовании последовательно проводится анализ существующих государственных программ и проектов по защите, сохранению и укреплению традиционных ценностей. Данные коррелируют с контент-анализом публикаций, в которых обнаруживается критика данных стратегических проектов со стороны тактических медиа.

В работе применены исторический и социокультурный методы, а также статистический и дискурс-анализ. При помощи дискурсивного анализа идентифицируются ценности россиян, европейцев и американцев. В рамках данного метода приведена оценка интересов российского социума и выявлены различия в ценностных ориентациях с европейской культурой. Результаты срав-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. – Текст: электронный // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1 (дата обращения: 04.05.2022).

² Цифровая экономика РФ. – Текст: электронный // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. - URL: https:// digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 04.05.2022).

³ База результатов опросов «Спутник». – Текст: электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения. - URL: https://bd.wciom.ru/baza_ rezultatov_sputnik/ (дата обращения: 02.05.2022).

Дудкина А. В.

нительного анализа позволяют определить основные пути оптимизации по сохранению традиционных ценностей в российском обществе в процессе цифровизации на государственном уровне.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведённый ВЦИОМ 3 ноября

2019 г. репрезентативный опрос о наиболее важных ценностях среди населения по регионам России (на каждый вопрос предлагалось давать не более пяти ответов) показал картину ценностных ориентаций российского общества в цифровую эпоху коммуникаций и инноваций (табл. 1).

Таблица 1

Ценности российского общества

Ответы на вопрос «Какие ценности и идеи наиболее важны лично для Вас?»	Все опрошенные (регионы РФ), %	
Здоровье собственное и близких	67	
Семья	49	
Безопасность личная и близких	38	
Материальный достаток	37	
Любовь к родине, гордость за страну	30	
Любовь, уважение близких	29	
Качественное образование	24	
Возможность делать что-то для других, помогать	19	
Интересная работа	18	
Самообразование, приобретение новых знаний	16	
Путешествие, открытие новых мест	16	
Уважение традиций, обычаев своего народа	15	
Свобода, независимость	14	
Жизнь в согласии с моральными нормами	13	
Личный успех	6	
Общественное признание, авторитет	4	
Затрудняюсь ответить	2	

Такие ценности, как «личный успех» и «общественное признание, авторитет» в списке ценностей стоят на последнем месте и составляют небольшую долю - 6 и 4 % соответственно (см. табл. 1). В то же время забота о себе и близких, своей безопасности и материальном достатке у россиян в приоритете. Вместе с тем стоит отметить, что позиции «любовь к родине, гордость за страну» и «возможность делать что-то для других, помогать» составляют 30 и 19 % соответственно. Данные показатели свидетельствуют о том, что российский народ готов создавать что-то общее, большое и обширное¹. Россия - особая страна не только в силу своей территориальной протяжённости, но и потому, что она - многонациональная страна, объединённая русской историей и русской культурой. Русскую культуру можно назвать сердцевиной культуры, которая обозначила

основные духовные параметры общей жизнедеятельности народов нашей страны.

В настоящее время ключевое значение приобретает способность слышать и понимать друг друга на уровне ценностных установок [15]. По мнению профессора Воронежского государственного университета В. В. Тулупова, Россия - особая цивилизация, базирующаяся на нескольких постулатах: «Духовное выше материального», «Общее выше индивидуального», «Справедливость выше закона», «Будущее важнее настоящего и прошлого». Данные идеи оказывают огромное влияние на развитие нашей страны как национального государства по своим стандартам [16, с. 202]. В такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, необходим поиск того, что объединяет нации и конфессии в культуре и религии. Нужны точки соприкосновения и поиск общих постулатов [17]. Стоит также отметить, что в 2020 г. Президент России Владимир Путин внёс поправку к статье 67 Конституции Российской Федерации, вклю-

¹ Русские ценности как основа русской культуры. – Текст: электронный // Я русский. – URL: http://iamruss.ru/russian-cultural-wealth-as-basis-of-culture/ (дата обращения: 02.05.2022).

Dudkina A. V.

чив в документ имя «Бог»: «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство»¹. Такое нововведение подтверждает стремление государства к объединению российского народа посредством ценности религий, а значит – духовных ценностей [18].

ВЦИОМ 1 ноября 2020 г.² провёл исследование о необходимости существования традиционных ценностей в жизни человека (табл. 2).

Таблица 2 Традиционные ценности в жизни человека

Ответы на вопрос «Согласны или не согласны со следующими суждениями: не стоит слишком держаться Bce опрошенные за традиционные ценности – (регионы РФ), жизнь не стоит на месте, и те, кто не в ладах с % современностью, с духом времени, всегда будут в проигрыше?» 20 Определённо согласен 25 Скорее согласен

26

23

Данный опрос показал, что общество разделилось на два одинаковых по количеству людей лагеря, но противоположных друг другу по мировоззрению и выбору ценностей.

Скорее не согласен

Затрудняюсь ответить

Определённо не согласен

Опрос от 17 января 2021 г. провели с идентичным вопросом, обращённым к российским респондентам (табл. 3).

Результаты, пусть и незначительно, но сместились в сторону группы, которая поддерживает традиционные ценности в пропорции 51 к 43 % той группы, которая не согласна поддерживать традиционные ценности.

1 Конституция Российской Федерации. – Текст: электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n= 2875&dst=100252#fc4Bx4TWWu6ogtTZ1 (дата обращения: 05.05.2022).

Таблица 3 Традиционные ценности в жизни человека

Ответы на вопрос «Согласны или не согласны со следующими суждениями: не стоит слишком держаться за традиционные ценности – жизнь не стоит на месте, и те, кто не в ладах с современностью, с духом времени, всегда будут в проигрыше?»	Все опрошенные (регионы РФ), %
Определённо согласен	18
<u> </u>	25
Скорее согласен	25
Скорее согласен	28
_ '	

Ценности играют важную роль в жизни человека, являясь базисом, на котором строятся дальнейшая деятельность личности и её взаимоотношения с миром. Распад ценностной системы общества – основная внутренняя угроза для любого государства. Индивид «цифровой реальности» не живёт изолированно [19]. Какие бы усилия ни прилагала власть, у неё нет возможности полностью оградить граждан страны от деструктивных идей. Для поддержания целостности социума критическое значение имеет самостоятельное определение ценностей, так как «попытки улучшения системы путём заимствования ценностей из других систем могут на деле вести к деградации» [21-22].

Проведённый ВЦИОМ опрос от 7 ноября 2020 г. о том, должно ли государство бороться за традиционные ценности в обществе, позволил сделать вывод о крайней необходимости государственного управления в сохранении и укреплении культурных российских ценностей (табл. 4).

Таблица 4 Роль государства в сохранении и укреплении традиционных российских ценностей

Ответ на вопрос «Согласны или не согласны со следующими суждениями: государство должно всемерно защищать традиции и традиционные ценности, бороться за их сохранение и укрепление?»	Все опрошенные (регионы РФ), %
Определённо согласен	64
Скорее согласен	24
Скорее не согласен	6
Определённо не согласен	4
Затрудняюсь ответить	2

² База результатов опросов «Спутник». – Текст: электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://bd.wciom.ru/baza rezultatov_sputnik/ (дата обращения: 02.05.2022).

Дудкина А. В.

Данный опрос дал возможность увидеть отчётливый результат: общество ожидает со стороны государства меры по обеспечению сохранения и укрепления традиционных ценностей. Из общего числа опрошенных 88 % согласны с такой позицией, 10 % респондентов выступили против.

В реальности власть осуществляет своё информационное взаимодействие и управление обществом через программы, проекты и нормативные акты. Российское государство сохраняет и укрепляет традиционные ценности посредством следующих программ и проектов: Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» (где один из пунктов гласит: «Приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий»)1; Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (в Стратегию включён пункт «защита традиционных ценностей»)² и др.

Отдельное внимание следует уделить ещё не вступившему в силу проекту «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Данный проект вынесён на рассмотрение и утверждение в феврале 2022 г., но из-за критики со стороны Министерства культуры Российской Федерации приостановлен и отправлен на доработку³. На 1 октября 2022 г. открыта возможность для любого гражданина страны оставить своё мнение и внести предложения в данный проект⁴.

В ходе исследования обнаружены информационные русскоязычные ресурсы (Eurasianet⁵, BBC – русская служба новостей⁶, «Независимая»⁷ и др.), некоторые из них, зарегистрированные Налоговым управлением США, утверждают, что понимание и сохранение традиционных ценностей на государственном уровне - «идеологическое оружие современной России», «традиционные ценности - крайне агрессивный и токсичный конструкт», «документ... ограничивает прописанные в Конституции права и свободы человека». Критика и обесценивание правильных ценностей русской культуры со стороны западных медиа - попытка разрушить русскую культуру и реализовать на территории России свою ценностную парадигму.

Стоит отметить, что исторически европейские ценности складывались, впитывая в себя многие каноны Античности, Средневековья, эпохи Возрождения, а также ценности европейских буржуазно-демократических революций и современный опыт евроинтеграции [23; 24]. В Европе базисные ценности — свобода и материальное благополучие⁸, религия, права человека, демократия, верховенство закона.

На официальном сайте Европейского союза в документе «Новая стратегическая повестка дня для ЕС на 2019—2024 гг.» выделены основные приоритеты: продвижение европейских интересов и ценностей на мировой арене; продвижение европейского образа жизни; внедрение цифровой информации во все сферы жизни⁹. Основные европейские ценности — «ценности, пропагандирующие вседозволенность, эгоизм, алчность, нетрадиционную сексуальную ориентацию, однополые браки и т. д.» [25].

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. – Текст: электронный // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1 (дата обращения: 04.05.2022).

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. – Текст: электронный // Wsem.ru. – URL: https://wsem.ru/publications/strategiyanatsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii_178 (дата обращения: 02.05.2022).

 $^{^3}$ Минкультуры приостановило обсуждение проекта о традиционных ценностях. — Текст: электронный // Президент России. — URL: https://www.rbc.ru/politics/14/02/2022/6209f4929a7947564896f881 (дата обращения: 04.05.2022).

⁴ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 10.10.2022). – Текст: электронный.

⁵ Традиционные ценности – идеологическое оружие современной России. – Текст: электронный // Eurasianet. – URL: https://russian.eurasianet.org/традиционные-ценности-идеологическое-оружие-современной-россии (дата обращения: 02.05.2022).

⁶ BBC – русская служба. – URL: https://www.bbc. co.uk/blogs/russian (дата обращения: 02.05.2022). – Текст: электронный.

⁷ Минкультуры возвращает Россиян во времена СССР. – Текст: электронный // Независимая. – URL: https://www.ng.ru/ (дата обращения: 04.05.2022).

⁸ European Wellbeign Survey. – Текст: электронный // European Social Survey. – URL: https://www.europeansocialsurvey.org/findings/topline.html (дата обращения: 04.05.2022).

⁹ Eropean Union. – URL: https://european-union. europa.eu/priorities-and-actions/eu-priorities_ru (дата обращения: 02.05.2022). – Текст: электронный.

Европейские

из различных источников, как российских, так европейских и американских¹. В современную цифровую эпоху, когда на международном уровне обострилась информационная война за ценностные установки, наблюдается духовное уничтожение социума через деструктивное влияние и изменение

моральных ценностей.

ные блага [28].

Влияние американских ценностей не обошло стороной и российскую молодёжь. Благодаря развитию средств коммуникационных технологий молодые люди России имеют возможность получать информацию

ценности

идентичны американским, зачастую име-

ющим декларативный характер. Главной

ценностью американцев является особое

стремление к обогащению и личному бла-

гополучию [26]. Такие ценности формируют

общество потребления, которое живёт в са-

мообмане, в таком социуме невозможны ни

истинные чувства, ни культура [27]. Ядром

в системе ценностей становятся материаль-

во

МНОГОМ

Результаты проведённого опроса ВЦИОМ¹ в 2019 г. и повторно в 2020 г. о духовных ценностях российской молодёжи подтвердили выводы нашего исследования: молодёжь расставляет свои ценностные приоритеты под воздействием и влиянием европейских и американских жизненных ценностей (табл. 5).

Таблица 5

Ценностные качества российской молодёжи

Ответы на вопрос «Какие качества, на Ваш взгляд, в наибольшей степени присущи современной российской молодёжи? Выберете по каждой паре наиболее подходящее качество: 1) ориентация на духовные ценности, 2) ориентация на материальные ценности»	Все опрошенные (регионы РФ), % (опрос от 23 июня 2019 г.)	Все опрошенные (регионы РФ), % (опрос от 9 августа 2020 г.)	
Первое качество – ориентация на духовные ценности	10	14	
Второе – ориентация на материальные ценности	82	77	
Затрудняюсь ответить	8	9	

Как показали исследования, 82 % в 2019 г. и 77 % в 2020 г. респондентов считают, что молодёжь ориентируется на материальные ценности, а не на духовные (см. табл. 5).

Заключение. Согласно полученным в ходе проведения исследования результатам можно сделать вывод о том, что российское общество поддерживает традиционные ценности и ожидает от государства действий по их укреплению и сохранению.

Российское государство не стоит в стороне от проблемы формирования в обществе традиционных и духовно-нравственных ценностей. Подтверждение тому — разработка стратегий, программ и проектов, которые регулируют социально-культурную сферу российского общества. Отметим, что из всех пунктов по укреплению и сохранению традиционных ценностей, а также духовных и нравственных ценностей на практике массово реализуется одно из направлений — «Патриотическое воспитание». Выполнение данной инициативы закреплено за национальным проектом «Образование». Осталь-

ные направления в развитии и сохранении ценностей либо находятся в стадии разработок, либо остаются только на бумаге³.

Необходимо посредством образовательных инструментов содействовать осознанию нравственных норм в обществе, в результате чего они станут ценностными ориентациями. Одним из способов решения этого вопроса может стать введение образовательных предметов по духовно-нравственному воспитанию в учебных заведениях Российской Федерации. Перспективой такого новшества станет формирование у

¹ Гуреева А. Н. Концептуально-теоретические основы изучения общественно-политических ценностей современной российской молодёжи в дискурсе социальных медиа. – Текст: электронный // Медиаскоп. – 2021. – № 3. – URL: http://www.mediascope.ru/2721 (дата обращения: 02.05.2022).

² База результатов опросов «Спутник». — Текст: электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — URL: https://bd.wciom.ru/baza_rezultatov_sputnik (дата обращения: 02.05.2022).

³ Патриотическое воспитание. Образование. – Текст: электронный // Национальные проекты России. – URL: https://национальныепроекты.pф/projects (дата обращения: 02.05.2022).

Дудкина А. В.

молодёжи нашей страны нравственных и духовных ценностей в цифровую эпоху.

Кроме того, диалог и сотрудничество государства, светских организаций и Церкви, их взаимодействие в различных социальных проектах милосердия и борьбы со злом – ещё один путь в достижении сохранения и укрепления духовных ценностей в российском обществе во времена цифровизации.

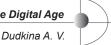
Государству необходимо обратить внимание на практическое выполнение уже утверждённых коммуникативных стратегий и проектов в сфере традиционных ценностей. Создание отдельных медиапроектов в сфере сохранения «традиционных ценностей» как на государственном уровне, так и на уровне различных медиаорганизаций,

приведёт к эффективным результатам в достижении уже существующих, но до конца не реализованных государственных стратегий.

Решением данной проблематики может стать спланированный путь развития доверительного взаимодействия между властью и гражданами, когда само общество принимает участие в реализации проектов, стратегий и указов, которые уже разработаны государственным аппаратом. При выполнении данных условий российское государство сможет выстоять в информационной войне, сохранив традиционные ценности, что в свою очередь будет означать: российское общество в будущем готово к технологическим инновациям и медиатрансформациям.

Список литературы

- 1. Фактор А. М., Камолов С. Г., Никандрова А. А. Человеческие ценности в цифровую эпоху // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2018. № 2. С. 86–103.
- 2. Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Rewiew. 2008. Vol. 29, no. 2. Pp. 105–134.
- 3. Bradley J. T. Robots and Roboethics // Re—Creating Nature: Science, Technology and Human Values in the Twenty-First Century. The University of Alabama Press. 2019. 24 September. Pp. 227–256.
- 4. Варич В. Н. Ценности в культурно-коммуникативном пространстве // Вестник Брестского университета. Серия «Философия. Политология. Социология». 2019. № 2. С. 73–78.
- 5. Гартман Н. Эстетика / пер. с нем. Т. С. Батищева, А. В. Дерюгиной, Е. В. Касьяновой, М. К. Мамардашвили. Киев: Изд-во Ника-центр, 2004. 640 с.
- 6. Щенникова К. Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. 2017. № 1. С. 159–163.
- 7. Антропова В. В. Коммуникативные стратегии СМИ и тенденции развития российской журналистики в фокусе духовно-ценностного измерения // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2012. Вып. 69, № 23. С. 18–26.
- 8. Коммуникативные стратегии СМИ: теоретические подходы и новые реалии: сборник материалов научно-практической конференции кафедры журналистики. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. 2010 с.
- 9. Гавра Д. П. Категория стратегической коммуникации: современное понимание и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3. С. 229–233.
- 10. Нигматуллина К. Р. Ценность коммуникации в цифровом пространстве // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 148–158. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-148-158.
- 11. Шамшурин Д. А. Цифровые медиа как фактор культурной глобализации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 6. С. 71.
- 12. Schacter D. L. Media, technology, and the sins of memory // Memory, Mind and Media. Harvard University. 2022. Vol. 8. Pp. 1–15. DOI: 10.1017/mem.2021.3.
- 13. Qureshi-Hurst E. Anxiety, alienation, and estrangement in the context of social media // Religious Studies. Cambridge University. 2021. Vol. 3, no. 13. Pp. 1–12.
- 14. Denikin A. V., Sablukov A. V., Primakov V. L., Lapshov V. A., Shikhgafizov P. S. Digitalization in the system of methods of scientific knowledge // Transformation of the Labor Market: Risks, Trust, Prospects of International Communications. 2021. Vol. 1. Pp. 1–6. DOI: 10.1051/shsconf/202112505008.
- 15. Фомичёва Т. В., Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 80–84.
- 16. Тулупов В. В. Массовая социальная коммуникация и журналистика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология, журналистика». 2010. № 2. С. 198–203.
- 17. Sidorov V., Melnik G. Media Destruction of the Spiritual Values of Society (Based on the Materials of the Experts' Round Table) // Media Education (Mediaobrazovanie). 2020. No. 61. Pp. 126–134. DOI: 10.13187/me.2021.1.125.
- 18. Haft H. The Russian Orthodox Church at the Council of Europe: Religious rights, Free expression and Traditional // Journal of International Law & Politics. 2021. Vol. 1. Pp. 954–989.

- 19. Tomyuk O. N., Diachkova A. V., Kerimov A. A. Media transformation of the legal culture of an individual in the context of global digitalization // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. Pp. 100-110.
- 20. Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117-125. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125.
- 21. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века // Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.
- 22. Рощупкина Т. Ю., Уколова О. Н. Роль средств массовой информации в формировании духовных и нравственных ценностей // Молодой учёный. 2019. № 43. С. 274-277.
 - 23. Иванов И. Д. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. 2012. № 2. С. 12–24.
- 24. Шкалина Г. Е. Европейские ценности: история формирования // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6, № 1. С. 69–78.
- 25. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology of European Values and Russians' Basic Human Values // Sociological Research. 2017. Vol. 56, no. 2. Pp. 149-180, DOI: 10.1080/10610154.2017.1358029.
- 26. Варганов В. В. Американские ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2020. Т. 10, № 5. С. 146-160.
 - 27. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2019. 330 с.
- 28. Bolin G. Value and the Media: Cultural Production and Consumption in Digital Markets // Routledge. 2011. Vol. 127. Pp. 127-138. DOI: 10.4324/9781315548500.

Информация об авторе

Дудкина Анна Владимировна, аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: yakimanna@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-2251-2467.

Для цитирования

Дудкина А. В. Традиционные ценности российского общества в цифровую эпоху // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 83–92. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-83-92.

Статья поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 30.07.2022.

References

- 1. Factor, A. M., Kamolov, S. G., Nikandrova, A. A. Human Values in the Digital Age. Modeling, optimization and information technology, no. 2, pp. 86–103, 2018. (In Rus.)
- 2. Hjarvard, S. The mediatization of society: A theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. Nordicom Rewiew, no. 2, pp. 105–134, 2008. (In Engl.)
- 3. Bradley, James T. Robots and Roboethics. Re-Creating Nature: Science, Technology, and Human Values in the Twenty-First Century, 2019. Pp. 227–256. (In Engl.)
- 4. Varich, V. N. Values in the Cultural and Communicative Space. Vestnik of Brest University. Series: Philosophy. Political science. Sociology, no. 2, pp. 73-78, 2019. (In Rus.).
 - 5. Gartman, N. Aesthetics. Trans. Batishheva T. S., Nika-centr publ., 2004. (In Rus.).
- 6. Shhennikova K. Yu. Traditional values as a factor in the preservation and unity of modern Russia. Scientific journal Vlast, no. 1, pp. 159–163, 2017. (In Rus.)
- 7. Antropova, V. V. Communication Strategies of the Media and Trends in the Development of Russian Journalism in the Focus of the Spiritual and Value Dimension. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history, no. 23, pp. 18–26, 2012. (In Rus.)
- 8. Media communication strategies: theoretical approaches and new realities. Collection of materials of the scientific-practical conference of the journalism department. Nizhny Novgorod: Publishing house of NNSU, 2020.
- 9. Gavra, D. P. Strategic Communication: Modern Definition and Basic Principles. Age of Information, no. 3, pp. 229–233, 2015. (In Rus.)
- 10. Nigmatullina, K. R. The Value of Digital Communication. Humanitarian Vector, no. 1, pp. 148–158, 2022. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-148-158. (In Rus.)
- 11. Shamshurin, D. A. Digital Media as Cultural Globalization Factor. International research journal, no. 6, pp. 71, 2018. (In Rus.)
- 12. Schacter, D. L. Media, Technology, and the Sins of Memory. Memory, Mind and Media, 2022. Pp. 1–15. DOI:10.1017/mem.2021.3. (In Engl.)
- 13. Qureshi-Hurst, E. Anxiety, alienation, and estrangement in the context of social media. Journal: Religious Studies. Cambridge University, 2021. Pp. 1–12. (In Engl.)

Дудкина А. В.

- 14. Denikin, A. V. Sablukov, A. V., Primakov, V. L., Lapshov, V. A., Shikhgafizov, P. S. Digitalization in the System of Methods of Scientific Knowledge. Transformation of the Labor Market: Risks, Trust, Prospects of International Communications. SHS Web of Conferences 125, 05008, pp. 1–6, 2021. DOI: 10.1051/shs-conf/202112505008. (In Engl.)
- 15. Fomicheva, T. V., Kataeva, V. I. Russian Values in the Context of Digitalization of the Russian Economy. Living standards of the population of Russian regions, no. 2, pp. 80–84, 2019. (In Rus.)
- 16. Tulupov, V. V. Mass Social Communication and Journalism. Vestnik of Voronezh University. Series: Philology, Journalism, no. 2, pp. 198–203, 2010. (In Rus.)
- 17. Sidorov, V., Melnik, G. Media Destruction of the Spiritual Values of Society (Based on the Materials of the Experts' Round Table). Media Education, no. 61, pp. 126–134, 2020. DOI: 10.13187/me.2021.1.125. (In Engl.)
- 18. Haft, H. The Russian Orthodox Church at the Council of Europe: Religious rights, Free expression and Traditional. New York University Journal of International Law & Politics, vol. 53, pp. 954–989, 2021. (In Engl.)
- 19. Tomyuk, O. N., Diachkova, A. V., Kerimov, A. A. Media Transformation of the Legal Culture of an Individual in the Context of Global Digitalization. Russian law: education, practice, science, no. 6, pp. 100–110, 2021. (In Engl.)
- 20. Sidorov, V. A. Axiology of Mass Media: Problem Fields and Strategies. Humanitarian Vector, no. 4, pp. 117–125, 2021. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125. (In Rus.)
- 21. Erofeeva, I. V. Axiology of Media Text in Russian Culture: Representation of Values in Journalism at the Beginning of the 21st Century. Novosibirsk: Publishing house of SB RAS, 2009. (In Rus.)
- 22. Roshchupkina, T. Yu., Ukolova, O. N. The role of the Media in the Formation of Spiritual and Moral Values. Young scientist, no. 43, pp. 274–277, 2019. (In Rus.)
 - 23. Ivanov, I. D. Anatomy of European values. Modern Europe, pp. 12-24, 2012. (In Rus.)
- 24. Shkalina, G. E. European Values: The History of Formation. Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal Sciences, 2020. Pp. 69–78. (In Rus.)
- 25. Magun, V., Rudnev, M., Schmidt P. A Typology of European Values and Russians' Basic Human Values. Sociological Research, no. 56, pp. 149–180, 2017. DOI: 10.1080/10610154.2017.1358029. (In Engl.)
- 26. Varganov, V. V American Values. News of the Southwestern State University. Series: History and Law, no. 5, pp. 146–160, 2020. (In Rus.)
 - 27. Baudrillard, J. Consumer Society. Trans. By Samarskaya E. A., AST publ., 2019. (In Rus.)
- 28. Bolin, G. Value and the Media: Cultural Production and Consumption in Digital Markets. London, Routledge publ., 2011. Pp. 127–138. DOI: 10.4324/9781315548500. (In Engl.)

Information about author

Dudkina Anna V., Postgraduate Student; St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: yakimanna@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-2251-2467.

For citation

Dudkina A. V. Traditional Values of Russian Society in the Digital Age // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 83–92. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-83-92.

Received: June 25, 2022; approved after reviewing July 29, 2022; accepted for publication July 30, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 32:316.77

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102

Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации

Анна Михайловна Сосновская

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия sosnovskaya-am@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-9736-0912

Исследования последних лет показали ослабление городской идентичности молодёжи Санкт-Петербурга, отсутствие интереса к сохранению культурного наследия. Целью исследования является деконструкция дискурсов и выявление ценностно и целеориентированных составляющих диспозитивов, позволяющих понять мотивирующие драйвы артикуляции и коммуникации в социальных сетях и скорректировать политику городской идентичности. В статье применяется акторно-сетевая теория к данным, реконструированным из текстов социальных сетей жителей и градозащитников о культурном архитектурном наследии Санкт-Петербурга, что позволило адаптировать АСТ для системного анализа политики городской идентичности, с учётом факторов, которые часто ускользают от внимания при более традиционных формах анализа, но влиятельны в современной среде сетевых коммуникаций и связанных политик. Идентичность при этом рассматривается одновременно как дискурсивная конструкция и как эффект конфигурации человеческих и нечеловеческих акторов, откликающихся в социальной практике на текущую трансформацию симбиотических отношений человека со средой. На материале СМИ и социальных сетей по поводу разрушения здания манежа лейб-гвардии Финляндского полка в Санкт-Петербурге проведён анализ контента с помощью дискурсивного метода и акторно-сетевой теории. Выявлены и проиллюстрированы три возможных уровня использования АСТ в анализе политической коммуникации вокруг культурного наследия: 1) материальные объекты стабилизируют социальные отношения; 2) обладают реальными и чувственными качествами, способствующими проективной идентификации; 3) обеспечивают пространственность и целостность города. В ходе анализа границ сетевых взаимодействий актуализировано психоаналитическое понятие «нехватка» как неразрешимое противоречие и антагонизм дискурсов, как проецирование тревоги в текстах, с господствующей неопределённостью текущей мотивации. Итогом исследования стало выявление ценностно и целеориентированных диспозитивов дискурсов в поле городской идентичности и разработка программы политики коммуникации с акторами сети. Выявление диспозитивов позволило установить условия продуктивной коммуникации как определяющей симбиотические режимы в современном городе.

Ключевые слова: дискурс, диспозитивы, наследие, акторно-сетевая теория, политическая коммуникация

Original article

Value and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage in the Theory of Political Communication

Anna M. Sosnovskaya

Northwestern Institute of Management RANEPA, St. Petersburg, Russia sosnovskaya-am@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-9736-0912

Studies of recent years have shown a weakening of the urban identity of the youth of St. Petersburg, a lack of interest in the preservation of cultural heritage. The purpose of the study is to deconstruct discourses and identify the value-oriented and goal-oriented components of dispositives that allow understanding the drives of communication in social networks and adjusting the policy of urban identity. The article applies the actor-network theory to data reconstructed from the texts of social networks of residents and city defenders about the St. Petersburg cultural architectural heritage, which allowed us to adapt the ANT for a systematic analysis of urban identity politics, taking into account influential factors in the modern environment of network communications and related policies. Identity is considered simultaneously as a discursive construction and as an effect of the configuration of human and non-human actors that respond in social practice to the current transformation of the symbiotic relationship between man and the environment. On the material of the media and social networks regarding the destruction of the building, the content was analyzed using the discursive method and actor-network theory. Three possible levels of use of ANT in the analysis of political communication around cultural heritage

© Сосновская А. М., 2022

Сосновская А. М.

are identified and illustrated: 1) material objects stabilize social relations; 2) have real and sensual qualities that contribute to projective identification; 3) ensure the spatiality and integrity of the city. In the course of analyzing the boundaries of network interactions, the psychoanalytic concept of "lack" is actualized as an insoluble contradiction and antagonism of discourses, as a projection of anxiety in texts, with the prevailing uncertainty of the current motivation. The result of the study was the identification of value-oriented and goal-oriented dispositives of discourses in the field of urban identity and the development of a program for the policy of communication with network actors. The identification of dispositives allowed us to establish the conditions for productive communication as a determining factor in symbiotic regimes in the modern city.

Keywords: discourse, dispositives, heritage, actor-network theory, political communication

Введение. Цифровизация позволила по-новому относиться к проблеме наследия, видя в нём не просто совокупность объектов, но и определённые способы фиксации социальных практик и выстраивания поддающихся учёту интеракций. В этом смысле цифровизация понимается в данной статье как способная противостоять деструкции, такой как разрушение отдельных объектов культурного наследия: именно она формирует сетевые модели, которые обосновывают полный функциональный спектр наследия и его значение для социального развития, в том числе для развития речевых и коммуникативных практик в современном городе.

Проанализируем коммуникацию в социальных сетях по поводу культурного наследия Санкт-Петербурга как политический дискурс градозащитников, выявляя маркеры целей и ценностей диспозитива данного дискурса. Применение принципов акторно-сетевой теории позволит рассматривать физические пространства, материальное и нематериальное наследие как действующих акторов среды жизнедеятельности.

Города состоят из различных социально-культурных пространств [1], – в Санкт-Петербурге разграничение таких пространств дробится в зависимости от оптики смотрящего. Официально границы выстраиваются по районам: исторический центр, спальные районы и близлежащий пригород, поселения которого иногда являются районами города (г. Пушкин, Курортный район, г. Петродворец и другие), тогда как некоторые районы в черте города (Мурино, Кудрово) принадлежат Ленинградской области; субъективно границы города и городской среды выстраиваются согласно материальным и нематериальным ценностям: по архитектурным ансамблям, вдоль гидрологической сети, достопримечательностям, локациям наследия, местам памяти, литературным маршрутам.

Микрорайоны города в сознании горожан воспринимаются как обособленные и

специфические пространства со своей уникальной историей, атмосферой, архитектурой, культурными центрами и достопримечательностями. Здесь были перечислены некоторые пространства, которые принадлежат к протяжённому на 23 717,3 га объекту Всемирного наследия ЮНЕСКО¹.

Исследователи из Израиля, подготовившие обзор литературы по Акторно-сетевой теории (АСТ), объектно-ориентированной онтологии (ООО), дискурс-анализу применительно к городским социальным пространствам и связям между ними, отмечают, что «каждое городское социальное пространство имеет "идентичность", определяемую специфической смесью социальных групп и спецификой реальных и чувственных качеств. Эти качества создают чувственный объект с определённой чувственной идентичностью в сети различных городских социальных пространств» [2, с. 220].

С 2015 г. мы изучаем объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, который включает в себя исторический центр Санкт-Петербурга и связанные группы памятников, используя разные оптики гуманитарных наук для изучения как отдельных городских пространств со своей особой идентичностью, так и политики общей городской идентичности. Мы изучаем политику городской идентичности как дискурсивно-материальную сборку (assemblage) и как артикуляцию в дискурсивной коммуникации за определение судьбы наследия. Наше исследование СМИ и

¹ Основные подходы к разработке плана управления объектом Всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» под номером C540bis. – URL: https://heritageinstitute.ru/wp-content/uploads/2020/07/podhody-k-pu-ovn-spb-1-1.pdf (дата обращения: 04.05.2022). – Текст: электронный. На территории Санкт-Петербурга располагается объект всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников», уникальный по масштабу (площадь – 23717,3 га) не только для России, но и для всего мира. В состав объекта входят 36 компонентов и 86 элементов, расположенных на территории двух субъектов Российской Федерации — Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

социальных сетей за 2021-2022 гг. выявило 10 дискурсивных групп, которые находятся в постоянном процессе группообразования на основе своих диспозитивов и коллаборационных или антагонистических отношений [3]. Мы интегрировали программу АСТ в изучение данных дискурсов, создав продуктивный гибрид оптик, то, что социолог Нико Карпентье называет «дискурсивно-материальным узлом», с помощью которого исследователь изучает медиакоммуникацию [4].

Рассмотрим пространственные характеристики города и области, чтобы показать наличие действующих материальных акторов, поддерживающих уникальность объекта Всемирного наследия. Воспользуемся исследованиями специалистов по архитектуре города, чтобы рассмотреть город как аутентичную агломерацию, такую физическую среду, которая позволяет сохранить качества объектов города в среде, каковые в свою очередь формируют и укрепляют городскую идентичность посредством проективной идентификации, что соответствует, как считает Г. Харман, практикам эстетизации как в архитектуре, так в искусстве и поэзии [5].

В статье исследователя архитектуры С. В. Семенцова сформулированы основные историко-градостроительные особенности, заложенные Петром I и последовательно совершенствовавшиеся при всех его преемниках до 1917 г., а также сохранявшиеся и позднее, до 1954-1955 гг.

Согласно АСТ, пространственная аура, состоящая из работы вещей, ведёт к дополнительным социальным и культурным эффектам, не сводящимся к предусмотренным отдельными вещами и их сочетаниями. Приведём цитату С. Семенцова с сокращениями, показывающую одновременное создание материальных объектов, формирующих ту среду, которая позволяет сохранять наследие и симбиотическое единство природного, архитектурного и культурного компонентов Санкт-Петербурга: «при развитии Санкт-Петербургской агломерации создавали осознанно и сразу:

- 1. Фортификационную систему, очень развитую, включая несколько "идеальных" по формам крепостей, редутов, фортов, оборонительных линий, включающую сухопутные фортеции центра и периферии города...
- 2. Город-метрополию Санкт-Петербург с его ближними предместьями и ближни-

ми дачными зонами почти сразу на многих островах и территориях дельты Невы...

- 3. Обширнейшие полосы и зоны пригородов в единстве регулярности и ансамблевости...
- 4. Систему коммуникаций (сухопутных и водных), обеспечивавшую оптимальные территориальные связи между всеми пространственными элементами.
- 5. Систему визуальных, символических, знаковых, общекультурных доминант на всём осваиваемом пространстве, как пространственную систему визуальных связей» [6, c. 42].

Каковы выстроенные за 300 лет неотменимые связи вещей, материалов, ландшафта, дизайна, флоры и фауны и других участников non-human Санкт-Петербургской агломерации? Бытие вещей постоянно воссоздаёт, пересобирает объект. За 300 лет истории России во всей противоречивости её развития объект выступает как интенциональный, наличный для индивидуального и коллективного сознания, и транслирует свой «генетический код». Эксперты ЮНЕСКО и других международных экспертных сообществ рекомендовали консервацию объекта Всемирного наследия. Названные экспертами материальные и нематериальные аспекты городского пространства формируют ядро отношений акторов, обеспечивающих стабильность и целостность объекта и исключающих его трансформацию.

Методология и методы исследования. Современные западные и отечественные исследования городов, городских пространств и городских идентичностей обращают внимание на пространственные, экономические и социальные преобразования, происходящие в результате глобализации и неолиберализации, которые ведут к социальной дифференциации в обществе. Социальные и политические науки объясняют формирование городских социальных пространств через призму борьбы государства и капитала, культурного и этнического господства, функциональной эволюции локаций, добровольного самораспределения и перемещения людей [2].

Существующим подходам и методологиям не хватает внедрения идей, возникших в результате пространственного и материального поворота, для лучшего понимания социопространственных отношений городских жителей, основанных на

Сосновская А. М.

идентичностях и ценностях как эффектах материальности [7].

Социолог Виктор Вахштайн реконцептуализировал методологию АСТ применительно к российским городским пространствам и к самим исследованиям [8]. Исследователь представил три уровня поворота к материальному в практиках исследователей. Первый уровень - когда «материальные объекты становятся полноправными участниками социального мира» [Там же, с. 460]. Второй уровень - социология вещей sui generis, вплоть до призыва Латура в своих современных лекциях создать «парламент вещей» с правом голоса и спрашивать разрешение о совместной деятельности у моря¹. В. Вахштайн в рамках данного подхода в своей практике исследует социологию машин, управляемых искусственным интеллектом, материалы конструкций, у которых есть свои аффордансы² и феноменология. Третий уровень углубления в АСТ – теория топологии и пространства, восходящая к интуиции пространства Г. В. Лейбница, полагающего пространство как порядок сосуществования тел: «Пространство признается целиком реляционной характеристикой характеристикой отношения, соположения, сосуществования тел» [Там же, с. 471].

Таким образом, город как пространственный объект поддерживается устойчивым ядром материальных и нематериальных отношений, которые не позволяют совершиться метаморфозам и трансформациям. Применительно к нашему наследию можно задать риторический вопрос: сколько нужно разрушений агломерации, новоделов, забвений текстов и исторической памяти, чтобы аутентичность наследия потерялась и город трансформировался в другое состояние?³

Проецируя принципы АСТ на город, отметим, что городские социальные пространства не являются фиксированными, скорее реляционными, процессуальными, динамичными, открытыми, представляющими собой дискурсы и сети отношений людей и не-людей. Дискурс определим как поток

различных коммуникативных процессов, где разные акторы ведут борьбу за значения посредством постоянной артикуляции и фиксации своих смыслов и картин мира.

Социальные отношения и действия, которые артикулируются в дискурсе, понимаются как сети, соединяющие людей, вещи и события в одном узле, который надо раслутывать. Политическая теория Э. Лакло и Ш. Муфф предполагает, что любая социальная реальность дискурсивна как содержащая противоположные принципиально не разрешимые точки зрения и объясняемая как целое через эти различия [9]. Концепции фантазии и «онтологической нехватки» субъектов Ж. Лакана [10] созвучна неразрешимой ситуации у Э. Лакло Ш. Муфф.

Как и АСТ, ООО утверждает, что существуют реальные объекты «вне текста» и дискурсивности. Данный подход к объектам позволяет избавиться от текстоцентрической систематизации качеств. Грэм Харман различает реальные объекты и реальные качества, а также чувственные объекты и чувственные качества [5, с. 140]. Городские пространства Санкт-Петербургской агломерации являются реальными и чувственными объектами с реальными и чувственными качествами. Г. Харман предполагает, что, хотя реальные объекты и качества существуют независимо от того, воспринимаем ли мы их, чувственные объекты и качества существуют только как связанные акты человеческого сознания, феноменологии вещи и эстетической перцепции самой ситуации вещи. Санкт-Петербургская агломерация воздействует на жителей и гостей города, формируя этический и эстетический отклик.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате исследований текстов СМИ и соцсетей мы обнаружили, что о наследии высказываются десять групп, которые можно расположить в антагонистическом континууме: сохранение наследия vs трансформация и изменение облика города (табл. 1). В основе дискурсов лежат диспозитивы, драйверы действий и артикуляции. По М. Фуко, диспозитивы — система стратегических ориентиров целеполагания и матрица конфигурирования культивируемых практик [11].

¹ В лекциях на сайте автора. – URL: http:// www.bruno-latour.fr/lectures.html (дата обращения: 11.05.2022). – Текст: электронный.

² Свойство или функция объекта, которая подсказывает, что с ним можно сделать.

³ Исторический слой/исчезнувший объект в городе Санкт-Петербург. – URL: http://wikimapia.org/city/saint-petersburg/tag/45694/2 (дата обращения: 11.07.2022). – Текст: электронный.

Таблица 1 Реконструированные из СМИ дискурсы культурного наследия Санкт-Петербурга

Дискурсы	Концепция
Дискурс сохранения наследия	Против сноса исторических зданий и за сохранение неизменного вида города с его ландшафтными и пространственными характеристиками
Дискурс бизнеса, строителей, городского развития	Направлен на развитие районов для пользы жителей, включает в себя предложения и демонстрацию экономических преимуществ
Дискурс градозащитников	Наиболее радикальный, политизированный, активный; выступает за сохранение наследия
Дискурс «креативного города» и «креативного класса»	Продвигает идеи креативности, проекты устойчивого развития города, актуализуя дискурс о креативных индустриях, пространствах и новых креативных специальностях
Дискурс архитектурного производства и экспертизы	Здесь компетентные в архитектуре акторы интерпретируют места и назначение зданий, разрабатывают проекты восстановления исторических локаций и преобразования существующего пространства
Дискурс вещей и наследия как такового	Артикулируется экспертами, историками и хранителями, которые представляют интересы того или иного объекта, здания или локации. Настаивает на сохранении кода города, вещи в контексте, так как объект стабилен только в своём окружении
Дискурс молодых горожан поколения Z	В текстах СМИ присутствуют современные формы выражения и активности: краудсорсинг, флешмобы, социальные сети, блоги с молодёжной интерпретацией города, наследия и досуговых практик
Дискурс ЮНЕСКО	Требования соответствия международным стандартам и правилам сохранения объектов Всемирного культурного наследия
Дискурс обременения	Ограничения и ответственность, накладываемые наследием, например, на арендаторов и жителей центра
Дискурс журналистов	Сохранение наследия и против его разрушения

Дадим определение составляющим диспозитивов (табл. 2). Диспозитивы, из которых состоят дискурсы перечисленных групп, представляют собой этапы движения к цели или пониманию миссии существования групп. Целеоринтированные концепции дискурсов находят своё выражение в действиях, поддерживаются ценностями и эмоциональными режимами коммуникации.

Таблица 2

Диспозитивы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
среда	действия	компетенции	ценности	идентичность	концепции	предположения	цели, миссия	аффект	невербальность

Ценности (важные смыслы и значения) при этом являются окончательным обоснованием основных предположений, выбора концепций и языка, а также драйвером действий. Предположения, концепции и цели определяются ценностями в форме выверенных языковых клише, своим строением направленных на легитимацию дискурса.

Концепция - некий замысел для претворения в жизнь на основе усвоенных отношений со средой, инкорпорированных знаний и действий. Основные предположения или допущения являются красной нитью в практик того или иного дискурса. Идентичности мы рассматриваем как перформативные, базирующиеся на действиях и высказываниях, меняющих ситуацию, то есть подразумевающие аутентичную самопрезентацию, осмысленные действия в среде в соответствии с определёнными способностями, навыками и предпочтениями, эмоционально окрашенными ради определённой цели и миссии. Компетенции – навыки и способности, позволяющие поддерживать действия, - согласно АСТ, они также приходят извне, загружаются в нас как компьютерные программы, плагины: «Выразительность метафоры плагина связана с тем, что компетентность приходит не оптом, а буквально битами и байтами» [12, с. 275].

Выделенные десять составляющих или инструментов диспозитивов (см. табл. 2) можно сравнить с пучком ниточек в сцеплении «актор - сеть», где актор - это марионетка и цель дёргающих её в разные стороны связей. Это метафоры Б. Латура, которые Сосновская А. М.

лучше помогают понять действия материальных агентов. Можно предположить, что дёргающие в одну сторону инструменты соответствуют непротиворечивой доминирующей идентичности. Однако к свободе и эмансипации, по АСТ, ведёт большее количество связей, а не единое направление. Если у Б. Латура взаимосвязь людей и вещей метафорически представлена как множество дёргающих марионетку нитей, то у его соратника Дж. Ло – это метафора инструментов письма по умам и телам. Город как устройство письма (хинтерленд) пишет по умам и телам горожан своими феноменологическими проявлениями: климатом, архитектурой, равнинным ландшафтом, низкими зданиями, влажностью, мифами и литературными образами - всем, что представляет материальное и нематериальное наследие города. Данное устройство письма производит утверждение, которое, с одной стороны, часто амбивалентно и аллегорично, с другой - неосознаваемо и выходит за пределы возможности языка - телесно, семиотично (по Г. Харману и Ю. Кристевой) [5; 7; 13].

Исходя из такой неантропоцентрической оптики, разберём дискурсы и их диспозитивы внутри кейса разрушения здания лейб-гвардии Финляндского полка в историческом центре Санкт-Петербурга, на 20-й линии Васильевского острова, 19, с целью реконструкции диспозитивов, сети акторов, дискурсивных стратегий и тактик. С 16 апреля 2022 г. в течение двух недель проанализировали 728 постов, состоящих из сообщений и комментариев к ним в социальных сетях¹. Основной массив сообщений приходится на соцсеть «ВКонтакте», что является предпочтением петербуржцев, а также актором городской идентичности. Сообщения в Facebook отправляют в основном сочувствующие из других городов. Ключевая фраза для поиска – «манеж лейб-гвардии Финляндского полка». Проанализируем группу градозащитников и их дискурс.

Авторы постов передают свои мысли в разных жанрах. Тексты имеют различную интенциональность. Комментарии усиливают, обесценивают или уточняют основное послание поста. Активно используются эмо-

тиконы. Горожане апеллируют к политике памяти и общей травматичной истории блокады Ленинграда. Некоторые надеются, верят в иррациональные вещи — в чудо, в человека-Добро в петербургском метрополитене, молятся святым, взывают к справедливости и наказанию виновных. Другие испытывают беспомощность, опустошённость, безнадёжность и депрессию. Следственный комитет проверяет законность сноса манежа лейб-гвардии Финляндского полка в Петербурге: дело сопровождают представители других дискурсов: власть, эксперты, учёные, российские и международные организации.

Исследуемая группа, то есть защитников здания, — негомогенна (в основном это сообщества в соцсетях Василеостровского района, но есть и представители других районов, городов, стран), в группе существуют внутренние конфликты (например, с арендаторами коммунальных квартир на Васильевском острове из Азии; конфликт рабочего, который хотел бы вернуть завод на место, рядом с домом, и молодым поколением, которое хотело бы создать креативный кластер в этом здании, а заводы вывести за черту города).

Рассмотрим составляющие диспозитива дискурса градозащитников рассматриваемого кейса, выделим акторов каждого диспозитива:

- 1) среда Васильевский остров (актор место, здания);
- 2) действия оплакивание/сожаление о потере здания, поиски виновных, агрессия на них, мобилизация сообщества на решение вопросов: Кто виноват? Что делать? (акторы люди, письма, организованные события);
- 3) компетенции связи, обращения за помощью, петиции, контроль в суде, митинги спонтанная мобилизация гражданского общества; (акторы люди, письма, петиции, организованные события);
- 4) ценности единый аутентичный облик ВО, политика памяти Великой Отечественной войны (хлебокомбинат во время блокады Ленинграда) (акторы чувственные объекты памяти и эстетического восприятия);
- 5) идентичность житель Васильевского острова, петербуржец (выяснение характеристик групп, культурное общение в группе) (акторы люди, идеальные характеристики идентичности);

¹ Представленные далее цитаты из соцсети ВКонтакте. См.: Группа «Живём на Васильевском/Васильевский остров. Голос Василеостровского района». – URL: https://m.vk.com/vasilyevskiyostrov?from=post (дата обращения: 12.05.2022). – Текст: электронный.

Sosnovskaya A. M.

- 6) концепции наказать виновных, восстановить памятник (акторы – люди, петиции);
- 7) предположения даже если это не XIX век, а новодел – памятник блокаде Ленинграда (акторы – люди, документы, отчёты);
- 8) цели, миссия сохранить исторический облик и наследие (акторы – люди, реальные и чувственные объекты);
- 9) аффект страх разрушения идентичности, истории, культуры, памяти; позиции жертвы и агрессора; растерянность и абсурдность ситуации; конспирологические теории, чтобы снизить когнитивный диссонанс (акторы – люди, образы, фантазии, оправдания);
- 10) невербальность разрушение в ситуации стресса военной операции, отсутствие безопасности, опоры и стабильности, тревога. Чувства связываются с потерей эстетичного и привычного объекта окружающей среды (акторы – люди и их психологические состояния, контекст небезопасности).

Позиционируем исследуемый дискурс в рамках методологии, пять маркеров АСТ:

1. «Природы групп: у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность» [12, с. 29].

Мы наблюдаем сборку и разъединение группы посредством лингвистических маркеров, в первом случае «мы», «вместе», во втором – противоречия и конфликты внутри цепочки комментариев, воспроизводство доминирующего дискурса нормы и порядка. Много призывающих и мобилизующих интенций, поиска решений, показывающих сконструированные в тексте группы другой идентичности по отношению к проблеме, например:

- надо стоять до конца, как в блокаду¹;
- надо объединяться в борьбе, равняться на пример активных граждан, иначе застройщики не остановятся, так как «почувствовали вседозволенность»2;
- послание «*сытым наверху*» оставить сохранённый в блокаду город в покое³;

- надо просить помощи депутата района, апеллируя к армейским чувствам⁴;
- надо держаться подольше и верить в чудо⁵.
- 2. «Природы действий: как представляется, в ход любого действия вторгается множество различных агентов, изменяющих его первоначальные цели» [Там же].

В коммуникации обнаружены апелляции и споры по поводу мотивов и сил, которые стоят за происходящими событиями. В действия включены потусторонние силы, Б-г, инопланетяне, мафия, теория заговора. Авторы постов транслируют отчаяние, беспомощность, тщетность усилий, обесценивают активность других⁶, отмечают абсурдность ситуации: экспертиза и суд проводятся после разрушения здания, что подтверждает тезис Б. Латура, что действие непрозрачно, неосознанно, представляет собой запутанный узел влияний, должное и недолжное проясняется уже исходя из текущих социальных практик, включая практики обличительной речи, парресии, по М. Фуко [14].

- 3. «Природа объектов: по-видимому, категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой» [Там же].
- Б. Латур пишет, что «если складывается неравенство, то это доказательство вступления в игру акторов других типов - не социальных» [Там же, с. 83], то есть властные отношения, иерархия, неравенство ресурсов, несправедливость - это действия материальности. Материальное наследие, среда жизни петербуржцев поддерживают постоянный дискурсивный антагонизм. Перечисленные далее пять изменений в среде провоцируют мощный отклик и попытки восстановления среды, гомеостаза [15]: 1) поломка и разрушение; 2) инновации и изменения; 3) действия невежественных пользователей, вандалов; 4) возвращение через архивы, музеи в случае утери целостности; 5) работа памяти посредством художественной литературы, «Петербург-

¹ Если СК поддержит снос, также быстро будут исчезать одно историческое здание за другим, что делали с городом фашисты во время блокады.

² Считается, что застройщики почувствовали вседозволенность не только из-за преступного попустительства разрушениям со стороны Сергея Макарова, но и из-за аналогичной позиции вице-губернатора Николая Линченко.

³ В блокаду же сберегли. Они же сыты все там наверху, можно город в покое оставить?

⁴ В Законодательном Собрании Санкт-Петербурга есть депутаты, чья жизнь когда-то была тесно связана с армией. «Наш представитель» не считается.

⁵ Здание относилось к армии Российской империи (сомнения, уточнение интереса адресата): «Лариса, а вдруг!? Чудеса же бывают».

^{6 «}Вы серьёзно? Ребята, нас всех продали-купили- и снова продали! Даже если каждый продаст по почке, ничего у нас не получится, как бы всем сердцем и душой не хотеть!»

Сосновская А. М.

ского текста», которые реконструируют отношение вещей и людей.

Ответ населения даже на незначительные изменения привычного городского ландшафта всегда очень сильный, в смысле необратимости и напряжённого истолкования произошедшего как социального события, потому что культурное наследие инкорпорировано и представляет собой сильную локальную идентичность [16]. Разрушенный объект наследия транслирует свою активность, эффектом которой является социальный всплеск, подъём активизма и пересборка идентичностей групп, поиск восстановления гомеостаза. Дискуссия длится, так как акторы апеллируют к вещам и надеются на восстановление посредством экспертизы фундамента, документов, кадастра и других материальных посредников исследования.

4. Четвёртый принцип Б. Латура связан с конструированием реальности: «Чтобы вообще имело место какое-либо конструирование, не-человеческие сущности должны играть главную роль» [12, с. 120]. В нашем кейсе конструирования нет, но есть деконструирование, зафиксированное на фотокамеры, и упование на будущее восстановление здания.

5. «И, наконец, неопределённость типа исследований» [Там же, с. 29]. Речь идёт о написании отчётов, текстов, в которых должно звучать многоголосье изучаемых акторов. Текст — лаборатория акторов, которые действуют в исследуемом поле, это также исследования объекта Всемирного наследия [17; 18].

Тексты пишутся в разных жанрах, в том числе в художественных, имеющих глубинное воздействие на восприятие. Активно используются аллюзии, контрасты, сравнения, намёки и игра слов, что может говорить о небезопасности прямого высказывания, а также ситуации сброса тревоги и напряжения за счёт остроумия и уклонения от прямого контакта [19]. Способность к уходу от контакта может оказаться полезной в определённых ситуациях, «когда накал страстей слишком велик и может привести к разрушительным последствиям» [20]. Анализируемая ситуация как раз является примером такого накала страстей1.

Горожане цитируют поэзию, классиков из Петербурга², взывают к морали и закону³.

Данную ситуацию можно проинтерпретировать как обнаружение объекта для своей нехватки, которую никогда не восполнить. Нехватка переживается как тревога. Создаётся иллюзия потерянного рая, потерянной целостности и ценности. Агрессия проецируется на виновных: конкретные люди и абстрактное зло. При активизации рассмотренных маркеров АСТ происходят изменение реальности вещей (Наследия) и трансформация городской идентичности.

Заключение. В статье показано, что тексты, относящиеся к наследию, обладают не только дискурсивной, но и функциональной спецификой внутри сети людей и вещей. Ключевое политическое значение изучения дискурсивных характеристик идентичности заключается в возможности экстраполяции выводов на политику общероссийской идентичности в аспекте сохранения культурного наследия и групповой солидарности.

Показано, что цифровизация позволяет посредством коммуникации противостоять деструкции социальных пространств при соблюдении условий актуализации контента как части сетевого взаимодействия, способствуя развитию коммуникативных практик в современном городе.

Выявлено, что каждое социальное пространство города имеет собственную идентичность со своим репертуаром социальных и коммуникативных взаимодействий; общая агломерация объекта Всемирного наследия «Петербург и связанные группы памятников» обладает пространственной аурой, ведущей к социальным эффектам, формирует ядро материальных отношений, обеспечивает пространственность и целостность объекта.

Выявлены дискурсивно формируемые группы, артикулирующие своё видение политики наследия на основе реконструированных диспозитивов групп, где мотивирующими являются цели и ценности. Проиллюстрированы источники неопределённости коммуникации людей и не-людей, составляющие исследовательскую программу АСТ.

В текстах нашего кейса содержится много призывающих и мобилизующих интенций, вариантов поиска решений, показывающих

 $^{^{1}}$ Сезон сноса исторических зданий в Петербурге в полном разгаре.

 ² Ни страны, ни погоста не хочу выбирать.
 На Васильевский остров я приду умирать... (И. Бродский).

³ Да ещё и детский сад по соседству.

Sosnovskaya A. M.

сконструированные в текстах группы с различным отношением к проблеме, артикулирующим различное видение ситуации. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса исследованной группы направлены на восстановление изменений в материальной среде.

В процедуру любого коммуникативного действия на различных основаниях встраивается множество различных доводов, изменяющих его первоначальные цели. Это такие стратегии, как обсуждение, вопрошание, уточнение, эмоциональный отклик, обесценивание, интерпретация с помощью художественных приёмов текста.

Разрушенный объект наследия транслирует свою активность, эффектом которой является социальный всплеск и подъём активизма и пересборка идентичностей групп, уточняются цели ценности группы в изменившейся окружающей среде. Дискуссия становится состоятельной благодаря участию вещей в сети: акторы апеллируют к вещам как необходимой части производимой сети и надеются на восстановление здания посредством экспертизы фундамен-

та, документов, кадастра и других материальных посредников расследования.

Реконструкция объекта приводится в фотографиях, воспоминаниях о перестройке здания, его функциях и эмоционально нагруженной истории города, личных свидетельствах об эстетическом переживании, имеется упование на будущее восстановление — данные артикуляции дискурсов способствуют укреплению диспозитивов дискурсов, городской идентичности и обоснованию как рамки дальнейших культурных событий.

Тексты пишутся в разных жанрах, в том числе в художественных, имеющих глубинное воздействие на восприятие, они представляют собой один полифонический текст за счёт многочисленных комментариев, интерпретаций, конструктивных предложений, являются полем артикуляции групп интересов, их целей и ценностей, направляющих политику городской идентичности. Статья видится как сборка действующих акторов в рамках данного кейса. Метод может быть применён для сборок акторов других дискурсов и групп интересов.

Список литературы

- 1. Социальное пространство большого города. СПб.: СИ РАН, 2018. 406 с.
- 2. Jabareen Y., Eizenberg E. Theorizing urban social spaces and their interrelations // New perspectives on urban sociology, politics, and planning. Planning Theory. Vol. 20, no. 3. 2021. Pp. 211–230.
- 3. Сосновская А. М. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга: анализ СМИ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2022. № 1. (В печати).
- 4. Carpentier N. The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation. New York: Peter Lang, 2017. 471 p.
- 5. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
- 6. Семенцов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация градостроительный объект мирового масштаба // Интернет-вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета 2016. № 1. С. 39–49.
 - 7. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
 - 8. Вахштайн В. С. Воображая город: введение в теорию концептуализации. Studia urbanica, 2022. 576 с.
- 9. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. New York: Verso Books, 2014. 205 p.
 - 10. Лакан Ж. Тревога (1962–1963). Семинары. М.: Логос: Гнозис, 2010. Кн. 10. 424 с.
- 11. Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 97–268.
- 12. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 426 с.
 - 13. Кристева Ю. К. Семиотика: исследования по семанализу. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
 - 14. Делёз Ж., Фуко М. Логика смысла. М.: Akademicheskii proekt, 2011. 480 с.
 - 15. Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство / пер. А. И. Фета. М.: КомКнига, 2007. 216 с.
 - 16. Марков А. В. 1980: год рождения повседневности. М.: Европа, 2014. 160 с.
- 17. Sosnovskaya A. M. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discoursive Mapping of Saint Petersburg // International Journal of Architecture and Planning. 2022. No. 2. Pp. 33–36.

Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4

- 18. Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices, 2022. SSRN. URL: https://ssrn.com/abstract=4174556 (дата обращения: 12.05.2022). Текст: электронный.
 - 19. Гингер С., Гингер А. Гештальт-терапия контакта. СПб.: Специальная литература, 1999. 287 с.
 - 20. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). Litres, 2022. 384 с.

Информация об авторе

Сосновская Анна Михайловна, кандидат философских наук, доцент; Северо-Западный институт управления РАНХиГС; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, 57/43; e-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru; https://orcid.org/0000-0002-9736-0912.

Для цитирования

Сосновская А. М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 93–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102.

Статья поступила в редакцию 18.06.2022; одобрена после рецензирования 24.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

References

- 1. The social space of the big city. St. Petersburg: SI RAN, 2018. (In Rus.)
- 2. Jabareen, Y., Eizenberg, E. Theorizing urban social spaces and their interrelations: New perspectives on urban sociology, politics, and planning. Planning Theory, no. 20, pp. 211–230, 2021. (In Rus.)
- 3. Sosnovskaya, A. M. Politics of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg: media analysis. Vestnik BFU, no. 1, 2022, in print. (In Rus.)
- 4. Carpentier, N. The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation. New York: Peter Lang, 2017. (In Engl.)
- 5. Harman, G. Object-Oriented Ontology: A New "Theory of Everything". M: Ad Marginem Press, 2021. (In Rus.)
- 6. Sementsov, S. V. Saint Petersburg historical agglomeration is a city-planning object of world scale. Internet Bulletin of VolgGASU, no. 1, pp. 39–49, 2016. (In Rus.)
 - 7. Low, J. After Method: Disorder and Social Science. M: In-t Gaidar, 2015. (In Rus.)
- 8. Vakhshtein, V. S. Imagining the City: An Introduction to Conceptualization Theory. Studia urbanica, 2022. (In Rus.)
- 9. Laclau, E., Mouffe, C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. Verso Books, 2014. (In Engl.)
 - 10. Lacan J. Anxiety (1962-1963). Seminars. Book 10. M: Logos: Gnosis, 2010. (In Rus.)
- 11. Foucault, M. The Will to Knowledge, Foucault M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality, M: Magisterium-Castal, 1996. Pp. 97–268. (In Rus.)
 - 12. Latour, B. Reassembly of the social. Introduction to actor-network theory. Letters, 2020. (In Rus.)
 - 13. Kristeva, Yu. K. Semiotics: Studies in Semantic Analysis. Moscow: Academic Project, 2013. (In Rus.)
 - 14. Deleuze, J., Foucault M. Logic of meaning. Akademicheskiy project, 2011. (In Rus.)
 - 15. Bateson, G. Mind and Nature. Inevitable Unity. M: KomKniga, 2007. (In Rus.)
 - 16. Markov, A. V. 1980: the year of birth of everyday life. M: Europe, 2014. (In Rus.)
- 17. Sosnovskaya, A. M. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg. International Journal of Architecture and Planning, no. 2, pp. 33–36, 2022. (In Engl.)
- 18. Sosnovskaya, A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices, 2022. SSRN:https://ssrn.com/abstract=4174556. (In Engl.)
 - 19. Ginger, S., Ginger A. Contact Gestalt Therapy. St. Petersburg: Special Literature, 1999. (In Rus.)
 - 20. Foucault, M. Speech and Truth. Lectures on Parrhesia (1982-1983). Letters, 2022. (In Rus.)

Information about author

Sosnovskaya Anna M., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Northwestern Institute of Management RANEPA; 57/43 Sredny pr. V. O., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru; https://orcid.org/0000-0002-9736-0912.

For citation

Sosnovskaya A. M. Value and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage in the Theory of Political Communication // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 93–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102.

Received: June 18, 2022; approved after reviewing July, 24 2022; accepted for publication July 28, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 32.019.52

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-103-116

Ценностные триггеры в медиаобразе радикальных религиозных организаций Камилла Ренатовна Нигматуллина¹, Александр Константинович Поляков²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия ¹k.nigmatulina@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9146-1712 ²alpolyakow@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0003-0988-129X

Авторами рассматривается процесс имплементации ценностно-ориентированного контекста в освещении деятельности радикальных группировок зарубежными средствами массовой информации. В качестве метода использовалась специфическая форма контент-анализа, выраженная в сентимент-анализе специально подобранного материала на основе новостных публикаций. Научная новизна проведённого исследования состоит в применении метода анализа тональности текста в малоизученной тематике медиаобраза радикальных организаций. Кроме того, в условиях становления террористической группировки «Талибан» как политической системы в Афганистане 2021 г. актуальным является изучение медиаобраза запрещённой организации с точки зрения политической коммуникации. В качестве теоретического базиса использовался актор-ориентированный подход через призму теории медиатизации общества, а также теория ценностных идентичностей. В ходе проведённого исследования проанализированы ценностноориентированные триггеры в публикациях CNN, Daily News, The New York Times. Выбор данных СМИ обусловлен переоценкой приоритетов внешней политики Соединённых Штатов Америки, которые являются главным антагонистом запрещённой организации «Талибан». Таким образом, исследование посвящено главным актуальным вопросам – востребована ли тематика «Талибана» в массмедиа США в настоящее время и каким представляется медиаобраз «Талибана» в массмедиа США после вывода американских войск из Афганистана. В результате анализа авторами формулируется вывод о том, что, несмотря на изменение стратегии внешней политики США и трансформацию её приоритетов, тематика «Талибана» не только всё еще актуальна в массмедиа США, но и имеет структурированную систему конструирования негативного медиаобраза движения «Талибан», где западные СМИ подчёркивают деструктивные действия и понесённые экономические и социальные потери вследствие проводимой «Талибаном» политики. В дальнейшем исследовании следует более тщательно изучить запрещённую радикальную группировку «Талибан» как медиафеномен, а также социальные последствия формирования того или иного медиаобараза в массмедиа в рамках данной проблематики. Необходимы дополнительные исследования зарубежных и отечественных СМИ для определения тенденций развития медиаобразов запрещённых радикальных организаций.

Ключевые слова: ценностный триггер, радикальные организации, медиаобраз, «Талибан», политическая коммуникация

Благодарность: Исследование выполнено в рамках проекта "Центр международных медиаисследований" СПбГУ, номер проекта 94033584.

Original article

Value Triggers in the Media Image of Radical Religious Organizations

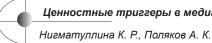
Kamilla R. Nigmatullina¹, Alexander K. Polyakov²

^{1,2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia ¹k.nigmatulina@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9146-1712 ²alpolyakow@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0003-0988-129X

The authors examine the process of a value-oriented context implementation by Western media in the coverage of the radical group's activities. A specific form of content analysis as a method was used, expressed in a sentiment analysis of specifically selected material based on news publications. The scientific novelty of the study is the application of a text tone analyzing method in the little-studied subject of the radical organizations' media image. In addition, in the context of the Taliban terrorist group formation as a political system in Afghanistan in 2021, it is relevant to research the banned organization media image from the point of political communication view. As a theoretical basis, an actor-oriented approach was used through the prism of the soci-

© Нигматуллина К. Р., Поляков А. К., 2022

ety mediatization theory as well as the theory of value identities. During the study, value-oriented triggers were analyzed in the publications of *CNN*, *Daily News*, *The New York Times*. The choice of these media is due to a reassessment of the foreign policy priorities of the United States of America, being the main antagonist of the banned Taliban organization. Thus, the study is devoted to the main topical issues: is the topic of the Taliban relevant in the US mass media today and what is the media image of the Taliban in the US mass media after the withdrawal of US troops from Afghanistan. As a result of the analysis, the authors conclude that despite the change in the US foreign policy strategy and the transformation of its priorities, the topic of the Taliban is not only still relevant in the US mass media but also has a structured system for constructing a negative media image of the Taliban movement, where the Western media highlights the destructive actions and the economic and social consequences incurred as a result of the policies pursued by the Taliban. In further research, the banned radical Taliban group as a media phenomenon should be studied more carefully, as well as the social consequences of the formation of one or another media obsession in the mass media within the framework of this issue. In the future, additional studies of foreign and domestic media are needed to determine the trends in the development of media images of banned radical organizations.

Keywords: value trigger, radical organizations, media image, Taliban, political communication

Acknowledgment: The study was supported by the project "Center for International Media Studies" of St. Petersburg State University, project number 94033584.

Введение. В настоящее время особенно болезненно воспринимается проблема распространения влияния радикальных религиозных организаций. Беспрецедентные случаи передачи законной власти запрещённым религиозным организациям либо движениям, которые используют террористические методы для продвижения и лоббирования своих целей и интересов, не только привносят новые инфоповоды, но и критически влияют на конструирование образа этих организаций в массмедиа.

Освещая события, произошедшие вследствие действий той или иной террористической группировки, средства массовой информации невольно становятся связующим звеном между террористами и обществом. В свою очередь, террористы активно используют инфоповоды в СМИ для привлечения внимания к проводимой деятельности и продвижению своей идеологии.

Прежде всего, необходимо подробно остановиться на понятии «медиаобраз». Так, на определение данного понятия обратили внимание Е. Н. Богдан, Ю. В. Белоусова, Ю. Н. Драчева, Л. В. Хочунская и др. [1–4]. В данной статье мы берём за основу трактовку понятия Е. Г. Малышевой и Н. А. Гриднева, согласно которой медиаобраз - репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель того или иного объекта/явления действительности, конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рейфреймирует и/или формирует знания и представления адресата [5]. В контексте политической коммуникации медиаобраз всегда обладает идеологически обусловленной оценочностью. Следует отметить, что идеология в данной работе рассматривается в самом общем представлении как «совокупность политических убеждений и установок» [6].

Условия современной политической коммуникации обусловливают необходимость подробного изучения медиаобраза радикальных организаций. Процесс развития террористических ячеек — от разрозненных представителей различных идей до террористических организаций как акторов политической коммуникации — свидетельствует о недостаточной изученности данной проблематики.

Интернет в целом и онлайн-медиа в частности сами по себе не являются рычагом для развития в обществе идей радикализации, насилия и прочих элементов деструктивных социальных процессов. Несмотря на это, использование социальных сетей в настоящее время (как и вопросы регулирования информации в интернете) заслуживает отдельного исследования на предмет развития насильственного экстремистского мышления и реализации возможных радикальных действий в обществе, особенно среди молодого поколения.

Начиная с 2012 г., некоторые исследователи указывали на сходство социальных сетей и террористических групп в их концептуальных основах, в частности был сделан акцент на своеобразном общем знаменателе:

- децентрализованность;
- мобильность;
- географический фактор классические государственные границы в этом случае роли не играют [7].

С развитием популярности социальных сетей появляются также лидеры мнений,

которые собирают информацию самостоятельно, не ждут, когда новостные организации её отфильтруют и доставят. В целом общество перешло с пассивной на активную фазу потребления и переработки информации – гейткипинг приобретает новые формы в социальных медиа. Именно здесь мы можем наблюдать решающий фактор переработка и интерпретация информации напрямую обусловлены эффективностью конструирования медиаобраза в сознании социума. Иными словами, при положительном медиаобразе в общественном сознании освещение инфоповода также будет иметь положительный окрас.

Кроме того, в социологической и политической науках в настоящее время можно встретить анализ манипулятивных средств лоббирования собственных интересов, как и внедрение в общественное сознание различных идей, в том числе и самых радикальных. Социологические и политические концепции существования в обществе допустимого спектра мнений, например «Окно Овертона», активно используются в политике «мягкой силы» разных стран.

Основная суть заключается в том, что идеи, которые общество может поддерживать, ограничены в рамках существующей нормы в тех или иных государствах. Обычно инициаторами подобных идей, которые находятся в «Окне Овертона», могут быть только те политические деятели и лидеры мнений, которые широко признаны в обществе, а их деятельность в сознании социума находится в категории «нормы». Существуют и другие политические идеи, которые могут поддерживаться отдельными политическими деятелями или лидерами мнений, однако в этом случае высока вероятность потерять поддержку населения. Эти идеи лежат за пределами «Окна Овертона» [8].

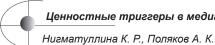
Принимая во внимание активизацию террористических организаций как отдельных политических субъектов (к примеру, приход запрещённой в России радикальной террористической организации «Талибан» к власти в Афганистане путём капитуляции действующего правительства под руководством президента Афганистана Ашрафа Гани) на международном уровне, мы можем констатировать вероятность распространения и развития радикальных террористических идей в сознании социума разных стран, а также трансформацию негативного меди-

аобраза подобных организаций в положительную сторону.

Последние десять лет ведущие мировые державы прилагают огромные усилия как в военно-политической отрасли, так и в экономической для борьбы с террористическими ячейками, что стало одной из глобальных мировых проблем. Если ранее отечественные и зарубежные исследователи рассматривали такие запрещённые организации, как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» и другие, как общую глобальную проблему, исследуя ту или иную организацию в разных этапах их активности, то в настоящее время крайне необходимо изучать наиболее активные группировки отдельно, акцентируя внимание на угрозе глобальной политической коммуникации.

Официально пришедшая к власти в Афганистане в 2021 г. группировка «Талибан» в современном мире определяет достаточно ясные векторы проводимой политики в государстве. Большинство действий группировки являются отображением примитивной трактовки ислама: в частности (ущемление прав женщин, запрет на алкоголь, единые стандарты внешнего вида для обоих полов и др.). В то время как политика группировки предельно ясна и основывается на примитивном подходе к пониманию фундаментальных основ ислама, внутри группировки можно наблюдать разрозненность структурных связей. Так, Р. Р. Бурнашев поясняет, что «Талибан» в настоящее время является зонтичной структурой, поэтому захват какого-либо объекта группой вооружённых людей, представляющихся частью движения «Талибан», может не иметь отношения к «Талибану» как к политической силе в государстве [по: 9].

Таким образом, неудивительно, что радикальные группировки используют по-пулярные социальные сети для вербовки потенциальных сторонников. Эти услуги бесплатны, а внедрение цензуры всё ещё довольно затруднительно. Самое главное, что некоторые в обществе (в частности молодые люди) склонны доверять информации, которую они читают или слышат в социальных сетях или на сайтах микроблогов. Воспринимаемая надёжность платформ может повлиять на оценку человеком постов или сообщений радикальных групп, делая их более достоверными и убедительными.

Этим обусловлена проблема изучения методик конструирования медиаобраза радикальных религиозных организаций. Для более детального погружения в проблематику необходимо изучить основные ценностные триггеры в медиаобразе этих организаций, имеющие место в средствах массовой информации.

Методология и методы исследования. Политическая коммуникация в условиях современной глобализации в настоящее время играет ключевую роль в построении имиджа тех или иных субъектов политической деятельности. Являясь своеобразным интерактивным процессом, связанным с передачей информации между политическими деятелями, средствами массовой информации и общественностью, процесс коммуникации идёт вниз от институтов управления к гражданам, горизонтально — в связях между политическими акторами, а также вверх — от общественного мнения к властям.

В процессе исследования применены общефилософские теоретические методы (диалектический метод, аксиологический подход, анализ, сравнение, конкретизация, синтез) и специфическая форма контент-анализа, выраженная в сентимент-анализе, как эмпирический метод исследования.

Каждая эра коммуникации и политики стимулировала изменения в теориях, концепциях и способах, составляющих области пресс-политики, в более общем смысле политическую коммуникацию. Отдельного осмысления требуют дальнейшее изменение политической коммуникации и исследования переменных коммуникативных процессов, включающие современные тенденции отношений между публикой, СМИ и политическими институтами в контексте демократического подтекста. Немаловажное значение имеет влияние на обоснованность традиционных концепций в области исследований политической коммуникации, особенно по мере сокращения аудитории качественных новостей, отмеченной сменой поколений среди более молодого населения: тенденции, отражающие снижение лояльности избирателей к центральным партиям, генерирующим большую часть традиционных новостей. Между тем во многих странах растут популистские и праворадикальные партии, которые поддерживаются альтернативными СМИ и «нападают» на традиционные СМИ как на элитарные. Эти подрывные

коммуникационные процессы обладают сомнительной информацией, слухами и заговорами (так называемые «фейковые новости», или «постправда») из цифровых сетей, обходящих рутину традиционной журналистики, но часто возвращающихся в унаследованную прессу, создавая дезинформацию и путаницу.

Многие исследования в сфере политической коммуникации и медиаанализа сходятся в том, что именно средства массовой информации являются ключевыми акторами установления политической повестки дня. Так, еще в 1972 г. М. МакКомбс и Д. Шоу утверждали, что «газеты, телевидение и радио влияют на то, о чём думают и переживают политические деятели, а соответственно и на содержание политической повестки дня» [10].

В литературе уже давно ведутся споры о направлении динамики формирования повестки дня, но полностью не решён вопрос о том, формирует ли повестка дня СМИ политическую повестку дня или наоборот, а также при каких условиях. Мы даже «относительно мало знаем о силах, привлекающих внимание СМИ». Более того, интернет и социальные сети создали новые «гибридные медиасистемы», которые расширили число и типы акторов, потенциально способных формировать политический дискурс и повестку дня. Таким образом, появление цифровых платформ поднимает вопрос о том, кто определяет политическую повестку дня в таких средах.

Нельзя не затронуть вопрос медиатизации в политике, которую можно рассматривать как широкий структурный долгосрочный процесс, посредством которого увеличиваются важность СМИ и их влияние на политические процессы институтов, различных организаций и действующих лиц. Медиатизация рассматривается как один из самых влиятельных факторов изменений в политике за последние десятилетия. В этом случае необходимо подчеркнуть, что ключевой тенденцией в исследовании медиатизации является переход от медийно-ориентированного подхода к актор-ориентированному, что означает акцент на использовании массмедиа в деятельности партий и политических деятелей. Как следствие, современные исследования медиатизации рассматривают адаптацию к медиа и использование медиа уже не как данность, а как эмпирический вопрос.

С точки зрения теории медиатизации важны два аспекта ожидаемых медийных эффектов. Во-первых, акторы должны предоставлять средствам массовой информации право привлекать внимание общественности или, по крайней мере, внимание соответствующих заинтересованных сторон. Во-вторых, общественное внимание должно восприниматься как актуальный ресурс в социальной сфере. Например, одна из причин, по которой политики приспосабливаются к требованиям СМИ, заключается в том, что они считают важным влияние СМИ на их электорат, и здесь освещение в СМИ служит средством обретения политической власти. Подобным образом спортивные клубы используют стратегии, связанные со СМИ, потому что они могут влиять на болельщиков и спонсоров через рекламу в СМИ. Здесь медиатизация является средством достижения спортивных успехов. Таким же мнением обладает научное общество, где учёные соответственно заинтересованы в средствах массовой информации, так как огласка в СМИ влияет на заинтересованные стороны в научной политике и финансирующих агентствах. В данном случае медиатизация служит для поддержки научного поиска истины.

Таким образом, несмотря на рутинные сценарии прессы/политики, которые всё еще появляются на первых страницах традиционной прессы, современная политическая коммуникация всё чаще осуществляется в контексте, определяемом снижением внимания граждан, гибридными системами СМИ, подъёмом недемократических движений и партий, а также сетевыми, зачастую поляризованными политическими информационными потоками.

Вследствие огромного влияния медиа на общественное сознание важным представляется именно то, как СМИ сообщают о насилии и проявлении антигуманности, освещая те или иные события. Неудивительно, что в настоящее время существует большое количество литературы, в которой анализируется, как политическое насилие, насильственные конфликты и террористические атаки представляются и обрамляются в СМИ.

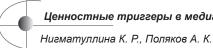
Возможно, доминирующая парадигма в изучении фрейминга конфликта связана с дихотомией гражданской и военной журналистики. «Журналистика мира» фокусируется прежде всего на причинах конфликтов, последствиях для жертв и беспроигрышном

разрешении конфликтов. Военная журналистика, напротив, больше ориентирована на насилие, пропаганду, элиту и победу, рассматривает конфликт как арену, где участники чётко группируются на противоборствующие стороны (так называемые «они» и «мы») в игре с нулевой суммой. Фреймы мирной журналистики продемонстрировали положительное влияние на сочувствие и понимание аудитории, отчасти попадая в зависимость от прежних убеждений и установок населения. В то же время военная журналистика может негативно способствовать конфликту, сосредоточиваясь на насилии, жёстких военных стратегиях и резком разрыве между внутренними и внешними группами.

Множество исследований, которые проводятся как российскими, так и зарубежными учёными, демонстрируют своеобразную доминацию фреймов военной журналистики в медийном изображении политического конфликта. Подобные рамки войны особенно часто встречаются в новостях западных СМИ о терроризме на религиозной почве. Действительно, с начала 2000-х гг. средства массовой информации всё чаще негативно отзывались о мусульманах после распространения радикального исламистского терроризма в западном обществе. Вместо того чтобы изображать экстремистов (т. е. насилие и террористические акты) в качестве внешней группы, западные СМИ всё чаще называют мусульманское сообщество в целом «другим», при этом подчёркивая внутренний характер проблемы. Например, учитывая тенденцию позиционирования США как своеобразного международного полицейского, вопрос радикальных организаций освещается в СМИ как внутренняя проблема, решить которую в первую очередь необходимо Соединённым Штатам.

Такие нарративы в СМИ только способствовали более сильной идентификации внутри группы, а также сплотили некоторые разрозненные группировки в одно большое явление. Таким образом усилилась поляризация «мы против них».

Тем не менее, хотя репрезентация исламских меньшинств во время освещения террористических актов в СМИ широко изучалась в западном контексте, гораздо меньше известно о том, как незападные СМИ создают и представляют различные религиозные группы после религиозного насилия в их стране.

Проблема определения понятия ценности в современной философии предстаёт особо остро в процессе дефиниции тех или иных процессов, происходящих в настоящее время в политической коммуникации.

Одна из главных проблем в аксиологии – дефиниция категории ценности, центральной в этой теории, где прослеживаются наибольшие расхождения, в зависимости от мировоззрения теоретика.

Чехословацкий философ М. Варош в своей книге «Введение в аксиологию» приводит существующие в европейской философии классификации типов дефиниций понятия «ценность» [11]. По типу мировоззрения исследователь различает:

- 1) абсолютистские определения: ценности абсолютно данные «феномены», вне времени пространства, бытия сознания, в чистом психологическом поле. Главное направление философия феноменологии. Фактически это разновидность субъективизма;
- 2) объективистские определения: ценности объективно сущие качества вещей, вне зависимости от рефлексий сознания или отражаемые в последнем всё равно. Это объективный идеализм, диалектический материализм;
- 3) реляционистские определения: ценности – свойства субъек-объектного отношения (познавательного, нравственного, эстетического, религиозного и т. д.). С нашей точки зрения, ближе к истине третье определение.

Как писал Джеймс Галпин, «характеристики медианосителей, используемых для доставки контента, могут формировать то, как люди реагируют на само сообщение. Способ передачи информации может не просто передавать информацию, которая уже является актуальной, уникальной и вызывающей эмоции, но и играть значимую роль в создании такого рода информации. По этой причине СМИ играют важную роль в создании запоминаемой информации» [12]. Медийное измерение цифровых эмоций заключается в исследо-

вании ключевых тем, вызывающих эмоциональную реакцию, паттернов эмоциональных реакций, формирования сообществ на основе эмоционального обмена, особенностей избегания новостей или смещения в неновостные медиа с целью эмоциональной стабилизации. Изучение страха и негативных эмоцией стало уже общим местом в исследованиях, прежде всего, поведения людей в социальных сетях как доминирующего источника информации в средних и крупных городах [13]. Таким образом, в качестве определения понятия «триггер» мы принимаем во внимание дефиницию триггера, предложенную С. В. Курушкиным, -«концентрированный, нашедший отображение в тексте, сжатый в пространстве и времени контекст, активирующий цепочки ценностных ассоциаций у аудитории» [14].

Актуальность темы исследования вынуждает остановиться и подробнее изучить вопрос медиаобраза запрещённых религиозных организаций. Учитывая развитие ситуации в Афганистане, о чём упомянуто ранее, наиболее необходимым с нашей точки зрения является изучение медиаобраза движения «Талибан» в СМИ западных стран. Главным антагонистом данного движения в настоящее время являются Соединённые Штаты Америки. Учитывая выход США из Афганистана и переоценку приоритетов внешней политики, мы рассмотриваем следующие вопросы:

- 1. «Актуальна ли тематика «Талибана» в массмедиа США в настоящее время?»
- 2. «Каким представляется медиаобраз «Талибана» в массмедиа США после вывода американских войск из Афганистана?»

Таким образом, методом сентимент-анализа проанализированы основные средства массовой информации США.

На первом этапе выделены самые популярные массмедиа США, в каждом из которых были проанализированы по два новостных репортажа, найденных по ключевому слову "Taliban". Данные анализа отражены в таблице.

Выборка новостных публикаций для анализа

№ п/п	Название СМИ	Название новости	Дата публикации
1	CNN	'The Taliban cannot erase us' says winner of the International Women's Rights award	07.04.2022 г.
'	CININ	Afghan American naval reservist who was held by Taliban details return home in first interview since release	07.04.2022 г.
2 Da	Daily News	Taliban 'disappointed' equipment left behind by U. S. forces is unusable	02.09.2021 г.
		Taliban prohibits women from playing sports	08.09.2021 г.

Окончание таблицы

№ п/п	Название СМИ	Название новости	Дата публикации
3	The New York Times	"Fighting Was Easier": Taliban Take On a Treacherous, Avalanche-Prone Pass	03.04.2022 г.
		Desperate for Cash, Afghans Toil in Mines That Are Deadlier Than Ever	29.04.2022 г.

На *втором этале* исследования проанализирована выборка новостей, а также выделены ключевые слова, представленные в виде триггера.

Третьим этапом явилось определение спектра вызываемых триггерами эмоций:

- Эмоция 1. Гнев.
- Эмоция 2. Страх.
- Эмоция 3. Удивление.
- Эмоция 4. Печаль.
- Эмоция 5. Радость (гордость).
- Эмоция 6. Отвращение.
- Эмоция 7. Стыд.

На *четвёртом этапе* охарактеризована интерпретация имеющихся в публикациях триггеров и проведён анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведённого исследования выделены три кейса в соответствии с отобранными средствами массовой информации, в рамках которых дан сентимент-анализ выборки новостей на предмет соответствия указанным эмоциям.

Keŭc 1. CNN.

1. *Hoвосты*: "The Taliban cannot erase us says winner of the International Women's Rights award" («"Талибан не может стереть нас с лица земли", — считает обладательница Международной премии за права женщин»)¹.

Дата публикации: 07.04.2022 г. Выделенные триггеры:

- 1) "...activist Zarifa Ghafari tells CNN defiantly" («активистка Зарифа Гафари вызывающе говорит CNN»);
- 2) "...at the tender age of 24 (though she admits she pretended to be two years older in order to qualify)" («...в нежном возрасте 24 лет (хотя она признаёт, что притворялась на два года старше, чтобы пройти квалификацию)»);
- 3) "crowds of angry men demonstrating outside her office, holding sticks and throwing stones" («толпы разгневанных мужчин де-

монстрировали возле её офиса, держали палки и бросали камни»);

4) "The last straw came in the summer of 2021 after she says armed men came to her home searching for her and brutally beat up her security guard" («Последняя капля случилась летом 2021 года, когда, по её словам, к ней домой пришли вооружённые люди, разыскивая её, и жестоко избили её охранника»).

Интерпретация:

Триггер 1. Позиционирование смелости активистки за права женщин. *Эмоция 5.*

Триггер 2. Героизация персонажа, акцентирование самопожертвования. *Эмоция 3.*

Триггер 3. Гендерная акцентуация в призме деятельности Зарифы Гафари. *Эмо- ции* 6 *и* 7.

Триггер 4. Принадлежность агрессора к вооружённым силам, акцент на жестокости «Талибана». Эмоции 1 и 2.

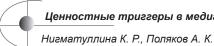
2. Новость: "Afghan American naval reservist who was held by Taliban details return home in first interview since release" («Задержанный талибами Американский военно-морской резервист в Афганистане рассказал о возвращении домой в первом интервью после освобождения»)².

Дата публикации: 07.04.2022 г. Выделенные триггеры:

- 1) "I hope one day I'm sitting on my couch just watching television and finally I can realize that I'm back, and I'm back in my home" («Я надеялся, что однажды я сяду на свой диван, просто посмотрю телевизор и, наконец, пойму, что я вернулся, и я снова в своём доме»):
- 2) "Rauf told Tapper that the 'most difficult part' of his detainment was isolation and not being able to speak with others" («Рауф сказал Тапперу, что "самой сложной частью" его задержания была изоляция и невозможность разговаривать с другими»);
- 3) "People would say we're in prison. In prison, people get some rights, including going outside, getting the glimpse of the sun, a

¹ Mahtani M. "The Taliban cannot erase us" says winner of the International Women's Rights award. – Текст: электронный // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2022/04/07/middleeast/zarifa-ghafari-womenafghanistan-taliban-as-equals-intl-cmd/index.html (дата обращения: 02.07.2022).

² Mizelle S. Afghan American naval reservist who was held by Taliban details return home in first interview since release. – Текст: электронный // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2022/04/06/politics/safi-rauf-taliban-release-cnntv/index.html (дата обращения: 02.07.2022).

glimpse of the sky" («Люди сказали бы, что мы находимся в тюрьме. В тюрьме у людей есть некоторые права, в том числе возможность выйти на улицу, увидеть проблеск солнца, увидеть проблеск неба»);

4) "Asked why his humanitarian work was important enough to risk his own safety, Rauf told Tapper he identified with Afghan refugees" («На вопрос, почему его гуманитарная деятельность настолько важна, чтобы рисковать собственной безопасностью, Рауф сказал Тапперу, что отождествляет себя с афганскими беженцами»).

Интерпретация:

Триггер 1. Романтизация персонажа и его размышлений. *Эмоция 4.*

Триггер 2. Акцентирование психологических переживаний, а также вопрос социализации в условиях ограничения свободы. Эмоции 2 и 4.

Триггер 3. Сравнение условий содержания, использование положительных речевых оборотов для усиления эффекта. Эмоции 3 и 4.

Триггер 4. Героизация персонажа в условиях его деятельности в Афганистане. Эмоция 5.

Keŭc 2. Daily News.

1. Новость: "Taliban 'disappointed' equipment left behind by U. S. forces is unusable" («"Талибан" разочарован оборудованием, оставленным американскими войсками, будучи непригодным для использования»)¹.

Дата публикации: 02.09.2021 г. Выделенные триггеры:

- 1) "The mood reportedly turned from celebratory to sullen for Taliban fighters when they discovered equipment left behind by U. S. forces" («Настроение боевиков «Талибана» сменилось с праздничного на угрюмое, когда они обнаружили оборудование, оставленное американскими войсками»);
- 2) "They are disappointed, they are angry, they say they feel betrayed because all of this equipment is broken beyond repair" («Они разочарованы, они злы, они говорят, что чувствуют себя преданными, потому что всё это оборудование сломано и не подлежит ремонту»);

3) "He noted the Taliban has also proven to be a 'ruthless group' in his experiences" («Он отметил, что на его опыте "Талибан" также оказался "безжалостной группировкой"»).

Интерпретация:

Триггер 1. Демонстрация недальновидности «Талибана», насмешка над ситуацией. Эмоция 5.

Триггер 2. Усиление демонстрации недальновидности группировки, гордость за действия американских военных. *Эмоция 5.*

Триггер 3. Эмоциональная оценка действий группировки. Эмоции 1 и 3.

2. Новость: "Taliban prohibits women from playing sports" («"Талибан" запрещает женщинам заниматься спортом»)².

Дата публикации: 08.09.2021 г. Выделенные триггеры:

- 1) "The Taliban has quickly moved to halt and roll back progress made by women in Afghanistan" («"Талибан" быстро принял меры, чтобы остановить и свести на нет прогресс, достигнутый женщинами в Афганистане»);
- 2) "As part of their attack on women's rights" («В рамках своей атаки на права женщин»);
- 3) "Notably, none of the loyalist officials who shape the government include any women, even after officials promised to build an inclusive government shortly after retaking Afghanistan" («Примечательно, что среди лоялистских чиновников, формирующих правительство, нет женщин, даже после того, как чиновники пообещали построить инклюзивное правительство вскоре после возвращения Афганистана»).

Интерпретация:

Триггер 1. Демонстрация деструктивности действий «Талибана», осуждение проводимой политики. Эмоция 6.

Триггер 2. Отрицательное восприятие действий группировки по отношению к женскому населению. *Эмоции 1 и 6*.

Триггер 3. Демонстрация нарушения обещаний, осуждение действий по отношению в женскому населению. Эмоции 1 и 6.

Keŭc 3. The New York Times.

1. Новость: "Fighting Was Easier: Taliban Take On a Treacherous, Avalanche-Prone Pass"³.

¹ Niemietz B. Taliban "disappointed" equipment left behind by U. S. forces is unusable. – Текст: электронный // Daily News. – URL: https://www.nydailynews.com/news/national/ny-taliban-betrayed-us-helicopters-disrepair-20210902-o45rfnkyrfbzzcsj5ictc2pm7i-story.html. (дата обращения: 02.07.2022).

² Sapienza B. Taliban prohibits women from playing sports. – Текст: электронный // Daily News. – URL: https://www.nydailynews.com/news/world/ny-taliban-afghanistan-women-sports-20210908-r3i27oq3qfftbjmycanlvp6ll4-story.html (дата обращения: 02.07.2022).

³ Gibbons-Neff T., Akbary Y. "Fighting Was Easier": Taliban Take On a Treacherous, Avalanche-Prone Pass. –

Nigmatullina K. R., Polyakov A. K.

Дата публикации: 03.04.2022 г. Выделенные триггеры:

- 1) "After overthrowing the government, the Taliban are now trying to save what's left of the roads they spent years blowing up" («Свергнув правительство, "Талибан" теперь пытается спасти то, что осталось от дорог, которые они взрывали годами»);
- 2) "The Taliban commander's sneakers had soaked through from the melting snow, but that was the least of his problems" («Кроссовки командира талибов промокли от тающего снега, но это была наименьшая из его проблем»);
- 3) "Taliban are now trying to save what's left of the economic arteries they had spent so long tearing apart («"Талибан" теперь пытается спасти то, что осталось от экономических артерий, которые они так долго разрывали»);
- 4) "But the short-term consequences have been devastating for Abdul Rasul, 49, a oneeyed food vendor who has been selling kebabs for 16 years in a spot tucked away behind the rows of car washers and the twisted metal of wrecked vehicles littered along the roadside. This season he's made about \$ 300, down from his average of around \$ 1,000" («Но краткосрочные последствия оказались разрушительными для 49-летнего Абдула Расула, одноглазого торговца едой, который уже 16 лет продаёт шашлыки в местечке, спрятанном за рядами автомойщиков и искорёженным металлом разбитых автомобилей, разбросанных вдоль обочины. В этом сезоне он заработал около 300 долларов по сравнению с его средним показателем около 1 000 долларов»).

Интерпретация:

Триггер 1. Демонстрация нетерпимости по отношению к действиям «Талибана». Эмоции 1 и 6.

Триггер 2. Открытая насмешка над руководством террористической группировки. Эмоции 5 и 6.

Триггер 3. Демонстрация нетерпимости по отношению к действиям «Талибана». Эмоции 1 и 6.

Триггер 4. Давление на жалость и драматизация примера Абдула Расула. Эмоции 4 u 7.

2. Новость: "Desperate for Cash, Afghans Toil in Mines That Are Deadlier Than Ever" («Отчаянно нуждаясь в деньгах, аф-

Текст: электронный // The New York Times. – URL: https:// www.nytimes.com/2022/04/03/world/asia/afghanistantaliban-salang-pass.html (дата обращения: 02.07.2022).

ганцы трудятся на шахтах, которые опаснее, чем когда-либо»)1.

Дата публикации: 29.03.2022 г. Выделенные триггеры:

- 1) "Faced with life-threatening hunger, thousands labor in the coal mines of Baghlan. But safety measures that the former government once provided are gone" («Столкнувшись с опасным для жизни голодом, тысячи людей работают на угольных шахтах Баглана. Но меры безопасности, которые когда-то обеспечивало прежнее правительство, исчезли»);
- 2) "Mr. Hadi, a 29-year-old former government soldier, was among thousands who flocked to northern Afghanistan's notoriously dangerous mines after the Taliban seized power last year - desperate to scrape out a living amid an economy in ruins" («Г-н Хади, 29-летний бывший правительственный солдат, был среди тысяч людей, которые устремились на печально известные своей опасностью шахты Северного Афганистана после того, как в прошлом году талибы захватили власть, отчаянно пытаясь выжить на фоне разрушенной экономики»);
- 3) "In the northwestern city of Herat, men have sold their kidneys on the black market. And along the Iranian border, thousands looking for work abroad have endured brutal beatings by security forces" («В северо-западном городе Герат мужчины продали свои почки на чёрном рынке. А вдоль иранской границы тысячи людей, ищущих работу за границей, подверглись жестоким избиениям со стороны сил безопасности»);
- 4) "Standing outside a mine's entrance, Mr. Hadi, the former soldier, wiped his hand on his shirt and looked at his calloused palm. His father, a farmer, always chided him to go to school as a child, dreaming that one day his son could become a district governor or a commander. For a while, Mr. Hadi hoped he could, too. At 18, he joined the Afghan National Army and earned a decent salary" («Стоя у входа в шахту, г-н Хади, бывший солдат, вытер руку о рубашку и посмотрел на свою мозолистую ладонь. Его отец, фермер, всегда упрекал его в детстве, чтобы он пошёл в школу, мечтая, что когда-нибудь его сын станет губернатором округа или командиром. Некоторое

¹ Goldbaum C., Akbary Y. Desperate for Cash, Afghans Toil in Mines That Are Deadlier Than Ever. - Tekct: электронный // The New York Times. - URL: https://www. nytimes.com/2022/03/29/world/asia/afghanistan-miningsafety.html (дата обращения: 02.07.2022).

Нигматуллина К. Р., Поляков А. К.

время мистер Хади надеялся, что сможет. В 18 лет он вступил в Афганскую национальную армию и получил достойную зарплату»). Интерпретация:

Триггер 1. Осуждение политики «Талибана», демонстрация неспособности обеспечить безопасность населения. Эмоции 1 и 2.

Триггер 2. Осуждение политики «Талибана», акцент на принадлежности г-на Хади к вооружённым силам Афганистана. Эмоции 2 и 4.

Триггер 3. Демонстрация крайне отрицательного эффекта от экономического кризиса в Афганистане, осуждение проявлений насилия со стороны «Талибана». Эмоции 1, 4 и 7.

Триггер 4. Осуждение политики «Талибана», акцент на принадлежности г-на Хади к вооружённым силам Афганистана, драматизация примера. Эмоции 4 и 7.

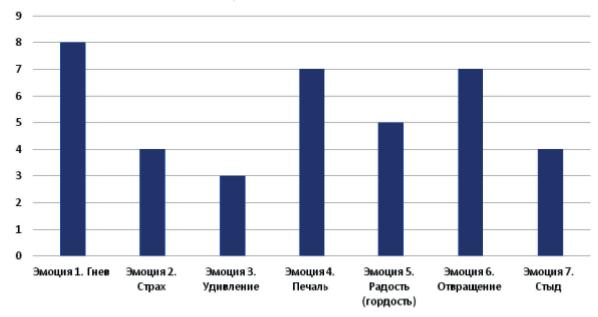
Итог (количество вызываемых триггерами эмоций):

- Эмоция 1. Гнев 8.
- Эмоция 2. Страх 4.

- Эмоция 3. Удивление 3.
- Эмоция 4. Печаль 7.
- Эмоция 5. Радость (гордость) 5.
- Эмоция 6. Отвращение 7.
- Эмоция 7. Стыд 4.

Таким образом, проанализировав примеры освещения в средствах массовой информации США инфоповодов, связанных с деятельностью запрещённой террористической организации «Талибан», необходимо подчеркнуть, что применение ценностных триггеров в тех или иных публикациях вызывает у аудитории преимущественно эмоции гнева, печали и отвращения. В связи с военными действиями на территории Афганистана и двадцатилетней войной США против «Талибана» вполне логичным представляется вывод о том, что освещение действий запрещённой организации ещё долго будет проводиться сквозь призму сарказма и откровенного глумления, что негативно влияет на конструирование «Талибаном» собственного имиджа и напрямую дискредитирует медиаобраз группировки.

Медиаобраз «Талибана» в СМИ США

Эмоциональные триггеры в публикациях

Emotional triggers in publication

На графике представлены эмоции, вызываемые у аудитории вследствие применения ценностных триггеров при освещении инфоповодов, связанных с «Талибаном».

В настоящее время СМИ выступают важным и активным участником процесса

политической коммуникации. Они являются посредниками в передаче политических сообщений и обладают всеми необходимыми источниками, чтобы придать сообщению максимальное влияние на граждан. Их важностью обусловлены попытки политических

деятелей превратить СМИ в инструменты и использовать их для распространения политических месседжей, а также лоббирования собственных интересов. Политика использует юридическую основу, в других случаях финансовые способы для фрейминга деятельности средств массовой информации. Предполагается, что правовые основания в демократических обществах имеют обязательство гарантировать свободу средств массовой информации и уважение к «четвёртой власти». Отношения между политической и медийной властью, будучи одновременно как соперническими, так и партнёрскими, отличаются особой сложностью. Политика контролирует СМИ, а СМИ контролируют политику, определяя её повестку дня. Отношения, которые они устанавливают, зависят от общего уровня демократии в соответствующем социуме.

Журналисты выступают важными и активными участниками процесса политической коммуникации через СМИ. Процесс деятельности журналистов обусловлен различными интересами медиакомпаний, политических коммуникаторов и профессиональными обязательствами перед аудиторией. Журналисты могут оказывать влияние, а также находиться под воздействием других факторов. Новые средства массовой информации персонализировали общение между политиками и гражданами, сделав его более прямым. Эти медиа влияют на отношения между политикой и старыми медиа - СМИ. Роль медиа и журналистов изменилась с распространением новых онлайн-СМИ. Новые способы достижения политической коммуникации требуют принципиально нового профиля политических журналистов, а также управленческих навыков отделов новостей средств массовой информации в необходимом процессе конвергенции.

Заключение. В данном исследовании рассмотрены концептуальные основы политической коммуникации и процессов медиатизации современного политического дискурса. Особо важным в настоящее время представляется вопрос восприятия

социумом запрещённых террористических организаций как отдельных субъектов политической коммуникации. На примере запрещённого в России и большинстве стран мира террористического движения «Талибан», которое пришло к власти в Кабуле летом 2021 г., рассмотрен медиаобраз группировки в средствах массовой информации США. Главный критерий отбора массмедиа США в качестве объекта исследования обусловлен двадцатилетним напряжением между Соединёнными Штатами и запрещённым движением «Талибан» как в военно-политическом плане, так и экономическом.

Проведённый сентимент-анализ влияния ценностных триггеров на общественное сознание при освещении тех или иных инфоловодов, касающихся деятельности запрещённого движения «Талибан», показал, что основные эмоции, на которые направлены сообщения, — это гнев, отвращение и печаль. В то же время проведённый анализ позволил ответить на поставленные вопросы:

- 1) несмотря на изменение стратегии внешней политики США и трансформацию её приоритетов, тематика «Талибана» не только всё ещё актуальна в массмедиа США, но и имеет структурированную систему конструирования негативного медиаобраза движения «Талибан»;
- 2) средства массовой информации США представляют медиаобраз «Талибана» в негативном свете, подчёркивая деструктивные действия и понесённые экономические и социальные последствия вследствие проводимой «Талибаном» политики.

В дальнейшем исследовании следует более тщательно изучить запрещённую радикальную группировку «Талибан» как медиафеномен, а также социальные последствия формирования того или иного медиаобараза в массмедиа в рамках данной проблематики. Необходимы дополнительные исследования зарубежных и отечественных СМИ для определения тенденций развития медиаобразов запрещённых радикальных организаций.

Список литературы

- 1. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2007. 25 с.
- 2. Белоусова Ю. В. Генезис образа и его функционирование в медиапространстве. СПб.: Алетейя, 2015. 130 с.
- 3. Драчева Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах. Текст: электронный // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2. URL: https://

Нигматуллина К. Р., Поляков А. К.

cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-ego-opisanie-v-yazykovedcheskom-i-neyazykovedcheskom-aspektah (дата обращения: 01.07.2022).

- 4. Хочунская Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект. Текст: электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2013. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-mediaobraza-sotsialno-psihologicheskiy-aspekt (дата обращения: 01.07.2022).
- 5. Малышева Е. Г., Гриднев Н. А. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске). Текст: электронный // Научный диалог. 2016. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mediaobraza-regiona-v-federalnyh-televizionnyh-smi-namateriale-tekstov-ob-omske (дата обращения: 01.07.2022).
- 6. Генералова С. Н. Идеологические коннотативы как отражение идеологического кода в президентском дискурсе. Текст: электронный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-konnotativy-kak-otrazhenie-ideologicheskogo-koda-v-prezidentskom-diskurse (дата обращения: 02.07.2022).
- 7. Pauwels L., Brion F., Schils N. Explaining and understanding the role of exposure to new social media on violent extremism: an integrative quantitative and qualitative approach. URL: https://www.researchgate.net/publication/271511172_Explaining_and_understanding_the_role_of_exposure_to_new_social_media_on_violent_extremism_an_integrative_quantitative_and_qualitative_approach (дата обращения: 02.07.2022). Текст: электронный.
- 8. The Overton Window Mackinac Center. URL: https://www.mackinac.org/OvertonWindow (дата обращения: 02.07.2022). Текст: электронный.
- 9. «Примитивный фундаментальный ислам». Эксперт по Центральной Азии объясняет, что такое «Талибан» и какие у него цели. Текст: электронный // Настоящее время. URL: https://www.currenttime.tv/a/taliban-goals/31356922.html (дата обращения: 02.07.2022).
- 10. Maxwell E. McCombs, Shaw Donald L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly, Oxford University Press. 1972. No. 2. Pp. 176–187.
- 11. Варош М. Введение в аксиологию. Текст: электронный // Общественные науки за рубежом. Серия 3. «Философия и социология». 1973. № 2. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/"Obschestvennye_nauki_za rubejom"/ "ONzR".html (дата обращения: 01.07.2022).
- 12. Галпин Дж. Скрытая способность медиа усиливать восприятие сообщений. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-comm/response_ad.htm. (дата обращения: 01.07.2022). Текст: электронный.
- 13. Нигматуллина К. Р. Цифровые эмоции в медийном измерении: последствия пандемии // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: материалы междунар. науч. форума (21–22 апреля 2022 г.): в 2 т. Т. 1. СПб.: Медиапапир, 2022. 226 с.
- 14. Курушкин С. В. Ценностная идентификация триггера "Charlie Hebdo" в инновационной медиасреде России. Текст: электронный // Инновации и инвестиции. 2015. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-identifikatsiya-triggera-charlie-hebdo-v-innovatsionnoy-mediasrede-rossii. (дата обращения: 01.07.2022).
- 15. Саранцева А. А. Причины и предпосылки появления движения «Талибан». Текст: электронный // Архонт. 2020. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-lidery-i-religioznye-vzglyady-dvizheniya-taliban (дата обращения: 01.07.2022).
- 16. Васецова Е. С. Движение «Талибан» и его роль в региональных политических процессах. Текст: электронный // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-taliban-i-ego-rol-v-regionalnyh-politicheskih-protsessah (дата обращения: 01.07.2022).
- 17. Jerrold M. Post M. D., Stephen N. Gold Ph. D. Psychology of the Terrorist: An Interview with Jerrold M. Post // Journal of Trauma Practice. 2002. Vol. 1. Pp. 83–100.
- 18. Клягин С. В., Перемибеда П. А. Неполитические ресурсы политического: о динамических моделях в методологии изучения и реализации межкультурной коммуникации // Власть. 2020. № 1. С. 114–118.
- 19. Аманбекова Ш. Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии. Текст: электронный // Постсоветские исследования. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/afganskiy-narkotrafik-i-problemy-regionalnoy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii (дата обращения: 01.07.2022).
- 20. Краснопёров А. Ю. Роль Интернета как соконструктора политической медиареальности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 111–115. DOI: 10.17223/15617793/453/13.

Сведения об авторах

Ниаматуллина Камилла Ренатовна, доктор политических наук; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: k.nigmatulina@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0002-9146-1712.

Поляков Александр Константинович, аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: alpolyakow@yahoo.com; https://orcid.org/0000-0003-0988-129X.

Вклад авторов

- К. Р. Нигматуллина основной автор, организатор исследования, формулировала выводы, обобщала результаты коллективного проекта.
 - А. К. Поляков систематизировал и анализировал материал исследования.

Для цитирования

Нигматуллина К. Р., Поляков А. К. Ценностные триггеры в медиаобразе радикальных религиозных организаций // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 103–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-103-116.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

References

- 1. Bogdan, E. N., The media image of Russia as a means of consolidating society: structural and functional characteristics. Cand. sci. diss. abstr. M., 2007. (In Rus.)
- 2. Belousova, Yu. V. The genesis of the image and its functioning in the media space. St. Petersburg: Aleteyya, 2015. (In Rus.)
- 3. Dracheva, Yu. N. The concept of a media image and its description in linguistic and non-linguistic aspects. Bulletin of the Cherepovets State University, no. 2, 2019. Web. 01.07.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-ego-opisanie-v-yazykovedcheskom-i-neyazykovedcheskom-aspektah. (In Rus.)
- 4. Khochunskaya, L. V. Media image phenomenon: socio-psychological aspect. Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism, journalism, no. 2, 2013. Web. 01.07.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/phenomen-mediaobraza-sotsialno-psihologicheskiy-aspekt. (In Rus.)
- 5. Malysheva, E. G., Gridnev, N. A. Formation of the media image of the region in federal television media (based on texts about Omsk). Scientific Dialogue, no. 12, 2016. Web. 01.07.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mediaobraza-regiona-v-federalnyh-televizionnyh-smi-na-materiale-tekstov-ob-omske. (In Rus.)
- 6. Generalova, S. N. Ideological connotatives as a reflection of the ideological code in the presidential discourse. Bulletin of the Pushkin Leningrad State University, no. 2, 2012. Web. 01.07.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-konnotativy-kak-otrazhenie-ideologicheskogo-koda-v-prezidentskom-diskurse. (In Rus.)
- 7. Pauwels, Lieven & Brion, Fabienne & Schils, Nele & Lafinneur, Julianne & Verhage, Antoinette & De Ruyver, Brice & Easton, Marleen. Explaining and understanding the role of exposure to new social media on violent extremism: an integrative quantitative and qualitative approach, 2014. Web. 01.07.2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/271511172_Explaining_and_understanding_the_role_of_exposure_to_new_social_media_on_violent_extremism_an_integrative_quantitative_and_qualitative_approach. (In Engl.)
- 8. The Overton Window. Mackinac Center. Web. 01.07.2022. URL: https://www.mackinac.org/OvertonWindow. (In Engl.)
- 9. "Primitive fundamental Islam". An expert on Central Asia explains what the Taliban is and what their goals are. Current Tine TV. Web. 01.07.2022. URL: https://www.currenttime.tv/a/taliban-goals/31356922.html. (In Rus.)
- 10. Maxwell, E. McCombs. The Agenda-Setting Function of Mass Media. The Public Opinion Quarterly, Oxford University Press, no. 2, pp. 176–187,1972. (In Engl.)
- 11. Varosh, M. Introduction to axiology. Social sciences abroad. Series III: Philosophy and Sociology, no. 2, 1973. Web. 01.07.2022. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/ "Obschestvennye_nauki_za_rubejom"/_ "ONzR". html (In Rus.)
- 12. Galpin, J. The hidden ability of the media to enhance the perception of messages. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-comm/response ad.htm. Web. 01.05.2022. (In Rus.)
- 13. Nigmatullina, K. R. Digital emotions in the media dimension: the consequences of the pandemic. Media in the modern world. 61st Petersburg Readings: Collection of materials of the International scientific forum (April 21–22, 2022). In 2 vol. V. 1. St. Petersburg: Mediapapir, 2022. (In Rus.)
- 14. Kurushkin, S. V. Value identification of the "Charlie Hebdo" trigger in the innovative media environment of Russia. Innovations and investments, no. 6, 2015. Web. 01.07.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-identifikatsiya-triggera-charlie-hebdo-v-innovatsionnoy-mediasrede-rossii. (In Rus.)
- 15. Sarantseva, A. A. Causes and prerequisites for the appearance of the "Taliban" movement. Archont, no. 3, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-lidery-i-religioznye-vzglyady-dvizheniya-taliban. (In Rus.)
- 16. Vasetsova, E. S. The "Taliban" movement and its role in regional political processes. Social and humanitarian knowledge, no. 5. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-taliban-i-ego-rol-v-regional-nyh-politicheskih-protsessah. (In Rus.)

Нигматуллина К. Р., Поляков А. К.

Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4

- 17. Jerrold, M. Post M. D.; Stephen N. Gold Ph. D. Psychology of the Terrorist: An Interview with Jerrold M. Post. Journal of Trauma Practice, vol. 1, pp. 83–100, 2002. (In Engl.)
- 18. Klyagin, S. V., Peremibeda P. A. Non-political resources of the political: about dynamic models in the methodology of studying and implementing intercultural communication. Power, no. 1, pp. 114–118. 2020. (In Rus).
- 19. Amanbekova, Sh. Afghan drug trafficking and problems of regional security in Central Asia. Post-Soviet Studies, no. 3. 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/afganskiy-narkotrafik-i-problemy-regionalnoy-bezo-pasnosti-v-tsentralnoy-azii (In Rus.)
- 20. Krasnopyorov, A. Yu. The role of the Internet as a co-constructor of political media reality. Tomsk State University Bulletin, no. 453, pp. 111–115. 2020. DOI: 10.17223/15617793/453/13.

Information about authors

Nigmatullina Kamilla R., Doctor of Political Science; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetska-ya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: k.nigmatulina@spbu.ru; https://orcid.org/0000-0002-9146-1712.

Polyakov Alexander K., Postgraduate Student; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: alpolyakow@yahoo.com; https://orcid.org/0000-0003-0988-129X

Contribution of authors to the article

- K. R. Nigmatullina the main author, the organizer of research who formulates conclusions and summarizes the results of the collective project.
 - A. K. Polyakov systematizes and analyzes the research material.

For citation

Nigmatullina K. R., Polyakov A. K. Value Triggers in the Media Image of Radical Religious Organizations // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 103–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-103-116.

Received: August 10, 2022; approved after reviewing September 15, 2022; accepted for publication September 20, 2022.

АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА

AXIOLOGY OF MODERN MASS MEDIA

Научная статья УДК: 32.019.52

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-117-127

Столкновение цифровой культуры и ценности в ТикТок: «танцующая девушка» против радикальной феминистки

Элена Декич

Национальное телевидение Сербии, г. Белград, Сербия jelena.djekic@rts.rs, djekic.nebula@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3032-9275

ТикТок, самая молодая и одна из самых популярных социальных сетей в мире, представляет собой зеркало ценностей новых поколений, иллюстрирует культуру и ценности молодых девушек XXI в., но также даёт возможность публичного выступления любой аудитории, независимо от социального статуса, мировоззрения, профессии и местонахождения. Примечательно, что многие из самых популярных звёзд ТикТока - молодые, женственные и сексуальные, белые и богатые женщины, которые танцуют и обнажают своё тело. Вместе с тем, есть группа радикальных феминисток в ТикТоке, которые не танцуют, а используют средства юмора для демонстрации сексизма и дискриминации женщин. Автор исследования ко времени написания статьи проанализировала в ТикТок последние 30 роликов четырёх представительниц «мейнстрим»-ценностей на ТикТок, так называемых «танцующих девушек», а также последние 30 роликов четырёх радикальных феминисток. Всего модальным методом проанализировано 240 видеороликов. Цель исследования – определить, какие ценности отстаивают данные группы женщин. В результате обнаружено, что между этими двумя группами существует конфликт ценностей, выражающийся в несовпадении представлений о социальном статусе женщин в России. Более того, результаты исследования показывают, что разделены девушки не только для изученной в статье ситуации, но и в целом для современного медийного мира. В настоящее время ТикТок стал частью популярной культуры, поэтому представляет собой надёжный источник информации для исследователей, занимающихся массовой культурой и современной системой ценностей малодёжи.

Ключевые слова: ТикТок, социальные сети, ценности, феминизм, цифровые коммуникации, культура инфлюенсеров, социальный статус женщин

Original article

Digital Culture and Value Clash on TikTok: 'Dancing Girl' vs. Radical Feminist

Elena Dekic

Serbian National Television, Belgrade, Serbia jelena.djekic@rts.rs; djekic.nebula@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3032-9275

TikTok is the youngest and one of the most popular social networks in the world, and as such is a "mirror" of the values of new generations which illustrates the culture and values of young girls of the 21st century, provides an opportunity for public speaking to any audience, regardless of social status, worldview, profession and location. Notably, many of the most popular TikTok stars are young, feminine and sexy, white and rich women who dance and expose their bodies. On the contrary, there is a group of radical feminists on TikTok who do not dance

© Декич Э., 2022

but use humor to demonstrate sexism and discrimination against women. The author of the study at the time of writing analyzed the last 30 TikTok videos of four representatives of the "mainstream" values on TikTok, the so-called "dancing girls", as well as the last 30 videos of four radical feminists. In total, 240 videos were analyzed by the modal method. The purpose of the study is to determine what values these two groups of women stand for. As a result, we found that between these two groups there is a conflict of values, expressed in the discrepancy between ideas about the social status of women in Russia. Moreover, the results of the study show that there is a division of girls not only for the situation studied in the article but also for the modern media world in general. Nowadays, TikTok has become part of popular culture and therefore represents a reliable source of information for researchers involved in popular culture and the modern value system of the young.

Keywords: TikTok, social networks, values, feminism, digital communications, influencer culture, social status of women

Введение. В настоящее время формирование жизненных ценностей - одна из самых распространённых и одновременно важнейших проблем социальных наук. Развитие человечества напрямую зависит от ценностей, которые пропагандируются и продвигаются в обществе. Раньше обмен и передача информации были ограниченными и медленными, но с развитием информационных технологий этот процесс идёт намного быстрее. Интернет, прежде всего социальные сети, стали основным местом для выражения взглядов, самовыражения, обучения и объединения людей с идентичными ценностями. А. А. Морозова утверждает, что особенно важную роль социальные сети играют для молодёжной аудитории, выполняя функции коммуникации, информирования, рекреации и др. [1]. Социальные сети стали масштабной ареной для трансляции разных политических взглядов, обмена идеями и привлечения общественного внимания к разнообразным ценностям несхожих между собой социальных групп. Исследователи отмечают, что именно благодаря активной работе в интернет-пространстве (включая особенно социальные сети) феминистское движение впервые за долгое время приобрело огромную консолидирующую силу [2]. Эпоха цифровых технологий, особенно социальных сетей, открыла для феминисток новые средства для обсуждения гендерных вопросов и прав женщин. Такое использование социальных сетей может развивать и расширять феминистские пространства, позволяя достичь более широкого охвата [3].

ТикТок – сервис для просмотра и создания коротких видео до 60 секунд, а «видео – едва ли не самый приемлемый для молодёжи формат мультимедиа» [4]. ТикТок выполняет функцию социальной сети. Он создан в Китае в 2016 г. и с тех пор завоевал международную популярность. Каждый месяц «ТикТоком пользуется один миллиард человек, что делает эту сеть седьмой по по-

пулярности социальной сетью в мире»¹, в России ТикТок тоже стремительно набирает известность и по популярности занимает четвёртое место². Изначально основной целевой аудиторией ТикТока были подростки, что считалось секретом успеха сети, в настоящее время возрастной диапазон пользователей расширяется [5]. В 2020 г. ТикТок был самым популярным приложением в России, скачиваемым на мобильное устройство, в 2021 г. занял второе место - после приложения «Телеграм». По данным Mediascope, «за июль 2021 г. ТикТоком пользуются 39,5 млн россиян старше 12 лет, или 32,3 % всего населения России»³. По этому показателю сервис обгоняет компанию Facebook. Популярность ТикТок стала взрывной, для сравнения, социальной сети «Инстаграм» потребовалось почти шесть лет с момента его создания, чтобы набрать количество активных пользователей, которое ТикТок удалось получить менее чем за три года [6].

Идея о караоке-приложении, в котором можно было танцевать и петь под музыку, родилась, когда Алекс Чжу увидел на улице школьников, которые танцевали и снимали себя на видео. Это была социальная сеть DouYin, которую можно считать прародительницей ТикТока. Благодаря преимущественно танцевальной тематике ТикТок очень быстро обрёл узнаваемость, стал местом, где молодые люди могут выражать себя различными способами — от видео с синхронизацией губ до сумасшедших танцев. Кроме того, акцент платформы на виральность и её инновационные функции

¹ Digital 2021: Global overview report, Simon Kemp. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report (дата обращения: 10.06.2022). – Текст: электронный.

² Вся статистика Интернета на 2021 год – в мире и в России. – Текст: электронный // Web Canape – 2021. – URL: https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/ (дата обращения: 10.06.2022).

³ Там же.

(например, спецэффекты и фильтры) сделали сеть центром творческого самовыражения и игривого общения [7]. Культура и структура платформы побуждают пользователей подражать друг другу и участвовать в обсуждении горячих тем.

По словам А. В. Красавиной и Д. О. 3олиной, ТикТок «сверхкороткий медиаформат, ориентированный в основном на подростковую аудиторию и подчиняющийся алгоритмическим законам платформы, который включает в себя как оперативное реагирование на событие в виде устного комментария ведущего с использованием фото или видео, так и оформление либо создание информационно-развлекательного контента с целью не столько информирования, столько завоевания доверия и внимания аудитории» [8]. Кроме своего уникального формата ТикТок популярен ещё и потому, что предлагает пользователям кадры домашнего видео, разнообразные флешмобы, челленджи и иные формы развлекательной активности. Само по себе создание роликов достаточно простое, не занимает много сил и времени. Из-за этого каждый способен стать автором ролика без наличия особых способностей в видеомонтаже и постановке света. Более того, благодаря системе рекомендаций в ТикТок прославиться можно одним видео, что является ещё одной причиной его популярности.

Вместе с тем важно подчеркнуть роль ТикТока в создании социально-политических ценностей. Политическая коммуникация в сети более интерактивна по сравнению с другими платформами социальных сетей. Основная причина – возможность пользователей ТикТок объединять несколько информационных каналов для распространения своих сообщений [9]. В течение 2019 и 2020 гг. значительная часть людей использовала данную социальную сеть «для выражения своих политических взглядов, мобилизации социальных действий, стимулирования социальных изменений, они создали новую культуру инфлюенсеров, которые получают новых подписчиков на ТикТок не своим танцем, а призывая к изменению ценностей в обществе» [10]. В эту группу также входят радикальные феминистки, которые осознали возможности ТикТока, чтобы указать на недостатки современного социального статуса женщин.

Социальные сети актуальны для их изучения в связи со своими коммуникативными особенностями, а также высокой популярностью среди молодёжи. Однако социальная сеть ТикТок, особенно с точки зрения феминистского дискурса, недостаточно изучена. В России ТикТок в основном является объектом изучения маркетологов – И. И. Епишкин, Е. Б. Искакова и А. А. Лаврик провели исследование, как сделать продукт привлекательным для молодёжи с помощью контента в ТикТок [11], как рекламировать бизнес в Тик-Ток¹. Со стороны педагогики к данной сети отнеслись как «к инструменту социализации в школах»², а также как «к составляющей жизни подростков»³. М. В. Плотникова изучала медиадискурс социальной сети ТикТок в политической коммуникации [12]. Однако, за исключением короткого эссе британского феминистского медиаисследователя Мелани Кеннеди (2020) о том, как популярность девочек-подростков (тиктокеров) в пандемию COVID-19 «усиливает конструирование стереотипной женственности в современной, девичьей культуре»⁴, других подобных научных исследований нет.

Методология и методы исследования. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы в определённых аккаунтах ТикТок выделить функционирующие ценности, провести сравнительный анализ выявленных ценностных убеждений. Для исследования избраны аккаунты «мейнстрим» – с одной стороны, четыре аккаунта «танцующих» тиктокеров, с другой – четыре популярных аккаунта радикальных феминисток. Для анализа выделены критерии определения того, какие именно аккаунты будут исследоваться. Во-первых, все аккаунты на Тик-Токе должны быть русскоязычными, чтобы

¹ Чем TikTok отличается от привычных соцсетей и как бизнесу с этим жить. - URL: https://adindex. ru/publication/opinion/internet/2021/04/28/293410.phtml (дата обращения: 10.06.2022). - Текст: электронный.

² Социальная сеть TikTok как инструмент социализации подростков: кейс учеников старших классов московских школ. - URL: https://www.hse.ru/edu/ vkr/366468590(дата обращения: 10.06.2022). - Текст: электронный.

³ Исследовательская работа на тему: «Тик-Ток в жизни подростка». – URL: https://videouroki.net/ razrabotki/issliedovatiel-skaia-rabota-na-tiemu-tik-tok-vzhizni-podrostka.html (дата обращения: 10.06.2022). -Текст: электронный.

⁴ Kennedy M. "If the rise of the TikTok dance and e-girl aesthetic has taught us anything, it's that teenage girls rule the internet right now": TikTok celebrity, girls and the Coronavirus crisis. – Текст: электронный // European Journal of Cultural Studies. - 2020. - Vol. 23. - Pp. 1069-1076. - DOI: 10.1177/1367549420945341 (дата обращения: 10.06.2022).

исследование при анализе давало точную интерпретацию. Второй критерий – высокая популярность, которая определяется большим количеством фолловеров – это значит, что посты каждого аккаунта циркулируют в интернете и ежедневно просматриваются тысячами и даже миллионами людей. Этот критерий применялся двояко - отбирались аккаунты «танцующих» девушек с более чем двадцатью миллионами подписчиков и аккаунты радикальных феминисток с более чем ста тысячами подписчиков. Феминистские аккаунты найдены с использованием хештегов «феминизм» и «феминистки» и быстрого визуального сканирования контента, чтобы убедиться, что аккаунты действительно феминистские. Это и привело к выбору восьми аккаунтов для исследования.

Выбранные аккаунты проанализированы модальным подходом, с применением понятия Дэвида Мачина терминов Гюнтера Кресса и Тео Ван Леувена, относящихся к мультимодальному анализу: вида, угла и расстояния объекта по отношению к наблюдателю. Мультимодальный анализ стремится выявить отношение «актёра в видео» к зрителю. Для анализа ценностных сообщений необходимо понять, какие модусы важны для исследования (музыка, речь, язык тела, внешний вид, макияж и одежда). Мультимодальность, которая широко используется в академических кругах с начала 1990-х гг., «помогает учёным выйти за эмпирические границы и разработать теории и методы, которые могут объяснить, как мы используем жесты, надписи, язык тела и другие средства для создания значений, которые невозможно объяснить с помощью любой из существующих дисциплин» [13]. ТикТок – интересная платформа для исследователей не только из-за своего алгоритма с точки зрения использования хештегов, но и потому, что сеть заняла центральное место в массовой культуре [14].

Результаты исследования и их обсуждение. Поскольку ТикТок — молодая и новая платформа, научных исследований ценностных ориентаций женщин со сравнительной точки зрения не проводилось. Важно отметить, что визуальная культура, как и сами изображения, может передавать культурные ценности и социальные знания о мире, в котором мы живём [15]. Визуальный контент вызывает глубокие изменения в человеческих социальных системах, в кото-

рых значения передаются через различные способы коммуникации [16]. Социальные сети - инструмент, который доносит до зрителя систему ценностей создателя видео через визуальную коммуникацию. Исследователи отмечают, что именно благодаря активной работе в интернет-пространстве (включая особенно социальные сети) феминистское движение впервые за долгое время приобрело огромную консолидирующую силу [2]. В отличие от официальных СМИ, недоступных для многих социальных групп с альтернативными ценностями, интернет и социальные сети позволили социальным группам, таким как феминистки, создавать собственное медиапространство. Феминистские площадки отмечены как открытые и доступные ресурсы с высокой степенью интертекстуальности [17].

В статье под названием «Как ТикТок становится трибуной активизма» 1 отмечено, что пользователи ТикТок шутят о том, что у сайта есть две стороны. Так, Straight относится не к сексуальным предпочтениям создателей контента, а к пропаганде «мейнстрим» ценностей молодёжи (беззаботное проведение свободного времени, весёлое общение и танцы с друзьями, демонстрация дурачества и сексуальности посредством мимики и телодвижений и синхронное открывание рта под музыку). Во вторую группу пользователей ТикТока входит «альт» группа, представляющая противоположные, альтернативные взгляды и социальные ценности, касающиеся общества, в частности, женщин. Термин «альт» не связан с политической принадлежностью какого-либо политического спектра, представляет социально активную молодёжь, которая демонстрирует интерес к событиям в своей стране и мире. Через мемы и причудливый юмор они показывают существующие субкультуры, указывают на социальные стереотипы о статусе женщины. Для нашего анализа выбраны именно представительницы этих двух сторон женщин, рассмотрены ценности современной девушки в ТикТок - «мейнстрим» («стрейт»), а также те, которые представляют «альт» (альтернативные социальные ценности).

Ценности, продвигаемые современными радикальными феминистками, не считают-

¹ Blueprint, Как ТикТок становится трибуной активизма. — URL: https://theblueprint.ru/culture/industry/kak-tiktok-stal-politicheskoj-platformoj (дата обращения: 10.06.2022). — Текст: электронный.

ся общепринятыми в обществе. Российский феминизм сосредоточивает свои усилия на борьбе за следующие ценности: 1) безопасность женщины: лоббирование закона о профилактике домашнего насилия, публичные компании против харассмента, краж невест; 2) благополучие женщины: равная с мужчиной заработная плата, отмена списка запрещенных профессий, «стеклянный потолок» при занятии должностей и так называемая «вторая смена», то есть неоплачиваемая домашняя работа, которая зачастую полностью лежит на женщинах; 3) личная свобода женщины: просветительские кампании против гендерных стереотипов, сексизма, мизогинии, слатшейминга, виктимблейминга, а также против репродуктивного насилия (ограничение права на аборт и навязывание роли матери), фэтфобных стандартов красоты (то есть осуждение людей с избыточным весом) и любых форм дискриминации; 4) представленность женщины в культуре: борьба с объективацией, введение феминитивов в речевую практику [18].

В мире социальных сетей инфлюенсером считается любой, у кого более десяти тысяч подписчиков. Конечно, есть категоризации, когда «микроинфлюенсерами» называются те, у кого счёт начинается с десяти тысяч подписчиков. Вместе с тем тиктокеры с более чем ста тысячами подписчиков имеют статус «настоящих» инфлюенсеров, они представляют лидеров мнений, задают тренды, и их клипы имитируют менее популярные тиктокеры [19]. Кроме того, существует классификация инфлюенсеров на основе публикации их контента: «инфлюенсеров можно разделить на четыре типа: сплетники, информаторы, аниматоры и инфотейнеры. Среди них аниматоры развлекают и расслабляют свою аудиторию, создавая развлекательный контент» [20].

Можно сказать, что инфлюенсеры из первой группы (танцующие девушки) относятся к категории аниматоров, а феминистки - к инфотейнерам. Самыми популярными инфлюенсерами являются те, чей контент приятно смотреть зрителю, но эстетика инфлюенсеров всё больше полагается на обмен дискурсивным контентом и повествованием [21]. ТикТок позволил молодым людям стать политически активными в формате, который является развлекательным, образовательным и привлекательным для их сверстников.

Как упоминалось ранее, в выборку взяты восемь аккаунтов - четыре аккаунта «танцующих девушек» в ТикТок с более чем пятнадцатью миллионами подписчиков (все четыре аккаунта два года подряд входят в десятку самых популярных тиктокеров России) и четыре аккаунта феминисток с более чем сотней тысяч подписчиков. Частота публикации клипов в течение одного месяца «танцующих девушек» в два-три раза выше, чем выпуск клипов феминисток, поэтому мы решили проанализировать последние тридцать видео каждого аккаунта к моменту написания данного текста, то есть 240 клипов ТикТок.

Популярный пользователь ТикТок Мадина Басаева (она же Дина Саева, @dina) считается королевой данной соцсети, хотя её аккаунт уже не занимает первое место в качестве самого популярного в ТикТоке русскоязычного медиаполя. На этой платформе за ней следят 24,4 миллиона человек. Она российско-таджикский блогер и модель, которая регулярно появляется в клипах Егора Крида, в 2020 г. была амбассадором Dolce & Gabbana. В ТикТоке она зарабатывает миллионы, о её доходах писал Forbes.

Эржена Аюшеева (@era ays) также является одним из самых популярных тиктокеров в России (25,7 миллиона подписчиков). У девушки узнаваемая внешность уроженки Бурятии. Её записи находятся в пределах правил ТикТока, но где-то на их грани, потому что тиктокерка публикует провокационное видео, на которых танцует в обтягивающей и открытой одежде.

Валентина Карнаухова (@karna.val) в ТикТоке пишет о себе, отмечая, что она «чисто бандитская», намекая на свой игривый и весёлый характер, показывая в клипах, какая она общительная, насколько хорошо проводит время и не обращает внимания на мнение окружающих. У неё 22,5 миллиона подписчиков. Игривость связана с сексуализацией. Таким образом, «роль социальных сетей в игривости приобретает более широкое значение. Игривость - форма открытости, а социальная сеть - инструмент её проявления» [22]. Карна Вал, как и её коллега Дина Саева, входит в список Forbes как одна из самых высокооплачиваемых тиктокеров. Видеоблогер Юля Гаврилина (Юлька Шпулька или просто Гаврилина, @gavrilinaa) похожа на Карну Вал, существовала версия, что они сестры, но информация не подтвердилась. Юлька Шпулька чрезвычайно популярна (15,9 миллиона подписчиков в Тикток), Гаврилина часто снимает клипы, в которых показывает перевоплощение милой девушки с большими невинными глазами в свободную, сексуально желанную, которая демонстрирует средний палец или «нагло поворачивается задом ко всем тем, кто её не поддерживает».

Отмеченные девушки-блогеры относятся к группе «стрейт», или «мейнстрим», в то время как есть ещё одна «альтернативная» сторона ТикТока. Эта группа тиктокеров не дотягивает до популярности предыдущей группы, вместе с тем имеет большую аудиторию. Радикальные феминистки используют ТикТок совершенно иначе. Основной инструмент феминисток на этой платформе – их голос, а не тело. Главная цель радикального феминизма – противодействие патриархальной тирании и жестокому обращению с женщинами. В социальном контексте они поднимают вопросы менструаций, родов, ведения домашнего хозяйства, изнасилований, удовлетворения мужских сексуальных желаний, возмущаются неравной оплатой труда мужчин и женщин в одной профессии [23].

Благодаря алгоритмам и маркированному распространению медиа формат платформы ТикТок позволяет идеям новой волны феминизма, касающимся сексуальных свобод, принятия тела и женских амбиций, охватить гораздо большее количество людей. Исследование политолога И. В. Мирошниченко показывает, что активизм в онлайн-поле особенно важен в авторитарных режимах, так как представляет собой запрос на горизонтальную структуру гражданского общества, противостоящую вертикали власти [24]. В этом смысле феминистские онлайн-сообщества можно считать инструментами обретения силы, которую невозможно получить в традиционном иерархически выстроенном политическом пространстве [25].

Тиктокер Алиса (@alilouist), у которой на ТикТоке 278,8 тыс. подписчиков, публично заявляет о себе как о радикальной феминистке, что демонстрирует с помощью феминатива своей профессии — политологиня. Её ТикТок носит прежде всего образовательный характер, где она демонстрирует ценности образованной, независимой женщины, которая не считается с мнением общества, дорожит свободой слова, говорит о равных правах для всех людей независимо от пола

и сексуальной ориентации. Она занимается вопросами матриархата, неравной оплаты труда женщин, насилия над женщинами, публикует результаты зарубежных исследований и экспериментов, касающихся статуса женщины в обществе. Из 30 клипов треть её клипов юмористические, где она показывает, как мужчины реагируют, когда она обнаруживает себя как радикальную феминистку, разрушает социальные стереотипы о женщинах, даже затрагивает психологию, публично рассказывая о том, как она сама ходила на психотерапию, а также объясняет, какие гендерные модели в отношении женщин и мужчин она приняла в детстве. Важно отметить, что в каждом клипе девушка накрашена. В одном видео она объясняет, что в патриархальном обществе к женщинам относятся как к товару, поэтому часто единственный способ добиться успеха в чёмто - приукрасить себя, чтобы заручиться поддержкой мужчин. Она сама признаётся, что использует этот метод.

У Катерини Ло (@catherrine_lo) миллион подписчиков, она является феминистической звездой ТикТока. Девушка никогда не использует в своих видео слово «феминизм», не рассказывает о политических и идеологических теориях феминизма, вместе с тем разбирает гендерные стереотипы через юмористические диалоги и монологи. Снимая шутливые видео, она высмеивает стереотипы и сексизм, который часто проявляют мужчины. В своих видео она показывает, какие комментарии получают незамужние женщины в возрасте от тридцати, женщины с нестандартной внешностью, какие, казалось бы, безобидные фразы женщины слышат от родителей, друзей, знакомых, слова, которые на самом деле означают проявления сексизма. Часто затрагивает тему мужско-женских отношений, подражая женским разговорам о мужчинах: «не пьет и не бьёт – уже повезло».

Риша (@rishanyasha) в своём ТикТоке, где за ней следят 157,7 тыс. человек, пишет, что она «феминистка, лингвистка, атеистка и лапулька». Эта тиктокерка всегда без макияжа, так как считает, что официальные стандарты красоты токсичны и приучают женщину не любить себя, если у неё нет маленького носа, больших глаз, пухлых губ и безупречного цвета лица. Она снимает смешные видео, поднимает тему изнасилований, сексуального насилия, обвинений

жертв, разбирает стереотипы о феминистках. В 20 из 30 роликов тиктокерка не говорит, но её текст под музыку, соответствующую теме выступления, появляется на экране на заднем плане. Она преподаёт английский язык, поэтому на стене её комнаты, где она снимает свои видео, часто можно увидеть американский флаг. Этот момент также свидетельствует о её ценностных ориентациях.

Тати (@tati mockingbird) – блогер, похожа на Барби, учится в Италии, поэтому часто делится со своими подписчиками (которых 185,9 тысячи) отличиями в программе обучения в Италии и России, а также реакциями, которые получает от иностранцев, когда узнают, что она из России. Интересуется сексуализацией детей, домашним насилием, бодипозитивом и критикует официальные стандарты красоты. Тати часто снимает себя для ТикТока, пока наносит макияж, надевает украшения или расчёсывает свои длинные светлые волосы, призывая, что обществу необходим феминизм. Она отстаивает идею о том, что феминизм учит девушек принимать себя такими, какие они есть, вместе с тем феминистка может соответствовать эталонам красоты.

Ролики «танцующих девушек» в ТикТок длятся в основном около десяти секунд, клипы феминисток обычно хронометражем минуту. Девушки из первой группы часто крутят клипы подряд. Юля Гаврилина публикует в основном три клипа, которые следуют один за другим - клип, где она сама танцует крупным планом, при этом видна часть её тела, потом такой же танец с подругами и сольный танец, где она показывает всю свою фигуру. Вместе с тем Эржена Аюшеева выпускает десять клипов подряд - десять кадров танцев перед пирамидами в Египте, десять кадров танцев на пляже, десять кадров танцев на корабле, в которых в основном снимает её кто-то другой. Чтобы увидеть девушку полностью, тиктокерки из этой группы записывают клипы с танцем со своими друзьями или парнями. Чаще всего это юмористические записи, где тиктокерки учат кого-то танцевать, а их губы и движения тела синхронизируются со звуками хип-хоп музыки. Из 30 клипов Дина Саева появляется в десяти со своим бойфрендом, с которым вместе танцует или показывает, как учит его некоторым танцевальным движениям. Интересно, что в восьми клипах Дина появляется не целиком, а лишь своей портретной зоной, где девушка демонстрирует новую причёску или экспериментирует с фильтром, показывая, как бы она выглядела с веснушками на лице или зубами вампира.

Дина Саева попробовала себя в роли певицы, её примеру последовала Валентина Карнаухова, которая свою новую песню «Плохая девочка» прорекламировала в двух роликах в ТикТок. Среди 30 роликов у @karna.val также есть три ролика, в которых девушка рекламирует духи Mochino, помаду Dolce Gabbana и приложение умного автоответчика СберБанка. Из четырёх тиктокерок Эржена Аюшеева самая активная и иногда публикует до десяти клипов в день, на которых танцует одна либо со своим парнем или братом. Кроме того, в каждом клипе девушка видна полностью, с сильно накрашенными губами и глазами, она вызывающе одета. Если @era_ays разыгрывает карту сексуальности, чтобы завоевать аудиторию, то и Гаврилина демонстрирует такой же подход. В шести из 30 клипов @gavriliina в спортивном костюме, не показывает обнажённое тело.

В основном тиктокерки из этой группы снимают клипы в путешествиях или из своей комнаты. Девушки всегда смотрят прямо в камеру, часто показывая язык и губы: демонстрируют мастерство танца, показывая, в какой они привлекательной физической форме, а мимикой выдают шутки и дурачество. Девушки всегда накрашены, даже когда они в широком свитшоте, они находят способ продемонстрировать свою стройную фигуру с помощью танца.

Феминистки никогда не показывают фигуру целиком. Телефон помещается на твёрдую поверхность, откуда происходит запись. Даже при создании юмористических роликов нет гримас или сексуального кривляния. В своих клипах они часто используют макияж с целью замаскировать себя под другого человека (или под мужчину, пририсовав себе усы). Вместе с тем тиктокерки первой группы нормативно красивы, вписываются в общие стандарты привлекательности - у них длинные волосы, маленькие носы, они стройны и с удовольствием подчёркивают все свои физические данные одеждой и купальниками.

Среди феминисток есть девушки, которые не подходят под официальные физические стандарты внешности, кроме того,

они как @alilouist или @tati_mockingbird показывают, что могут быть ухоженными, накрашенными девушками, которые модно одеваются. Важно подчеркнуть, что Тик-Ток – в первую очередь юмористическая социальная сеть, где люди ищут контент развлекательного характера. Самый большой процент клипов, публикуемых феминистками, имеют юмористическое содержание, но через социальную сатиру и пародию «мейнстрима» женских предпочтений.

Треть клипов @alilouist носят развлекательный характер, не всегда связанный с феминизмом. Более того, @tati_mockingbird подчёркивает свою внешность ярко-красными губами или множеством женских украшений для волос, чтобы привлечь внимание зрителей с первого взгляда, хотя содержание её роликов феминистское. Из 30 проанализированных роликов @rishanyasha девять посвящены изучению английского языка, потому что девушка преподает этот язык, три ролика носят развлекательный характер и не связаны с феминизмом. Таким образом, более трети её контента посвящено созданию видеороликов, которые нравятся широкой аудитории. К феминизму можно отнести все клипы девушки-блогера @chatherine lo, которая является самой популярной феминисткой из этой группы, у неё миллион подписчиков.

Девушки из первой группы в основном известны широкой публике и часто принимают участие в телешоу или шоу на YouTube. Своим внешним видом они демонстрируют идеал молодости, красоты и беззаботной жизни, наполненной путешествиями, свиданиями с друзьями и парнями. Однако ценности, которые они пропагандируют, ограничены узким набором гендерных и сексуальных стереотипов о женщинах. Красота, богатство и открытая сексуальность навязываются как базовые ценности и идеалы, к которым следует стремиться, чтобы завоевать популярность.

При этом тиктокерки-феминистки пишут в профиле своего ТикТока «знание – сила», в клипах рассказывают о «бодипозитиве», сексуализации женщин, социально-экономическом статусе женщин в обществе, демонстрируя знание иностранных языков и важность образования для изменения стереотипов о женщинах. Они не обнажают тело и не нуждаются в макияже в каждом клипе. Они часто откровенно рассказывают о том,

как в подростковом возрасте комплексовали и терпели оскорбления от сверстников из-за веснушек, большого носа и нескольких лишних килограммов веса. В это же время «танцующие девушки» демонстрируют нам свою счастливую жизнь и эстетику беззаботности — прямые волосы, белые зубы, узкую талию, напоминая зрителям о своей женственности и сексуальной желанности.

Интересно, что в 2020 г. от создателей ТикТока появился документ, предписывающий их модераторам алгоритмически подавлять пользовательские посты, считающиеся «ненормальными», «некрасивыми», включая морщины и ожирение, а также отсекать неполиткорректные «клеветнические» высказывания, идеологически «вульгарного» содержания. Потом выяснилось, что алгоритм Тик Ток дискриминирует чернокожих и полных людей, а также что Тик Ток запретил хештеги ЛГБТ в некоторых странах¹.

Учитывая всё это, неудивительна огромная популярность «танцующих девушек», которые своей нормативно красивой внешностью полностью вписываются в ценностные рамки Тик Тока.

Заключение. Сообщения, отправленные в цифровом мире, так же важны, как и в «реальном». Более того, отправляемое сообщение иногда доходит до большего числа людей в цифровом мире, чем в офлайн-пространстве. Феминистский активизм — форма политического активизма, вместе с тем социальные сети, такие как ТикТок, представляют собой места, где недопредставленные люди альтернативных социальных ценностей, принадлежащие к уязвимой социальной группе, имеют возможность высказаться, поделиться своим опытом, мыслями и ценностными ориентациями с другими.

С одной стороны, ценности личности представляют собой основу личности и устойчивую структуру не только личности, но и всего общества. С другой – ценности являются движущей силой общества, стимулирующей общественное развитие. Наши цен-

¹ McCluskey M. These TikTok Creators say they're still being suppressed for posting Black Lives Matter Content. – Текст: электронный // Times. – 2020. – June 22. – URL: https://time.com/5863350/tiktok-black-creators (дата обращения: 10.06.2022); Perrett C. TikTok Memo Directed Censorship of Users Deemed Ugly, Overweight, or Disabled, and Banned Users for Livestreams That Criticized Governments. – Текст: электронный // Insider. – 2020. – March 16. – URL: https://www.businessinsider. com/tiktokcensorship-users-deemed-ugly-overweight-or-disabled-2020-3 (дата обращения: 10.06.2022).

ности – основа общественно-политической активности, анализ артикулируемых в медиаценностей отдельных социальных групп даёт представление о социальной реальности. Исследование показывает большой разрыв между пониманием и переживанием женского статуса у современных девушек,

чьи ценностные ориентации диаметрально противоположны. Однако сам факт того, что феминисткам в настоящее время удаётся завоевать большую аудиторию и завоевать статус феминистских звёзд ТикТока, говорит о проникновении феминистских идей в повседневную жизнь российских женщин.

Список литературы

- 1. Морозова А. А., Соколовских А. С. Медиапотребление молодёжной аудиторией контента социальных сетей: социологический портрет пользователя // Челябинский гуманитарий. 2019. № 3. С. 43–48.
- 2. Николаева Е. М., Котляр П. С. Четвёртая волна феминизма: манифестация цифрового действия // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего: VII Садыковские чтения: материалы международной научно-образовательной конференции (г. Казань, 15–16 ноября 2019 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019. С. 143.
- 3. Alvermann D. E., Wynne E., & Wright W. T. Tales from TikTok: Gender and cultural intersectionalities. In B. Guzzetti (Ed.), Genders, cultures and literacies: Understanding intersecting identities. Routledge, 2022. P. 4.
- 4. Касперович-Рынкевич О. Н. Поколения Ү и Z ориентация на медиа // Беларуская думка. 2019. № 9. C. 94-98.
- 5. Zeng J., Abidin Ch., Schäfer M. S. Research perspectives on TikTok and its legacy apps: introduction // International Journal of Communicatio. 2021. No. 15. P. 3.
- 6. Dilon Cell. TikTok Influences on Teenagers and Young Adults Students: The Common Usages of the Application Tiktok, American Scientific Research Journal for Engineering // Technology and Sciences (ASRJETS). 2020. No. 1. Pp. 132-142. DOI: 10.1093/joc/jgx017.
- 7. Zulli D., Zulli D. J. Extending the Internet meme: Conceptualizing technological mimesis and imitation publics on the TikTok platform // New Media & Society. 2020. No. 6. Pp. 5. DOI: 10.1177/1461444820983603.
- 8. Красавина А. В., Золина Д. О. «Tiktok-журналистика» как новый медиаформат // MEDIAOбразование: медиа как тотальная повседневность: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, 24–25 ноября 2020 г.) / под ред. А. А. Морозовой: Челябинский государственный университет. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. Ч. 2. С. 90-95.
- 9. Medina Serrano, Juan Carlos & Papakyriakopoulos, Orestis & Hegelich, Simon. Dancing to the Partisan Beat: A First Analysis of Political Communication on TikTok // Proceedings of the 12th ACM Conference on Web Science "WebSci'20". 2020. July 6-10. Pp. 257-266. DOI: 10.1145/3394231.3397916.
- 10. Abidin C. Mapping Internet Celebrity on TikTok: Exploring Attention Economies and Visibility Labours // Cultural Science Journal. 2020. No. 12. Pp. 77-103. DOI: 10.5334/csci.140.
- 11. Епишкин И. И., Искакова Е. Б., Лаврик А. А. Анализ интересов и предпочтений Российской аудитории социальной сети TikTok // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2019. № 4.
- 12. Плотникова М. В. Воздействующий потенциал дискурса «новых медиа» в молодёжной среде (на примере социальной сети TikTok). Текст: электронный // Вопросы управления. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvuyuschiy-potentsial-diskursa-novyh-media-v-molodezhnoy-srede-naprimere-sotsialnoy-seti-tiktok (дата обращения: 10.06.2022).
 - 13. Jewit C. Introducing Multimodality. New York: Routledge, 2016. P. 78.
- 14. Schellewald A. Communicative Forms on TikTok: Perspectives from Digital Ethnography // International Journal of Communication. 2021. No. 15. Pp. 1437–1457.
- 15. Kress G. R., Van Leeuwen, T. Reading images: The grammar of visual design. London: Psychology Press, 1996. 310 p.
 - 16. Shuhan Chen, Peter Lunt. Chinese Social Media // Emerald Group Publishing. 2021. No. 1. 168 p.
- 17. Глебова О. Е. Интернет как способ репрезентации современного феминистского дискурса // EurasiaScience: материалы XXIII Международной научно-практической конференции. М.: Актуальность. РФ, 2019. С. 145.
- 18. Мосенцева И. И., Данилова М. И. Феминизм в современном обществе // Эпомен. 2020. № 50. C. 21-29.
- 19. Wang Shaofu. Personal Branding Strategies of Female Entertainment Influencers on TikTok. Текст: электронный // Thesis. Rochester Institute of Technology. URL: https://scholarworks.rit.edu/cgi/viewcontent. cgi?article=11771&context=theses (дата обращения: 10.06.2022).
- 20. Gross J., & Wangenheim F. V. The Big Four of Influencer Marketing // A Typology of Influencers. Marketing Review St. Gallen. 2018. No. 2. Pp. 30-38.
- 21. Leaver T., Highfield T. and Abidin C. Instagram: Visual Social Media Cultures. Cambridge: Polity Press, 2020. P. 7.

- 22. Paasonen S. Many Splendored Things: Sexuality, Playfulness and Play // Sexualities. 2018. No. 21. Pp. 537–551. DOI: 10.1177/1363460717731928.
- 23. Lorber J. The variety of feminisms and their contributions to gender equality. Oldenburg: BIS, Bibliotheks-und Informationssystem der Universität Oldenburg, 1997. 41 p.
- 24. Мирошниченко И. В. Социальные сети в российской публичной политике: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2013. 30 с.
- 25. Вершинина Д. Б. Сетевой феминизм в России: консолидация versus конфронтация // Социальные медиа как катализатор кросснационального обучения: сборник научных статей. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 7.

Информация об авторе

Декич Элена, научный журналист; Национальное телевидение Сербии; 11120, Сербия, г. Белград, ул. Таковска, 10; e-mail: jelena.djekic@rts.rs, djekic.nebula@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-3032-9275.

Для цитирования

Декич Э. Столкновение цифровой культуры и ценности в ТикТок: «танцующая девушка» против радикальной феминистки // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 117–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-117-127.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 30.07.2022.

References

- 1. Morozova, A. A., Sokolovskikh, A. S. Media consumption of social network content by the youth audience: sociological portrait of the user. Chelyabinsk humanitarian, no. 3, pp. 43–48, 2019. (In Rus.)
- 2. Nikolaeva, E. M., Kotlyar, P. S. The fourth wave of feminism: the manifestation of digital action. "Society 5.0": paradoxes of the digital future. VII Sadykov Readings: Proceedings of the International Scientific and Educational Conference (November 15–16, 2019). Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2019. P. 143. (In Rus.)
- 3. Alvermann, D. E., Wynne, E., & Wright, W. T. Tales from TikTok: Gender and cultural intersectionalities. In B. Guzzetti (Ed.), Genders, cultures and literacies: Understanding intersecting identities. Routledge, 2022. P. 4. (In Engl.)
- 4. Kasperovich-Rynkevich, O. N. Generations Y and Z media orientation. Belaruskaya Dumka, no. 9, pp. 94–98, 2019. (In Rus.)
- 5. Zeng, Jing; Abidin, Chrystal; Schäfer, Mike, S. Research Perspectives on TikTok and its Legacy Apps: Introduction. International Journal of Communication, no. 15, pp. 3161–3172, 2021. (In Engl.)
- 6. Dilon, Cell. Tiktok Influences on Teenagers and Young Adults Students: The Common Usages of the Application Tiktok, American Scientific Research Journal for Engineering, Technology, and Sciences (ASRJETS), no. 1, pp. 132–142, 2020. DOI: 10.1093/joc/jqx017. (In Engl.)
- 7. Zulli, D., & Zulli, D. J. Extending the Internet meme: Conceptualizing technological mimesis and imitation publics on the TikTok platform. New Media & Society, 2020. DOI: 10.1177/1461444820983603. (In Engl.)
- 8. Krasavina, A. V., Zolina, D. O. "Tiktok journalism" as a new media format // MEDIA Education: media as total everyday life: materials of the V Intern. scientific conf. Chelyabinsk, November 24–25, 2020: Part 2 / ed. by A. A. Morozova: Chelyabinsk State University. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press, 2020. Pp. 90–95. (In Rus.)
- 9. Medina Serrano, Juan Carlos & Papakyriakopoulos, Orestis & Hegelich, Simon. Dancing to the Partisan Beat: A First Analysis of Political Communication on TikTok. In: Proceedings of the 12th ACM Conference on Web Science "WebSci'20", 2020. pp. 257–266. DOI: 10.1145/3394231.3397916. (In Engl.)
- 10. Abidin, C. Mapping Internet Celebrity on TikTok: Exploring Attention Economies and Visibility Labors. Cultural Science Journal, no. 12, pp. 77–103, 2020. DOI: 10.5334/csci.140. (In Engl.)
- 11. Epishkin, I. I. Analysis of the interests and preferences of the Russian audience of the social network Tik Tok. Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute, no. 4, pp. 62–67, 2019. (In Rus.)
- 12. Plotnikova, M. V. Influencing potential of the "new media" discourse in the youth environment (on the example of the social network TikTok) // Management Issues, no. 2, 2021. Web. 10.06.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvuyuschiy-potentsial-diskursa-novyh-media-v-molodezhnoy-srede-na-primere-sot-sialnoy-seti-tiktok. (In Rus.)
 - 13. Jewitt, Carey. Introducing multimodality. Routledge, 2016. (In Engl.)
- 14. Schellewald, Andreas. "Communicative Forms on TikTok: Perspectives from Digital Ethnography", International Journal of Communication, no. 15, pp. 1437–1457, 2021. (In Engl.)

- Dekic E.
- 15. Kress, G. R., & Van Leeuwen, T. Reading images: The grammar of visual design. London, Psychology Press, 1996. (In Engl.)
 - 16. Shuhan Chen, Peter Lunt. Chinese Social Media. Emerald Group Publishing, 2021. (In Engl.)
- 17. Glebova, O. E. The Internet as a way of representing modern feminist discourse. Collection of articles of the XXIII international scientific-practical conference. M: "Research and publishing center" Actuality.RF», 2019.
- 18. Mosentseva, I. I., Danilova, M. I. Feminism in modern society. Epomen, no. 50, pp. 21–29, 2020. (In Rus.)
- 19. Wang, Shaofu, "Personal Branding Strategies of Female Entertainment Influencers on TikTok" (2020). Thesis. Rochester Institute of Technology. Web. 10.06.2022. https://scholarworks.rit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=11771&context=theses. (In Engl.)
- 20. Gross, J., & Wangenheim, F. V. The Big Four of Influencer Marketing. A Typology of Influencers. Marketing Review Gallen, no. 2, pp. 30-38, 2018. (In Engl.)
- 21. Leaver, T., Highfield, T. and Abidin. Instagram: Visual Social Media Cultures. Cambridge: Polity Press, 2020. (In Engl.)
- 22. Paasonen, Susanna. "Many Splendored Things: Sexuality, Playfulness and Play." Sexualities, no. 21, pp. 537–551, 2018, DOI: 10.1177/1363460717731928, (In Engl.)
- 23. Lorber, J. The variety of feminisms and their contributions to gender equality. Oldenburg: BIS, Bibliotheks-und Informationssystem der Universität Oldenburg, 1997. (In Engl.)
 - 24. Miroshnichenko, I. V. Social networks in Russian public policy. Dr. sci. diss. abstr. M., 2013. (In Rus.)
- 25. Vershinina, D. B. Network feminism in Russia: consolidation versus confrontation. Social media as a catalyst for cross-national learning: a collection of scientific articles. Perm: Perm State National Research University, 2018. (In Rus.)

Information about author

Dekic Elena, Science Journalist; Serbian National Television; 10 Takovska st., Belgrade, 11120, Serbia; e-mail: jelena.djekic@rts.rs, djekic.nebula@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-3032-9275.

For citation

Dekic E. Clash of Digital Culture and Values on Tiktok: "Dancing Girl" vs Radical Feminist // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 117-127. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-117-127.

Received: June 20, 2022; approved after reviewing July 25, 2022; accepted for publication July 30, 2022.

Ерофеева И. В., Сафронова О. В.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 070.1; 304.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-128-137

Аксиологическая культура журналиста информационной эпохи

Ирина Викторовна Ерофеева¹, Ольга Викторовна Сафронова²

^{1,2}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия ¹irina-jour@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5653-2792 ²olga2127@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1046-3204

Ценности современной журналистики непосредственно связаны с эпохой особого информационного нарратива, обусловленного рейтингом и экономическим фактором в совокупности с доминирующими информационными технологиями и актуальным противостоянием традиционного и нового. Результаты исследования опираются на данные трёхэтапного соцопроса, проведённого в 2018-2022 гг. с участием более 240 журналистов Забайкальского края и других регионов России в возрасте от 18 до 75 лет. Анкетирование нацелено на выявление гражданских, этических и духовно-нравственных взглядов журналистов, доминирующих аксиологических стратегий профессиональной деятельности, определение роли нравственных ориентиров в профессиональном сознании журналистского сообщества и особенностей влияния этических норм на повседневную работу журналиста. Цель данной статьи – на основе проведённого социологического опроса представить характеристику аксиологической культуры журналиста цифровой эпохи, выявить ценностные доминанты профессиональной деятельности, определив их значимость, смысл и уровни переживания. Исследование проводилось в рамках лингвокультурологического подхода, подчёркивающего единство культуры и языка в процессе создания и восприятия медиатекста, а также социокультурного подхода, ориентированного на интегративный потенциал массмедиа и трансляцию ценностей, способствующих национальной идентификации. В статье предлагается дефиниция «аксиологической культуры журналиста» как некой иерархической системы ценностей профессионала, отражающей единые и значимые для социума идеалы и смыслы, нормативные основания актов сознания и поведения, которые и обусловливают контекст интерпретации действительности журналистом, упорядочивают реальность за счёт оценочного подтекста. Результаты социологического исследования позволили выявить причины и условия нарушения журналистами профессиональной этики. Сформулированы преобладающие мотивационные установки информационного взаимодействия, обозначены ценностные приоритеты в работе журналистов, выделены типовые культурные маркеры, демонстрирующие актуализацию воспоминаний в парадигме «прошлое – настоящее – будущее». Предлагаемая статья – первый опыт систематизации целостной системы аксиологической культуры журналиста на основе социологического материала, что предполагает дальнейшее междисциплинарное исследование данного вопроса.

Ключевые слова: аксиологическая культура журналиста, информационная эпоха, СМИ, этика, ценности, национальная картина мира, социокультурный подход

Original article

Axiological Culture of a Journalist in the Digital Era

Irina V. Erofeeva¹, Olga V. Safronova²

Transbaikal State University, Chita, Russia

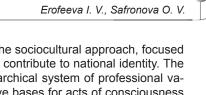
¹irina-jour@yandex.ru, orcid: https://orcid.org/0000-0001-5653-2792

²olga2127@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1046-3204

The values of modern journalism are directly related to the era of a special informational narrative conditioned by ratings and the economic factor combined with the dominant information technology and the current confrontation between the traditional and the new. The research results are based on data from a three-stage survey conducted in 2018–2022 with the participation of more than 240 journalists of the Transbaikal Region and other regions of Russia aged 18 to 75. The survey was focused on identifying the civil, ethical and spiritual-moral views of journalists, the dominant axiological strategies of professional activity, determining the role of moral guidelines in the professional consciousness of the journalistic community and the specifics of ethical norms' influence on the daily work of a journalist. The purpose of this article is to present a characteristic of a journalist's axiological culture in the digital era, to identify the value dominants of his professional activity, determining their significance, meaning and levels of experience, based on the conducted sociological survey. The research has been conducted within the framework of the linguocultural approach, which emphasizes the unity of culture and

© Ерофеева И. В., Сафронова О. В., 2022

language in the process of creating and perceiving a media text, as well as the sociocultural approach, focused on the integrative potential of the media and the translation of values, which contribute to national identity. The article offers a definition of the "axiological culture of a journalist" as a hierarchical system of professional values, reflecting unified and socially significant ideals and meanings, normative bases for acts of consciousness and behavior that provide the context for the journalist's interpretation of reality and organize reality through an evaluative implication. The results of the sociological study have made it possible to identify the causes and conditions of professional ethics violations by journalists. The predominant motivations for informational interaction are formulated, value priorities in journalists' work are identified, and typical cultural markers demonstrating the actualization of memories in the "past-present-future" paradigm are singled out. The present article is the first experience of systematization of the integral system of journalistic axiological culture on the basis of sociological material, which implies further interdisciplinary research of this issue.

Keywords: journalist's axiological culture, digital era, media, ethics, values, national picture of the world, sociocultural approach

Введение. Современный процесс информатизации предопределяет сложные преобразования разных сфер жизнедеятельности человека. СМИ как институт духовного производства также претерпевают определённые трансформации. В современном информационном обществе значительно расширяются как позитивные, так и негативные возможности воздействия массмедиа на картину мира потребителя. В. А. Сидоров отмечает, что медийные агрессии и деструкции по отношению к духовной жизни социума рассматриваются в качестве актуального проблемного поля построения аксиологии массмедиа в XXI в. [1]. Разрушение ценностей в массмедийных потоках – проблема информационной безопасности государства, это глубинная угроза его существования. В таких условиях повышается ответственность журналистов как лиц, профессионально занимающихся удовлетворением общественного запроса на информацию. Пристальный интерес к многочисленным информационным технологиям и активное насыщение ими контента заставляют исследователей формулировать насущный вопрос «Способны ли журналисты в таких условиях осознавать приоритеты гуманитарного развития и содействовать ему в своей работе» [2, с. 64].

Состояние современной журналистики характеризуют две противоречивые тенденции. С одной стороны, в условиях глобализации очевидно увеличение распространяемой СМИ информации. С другой стороны, отмечается снижение, порой и полная утрата доверия аудитории к массмедиа. Одной из причин падения доверия стали частотные нарушения журналистами норм профессиональной этики. Российские СМИ в погоне за читателями, рейтингом и сенсацией зачастую полностью игнорируют общепринятые морально-нравственные нормы, дестаби-

лизируют общество, оказывают разрушающее воздействие на российскую духовную культуру, способствуют утрате ценностных ориентиров и духовно-нравственной дезориентации и деградации. Тем самым, они не только вызывают к себе негативное отношение со стороны общества, но и наносят серьёзный урон репутации всего профессионального журналистского сообщества.

Тем не менее, создание любого текста в инфополе требует от его автора умения видеть, слышать, чувствовать окружающую действительность и оригинально интерпретировать её ресурсами языка и конструктами самобытной картины мира. По-настоящему культурный человек, отмечает Умберто Эко, способен создавать оригинальные по форме и содержанию тексты [3].

В условиях вертикальной глобализации (идеологического и культурного доминирования посредством СМИ отдельных супердержав в попытке навязать идентичные модели мышления и поведения) особенно значима проблема сохранения культурного ландшафта медиа как некой аксиологической реальности репрезентации исконных моделей национального мировидения.

Человек как социальное существо предпочитает жить в гармонии с базовыми фундаментальными ценностями, соотнесёнными со знаковыми реалиями его культуры. Именно такой дискурс, включающий духовный инвентарь ментальной картины мира, крайне интересен создателю и потребителю медиатекста. «Ценностный анализ фактов, явлений и процессов цифровых медиакоммуникаций — один из важнейших методов удовлетворения запросов общества на новое знание», — отмечает В. А. Сидоров [1, с. 120].

Цель данной статьи – на основе результатов проведённого масштабного социологического опроса представить целостную характеристику аксиологической культуры

Ерофеева И. В., Сафронова О. В.

журналиста цифровой эпохи, выявить ценностные доминанты профессиональной деятельности в системе «значимость — смысл — переживание».

Методология и методы исследования. Методология исследования категории «ценность» опирается на научные труды по философии ценностей и аксиологии культуры. Проблема аксиологии массмедиа по-разному рассматривается учёными с точки зрения философии, социальной психологии и когнитивной лингвистики. В центре внимания учёных - сущность и типология ценностей, история их существования, обусловленность социальными факторами, способы репрезентации в СМИ. Используются различные подходы и соответствующий угол толкования семантического и форматного потенциала ценностной сферы медиадискурса [4-6].

В двустороннем процессе создания и восприятия медиатекста журналистика априори имеет духовно-нравственное содержание: языковая личность автора, опираясь на свою картину мира и ценностные предпочтения, воспринимает и обрабатывает фактуру; языковая личность адресата ресурсами собственной картины мира оценивает важность и насущную потребность в предлагаемом контенте. Эффективность данного диалога измеряется степенью идентичности духовного инвентаря мировидения журналиста и читателя, слушателя, зрителя.

А. Маслоу ассоциировал феномен ценности с механизмом человеческого выбора и потребностями, в рамках психологического подхода ценности обусловлены природой человека и фокусируются в чувствах, опыте и желаниях [7]. По мнению К. Х. Момджяна, ценности определяют критерии мотивационного выбора [8]. Современная цивилизация большое внимание уделяет потребительским ценностям [9]. Ценности духа и культуры демонстрируют отношение субъекта к Абсолюту, дают возможность градировать их на положительные и отрицательные (модус добра — зла), на объективные и субъективные [10; 11].

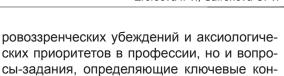
Аксиология общего ментального пространства автора и адресата основывается на ценностях национальной (этнической) культуры [12]. Они, по замечанию Г. П. Выжлецова, позволяют увидеть культуру народа и общества изнутри, из глубин социальной и индивидуальной жизни [13]. Данные ценно-

сти отчасти имеют универсальную природу и характерны для всех социумов (свобода, братство, справедливость, достоинство, солидарность и др.) [14], вместе с тем отличаются своим национальным колоритом (воля, соборность, слава и др.), по-разному объективируются в дискурсах стран [15]. Так, репрезентация базовых ценностей человека радикально разнится в западных и восточных культурах [16].

Духовно-нравственные ценности «концентрированно отражают смыслы культуры, обусловлены историческим опытом, они есть совокупность представлений людей относительно целей и норм своего существования» [17, с. 3]. Именно ценности позволяют запустить процесс осмысления бытия в пространственно-временном континууме: их традиционная сущность пробуждает воспоминания, их конструктивное начало даёт возможность осознавать и интерпретировать реальность, их идеальная сущность обусловливает цели и установку на будущее. Духовные ценности включают должное и желаемое, способствуют объединению членов социума, при этом являясь неотъемлемой частью психологии человека, предполагают его свободный и добровольный выбор.

Л. В. Баева в контексте принципов экзистенциальной философии видит в ценностях выражение «внутренней свободы личности и возможности субъективации внешнего бытия» [18, с. 8]. Исследователь выделяет три уровня, в которых существует и проявляется ценность: значимость, смысл и переживание. По мнению учёного, значимость является важнейшим уровнем ценности и может быть понята как соответствие некого свойства объекта или идеи внутренней природе и смыслу существования человека. Значимость – ключевой движущий фактор волевой деятельности индивида, способный привести к большим результатам, чем, например, экономический или биологический факторы.

Важным структурным уровнем существования и проявления ценности является смысл, он воплощает осознание человеком причины того, почему тот или иной внутренний или внешний феномен имеет для него ключевое значение. Так, совокупность смыслов активной профессиональной деятельности демонстрирует аксиологические приоритеты работы, направление устремлений субъекта.

цепты, репрезентирующие традиционные

Ценность не может существовать без переживания или экзистенции, которая ощущается, осмысливается, постигается субъектом эмоционально, интуитивно и интеллектуально. Можно сказать, что переживание — способность, благодаря которой человек чувствует, «как должно быть» и чего ему не хватает для этого [18].

В своём исследовании мы опираемся на социокультурный подход, ориентированный на интегративный потенциал массмедиа и трансляцию ценностей, способствующих национальной идентификации. Основополагающим выступает также лингвокультурологический подход, постулирующий единство культуры и языка в процессе репрезентации представлений о мире языковой личностью автора, а также дешифровки медиадискурса языковой личностью потребителя.

Результаты исследования опираются на трёхэтапный опрос более 240 журналистов Забайкальского края и других регионов.

Первый этап (февраль 2018 г. – ноябрь 2019 г.) включал в себя опрос журналистов и руководителей 25 редакций Забайкальского края, по результатам которого выявлены доминирующие аксиологические приоритеты в стратегии работы региональных СМИ [19].

Второй этап состоялся в 2020–2021 гг., анкетировании участвовали 100 журналистов в возрасте от 18 до 75 лет, представляющие разные каналы коммуникации региона: радио, телевидение, интернет, газеты и журналы. Цель опроса заключалась в выявлении гражданских, этических, профессиональных взглядов журналистов, определении роли нравственных ориентиров в профессиональном сознании журналистского сообщества региона и особенностей влияния этических норм на повседневную работу журналиста, рассмотрении целей и мотивов работников СМИ при нарушении ими этических норм, а также в выявлении отношения журналистов к своему профессиональному долгу.

В октябре 2022 г. работа продолжилась в рамках проекта «Профессиональная идеология журналиста», акцент был сделан на духовно-нравственные установки работы журналиста. В опросе приняли участие 89 журналистов от 17 до 70 лет разных каналов коммуникации из Забайкальского края, Иркутска, Челябинска, Хабаровска, Новосибирска, Кургана, Самары, Ярославля, Ижевска, Калининграда, Москвы. В бланк анкеты вошли не только вопросы по выявлению ми-

модели духовного мировидения. Результаты исследования и их обсуждение. В силу своей сущности медиатекст, несмотря на разные структурно-содержательные особенности и идейную канву, нацелен на тиражирование определённых взглядов, обусловленных ценностями автора и потребителя. Учитывая сказанное, аксиологическая культура журналиста – системное образование с определенной иерархией ценностей, которая отражает некоторые единые для социума идеалы, смыслы, некие значимые для конкретной личности журналиста нормативные основания актов сознания и поведения. Данные идеальные сущности долженствования и цели фокусируются в опыте, чувствах, желаниях и потребностях автора медиатекста, они обусловливают контекст интерпретации действительности журналистом, упорядочивают реальность, вносят в её осмысление оценочный подтекст. Естественное или целенаправленное использование журналистом конструктов культуры, в которой был рождён и воспитан человек, обеспечивает необходимую для общества национальную идентификацию и способствует реализации культурно-наследственной функции СМИ.

Анализ результатов проведённого нами трёхэтапного опроса проводился в классической парадигме «значимость — смысл — переживание», что позволило представить структурно-содержательные особенности аксиологической культуры современного журналиста.

Значимость в журналистике, безусловно, определяется содержанием самой профессии, теми морально-нравственными ориентирами и этическими принципами, которые прописаны в различных нормативно-правовых документах: социальная ответственность, честность, добросовестность, правдивость, объективность, толерантность, долг и др. Профессионально-этические отношения в журналистике информационной эпохи сложны и многогранны. Вместе с тем каждый журналист должен осознавать значимость этических норм и принципов, которые в своей совокупности определяют его профессиональное поведение. При этом важно не только их знание, но

Ерофеева И. В., Сафронова О. В.

и осознанное следование им в своей профессиональной деятельности, поскольку от их соблюдения зависит репутация не только каждого журналиста и редакции СМИ, но и в целом профессии.

В рамках второго этапа анкетирования 96 % забайкальских журналистов ответили, что этика и аксиология играют значительную роль в их профессиональной деятельности. В комментариях к данному вопросу участники анкетирования подчёркивали, что этика важна, но в настоящее время часто игнорируется журналистами: «В погоне за "жареными" фактами об этике часто приходится вспоминать в последнюю очередь»; «Понятие "этика" сегодня стало очень размытым. У каждого она своя».

87 % респондентов из СМИ Забайкальского края утвердительно ответили на вопрос «Хотели бы Вы регулярно повышать свой уровень деонтологических и этических знаний на мастер-классах, обучающих семинарах, круглых столах и т. п.?». В большинстве случаев журналисты заинтересованы в углублении знаний по этической тематике и повышении своего уровня аксиологической и деонтологической культуры, однако не всегда в современных реалиях у них есть такая возможность.

Безусловно, важным является не только знание, но и *осмысление* журналистами тех морально-нравственных и этических принципов, из которых складывается профессия. Совокупность выбранных журналистом *смыслов* становится идейно-концептуальным полем его творчества, основополагающим духовно-нравственным мерилом интерпретации фактов и событий.

На первом этапе опроса в 25 редакциях СМИ Забайкальского края в перечне ключевых аксиологических приоритетов работы названы уникальный и качественный контенты (83,4 % респондентов) — актуальный и эксклюзивный материал, нетипичный и со свежим взглядом на события, отражающий нешаблонные способы видения реальности, насыщенные энергией автора и глубиной его интеллекта [более подробно: 19]. Уникальный контент необходим для того, «чтобы быть интересными и современными» («Радио Сибирь Чита») и повышать свой финансовый доход.

Пять редакторов огорчённо заметили, что креатив и оригинальность затруднительны, когда не хватает журналистов и

приходится быть одновременно редактором, корреспондентом, верстальщиком и корректором.

Для большинства печатных изданий и некоторых электронных СМИ *традиционность и национальные интересы, а также историческая память* являются важной ценностью. В контенте этих СМИ много краеведческих материалов, очерковых публикаций о героях региона, коренных жителях и этносах, присутствуют репортажи о традиционных праздниках, тревел-тексты о достопримечательностях и природных богатствах края.

Ценности взаимоотношений современных журналистов с властью также традиционны для национальной картины мира России, в которой власть олицетворяет добро и зло одновременно, является как источником силы и мудрости, так и отражением хаоса и авторитетной лжи. С одной стороны, более 60 % СМИ вынужденно взаимодействуют с государственными структурами, видят в ней «источник информации и основной финансовой поддержки», с другой стороны, многие редакции (31,7 %) гордятся объективностью и независимостью от власти в конструировании своего контента и наличием критики правительства и чиновников, что позволяет поддержать жителей края в решении их про-

Среди духовно-нравственных маркеров культуры журналиста респонденты выделили принцип единства в жизни редакционного коллектива и во взаимодействии с аудиторией — на основе уважения и понимания Другого. Журналисты отмечали: «каждого мы любим и принимаем», «редакция — это семья», «мы и аудитория — это большая семья», «Маяк — это мы, это про нас» [более подробно: 19].

В процессе лингвокультурологического анализа анкет выделены и другие доминирующие аксиологические конструкты: доброта, сочувствие и сопереживание. Данные ценности особенно активно проявляют себя в масштабных благотворительных проектах региональных СМИ, в клубных объединениях и акциях для своей целевой аудитории, в интерактивных рубриках проблемного характера: «Откровенно о личном», «Доска позора», «Гость редакции», «На собственном примере», «Срочно в номер» и др.

Ассоциативный эксперимент, включённый уже в опрос на третьем этапе нашего

исследования, ориентирован на выявление доминирующих ассоциативных значений слов, воплощающих концепт «Журналистская работа». В перечень ключевых и преобладающих фреймов как ментальных моделей концептуальной схемы вошли Ответственность, Правда (и её инвариант Честность), Самореализация (и её инвариант Развитие), Духовные ценности (любовь, терпимость, понимание, щедрость, неравнодушие, преданность делу/своему народу и др.). Достаточно частотным также стал фрейм Помощь. Указанные смысловые доминанты демонстрируют естественную репрезентацию журналистами их национальной картины мира, отражают духовный инвентарь отечественной культуры в системе ценностей журналисткой работы.

В рамках этого же опроса более половины журналистов среди ключевых мотивов успешной работы назвали «желание рассказать своей аудитории о том, что происходит в мире; поделиться своим отношением к фактам» (66,3 %), «возможность познания мира и самопознания» (57 %), «увлечение самим процессом создания медиаматериалов» (52,3 %). Традиционный когнитивный конфликт в национальной картине мира между конструктами Слава и Услех проявился в ответах 30,2 % опрошенных, которые выбрали в качестве основного мотива профессиональной работы «желание быть услышанным и признанным».

Третий уровень в структуре ценности — *переживание*. Суть его для представителей массмедиа определяется эмоциональным отношением, интуитивными реакциями на различные особенности профессии, ситуации, обстоятельства. Именно на данном уровне существования и проявления ценности происходит осознание причин, целей и мотивов тех или иных действий, поступков, нарушений.

В рамках второго этапа анкетирования 100 журналистов Забайкальского края 70 % респондентов, отвечая на вопрос «Каковы, на Ваш взаляд, причины и условия нарушения журналистами профессиональных этических норм?», выбрали вариант ответа «причины и условия культурно-нравственного характера (низкий культурный, нравственный уровень современных журналистов и т. п.)»; 57 % опрошенных считают, что это «причины и условия социально-экономического характера (конкуренция между СМИ,

финансовая зависимость от федерального, регионального бюджетов и т. п.)»; 56 % выбрали вариант ответа «причины и условия организационно-управленческого характера («давление» со стороны органов власти, руководства СМИ; ограничения в сроках подготовки материалов и т. п.)»; и лишь 23 % журналистов полагают, что это «причины и условия политико-правового характера (несовершенство законодательной базы; недостаточные меры ответственности за нарушение профессиональных этических норм и т. п.)».

76 % забайкальских журналистов выделили цели и мотивы нарушения профессионально-этических норм, связанные с воздействием на общественное сознание: стремление дестабилизировать деятельность органов власти, создать провокационный, сенсационный материал, способный вызвать общественный резонанс, желание продемонстрировать пренебрежительное отношение к органам власти или обществу и т. п.

43 % респондентов сделали ставку на корыстные цели и мотивы: стремление извлечь из публикации материальную выгоду; 37 % опрошенных отметили цели и мотивы, связанные с извлечением выгоды нематериального характера: карьеризм, желание прославиться, повысить свой авторитет, заслужить похвалу, угодить руководству и органам власти и т. п.; 23 % выбрали цели и мотивы личного характера: зависть, месть, ревность, личную неприязнь, обиду и т. п.; 5 % — цели и мотивы экстремистского характера: ненависть к представителям других рас, национальностей, социальных групп и т. п.

В комментариях журналисты подчёркивали опасность частотных в современном мире информатизации этических нарушений: «У журналиста должно быть одно правило на все времена — "не навреди"! Если журналист думает только о своём рейтинге, он всегда опасен для общества, искать причины его неуважения к аудитории нужно в воспитании журналиста, его духовности, мотивах, мировоззрении и жизненных принципах».

Многие представители советской школы журналистики увидели в нарушениях низкий уровень профессиональной культуры молодых журналистов и низкопробные популярные тренды продвижения медиапродукта: «Безусловно, это всходы новой журнали-

Ерофеева И. В., Сафронова О. В.

стики в России, считающей, что сегодня профессия должна быть "скандальной" и "кричащей", что журналист будет услышан, только если он всё время будет провоцировать на скандалы и сенсацию».

Тем не менее, на вопрос «Приходилось ли вам в своей профессиональной деятельности нарушать этические нормы» 49 % журналистов ответили утвердительно; а 51 % — отрицательно. Осмысливая ситуации своих нарушений, большинство журналистов (24 %) выделили группу отношений «журналист — власть» (представители массмедиа должны уважать власть как важный социальный институт, заботиться о точности и аргументированности своей критики, оказывать информационную поддержку властным структурам).

18 % опрошенных признались в нарушениях в группе «журналист — герой материала» (журналисты должны уважать человека как личность, ставшую объектом их внимания, проявлять тактичность, корректность в общении с ним, заботиться о непредвзятости своих материалов, уважать право каждого человека на неприкосновенность частной жизни, не допуская каких-либо пренебрежительных намёков и замечаний в его адрес).

13 % респондентов отметили группу отношений «журналист – источник информации» (журналист не должен использовать методы нелегального получения информации при работе с источниками, соблюдать конфиденциальность, оговоренную при получении сведений, уважать право человека на отказ в представлении информации).

10 % опрошенных выделили группу «журналист — аудитория» (представители СМИ обязаны своевременно предоставлять объективную и правдивую информацию людям, уважая их право знать правду, противодействовать распространению заведомо ложных данных и намеренному сокрытию общественно значимых сведений, относиться с уважением к моральным и культурным ценностям аудитории, а также к праву людей на собственное мнение и др.).

Лишь 7 % опрошенных нарушали этические нормы в группе отношений «журналист — коллеги» (представители массмедиа должны заботиться о престиже профессии, с уважением относиться к чужим и отстаивать свои авторские права, не использовать слу-

жебное положение в личных целях, уважать нормативы служебных отношений и др.).

Каждый журналист по-разному переживает значимость этических и морально-нравственных норм, а также необходимость следования им и ответственность за их соблюдение в зависимости от внешних и внутренних причин.

На вопрос «Перед кем, прежде всего. должен нести ответственность профессиональный журналист в своей деятельности?» респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. 87 % опрошенных считают, что журналист, в первую очередь, несёт ответственность перед обществом; 74 % – перед самим собой; 32 % участников анкетирования выбрали вариант «перед профессиональным журналистским сообществом»; 23 % опрошенных полагают, что ответственен журналист, прежде всего, перед владельцами и главным редактором СМИ; 8 % считают, что журналист несёт ответственность, в первую очередь, перед органами власти.

77 % журналистов оценили профессионально-этический, нравственный уровень журналистов Забайкальского края как средний, 20 % респондентов настаивают на низком уровне, лишь 3 % журналистов выбрали вариант «высокий».

Большинство журналистов отмечают значительную роль этики в профессиональной работе и заинтересованы в повышении уровня аксиологической культуры, однако, по их замечанию, это крайне затруднительно в современных реалиях интенсивной работы в СМИ.

Заключение. Аксиологическая культура журналиста — достаточно сложная система ценностных координат, обусловливающих выбор определённой фактуры, её видение и интерпретацию автором медиатекста. Аксиологическая культура непосредственно связана с языковой картиной мира журналиста, она основывается на единых для общества идеалах и смыслах, отражает нормативные основания сознания и поведения профессионала. Результаты опроса показали, что, как правило, формулируемые респондентами ценности есть рефлексия относительно социокода родной культуры.

Выбранная методология анализа способствовала многоаспектному рассмотрению проблемы аксиологической культуры с точки зрения совокупности смыслов, способствующих передаче культурозначимой информации, преобладающих мотивационных установок информационного взаимодействия, рассмотрению причин и условий нарушения журналистами профессиональной этики.

В эпоху цифровизации и культа привлекательных технологий, когда в процессе творчества формат значительно опережает ценность содержания медиадискурса, проблемы аксиологии стоят достаточно остро. Деонтологические нормы зачастую воспринимаются журналистами, с одной стороны, как нужные, с другой стороны, как абстрактные, не соотносящиеся с реалиями окружающей действительности. Как справедливо отмечает В. В. Тулупов, «к сожалению, самый большой грех сегодняшней российской прессы – пренебрежение профессиональными стандартами и, прежде всего, этикой (что, по сути, одно и то же)» [20, с. 12].

Представляется важным и интересным в процесс подготовки будущих профессионалов в рамках таких учебных дисциплин, как «Профессиональная этика журналиста», «Деонтология журналистики», «Акси-

ология журналистики», анкетировать студентов до начала изучения материала и после завершения курса. Это позволило бы диагностировать изменения в восприятии и осмыслении ценностных и этических норм, которые произошли со студентами в процессе обучения. Очевидно, чем выше аксиологическая культура работника редакции, тем осознанней он принимает и исполняет нормы должного поведения, более многогранно воспринимает реальность в её глубине и несомненной парадигме «прошлое - настоящее – будущее». Именно на данной основе у аудитории и общества формируется доверие к конкретной работе журналиста и в целом к его профессии.

Проведённое исследование — лишь первый шаг в целостном анализе проблемы аксиологической культуры журналиста. Для более глубокой разработки вопроса, усиления его практической значимости важно продолжить данную работу как в рамках фундаментальных исследований (журналистика и медиакоммуникация, социальная философия, социальная психология, культурология), так и на уровне профессиональной деятельности журналистов.

Список литературы

- 1. Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117–125.
- 2. Фролова Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ: теоретическая модель, журналистские практики, стратегии развития: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М.: МГУ, 2015. 439 с.
- 3. Умберто Эко о печатном слове: «Кто боится бумажных тигров?». URL: http://www.interfax.by/article/106088 (дата обращения: 15.05.2020). Текст: электронный.
- 4. Зеленина Е. В., Порецкая Т. Ю. Ценностно-смысловая основа материалов журнала «Огонёк» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2, № 4. С. 185–195.
- 5. Богданович Г. Ю., Калугина А. Ю. Эмоциональная природа как аксиологическая составляющая информационного контента регионального телевидения // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». 2019. Т. 5, № 1. С. 3–12.
- 6. Массмедиа и ценностные отношения общества: сб. статей / под ред. Г. В. Лазутиной. М.: Медиа-Мир, 2013. 316 с.
 - 7. Maslow A. H. Toward a Psychology of Being. New York: Columbia University Libraries, 1968. 250 p.
- 8. Момджян К. Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. C. 25—41.
- 9. Cicovacki P. Finding the Proper Measure: the Value of Money Versus Higher Values // Ethical Thought. 2020. T. 20, № 2. C. 132–144.
 - 10. Лосский Н. О. Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. М.: АСТ, 2000. 400 с.
- 11. Грязнова Е. В., Афанасьев С. В. О соотношении понятий «ценности», «духовные ценности» и «культурные ценности» // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 5. С. 38–44.
- 12. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.
 - 13. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: СПбГУ, 1996. 152 с.
 - 14. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. 402 s.
- 15. Chupryna O. G., Baranova K. M. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse // Bulletin of the MSRU. Series "Linguistics". 2022. No. 4. Pp. 122–130.

Ерофеева И. В., Сафронова О. В.

- 16. Danilova E. S. The Concept of Basic Human Values in Oriental and Occidental Cultures: Linguistic Representation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. Vol. 7, no. 2. Pp. 4–12.
 - 17. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 224 с.
- 18. Баева Л. В. Экзистенциальная природа ценностей: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Волгоград, 2004. 43 с.
- 19. Ерофеева И. В., Афанасьева В. В. Аксиологические приоритеты в стратегии развития СМИ Забайкальского края // Феноменология современных медиасистем и медиатекстов: материалы междунар. науч.-прак. конф., посвящ. 25-летию кафедры журналистики. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2019. С. 59–68.
- 20. Тулупов В. В. Этика начинается с проведения границ между журналистской, рекламой и паблик рилейшнз // Relga. 2004. № 2. С. 12–24.

Информация об авторах

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; irina-jour@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-5653-2792.

Сафронова Ольга Викторовна, кандидат философских наук, Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; olga2127@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-1046-3204.

Вклад авторов в статью

- И. В. Ерофеева инициировала исследование, осуществляла постановку научной проблемы исследования, определяла основные направления её решения, разрабатывала анкету и проводила опрос, структурировала и осуществляла анализ полученных результатов, написание и корректировку текста статьи.
- О. В. Сафронова осуществляла сбор материалов, структурирование и анализ данных, разрабатывала анкету и проводила опрос, занималась подготовкой начального варианта текста с последующей доработкой.

Для цитирования:

Ерофеева И. В., Сафронова О. В. Аксиологическая культура журналиста информационной эпохи // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 128–137. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-128-137.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

- 1. Sidorov, V. A. Axiology of Mass Media: Problematic Fields and Strategies of Study. Humanitarian Vector, vol. 16, no. 4, pp. 117–125, 2021. (In Rus.)
- 2. Frolova, T. I. Humanitarian agenda of the Russian media: theoretical model, journalistic practices, development strategies: dis. sci. dis. M: MGU, 2015. (In Rus.)
- 3. Umberto Eco on the printed word: "Who's afraid of paper tigers?" Web. 05.15.2020 http://www.interfax.by/article/106088 free (In Rus.)
- 4. Zelenina, E. V., Poretskaya T. Yu. Value-semantic basis of the materials of the magazine «Spark». Bulletin of the Volga University. V. N. Tatishchev, vol. 2, no. 4, pp. 185–195, 2016. (In Rus.)
- 5. Bogdanovich, G. Yu., Kalugina, A. Yu. Emotional nature as an axiological component of the information content of regional television. Uchenye zapiski of Crimean Federal University. IN AND. Vernadsky. Philological Sciences, vol. 5, no. 1, pp. 3–12, 2019. (In Rus.)
- 6. Mass media and value relations of society: Sat. articles / ed. by G. V. Lazutina. Moscow: MediaMir, 2013. (In Rus.)
 - 7. Maslow, A. H. Toward a Psychology of Being. New York: Columbia University Libraries, 1968. (In Engl.)
- 8. Momjyan, K. Kh. On the problem of universal human values. Questions of Philosophy, no. 3, pp. 25–41, 2020. (In Rus.)
- 9. Cicovacki, P. Finding the Proper Measure: the Value of Money Versus Higher Values. Ethical Thought, no. 2, pp. 132–144, 2020. (In Engl.)
- 10. Lossky, N. O. Value and being: God and the Kingdom of God as the basis of values. M: LLC Firm AST Publishing House, 2000. (In Rus.)
- 11. Gryaznova, E. V., Afanasiev, S. V. On the relationship between the concepts of "values", "spiritual values" and "cultural values". Innovative economy: prospects for development and improvement, no. 5, pp. 38–44, 2019. (In Rus.)
- 12. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (value reflection of journalism at the beginning of the 21st century). Novosibirsk: Publishing House of SO RAN, 2009. (In Rus.)

- 13. Vyzhletsov, G. P. Axiology of culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1996. (In Rus.)
- 14. Luhmann, N. Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. (In Germ.)
- 15. Chupryna, O. G., Baranova, K. M. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse, Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics, no. 4, pp. 122–130, 2022. (In Engl.)
- 16. Danilova, E. S. The Concept of Basic Human Values in Oriental and Occidental Cultures: Linguistic Representation, Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, no. 2, pp. 4–12, 2021 (In Engl.)
 - 17. Dynamics of the values of the population of reformed Russia. M: Editorial URSS, 1996. (In Rus.)
 - 18. Baeva, L. V. Existential nature of values. Dr. philos. sci. dis. abstr. Volgograd, 2004. (In Rus.)
- 19. Erofeeva, I. V., Afanasyeva, V. V. Axiological priorities in the media development strategy of the Trans-Baikal Territory, Phenomenology of modern media systems and media texts: Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Department of Journalism. Tiraspol: Izdvo Pridnestr. un-ta, 2019: 59-68. (In Rus.)
- 20. Tulupov, V. V. Ethics begins with drawing boundaries between journalism, advertising and public relations. Relga, no. 2, pp. 12-24, 2004. (In Rus.)

Information about author

Erofeeva Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; irina-jour@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-5653-2792.

Safronova Olga V., Candidate of Philosophy, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; olga2127@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-1046-3204.

Contribution of authors to the article

- I. V. Erofeeva initiated the study, stated the research problem and identified the main ways to solve it, developed a questionnaire and conducted a survey, structured and analyzed the results obtained, writing and editing the text of the article.
- O. V. Safronova collected the materials, structured and analyzed the data, developed a questionnaire and conducted a survey, prepared the initial version of the text with subsequent revision.

For citation:

Erofeeva I. V., Safronova O. V. Axiological Culture of a Journalist in the Digital Era // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 128-137. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-128-137.

Received: July 30, 2022; approved after reviewing August 28, 2022; accepted for publication August 30, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 050:[008:688.721](045)

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-138-144

Журнал «КукАрт» как культурный проект

Татьяна Вячеславовна Зверева

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия tvzver.1968@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0485-7664

В данном исследовании поставлен вопрос об условиях функционирования журналов в цифровую эпоху. Автор статьи обращается к журналу «КукАрт» (1992–2006), который стал заметным явлением культурной жизни России рубежа веков и не утратил своего значения в настоящее время. В исследовании предложен дискурсивный анализ, позволяющий выявить особенности журнальной стратегии «КукАрта». По мнению автора статьи, феномен долголетия «КукАрта» связан с тем, что журнал стал полигоном, на котором проверялись взаимоисключающие идеи, а также сосуществовали различные дискурсивные практики. В статье сформулирована мысль о том, что целью журнала явилось формирование нового культурного пространства, синтезирующего различные области искусства. Автором дана развёрнутая характеристика всех выпусков журнала в синхроническом и диахроническом аспектах. Главная особенность «КукАрта» – отсутствие единой структуры (формирование рубрик в зависимости от поставленных задач и решаемых проблем: кукла и авангард, кукла и литература, кукла и фольклор, кукла и маска, кукла и домашний театр, кукла и манекены и т. д.). Изначально ориентированный на куклу журнал от выпуска к выпуску смещался к антропологическому полюсу. Благодаря подобной издательской стратегии «КукАарт» привлёк к себе внимание широкого круга читателей и вышел за пределы театральной среды. Несерийность, малотиражность, отсутствие цифрового формата привели к возрастанию «ауральной ценности» журнала, поскольку в системе человеческой культуры наибольшей ценностью обладает единичное и невоспроизводимое.

Ключевые слова: «КукАрт», кукла, семиотика, антропология, жанр, программные тексты

Original article

KukArt Magazine as a Cultural Project

Tatyana V. Zvereva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia tvzver.1968@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0485-7664

The present research raises a question on functioning of magazines in the digital era. The author of the paper addresses the *KukArt* magazine (1992–2006) which used to be a hallmark in the Russian intellectual life at the turn of the century and has not lost its relevance at present. The research proposes a discursive analysis to identify features of the *KukArt* magazine strategy. According to the author of the paper, the *KukArt* longevity phenomenon can be explained by the fact that the magazine became a testing ground to try some mutually exclusive ideas, and the place where different discourse practices coexisted. The article formulates the idea that the purpose of the magazine was to form a new cultural space which synthesizes various fields of art. The author gives a detailed description of all issues of the magazine in the synchronous and diachronic aspects. The main feature of *KukArt* is absence of a unified framework (making features which were based on objectives set and problems solved: the puppet and the avant-garde, the puppet and literature, the puppet and folklore, the puppet and the masquerade mask, the puppet and home theatre, the puppet and the mannequin, etc.) Originally targeted at the puppet, the magazine shifted gradually towards an anthropological pole trying to answer the question: 'What is a human?' Due to such an editorial strategy *KukArt* drew a wide reading audience attention and went beyond theatre environment bounds. Limited edition and absence of a digital format led to the rise of the magazine 'aura value', for the unique and non-reproducible things only have had the greatest value in human culture system.

Keywords: KukArt, doll, semiotics, anthropology, genre, program texts

Введение. В начале XXI в. в отечественной культуре обозначился кризис толстых литературных журналов. В 2005 г. вокруг данной проблемы была инициирована

дискуссия, в обсуждении приняли участие критики, писатели, издатели, общественные деятели и учителя [1]. Итог развернувшейся полемики был неутешителен: литератур-

© Зверева Т. В., 2022

но-художественные журналы утратили свои былые позиции, перестав быть явлением не только общественной, но и литературной жизни России. Оказавшись в цифровой эпохе, обеспечившей свободный доступ к читателю, журналы неожиданно утратили своё влияние. Отчасти данный парадокс был предсказан В. Беньямином в статье «Произведение искусства в эпоху воспроизводимости». Размышляя над ауральной ценностью искусства, философ напрямую возводил её к идее уникальности или единичности: «Репродукционная техника, так можно было бы выразить это в общем виде, выводит репредуцируемый предмет из сферы традиции. Тиражируя репродукцию, она заменяет его уникальное проявление массовым» [2, с. 22]. В системе категориального аппарата, предложенного В. Беньямином, потеря популярности толстых журналов обусловлена их принципиальной доступностью. Став частью мощной информационной среды, журналы потеряли свою притягательность для читателя (о других причинах снижения спроса на толстые литературные журналы существует ряд статей, в которых затронута данная проблема [3-8]).

Журнал «КукАрт», о котором пойдёт речь в данной статье, — один из немногих, чей выход ограничился бумажным вариантом, при этом не сопровождался большими тиражами. Первоначально ориентированный на профессиональную театральную среду журнал быстро расширил круг своих читателей. Проблема функционирования куклы в системе человеческой культуры затрагивала важнейшие аспекты человеческого существования. Осознание феномена «КукАрта» позволяет понять, каким образом можно противостоять массовости в условиях глобализации цифровой культуры.

Методология и методы исследования. В работе предпринята попытка описания журнала «КукАрт» в диахроническом и синхроническом аспектах. Логика исследования связана с историко-культурным методом, позволяющим обозначить сходные по своим функциям в истории отечественной культуры издательские стратегии, т. е. выявить генезис «КукАрта». В статье также применён дискурсивный анализ, выявляющий особенности «речевого события». Методология исследования восходит, во-первых, к идеям М. М. Бахтина о принципиальной

диалогичности текста [9]; во-вторых, к работам Ю. М. Лотмана о культуре как системе коммуникационных соотношений [10]. Наконец, методологически важным является ряд исследований О. А. Ханзен-Лёве в сфере интермедиальности [11—13].

Результаты исследования и их обсуждение. «Зачем затеваем мы новый сборник? Когда всё летит в тартарары, когда не знаешь, что будет через час - страх несёт людей по земле. И они покидают дом, страну, театр в конце концов...» [14, с. 1]. Эти слова написаны тридцать лет назад к Предисловию к первому номеру журнала Международной лиги кукольников «КукАрт». Последний номер вышел в далёком 2006 г., но опубликованные в нём материалы оказались не подверженными действию времени. Символично, что в первом выпуске издатели напомнили о «запечатанной записке», брошенной для будущего: «Значит так: плывёт корабль. Бог знает куда. И вот за борт летит бутылка с запечатанной запиской – это и есть наш журнал. Привет вам, незнакомцы, прочитавшие нашу записку!..» [Там же].

В 1978 г. И. П. Уварова обратилась к Ю. М. Лотману с просьбой написать статью о кукле для журнала «Диалог искусств», который можно считать прообразом будущего «КукАрта». (Лотман откликнулся на просьбу и написал статью, впоследствии переработал её. Научному миру данная работа известна как «Кукла в системе культуры» [15]. В «КукАртах» статья опубликована в пятом номере [16, с. 52-55]). Помимо организатора – театроведа, ученого-филолога и художника Ирины Павловны Уваровой - в редколлегию журнала того времени вошли Резо Габриадзе, Хенрик Юрковский, Зиновий Гердт, Рейн Агур. В дальнейшем к работе над выпусками подключились Ольга Глазунова, Виктор Новацкий, Ольга Купцова, Татьяна Шабалина, Сергей Ефремов и многие другие. Всего за время существования журнала вышло одиннадцать выпусков. Немного, но этого хватило для того, чтобы остаться в истории отечественной культуры.

Создатели «КукАрта» предлагали рассмотреть самые разные «топосы» обитания куклы; раздвигали толщу времён, показывая победоносное шествие куклы по эпохам и культурам. Журнал был изменчив в своём редакторском составе – авторы и создатели сменяли друг друга, благодаря чему постоянно менялся ракурс исследовательского

взгляда. Отличительной чертой журнала было отсутствие привычных для читателя постоянных рубрик, каждый номер делался не только в соответствии с поставленными задачами, но и резонировал с «шумом времени». Даже внешнее оформление претерпевало изменения - менялись принципы оформления обложки, да и формат «КукАрта» незначительно, но изменялся от выпуска к выпуску, потому поставленные в ряд эти журналы оказываются разными по величине и не образуют на книжной полке привычного для глаза единства. Неотформатированные страницы каким-то парадоксальным образом гармонировали со стройными колонками текста. Издательский «непрофессионализм» был налицо, но именно это придавало журналу то «лица необщее выраженье», о котором когда-то говорил великий Е. Боратынский.

Помещая куклу в центр культурного поля, создатели журнала воссоздавали новую историю человечества, увиденную сквозь призму отношений «человек - кукла», поскольку «едва ли не все нити мировой культуры прошивают насквозь кукольный театр. Литература, музыка, изобразительные искусства и прикладные, и философия, да в общем всё, чем дорожат люди, так или иначе может попасть в деревянные руки кукол» [14, с. 2]. Антропоцентрическая составляющая чрезвычайно важна, ибо культура в целом на протяжении всех веков призвана решить для себя главную проблему - место человека во Вселенной. В одной из немногих статей, посвящённых «КукАрту», С. И. Погодина говорила о произведённой журналом ревизии куклы [17]. Позволим себе утверждать обратное: речь идёт, прежде всего, о ревизии человека (симптоматично, что одна из последних театральных лабораторий, организованных И. П. Уваровой в театре «Тень», была обращена к феномену человека). Именно поэтому журнал не остался в узком кругу театроведов, а стал востребован самой широкой публикой. Отвечая на вопрос, что такое кукла, человек уточняет параметры собственного существования. Нацеленный в первую очередь на решение проблем театра, журнал в скором времени погрузился в общекультурную проблематику.

Первый номер журнала содержал в себе программные тексты, отчасти напоминал футуристические воззвания: «Хватит шагать в строю! Мы имеем право на ошиб-

ки. На риск. Мы хотим быть самими собой. Дай Бог, чтоб сборник нам в этом помог» [14, с. 3]. В четырёх вступлениях к первому номеру («Вступление трагическое», «Вступление ироническое», «Вступление торжественное» и «Вступление научное. На сей раз окончательное») авторы сформулировали принципы, которые должны лечь в основание будущей серии. Созданный в переломную эпоху журнал бросал вызов уходящему времени, формировал новое пространство свободы, которое в свою очередь должно было изменить формы бытования театра кукол в русской культуре.

«КукАрт» выходил за рамки жанровых границ, являя собой причудливое сочетание «альманаха», «периодического журнала» и «сборника». С одной стороны, в нём появлялись рецензии, обращённые к текущим событиям театральной жизни, с другой – работы, посвящённые общим философским проблемам; научный стиль и поэтическая речь сосуществовали, подсвечивая друг друга; новейшие материалы печатались рядом с хрестоматийными текстами; право голоса обретали теоретики-искусствоведы и практики-режиссёры; наконец, в пространстве «КукаАрта» объединялись представители разных времён и культур. Эти голоса стали хором, свидетельствующим о кукле как хранительнице мира: «Без неё, без куклы, мир бы рассыпался, развалился...» (Абрам Терц); «Может быть, небеса нас держат для того, чтобы мы водили марионеток, кто знает, кто знает» (Резо Габриадзе); «По мненью некоторых, наши предки / Не люди были, а марионетки» (И. Гёте); «Кукла без человека умирает, но выживет ли человек без куклы?» (Ирина Уварова). Как отмечено ранее, журнал отказался от традиционных для подобного типа изданий постоянных разделов. Структура каждого журнала индивидуальна и связана со сквозной темой: кукла и манекены, кукла и авангард, кукла и литература, кукла и «Уральская зона», кукла и маска, кукла и домашний кукольный театр, кукла и фольклор, марионетка и Петрушка и т. д.

Лежащий в основании журнала многоаспектный подход позволил не только привлечь многообразную читательскую публику, но и высветить важнейшую гносеологическую проблематику, связанную с познаваемостью объекта. Помещая куклу в центр творения, «КукАрт» одновременно говорил о её тайне. Оказавшись на пересечении всевозможных дискурсов, кукла оживала, выходила из стадии «куколки», обретала душу. Природа символа амбивалентна, в своих смысловых пределах всякий символ связывает два мира - «живое» и «мёртвое». По глубокому убеждению авторов журнала, тайна куклы связана с тайной смерти, вне которой человек необъясним. В программной заметке Абрама Терца «Голос» говорится о принадлежности куклы к потустороннему: «Наши куклы, возможно, - последыши тех связных, переносивших вести из мёртвого тела в живое. А искусство? Не вышло ли оно всё – из этой куклы?» [14, с. 4]. Данная проблема нашла своё предельное заострение в пятом номере журнала, посвящённом лже-кукле (манекены, восковые фигуры, статуи-автоматы, огородные пугала), в седьмом номере читатель встретился с описанием перформанса «Упаковка», где Марина Перчихина «обращала свою живую плоть в неживую куклу» [18, с. 97].

«КукАрт» бросил вызов времени не в его конкретном историческом измерении, а времени как философской категории. В журнале отсутствует дистанция между прошлым и настоящим - фрагменты текстов Чарльза Диккенса, Поля Клоделя, Проспера Мериме, Агаты Кристи, Гордона Крэга, Константина Станиславского, Всеволода Мейерхольда, Велимира Хлебникова, Романа Якобсона, Александра Чаянова, Саши Чёрного, Сальвадора Дали и других сосуществуют на равных с текстами, которые были созданы на рубеже XX-XXI вв. Среди тех, кто окунулся в пространство кукольного мира, - яркие представители отечественной культуры и науки: Нея Зоркая, Паола Волкова, Виктор Новацкий, Нина Брагинская, Лев Рубинштейн, Юлий Даниэль, Людмила Улицкая... Принципиальная разножанровость, отсутствие строгой структуры, проницаемость дискурсов и их наложение друг на друга - все эти особенности указывают на типологическое сходство «КукАрта» с журналом «Аполлон» (1909-1918), в котором когда-то уже были представлены подобные стратегии. Ведущую роль в журнале играли не только литераторы, но и художники, искусствоведы, театральные деятели. Знаменательно, что многие авторы и персонажи «Аполлона» перешагнули границы времени и обрели своё место в «КукАрте». Одним из постоянных завсегдатаев журнала стал, например,

В. Мейерхольд в маске доктора Дапертутто. В своём пределе «КукАрты» — одна из последних попыток воскрешения культурной атмосферы Серебряного века.

Радикальность «КукАрта» также видится в конструировании особого смыслового пространства, в котором несовместимые между собой дискурсы не враждуют между собой, а взаимодействуют друг с другом. Одиннадцать номеров журнала обнажили не только множество самых разнообразных театральных практик, страницы «КукАрта» стали полигоном, на котором вырабатывалось искусство подлинной полемики, рассчитанной не на уничтожение, а на конструктивный диалог. Когда-то Г. С. Померанц сформулировал важнейший для гуманитарной науки догмат: «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создаёт цивилизацию» [19].

Споры, которые велись в различных рубриках журнала, - и в настоящее время остаются образцами изящной риторики, не разрушающей, а созидающей культурное поле. Размещённые в «КукАрте» рецензии на современные спектакли и театральные фестивали до сих пор остаются примерами для подражания, в этом аспекте вновь можно говорить о программных стратегиях журнала. Дискуссии рождались не только вокруг знаковых явлений театральной жизни, но и вокруг театральных изданий. Выход «КукАрта» сопровождался уходом из культурного пространства некоторых значимых изданий. Так, в частности, в четвёртом номере «КукАрта» размещено заявление Бориса Голдовского о прекращении собственной издательской деятельности: «...преклоняясь перед подвижничеством моих уважаемых коллег – издателей "Кукарта", я издаю последнюю шестую книгу своей серии ("Записки кукольного завлита") и, учитывая огромный интерес наших немецких и английский коллег в истории театра кукол в России, начинаю издавать книги по их заказам и просьбам. Интересы отечественных кукольников никоим образом ущемлены не будут, так как им эта литература, как показала практика, не нужна» [20, с. 94]. Жест великого кукольника демонстрировал искусство достойного ухода (к счастью, великий кукольник ошибся – подготовленные им издания обладают огромной научной и культурной ценностью, не во все времена авторы встречают мгновенный отклик читателей). Заметим также,

что именно Борис Голдовский впоследствии напишет одно из лучших посвящений И. П. Уваровой: «Ирина Павловна подарила всем нам «КукАрт» — замечательный журнал для думающих и чувствующих людей... Этот журнал открывал горизонты, будил фантазию и провоцировал творцов на новые, будущие, невероятные спектакли. Важнейшим контрапунктом журнала были её размышления — о мистификации, фантастике, балагане, народной культуре, литературе и искусстве» [21, с. 48].

Одним из ключевых слов, прошедших через все выпуски «КукАрта», стало слово «тайна». Следуя традициям «Аполлона» и культуре Серебряного века, создатели журнала прикасались к сферам, которые открыты только для Художников и Поэтов и куда нет доступа непосвящённым. Когда-то И. П. Уварова очень точно подметила, что искусство – это один из способов пробалтываться о тайнах мира. Очарование издаваемого ею журнала не в последнюю очередь определяется тем, что он не только говорит о кукле и человеке, но и приподнимает завесу над неведомым: «Кукла похожа на фантом. Она не ставит ног на землю. Её не касаются, и она не умеет касаться. Вся её жизнь, все её движения идут от сердца, из тайного сговора кукловодов (в масках или без масок) за её спиной - из той всеобщей

фатальности, воплощением которой она является» [19, с. 77].

Заключение. Особое место «КукАрта» в современной российской культуре обусловлено тем, что его создатели преследовали сверхцель – журнал должен был не только освещать проблемы театра кукол, но и порождать определённую культурную среду, в которой возможно существование куклы. В этом аспекте следует говорить о попытке глобального культурного проекта, связанного с ревизией куклы и как следствие – с ревизией человека и его места в мире. Благодаря различным дискурсивным практикам журнал предельно расширил читательскую аудиторию и стал местом пересечения «языков культуры».

К настоящему времени «КукАрт» остался одним из немногих неоцифрованных журналов. Не имея цифровой версии, он, однако, вполне выдерживает конкуренцию со множеством гуманитарных изданий. Ауральная ценность «КукАрта» напрямую связана не только с культивируемым им пространством свободы, но и с его материальной воплощённостью и малотиражностью. Оппозиция индивидуальное/массовое в человеческой культуре по-прежнему соотнесена с аксиологией: безусловной ценностью обладает только то, что единично и неповторимо.

Список литературы

- 1. Продуктовый набор или осколок вытесняемой культуры? Толстые литературные журналы в современной России. Текст: электронный // Дружба народов. 2005. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/1/produktovyj-nabor-ili-oskolok-vytesnyaemoj-kultury.html (дата обращения: 14.04.2022).
- 2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- 3. Балашова Ю. Б. Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного типа. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2011. 363 с.
- 4. Дубин Б. В. Обживание распада, или Рутинизация как приём: Социальные формы, знаковые фигуры, символические образцы в литературной культуре постсоветского периода // Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры / Б. В. Дубин. М.: Новое издательство, 2004. С. 116–132.
- 5. Смирнов В. Б. Поэтика русского литературно-художественного журнала как проблема комплексного изучения // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй международной научной конференции: в 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
- 6. Снегирева Т. А., Подчиненов А. В. «Толстый» журнал в России как текст и сверхтекст // Известия Уральского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки. Филология». 1999. Вып. 2, № 13. С. 5–13.
- 7. Шильникова О. Г. Жанровая парадигма программного дискурса литературно-художественного журнала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. «Языкознание». 2013. Т. 12, № 3. С. 213—220
- 8. Шильникова О. Г. Типологический алгоритм толстого литературного журнала в России XIX—XX вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. «Литературоведение. Журналистика». 2008. Вып. 7. С. 65–77.
 - 9. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

- 10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек текст семиосфера история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- 11. Ханзен-Лёве О. Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М.: РГГУ, 2016. 450 с.
- 12. Hansen-Löve A. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst // Forschungsüberblick "Intermedialität". Kommentierungen und Bibliographie. Hannover: Revonnah, 2000. Pp. 27–83.
- 13. Hansen-Löve A. Intermedijalnost i intertekstualnost. Problemi koreljacije verbalne i slokovne umjetnosti na primjeru ruske moderne // Intertekstualnost & Intermedijalnost. Zagreb, 1988. Pp. 31–74.
 - 14. КукАрт. 1991. № 1. 97 с.
- 15. Лотман Ю. М. Кукла в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 377–380.
 - 16. КукАрт. 1994. № 5. 89 с.
- 17. Погодина С. И. Московский журнал КукАрт (1900–2000-е): попытка ревизии куклы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 14–27.
 - 18. КукАрт. 2000. № 7. 121 с.
- 19. Померанц Г. С. Догматы полемики. URL: http://pomeranz.ru/p/pub_dogmats.htm (дата обращения: 10.04. 2022). Текст: электронный.
 - 20. КукАрт. 1993. № 4. 97 с.
 - 21. Голдовский Б. Пифия // Театр чудес. Журнал о людях и куклах. 2021. № 29. С. 46–48.

Информация об авторе

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор; Удмуртский государственный университет; 426063, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: tvzver.1968@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-0485-7664.

Для цитирования

Зверева Т. В. Журнал «КукАрт» как культурный проект // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 138–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-138-144.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 18.07.2022.

References

- 1. A food set or a shard of displaced culture? Thick literary magazines in modern Russia. Friendship of peoples, no. 1, 2005. Web. 14.04.2022. https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/1/produktovyj-nabor-ilioskolok-vytesnyaemoj-kultury.html (In Rus.)
- 2. Benyamin, V. A work of art in the age of its technical reproducibility: Selected essays. M: Medium, 1996. (In Rus.)
- 3. Balashova, Yu. B. Evolution and Poetics of the Literary Almanac as a Transitional Edition. SPb: Izdatel'skiy dom Sankt Peterburgskogo universiteta, 2011. (In Rus.)
- 4. Dubin, B. V. Settling in decay, or rutinization as a technique: social forms, iconic figures, symbolic examples in the literary culture of the post-soviet period. Intellectual groups and symbolic forms: Essays on the sociology of modern culture. M: Novoe izdatel'stvo, 2004. Pp. 116–132. (In Rus.)
- 5. Smirnov, V. B. Poetics of the Russian literary and art journal as a problem of comprehensive study. Russian literature in the context of modern integration processes. Volgograd, 2007. (In Rus.)
- 6. Snegireva, T. A., Podchinenov, A. V. "Thick" magazine in Russia as a text and supertext. Izvestia of the Ural State University. Humanities, no. 13, pp. 5–13, 1999. (In Rus.)
- 7. Shil'nikova, O. G. Genre paradigm of the program discourse of the literary and art magazine. Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, no. 3, pp. 213–220, 2013. (In Rus.)
- 8. Shil'nikova, O. G. Typological algorithm of a thick literary magazine in Russia of the XIX–XX centuries. Bulletin of Volgograd State University, no. 7, pp. 65–77, 2008. (In Rus.)
 - 9. Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity. M: Iskusstvo, 1986. (In Rus)
- 10. Lotman, Yu. M. Inside the thinking worlds. Man text semiosphere history. M: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. (In Rus.)
- 11. Hansen-Löve, Aage Ansgar Intermediality in Russian culture. From symbolism to the avant-garde. M: RGGU, 2016. 450 p. (In Rus.)
- 12. Hansen-Löve, Aage Ansgar "Intermediality and intertextuality. Problems of correlation of word and image art. Research overview "Intermediality". Commentaries and Bibliography, Hannover: Revonnah, 2000. Pp. 27–83. (In Germ.)

Зверева Т. В.

- 13. Hansen-Löve, Aage Ansgar "Intermedia and intertextuality. Problems of correlation between verbal and pictorial art on the example of Russian Modernism". Intertextuality & Intermediality. Zagreb, 1988. Pp. 31–74. (In Croatian)
 - 14. KukArt, no. 1, 97 p., 1991. (In Rus.)
- 15. Lotman, Yu. M. Doll in the cultural system. Selected articles: In 3 vol. Tallinn, 1992. V. 1. Pp. 377–380. (In Rus.)
 - 16. KukArt, no. 5, 89 p., 1994. (In Rus.)
- 17. Pogodina, S. I. Moscow magazine 16. KukArt (1900s-2000s): an attempt to revise a doll. Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research, no. 2, pp. 14–27, 2012. (In Rus.)
 - 18. KukArt, no. 7, 121 p., 2000. (In Rus.)
- 19. Pomerants, G. S. Dogmas of controversy. Web: 10.04.2022. http://pomeranz.ru/p/pub_dogmats.htm (In Rus.)
 - 20. KukArt, no. 4, 97 p., 1993. (In Rus.)
- 21. Goldovskiy, B. Pythia. Theater of Miracles. Magazine about people and dolls, no, 29, pp. 46–48, 2021. (In Rus.)

Information about author

Zvereva Tatyana V., Doctor of Philology, Professor; Udmurt State University; 1 Universitetskaya st., Izhevsk, 426063, Russia; e-mail: tvzver.1968@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-0485-7664.

For citation

Zvereva T. V. KukArt Magazine as a Cultural Project // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 138–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-138-144.

Received: June 10, 2022; approved after reviewing July 15, 2022; accepted for publication July 18, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 82-1/-9

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-145-156

Гипертекст как форма художественного отражения действительности в эпоху цифровизации

Ксения Владимировна Зейналова¹, Игорь Александрович Романов²

^{1,2}Забайкальский еосударственный университет, е. Чита, Россия ¹ksenia.fedorova97@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6367-2088 ²igorromanoff@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1346-0474

В статье рассматривается гипертекст как возникшая в конце ХХ в. форма художественного отражения действительности, где на первый план выходят индивидуализация и компьютерные технологии. Изначально понятие «гипертекст» использовалось в сфере программирования. Однако концепция «ветвления» оказалась перспективной, и исследователи заговорили о гипертекстовой литературе. В связи с этим целью исследования является рассмотрение гипертекста как формы художественного отражения действительности в эпоху цифровизации. В статье использованы следующие литературоведческие методы: культурно-исторический, феноменологический, метод структурного анализа текста. Научная новизна исследования определяется потребностью определить закономерности развития гипертекстовой литературы и выявить её специфику. В статье раскрыты основные признаки литературного гипертекста: нелинейность, фрагментарность, многоавторность, интерактивность. Кроме того, прослеживается, как меняется форма взаимодействия с текстом: перед нами нет традиционной парадигмы «автор – текст – читатель». На смену бахтинской концепции диалога приходит идея Р. Барта о смерти автора. Гипертекстовая литература выстраивает новый способ взаимодействия с текстом, при котором читатель занимает место автора. Теоретические положения работы подтверждены анализом и оценкой зарубежных и российских гиперроманов. В статье делается предположение, что основной причиной распада традиционного линейного нарратива в литературе становится социальная атомизация, неизбежно приводящая к исчезновению в современном мире подлинного диалога. Результаты исследования могут быть использованы при изучении культуры эпохи цифровизации. Кроме того, выявление в произведениях электронной гипертекстовой литературы примеров подлинного диалогизма. связанного с пониманием читателем авторского замысла, интертекстуальных отсылок к другим текстам как способа смыслового приращения, а не реализации чисто игровой стратегии, представляется вполне перспективной для комплекса наук, занимающихся выявлением смыслов в современной культуре: философии, литературоведения, семиотики, культурологии.

Ключевые слова: гипертекст, гипертекстовая литература, нелинейность, фрагментарность, интерактивность, цифровизация, социальная атомизация

Original article

Hypertext as a Form of Artistic Reflection of Reality in the Digitalization Era

Ksenia V. Zeynalova¹, Igor A. Romanov²

^{1,2}Transbaikal State University, Chita, Russia
 ¹ ksenia.fedorova97@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6367-2088
 ²igorromanoff@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1346-0474

The article considers hypertext as a form of artistic reflection of reality that emerged at the end of the twentieth century, where individualization and computer technologies come to the fore. Initially, the concept of "hypertext" was used in the field of programming. However, the concept of "branching" turned out to be promising, and researchers started talking about hypertext literature. In this regard, the purpose of the study is to consider hypertext as a form of artistic reflection of reality in the era of digitalization. The article uses the following literary methods: cultural-historical, phenomenological, the method of structural analysis of the text. The scientific novelty of the research is determined by the need to determine the patterns of development of hypertext literature and to identify its specifics. The article reveals the main features of literary hypertext: non-linearity, fragmentation, multi-authorship, interactivity. In addition, we can see how the form of interaction with the text is changing: there is no traditional paradigm of "author – text – reader" in front of us. Bakhtin's concept of dialogue is replaced by R. Barth's idea of the author's death. Hypertext literature builds a new way of interacting with the text, in which the reader takes the place of the author. The theoretical provisions of the work were confirmed by the analysis and evaluation of foreign and Russian hypernovels. The article also suggests that the main reason for the col-

© Зейналова К. В., Романов И. А., 2022

lapse of the traditional linear narrative in literature is social atomization, which inevitably leads to the disappearance of genuine dialogue in the modern world. The results of the study can be used in the study of the culture of the era of digitalization. In addition, the identification of examples of genuine dialogism associated with the reader's understanding of the author's idea in the works of electronic hypertext literature, intertextual references to other texts as a way of semantic increment and not the implementation of a purely game strategy seems quite promising for the complex of sciences involved in the identification of meanings in modern culture: philosophy, literary studies, semiotics, cultural studies.

Keywords: hypertext, hypertext literature, nonlinearity, fragmentation, interactivity, digitalization, social atomization

Введение. Актуальность обращения к теме «Гипертекст как форма художественного отражения действительности в эпоху цифровизации» определяется тенденциями времени, когда человек и технологии сосуществуют в неразрывной связи. Как отмечает А. Генис, «текст - машина, производящая реальность» [1]. Литературный стиль, характерный для той или иной эпохи, является отражением её состояния и мироощущения. Литература передаёт социокультурную обстановку в мире. Например, «классический роман XIX века трактовал литературный сюжет как человеческую судьбу» [Там же]. Реалистический роман XIX века не просто отражал жизнь, он передавал соответствующее чувство времени. Отсюда - неторопливый нарратив, сюжет с пространными описаниями пейзажей и портретов, с многостраничными переживаниями и размышлениями героев. Однако в XX веке концепция линейного гармоничного повествования разрушается самой реальностью, хаотичной и пугающей. Тогда в литературу приходят поток сознания М. Пруста и Дж. Джойса, экзистенциальные романы Ж.-П. Сартра и А. Камю, шокирующие как содержанием, так и формой произведения Г. Миллера.

На рубеже тысячилетий, когда человек постепенно окружает себя различными девайсами и выстраивает новую форму коммуникации - с гаджетами, линейный нарратив уже не способен в полной мере отразить специфику эпохи. И тогда на смену традиционным повествовательным формам приходит компьютерный гипертекст, существующий на стыке литературного творчества и компьютерных технологий, предлагая синкретичную модель литературы, ориентированной на отражение реальности путём соединения «нового» и традиционного искусства. В связи с этим целью исследования является рассмотрение гипертекста как формы художественного отражения действительности в эпоху цифровизации.

Изучением гипертекста занимались многие отечественные и зарубежные исследователи. Особый вклад в тему внёс Дж. П. Ландоу, занимающийся всесторонним изучением литературного гипертекста. Среди его трудов можно выделить два основных, которые в настоящее время являются фундаментальными для исследователей гипертекстовой литературы: "Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology" [2] и "What is the Victorian Web?" [3]. В данных работах Дж. П. Ландоу рассматривает структуру и специфику гипертекста, говорит о потенциале использования структуры ветвления при создании художественных текстов. Кроме того, исследователь является критиком гиперроманов. Ещё одной значимой фигурой в исследовании гипертекста являет Р. Кувер. Его работа "The End of Books" [4], опубликованная в 1992 г., стала своего рода пособием для авторов гипертекстовых произведений. Р. Кувер подчёркивает важность сохранения философско-эстетической стороны гиперроманов: «Творческое воображение часто больше занято связью, маршрутизацией и отображением, чем высказыванием или стилем, или тем, что мы назвали бы персонажем или сюжетом (два традиционных элемента повествования, которые явно находятся под угрозой)» [Там же]. Исследователь первым говорит о том, что при написании гипертекстовых произведений важно сохранить соотношение художественного творчества и технологической составляющей.

Среди отечественных исследователей, занимающихся данной темой, можно выделить Т. А. Бирюкову [5], В. М. Яценко [6], М. Эпштейна [7]. Т. А. Бирюкова в работе «Влияние новых технологий на художественный гипертекст» [5] прослеживает эволюцию гипертекста и его переход из бумажной литературы в электронную. В. М. Яценко рассматривает произведения М. Павича как образец бумажного гипертекста [6, с. 30]. М. Эпштейн в работе «О виртуальной сло-

весности» высказывает ряд положений о гипертекстовых романах [8]. Во-первых, виртуальное пространство — набор различных текстовых фрагментов, которые связаны друг с другом алгоритмами и ссылками. Во-вторых, М. Эпштейн рассматривает отечественный гипертекстовый роман «РОМАН» Р. Лейбова как с содержательной, так и структурной стороны и отмечает, что ветвящаяся структура не должна стать причиной

потери художественной ценности произве-

дения. В-третьих, исследователь обращает-

ся к концепции смерти автора Р. Барта.

Методология и методы исследования. В рамках исследования использовались следующие методы: культурноисторический, феноменологический, метод структурного анализа текста. Культурноисторический метод позволяет выявить закономерности формирования и развития гипертекстовой литературы как феномена конца XX – начала XXI веков. Феноменологический метод необходим для рассмотрения авторского сознания, реализующегося при создании гиперроманов. Метод структурного анализа используется при выявлении элементов структуры гипертекстовых романов М. Джойса, Ш. Джексон, Дж. Макдейда, Д. Маллоу, а также определения закономерностей связи этих элементов для создания общей модели нелинейных и синкретичных текстов.

Результаты исследования и их обсуждение. В век высоких технологий, электронных книг и интернет-СМИ можно часто встретить мнение о том, что бумажные книги, газеты – не более, чем пустая трата бумаги. Как пишет Р. Кувер, «это обозначает то, что и роман, каким мы знаем его сейчас, подошёл к концу. Роман – это опасный носитель патриархальных, колониальных, канонических, собственнических, иерархических и авторитарных ценностей прошлого, которого с нами больше нет» [4]. Большая часть предполагаемой силы романа заключена в строке, в этом принудительном авторском движении от начала предложения к его точке, от верха страницы к низу, от первой страницы к последней. Конечно, на протяжении долгой истории печати существовало бесчисленное количество стратегий противодействия силе линии, от маргиналий и сносок до творческих новшеств таких писателей, как Л. Стерн, Дж. Джойс, Р. Кено, Х. Кортасар, И. Кальвино и М. Павич, не

исключая отца литературной формы, самого М. Сервантеса. «Но истинная свобода от тирании линии воспринимается как реально возможная только теперь, наконец, с появлением гипертекста, записываемого и читаемого на компьютере, где линии фактически не существует, если её не изобрести и не внедрить в текст» [Там же].

В настоящее время с гипертекстом встречался каждый пользователь компьютера. Термин «гипертекст» появлялся около пяти десятилетий назад в сфере информационных технологий. Его автор – Т. Нельсон. Основное значение понятия «гипертекст» -«система из текстовых страниц, имеющих перекрестные ссылки». Гипертекстом являются веб-энциклопедии, веб-сайты, в которых предусмотрена возможность переходить с одной страницы на другую. Изначально гипертекст обозначал «нелинейно организованный текст, позволявший с помощью включённых в него связей и отсылок продолжить чтение несколькими способами» [9]. Концепция гипертекста оказалась плодотворной, и исследователи поначалу говорили о гипертекстовой литературе, подразумевая традиционную бумажную, которая предполагает возможность нескольких способов прочтения (например, «Игра в классики» Кортасара или «Хазарский словарь» М. Павича). Гипертексты могут состоять как из цельного текста, разделённого на части и связанного ссылками, так и из нескольких текстов, доступ к которым происходит посредством активируемых читателем ссылок на экране [2, с. 153]. Некоторые гипертексты, особенно образовательного характера, например, описываемые Дж. П. Ландоу [3], включают не только основной текст или набор текстов, но и созданные и добавленные читателями новые тексты, которые становятся частью гипертекстовой системы.

Дж. Ландоу делает акцент на том, что гипертекст бросает вызов понятию традиционного линейного текста, ограниченности и независимости чтения, меняет представления об авторитете автора, связан с теориями текстуальности и интертекстуальности [2].

Развитие технологий открывает для гипертекста новые возможности. Как отмечает Г. Аллен, «компьютерные технологии предоставляют нам новую форму текстуальности, которая является бесконечно более гибкой, управляемой и — при наличии соответствующего аппаратного и программного обеспе-

чения — доступной» [10, с. 32]. Интернет, электронные книги и гипертексты представляют собой новую форму текстуальности, с которой люди впервые столкнулись только с развитием технологий.

Гипертекст современного электронного романа ценен своим разнообразием. Гипертекстовый роман — это не только набор слов, изредка сопровождаемый иллюстрациями, но и обилие графических элементов, творческое использование шрифтов, включение в текст диаграмм, текстов песен, газетных статей, фотографий и многого другого [4].

Однако некоторые учёные, например Ж. Женетт, считают, что, несмотря на то, что термин «гипертекстуальность» имеет отношение к современным информационным технологиям, его не стоит полностью отождествлять только с ними [11]. Эту же мысль подтверждает А. А. Калмыков: «Считается, что гипертекст - новейшая конструкция, вызванная к жизни интернет-технологиями и виртуальными реальностями. Однако необходимо признать, что гипертексты существовали задолго до эпохи электронных документов. Гипертекстом, по сути, являются любой словарь или энциклопедия, содержащие ссылки на другие статьи того же словаря или энциклопедии» [12]. Подобную точку зрения высказывает и Н. Пьеге-Гро [13, с. 42]. Следовательно, гипертекстуальность присуща не только компьютеризированным цифровым текстам, однако именно они стали предметом исследования в данной работе.

Понятие гипертекста тесно связано с интерактивной литературой. И. А. Романов и К. В. Зейналова приводят типологию интерактивной литературы:

- гипертекстовый роман;
- визуальные новеллы;
- интерактивные романы [14, с. 55].

Так, благодаря развитию компьютерных технологий предоставляется возможность экспериментировать над формой литературного произведения не только на бумаге. Тогда, в конце XX в. появляются авторы, осваивающие цифровое пространство с целью создания художественных произведений, которые не просто разрушают традиционные представления о литературном тексте, но и оказываются совершенно новой формой существования литературы, постепенно набирающей популярность и становящейся объектом исследований. Первый компьютерный гипертекстовый роман "After-

пооп: А Story" был создан М. Джойсом в 1990 г. [15]. Роман содержит в себе ссылки, дающие читателю возможность следовать по сюжету либо в прошлое, либо в будущее, менять части романа местами, выбрать финал и так далее.

Герой «Полдня» – поэт Питер, который служит в рекламной фирме, принадлежащей его приятелю и сопернику Вертеру. Как отмечает С. В. Петухов, «"Полдень" – некая модель, искусственная реконструкция реальности – подлинной/виртуальной, но невероятно запутанной, в которой много фабульных тропинок» [16, с. 56]. По мнению А. Гениса, произведение М. Джойса — «напряжённый, густой, стилистически изощрённый текст, эмоционально вовлекающий читателя в действо», создающий «странное впечатление подглядывания за настоящей, а не вымышленной жизнью» [1].

Вслед за «Полднем» М. Джойса появляется ряд компьютерных романов: "Patchwork Girl" («Девочка из лоскутков») Ш. Джексон, "Uncle Buddy's Phantom Funhouse" («Призрачная комната смеха дядюшки Бадди») Дж. Макдейда, "Its name was Penelope" («Ее звали Пенелопа») Дж. Маллоу и др. Как отмечал сам М. Джойс, отличительной чертой этих произведений является то, что их невозможно напечатать, следовательно, они не имеют и не могут иметь печатного эквивалента [15, с. 56].

Ш. Джексон — американская писательница гипертекстовых романов. Во время учёбы в университете её преподавателями электронной литературы были такие известные исследователи в этой области, как Р. Кувер и Дж. Ландоу. В 2006 г. Ш. Джексон получила литературную премию Джеймса Типтри-младшего за роман "Half Life".

Литературная критика отметила, что "Patchwork Girl" [17] — «блестяще реализованная электронная литература, которая одновременно очень оригинально написана», в то же время «сильно паразитирует на своих печатных предшественниках» [18, с. 43]. Н. К. Хейлс говорит о «паразитировании» на основании того, что в основе гиперповести лежат две «традиционные» книги: «Франкенштейн» М. Шелли и «Лоскутная девушка из страны Оз» Л. Ф. Баума. Повесть содержит цитаты из романов М. Шелли и Л. Ф. Баума, а также материалы Ж. Деррида, Д. Харауэй и других писателей. По нашему мнению, Н. К. Хейлс

пишет о «паразитировании», не подразумевая под этим никаком негативной оценки, так как сам феномен гипертекста подразумевает множество отсылок к другим произведениям.

«Девочка из лоскутков» является продолжением «Франкенштейна» М. Шелли.

В произведении история рассказывается с помощью иллюстраций частей тела девушки, которые связываются вместе с помощью текста и изображений. Повествование произведения содержит пять частей: «Кладбище», «Журнал», «Одеяло», «История», «Разбитые акценты» (рис. 1).

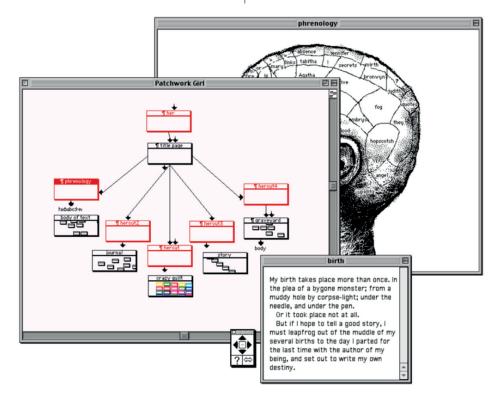

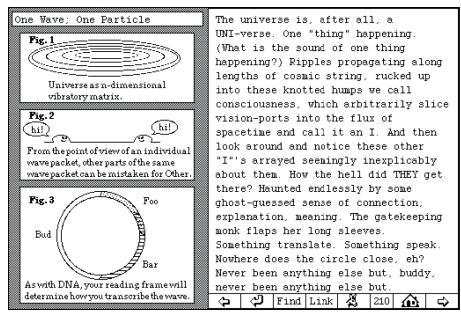
Рис. 1. Изображение, демонстрирующее ветвящуюся структуру гипертекста произведения

Fig. 1. An image showing the branching structure of the hypertext of the work

Большое внимание в книге уделяется процессу сшивания девочки из частей тел разных женщин. Так, структура повествования совпадает с его содержанием: как главная героиня сшивает своё тело, так и читатель сшивает части повести воедино. Автор ставит перед читателем задачу - «сшить» все части текста в одно целое, воссоздать единую структуру текста. Каждая часть текста имеет несколько веток, которые ведут повествование в различных направлениях. В оригинальном произведении, на основе которого и создана «Девочка из лоскутков», Виктор Франкенштейн пытается создать подругу для своего монстра, но не доводит свою попытку до конца. М. Шелли в версии Ш. Джексон сама создаёт женщину-монстра, после чего Мэри и её творение становятся любовниками. Часто критики, например, П. Хакман и Н. Салливан называют «Девочку из лоскутков» примером киберфеминизма [19]. Дж. Ландоу пишет, что данная работа на примере размытия рамок и границ характеризует то, как понимается пол и гендерная идентичность [20].

"Uncle Buddy's Phantom Funhouse" («Призрачная комната смеха дядюшки Бадди») Дж. Макдейда — произведение электронного гипертекста, которое представляет собой коллекцию личных вещей художника Артура Ньюкирка: его книги, статью из академического журнала, личные переписки, программу конференции, которую он посещал[21]. В основе повествования лежит следующий сюжет: дядюшка Бадди пропал при загадочных обстоятельствах и завещал читателю диск со своими личными данными. Читатель должен проанализировать документы, расследуя историю пропажи дядюшки. Хотя в реальности дядюшки Бадди не

существует, повествование весьма детализировано, и может показаться, что речь идёт о реальном человеке. Автор даёт читателю множество «зацепок» для того, чтобы сформировать впечатление о главном герое. В своих заметках дядюшка рассуждает о космосе, Вселенной, духовных орденах мира, времени, физике и метафизике, предполагая, что большая часть повседневной жизни является иллюзией, или имитацией (рис. 2).

Puc. 2. Заметки дядюшки Бадди о Вселенной

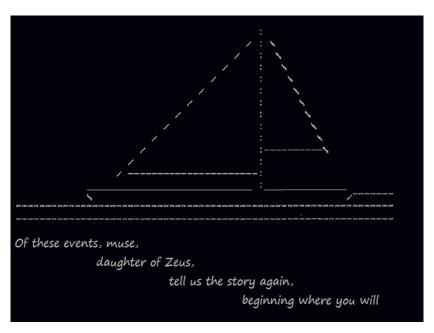
Fig. 2. Uncle Buddy's notes on the universe

На последних страницах книги дядя Бадди говорит, что он нереален и является лишь вымышленным устройством, которое изобретено для создания произведений. Сам дядюшка оказывается фикцией, как и все его письма. Повествование заканчивается знаменательной фразой: «Иногда вы можете оглянуться на своё прошлое и задуматься, а не являетесь ли вы сами литературным персонажем?» [22].

"Its name was Penelope" («Ее звали Пенелопа») Дж. Маллоу – произведение электронной литературы, которое представляет собой коллекцию воспоминаний молодой девушки, художницы и фотографа [23]. Упомянутый ранее Р. Кувер назвал данное произведение «одним из классических произведений золотого века литературного гипертекста» [4]. Каждая страница текста произведения подобна фотографии из фотоальбома, представляет собой изображение из памяти главной героини Анны – читатель видит их так, как их видела она сама. Подобно памяти человека изображения возникают в непоследовательном порядке, что создаёт разный текст. Повествование выстроено так, что вне зависимости от порядка воспоминаний, оно всегда выглядит естественно и органично. Помимо ссылок внутри текста произведения, "Its name was Penelope" ссылается на другие произведения мировой литературы. Так, в главе «Собрание духов» автор делает отсылку к Книге XI «Одиссеи». Но целью автора было не переложить «Одиссею» на свой манер, а создать принципиально новую историю. Название книги "Its name was Penelope" содержит не имя главной героини, а название игрушечной лодки, с которой героиня произведения играла в детстве (рис. 3).

Автор гипертекста отмечает, что при создании произведения она вдохновлялась творчеством Дж. Джойса (заимствуя формат воспоминаний), «Паломничеством» Д. Ричардсона. Кроме того, в произведении большое количество отсылок на образцы искусства, фотографии, работы коллег и друзей.

Эксперименты с гипертекстом активно велись и отечественными писателями. Первым романом-гипертекстом на русском языке стал «РОМАН» эстонского филолога Р. Лейбова (1995). Произведение являлось своего рода экспериментом по «совместному написанию нелинейной прозы», «литературной игрой», суть которой заключалась в

Puc. 3. Начальная страница "Its name was Penelope"

Fig. 3. The home page of "Its name was Penelope"

том, что несколько человек пишут отдельные главы романа, каждая из которых может являться продолжением любой из предыдущих. Так, «РОМАН» [14] имел ветвящуюся структуру, содержащую множество ссылок [24]. Важно отметить, что в настоящее время данный проект закрыт, опыт его реализации показывает, что в погоне за интерактивностью, гипертекстуальностью, новой формой существует великий риск забыть о содержании. Здесь мы согласимся с М. Эпштейном, который утверждает: «Меня увлекла богатая техника создания этого лоскутного текста и вместе с тем удручила его литературная бедность. Сюжет будто взят из сборников школьного фольклора... Впрочем, Интернет и есть самое удобное место для фольклорного творчества, к которому в любой момент может присоединиться любой желающий, отчего в сюжете и стиле неизбежны заведомая усреднённость, ничейность и всемность» [7]. Эксперимент ради эксперимента – это не лучшая идея в плане художественной ценности, но в постмодернистом мире, наверное, и это имеет право на существование.

«РОМАН» не является единственным проектом Р. Лейбова. В соавторстве с Д. Маниным им создана литературная интерактивная игра «Сад расходящихся хокку» [25], которая тоже вряд ли имела художественную ценность. На сайте http://hokku.netslova.ru/любой желающий может создать собствен-

ное хокку по заданной первой и последней строке. В настоящее время в «саду» растёт 82 453 хокку. Приведём пример коллективного творчества создателей хокку: «Вот стою и плачу — новые желанья — Выросли весной»; «Выросла весной — В расходящемся саду — Первая хокку»; Первая хокку... — За ней — вторая... Это — Графомания»; Графомания... — Думал, что создан шедевр — А вышла фигня»; «а вышла херня — мёртвый им и остался — под сакурою» [Там же].

Важно отметить, что спустя почти три десятилетия после первого русскоязычного электронного романа в 2021 г. вышел роман А. А. Алексеевой «НҮРЕ королева», который представляет собой не просто гиперроман, а «роман-мем», полностью построенный на отсылках к массовой культуре. В текст романа встроены ссылки на социальные сети главной героини, которые содержат её фотографии [26].

Так, рассмотрев некоторые из образцов литературного гипертекста, перейдём к его основным художественным доминантам:

- 1. Нелинейность повествования, представленного наличием в тексте внутренних корреляционных ссылок и неожиданных переходов из одной части в другую. Текст, обладая многоуровневой разветвлённостью, напоминает собой «сад расходящихся тропок».
- 2. Принципиальная дисперсность и, как следствие, полисемия и непрерывность ги-

Зейналова К. В., Романов И. А.

пертекста. Текст делится на фрагменты, войти в которые можно из любого звена нарратива. В зависимости от выбранного читателем способа прочтения (по диагонали, по вертикали, по ссылкам, от конца к началу и т. п.), происходит существенное изменение смысла.

- 3. Интерактивность: текст характеризуется незаконченностью; он существует в процессе изменения, подвергаясь воздействию со стороны читателя, который сам формирует сюжетную линию.
- 4. Расширение чувственного восприятия текста, включение визуального и звукового рецепторов и мультимедийность (наличие в тексте клипа, картинки, слайда, движущихся фигур и т. д.) [15, с. 231].

В свою очередь, О. Б. Скородумова выделяет следующие признаки литературного гипертекста:

- 1) нелинейность;
- 2) мозаичность;
- 3) многоавторность;
- 4) интерактивность [по: 27].

Нелинейность и фрагментарность повествования проявляются в том, что у гипертекста нет единой структуры. Обычно у гипертекста есть начало, дальнейшее развитие сюжета зависит лишь от читателя, который самостоятельно делает выбор, переходя по ссылкам. В целом, структура электронного гипертекста выглядит так, как показано на рис. 4.

Puc. 4. Структура электронного художественного гипертекста

Fig. 4. Structure of electronic artistic hypertext

Подобно интертекстуальным теориям Р. Барта, Ю. Кристевой и А. Гениса гипертексты разрушают понятие линейности текста: «Мы больше не читаем от начала до конца, как это было раньше... Тот факт, что зна-

чение текста зависит от множества других текстов, становится неотъемлемой частью опыта чтения гипертекстовых систем» [28].

Таким образом, у гипертекстуального произведения может быть не один, а сколько угодно авторов. И является ли в какой-либо мере автором (соавтором) произведения тот автор, на произведение которого опирался автор нового произведения? И если авторов бесконечное множество, можно ли говорить о том, что автор есть? Ответить на эти вопросы помогает концепция «смерти автора» французского филолога Р. Барта, обогатившего теорию искусства такими понятиями, как «имитация чужого слова», «компиляция», «интертекст», «цитатное мышление» [29]. По его мнению, от восприятия литературного творчества как великой миссии художника мы пришли к тому, что оно теперь не более чем «виртуозное жонглирование чужими текстами» и их «бесконечное обыгрывание». Если раньше отношения между автором и его текстом выстраивались по типу «отец – дитя», то современность свергает роль авторитарного писателя-отца, который навязывает читателю свою волю.

Суть бартовской концепции заключается в идее самостоятельного существования текста. Текст ценен в его прочтении читателем. Именно он взаимодействует с текстом и может интерпретировать его, как ему хочется [30]. Вместе с тем в сознании читателя текст приобретает какой-то смысл. В этом концепция Р. Барта схожа с замечанием А. Потебни, который писал, что содержание произведения раскрывается «не в художнике, а в понимающих».

Тот факт, что любой текст направлен на адресата, находит отражение в концепции диалогичности М. М. Бахтина. В его трактовке диалог выступает универсальным понятием, «пронизывающим всю человеческую речь и все отношения человеческой жизни» [31]. Диалогизм — доверие к чужому слову, поиски глубинного смысла, согласие, которые дополняют понимание. Для гипертекста особенно важны такие аспекты диалогизма, как «наслаивание смысла на смысл, усиление путём слияния, сочетание голосов» [Там же] — всё это делает литературу только лучше, глубже, целостнее.

Диссонансом в данном контексте звучат слова М. Гаспарова, оттеняющие ещё один аспект гипертекстовой интерактивной литературы: «Неоправданно оптимистической

Заключение. Наступление эпохи цифровизации приводит к качественному изменению гипертекста. Компьютерный гиперроман предоставляет автору не только возможность игры за счёт аллюзий и реми-

пертекст.

нисценций, но и возможность использовать весь потенциал современных компьютерных технологий для погружения читателя в особый художественный мир.

На рубеже XX–XXI вв. появляется ряд компьютерных гипертекстовых романов, основными признаками которых становятся нелинейность, фрагментарность, многоавторность, интерактивность. Синтез компьютерных технологий и художественной литературы привлекает внимание современного читателя, который с лёгкостью воспринимает гипертекст с его фрагментарностью, присущей культуре цифровой эпохи. Таким образом, гипертекст становится не только формой отражения действительности, но и моделью современной реальности.

Стратегия гипертекста позволяет читателю встать на место автора, творца, символически заменить собой Бога, что однако только подчёркивает неизбывность его одиночества. Таким образом, проблема диалога, предполагающего прежде всего понимание на экзистенциальном и бытийном уровнях, остаётся открытой. В этой связи выявление в различных произведениях электронной гипертекстовой литературы не формальных маркеров, а примеров подлинного диалогизма, позволяющего говорить о данном феномене не только с точки зрения доминирующей игровой стратегии, представляется вполне перспективным для комплекса наук, занимающихся выявлением смыслов в современной культуре (философия, литературоведение, семиотика, культурология).

Список литературы

- 1. Генис А. Гипертекст машина реальности. Текст: электронный // Иностранная литература. 1994. № 5. URL: https://magazines.gorky.media/inostran/1994/5/gipertekst-mashina-realnosti.html (дата обращения: 14.05.2022)
- 2. Landow G. P. Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. 242 p.
- 3. Landow G. P. What is the Victorian Web? URL: http://www.victorianweb.org (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 4. Coover R. The End of Books. Текст: электронный // The New York Times Book review. 1992. URL: https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/09/27/specials/coover-end.html (дата обращения: 14.05.2022).
- 5. Бирюкова Т. А. Влияние новых технологий на художественный гипертекст (на примере романов "House of Leaves" (2000) Марка З. Данилевски и "Tree of Codes" (2010) Джонатана С. Фоера. Текст: электронный // История литературы и публицистики: электрон. науч. журн. 2014. URL: http://www.mediascope. ru/1646#14 (дата обращения: 14.05.2022).
 - 6. Яценко В. М. История зарубежной литературы второй половины ХХ века. М.: Флинта, 2015. 235 с.
- 7. Эпштейн М. Поэзия и сверхпоэзия: о многообразии творческих миров. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 480 с.
- 8. Эпштейн М. О виртуальной словесности. URL: https://royallib.com/read/epshteyn_mihail/o_virtualnoy_slovesnosti.html (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.

- 9. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. М.: Акад. проект, 2005. 495 с.
- 10. Allen G. Intertextuality. URL: https://archive.org/details/AllenGraham2000Intertextuality (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
 - 11. Genette G. The Architext An Introduction. Berkley: University of California Press, 1979. 100 p.
- 12. Калмыков А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2009. 84 с.
 - 13. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
- 14. Романов И. А., Зейналова К. В. Интерактивная литература как культурный феномен цифровой эпохи: опыт типологии // Русский язык в современном Китае: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. Л. Абросимова; сост. О. Л. Абросимова, Ю. В. Биктимирова. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 55–60.
- 15. Joyce M. Afternoon: a Story. URL: https://www.researchgate.net/figure/Afternoon-a-story-1987-by-Michael-Joyce-Photograph-by-author_fig2_334300567 (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 16. Петухов С. В. Гипертекст: творчество без границ. Текст: электронный // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 228–231. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-tvorchestvo-bez-granits-1 (дата обращения: 14.05.2022).
- 17. Jackson S. Patchwork Girl. URL: http://www.eastgate.com/catalog/PatchworkGirl.html (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 18. Hayles N. K. My Mother was a Computer: Digital Subjects and Literary Texts. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 143 p.
- 19. Hackman P. "I Am a Double Agent": Shelley Jackson's Patchwork Girl and the Persistence of Print in the Age of Hypertext Girl. URL: http://art310-f12-hoy.wikispaces.umb.edu/file/view/52.1.hackman.pdf (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 20. Landow G. P. Stitching together Narrative, Sexuality, Self: Shelley Jackson's Patchwork Girl. URL: https://cyberartsweb.org/cpace/ht/pg/pgmain.html (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 21. McDaid J. G. Uncle Buddy's Phantom Funhouse. URL: https://archive.org/details/unclebuddy (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 22. Salvador P. Uncle Buddy's Phantom Funhouse Girl. URL: https://obscuritory.com/multimedia/uncle-buddys-phantom-funhouse (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 23. Malloy J. Its name was Penelope. URL: https://people.well.com/user/jmalloy/penelope/at_sea_page. html (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 24. Кудрявцев С. Роман, который не может быть напечатан. Текст: электронный // Коммерсантъ. 1996. № 45. URL: https://www.kommersant.ru/doc/129109 (дата обращения: 14.05.2022).
- 25. Лейбов Р., Манин Д. Сад расходящихся хокку. URL: http://hokku.netslova.ru (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 26. Алексеева A. A. HYPERкоролева. URL: https://www.litres.ru/anna-alekseevna-alekseeva/hyperkoroleva (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
- 27. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. 268 с.
- 28. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 656 с.
 - 29. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- 30. Барт Р. Концепция «Смерти автора». URL: http://concepture.club/post/obrazovanie/a-byl-li-avtor-koncepcija-smerti-avtora (дата обращения: 14.05.2022). Текст: электронный.
 - 31. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
 - 32. Ранчин А. М. История для бедных // Новый мир. 2011. № 9. С. 156–177.

Информация об авторах

Зейналова Ксения Владимировна, аспирант; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: ksenia.fedorova97@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-6367-2088.

Романов Игорь Александрович, кандидат филологических наук; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: igorromanoff@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-1346-0474.

Вклад авторов

- К. В. Зейналова основной автор, предложила оригинальную концепцию исследования, сформулировала гипотезу, проблему, цель и научную новизну статьи, провела аналитическую работу с рассматриваемым текстовым материалом, сделала соответствующие выводы.
- И. А. Романов систематизировал и корректировал материал исследования на концептуальном уровне, внёс вклад в обсуждение результатов и формулировку выводов статьи.

Зейналова К. В., Романов И. А. Гипертекст как форма художественного отражения действительности в эпоху цифровизации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 145–156. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-145-156.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 24.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

References

- 1. Genis, A. Hypertext is a reality machine. Foreign literature, no. 5, 1994. Web. 14.05.2022. https://magazines.gorky.media/inostran/1994/5/gipertekst-mashina-realnosti.html. (In Rus.)
- 2. Landow, G. P. Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. (In Engl.)
 - 3. Landow, G. P. What is the Victorian Web? Web. 14.05.2022. http://www.victorianweb.org. (In Engl.)
- 4. Coover, R. The New York Times Book review. 1992. Web. 14.05.2022. https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/09/27/specials/coover-end.html. (In Engl.)
- 5. Biryukova, T. A. The influence of new technologies on artistic hypertext (on the example of the novels "Noise of Leaves" (2000) by Mark Z. Danilevsky and "Tree of Codes" (2010) by Jonathan S. Foer. History of Literature and journalism. 2014. Web. 14.05.2022. http://www.mediascope.ru/1646#14. (In Rus.)
- 6. Yatsenko, V. M. History of foreign literature of the second half of the twentieth century. M: Flint, 2015. (In Rus.)
- 7. Epstein, M. Poetry and super poetry: On the diversity of creative worlds). S. Petersburg: Azbuka-Atticus, 2016. (In Rus.)
- 8. Epstein, M. O. About virtual literature. Web. 14.05.2022. https://royallib.com/read/epshteyn_mihail/o_virtualnoy slovesnosti.html. (In Rus.)
 - 9. McLuhan, M. Gutenberg Galaxy: The Creation of a man of print culture. M: Akad. project, 2005. (In Engl.)
- 10. Allen, G. Intertextuality. Web. 14.05.2022. https://archive.org/details/AllenGraham2000Intertextuality. (In Engl.)
 - 11. Genette, G. The Architext, An Introduction. Berkley: University of California Press, 1979. (In Engl.)
- 12. Kalmykov, A. A. Interactive hypertext journalism in the system of domestic mass media). M: Berlin: Direct-Media, 2009. (In Rus.)
 - 13. Piege-Gro, N. Introduction to the theory of intertextuality. M: LKI, 2008. (In Engl.)
- 14. Romanov, I. A., Zeynalova, K. V. Interactive Literature as a cultural phenomenon of the Digital Age: the experience of typology. Russian language in modern China. Chita: ZabGU, 2020: 55–60. (In Rus.)
- 15. Joyce, M. Afternoon: A Story. Watertown, 1990. Web. 14.05.2022. https://www.researchgate.net/figure/Afternoon-a-story-1987-by-Michael-Joyce-Photograph-by-author_fig2_334300567. (In Engl.)
- 16. Petukhov, S. V. Hypertext: creativity without borders. Bulletin of the Buryat State University), 2010. Web. 14.05.2022. https://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-tvorchestvo-bez-granits-1. (In Rus.)
- 17. Jackson, S. Patchwork Girl. Web. 14.05.2022. http://www.eastgate.com/catalog/PatchworkGirl.html. (In Engl.)
- 18. Hayles, N. K. My Mother was a Computer: Digital Subjects and Literary Texts. Chicago: University of Chicago Press, 2005. (In Engl.)
- 19. Hackman, P. 'I Am a Double Agent': Shelley Jackson's Patchwork Girl and the Persistence of Print in the Age of Hypertext Girl. Web. 14.05.2022. http://art310-f12-hoy.wikispaces.umb.edu/file/view/52.1.hackman.pdf. (In Engl.)
- 20. Landow, G. P. Stitching together Narrative, Sexuality, Self: Shelley Jackson's Patchwork Girl. Web. 14.05.2022. https://cyberartsweb.org/cpace/ht/pg/pgmain.html. (In Engl.).
- 21. McDaid, J. G. Uncle Buddy's Phantom Funhouse. Web.15.05.2022. https://archive.org/details/unclebuddy. (In Engl.).
- 22. Salvador P. Uncle Buddy's Phantom Funhouse Girl. Web. 15.05.2022. https://obscuritory.com/multimedia/uncle-buddys-phantom-funhouse. (In Engl.)
- 23. Malloy, J. Its name was Penelope. Web. 14.05.2022. https://people.well.com/user/jmalloy/penelope/at_sea_page.html. (In Engl.)
- 24. Kudryavtsev, S. A novel that can't be printed. Kommersant, no. 45, 1996. Web.14.05.2022. https://www.kommersant.ru/doc/129109. (In Rus.)
 - 25. Leibov, R., Manin, D. Garden of divergent Haiku. Web. 15.05.2022. http://hokku.netslova.ru. (In Engl.)
- 26. Alekseeva, A. A. Hyperqueen. Web. 14.05.2022. https://www.litres.ru/anna-alekseevna-alekseeva/hyperkoroleva. (In Rus.)
- 27. Kuzmina, N. A. Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language). Ekaterinburg: Ural State University, 1999. (In Rus.)

Зейналова К. В., Романов И. А.

Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4

- 28. Kristeva, Yu. Selected works: The Destruction of Poetics. M: Russian Political Encyclopedia, 2004. (In Rus.)
 - 29. Bart, R. Selected works: Semiotics. Poetics. M: Progress, 1989. (In Rus.).
- 30. Bart R. The concept of "Death of the author". Web. 14.05.2022. http://concepture.club/post/obrazovanie/a-byl-li-avtor-koncepcija-smerti-avtora. (In Rus.)
 - 31. Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity. M: Iskusstvo, 1979. (In Rus.).
 - 32. Ranchin, A. M. A story for the poor. A New World, no. 9, pp. 156-177, 2011. (In Rus.)

Information about authors

Zeynalova Ksenia V., Postgraduate Student; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: ksenia.fedorova97@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-6367-2088.

Romanov Igor A., Candidate of Philology; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: igorromanoff@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-1346-0474.

Contribution of authors to the article

- K. V. Zeynalova the main author who proposed the original concept of the study, formulated the hypothesis, problem, purpose and scientific novelty of the article, carried out analytical work with the text material under consideration, made the appropriate conclusions.
- I. A. Romanov systematized and corrected the research material at the conceptual level, contributed to the discussion of the results and the formulation of the conclusions of the article.

For citation

Zeynalova K. V., Romanov I. A. Hypertext as a Form of Artistic Reflection of Reality in the Digitalization Era // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 145–156. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-145-156.

Received: June 21, 2022; approved after reviewing July 24, 2022; accepted for publication July 28, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-157-164

Ценность сетевых медиа как источника информации об эпидемии COVID-19

Ли Инин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия yingyingli2701@outlook.com, https://orcid.org/0000-0001-6444-7627

Актуальность статьи заключается в изучении ценностного аспекта функционирования сетевых медиа, сыгравших важную роль в преодолении эпидемии COVID-19. Объектом исследования выступают сетевые медиа Weibo, TikTok и сетевая платформа «Госуслуги. Решаем вместе». Научная новизна проявляется в анализе недостаточно изученной проблемы ценности сетевых медиа как источников информации в преодолении реальной трудности коммуникации в условиях эпидемии. Ценность сетевых медиа выражается в просвещении аудитории и совместном преодолении последствий пандемии. Исследование проводилось с использованием методов мониторинга СМИ, сравнительного анализа, изучения документов. Сравнительный анализ функционирования традиционных и сетевых медиа позволил сделать следующий вывод: в исследуемый период (с 31 декабря 2019 г. по 15 июля 2020 г.) традиционные медиа не уделяли должного внимания организации обратной связи с аудиторией, изучению её мнения, а также эмоционального состояния. Традиционные медиа были сосредоточены исключительно на фактических сообщениях, в отличие от сетевых медиа, заинтересованных: 1) в вовлечении аудитории в обмен информацией; 2) артикуляции её информационных потребностей и 3) выражении эмоций по поводу пандемии. Критический анализ литературы показал, что ценность сетевых медиа значительно возрастает в чрезвычайных ситуациях, таких как эпидемия, поскольку эти информационные площадки получают возможность в режиме реального времени преодолевать временные и пространственные барьеры, распространяя высококачественные новости и реализуя жизненные интересы аудитории. Изучение документов и отчётов международных здравоохранительных организаций подтвердило данный тезис: деятельность СМИ приводит к изменениям в общественном мнении и поведении и может повлиять на общее психологическое состояние общества. В статье ценность сетевых медиа рассматривается в трёх аспектах: 1) социальная ценность выражается в донесении до всеобщего внимания голосов простых людей, удовлетворении их потребности в выражении эмоций; 2) ценность коммуникации – в снятии ограничений в межсоциальном и международном диалоге и обмене информацией; 3) ценность пропаганды заключается в сплочении народов и содействии социальному сотрудничеству в преодолении глобальных опасностей. В перспективе представляется необходимым изучение в научном дискурсе ценности сетевых медиа в распространении информации и организации коммуникации в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: сетевые медиа, ценности, СМИ, эпидемия COVID-19, чрезвычайная ситуация, освещение, информация

Original article

A Study of the Value of Network Media in Covering the COVID-19 Epidemic

Li Yingying

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia yingyingli2701@outlook.com, https://orcid.org/0000-0001-6444-7627

The relevance of the article lies in the study of the value aspect of the functioning of online media, which played an important role in overcoming the COVID-19 epidemic. The object of the study is the network media Weibo, TikTok and the network platform "Gosuslugi. Let's decide together." Scientific novelty is manifested in the analysis of the little-studied problem of the value of network media as sources of information in overcoming the real difficulty of communication in an epidemic. The value of online media is expressed in educating the audience and jointly overcoming the consequences of the pandemic. The following methods were used: mass media monitoring, comparative analysis method, study of documents. A comparative analysis of the functioning of traditional and online media led to the conclusion that during the study period (from December 31, 2019 to July 15, 2020), traditional media did not pay due attention to organizing feedback from the audience, studying its opinion, as well as its emotional state. Traditional media have focused exclusively on factual messages, unlike online media, which are interested in: 1) engaging the audience in the exchange of information; 2) articulating

© Ли Инин, 2022

Ли Инин

its information needs and 3) expressing its emotions about the pandemic. A critical analysis of the literature has shown that the value of online media increases significantly in emergency situations, such as an epidemic, since these information platforms are able to overcome time and space barriers in real time, distributing high-quality news and realizing the vital interests of the audience. The study of documents and reports of international health organizations confirmed this thesis: the activities of the media lead to changes in public opinion and behavior and can affect the general psychological state of society. In the article, the value of network media is considered in three aspects: 1) social value is expressed in bringing the voices of ordinary people to everyone's attention, satisfying their need to express emotions; 2) the value of communication – in removing restrictions in intersocial and international dialogue and information exchange; 3) the value of propaganda lies in uniting peoples and promoting social cooperation in overcoming global dangers. In the future, it seems necessary to study the value of network media in the scientific discourse in the dissemination of information and organization of communication in emergency situations.

Keywords: network media, values, mass media, COVID-19 epidemic, emergency situation, report, information

Введение. Сетевые медиа – вид массовой коммуникации, осуществляемый посредством интернета и имеющий ряд существенных отличий от традиционных медиа. Сетевые медиа относятся к основным СМИ, которые имеют определённый масштаб, воплощают и распространяют социальную идеологию и ценности, а также направляют социальное развитие и движение [1].

В конце 2019 г. в китайском городе Ухань выявлено несколько случаев заражения жителей неизвестным на тот момент видом пневмонии. Впоследствии масштабы передачи инфекции значительно выросли. Эта эпидемия стала серьёзной чрезвычайной ситуацией в здравоохранении, затронувшей весь мир. Обеспокоенное общество долгое время находилось в состоянии замешательства из-за неясности источника заражения эпидемией COVID-19 и непредсказуемости последствий массового заболевания для общества [2]. На этом фоне распространялись слухи и в интернете [3]. Прямым следствием этого явилось то, что из-за нерасторопности правительства и традиционных СМИ слухи стали опережать правду [4]. В данный период сетевые медиа стали выполнять функции распространения информации, социальной мобилизации и формирования общественного мнения и сыграли важную роль в разрешении ЧС (чрезвычайной ситуации). В этих условиях возрастает ценность сетевых медиа как источников информации, удовлетворяющих жизненные потребности аудитории.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения ценностных характеристик сетевых медиа в условиях эпидемии COVID-19. В проблемной зоне оказались такие вопросы, как: отсутствие нужной информации в медиаполе, её замалчивание в начале эпидемии, сочетание информации и слухов в СМИ, пагубно влияющих на восприятие аудитории. Задачами данного исследования стали: отбор публикаций, анализ ценности сетевых медиа в освещении эпидемии и исследование трудностей функционирования в пандемию, а также ценностный прорыв СМИ в освещении эпидемий.

Методология и методы исследования. Проанализирована специфика материалов в отражении эпидемии, опубликованных в сетевых изданиях Weibo, TikTok и на медиаплатформе «Госуслуги. Решаем вместе» в период с 31 декабря 2019 г. по 15 июля 2020 г. Исследование показало: сетевые медиа сыграли неоценимую роль в отслеживании заболеваний, связанных с коронавирусом, в обновлении информации через панель инструментов в режиме реального времени, что позволило Центру по контролю и профилактике заболеваний (CDC) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) своевременно принять меры, а также обеспечить быстрое и широкое распространение информации в области общественного здравоохранения. Исследование показало, что сетевые медиа предоставляют единую платформу для всех коммуникаций в области общественного здравоохранения, а также комплексных рекомендаций по санитарному просвещению и реализации эффективных стратегий социального дистанцирования при сохранении социальных контактов. Медиа обеспечивают равный доступ к медицинскому обслуживанию и устраняют дискриминацию и социальную стигматизацию.

В истории коммуникативных исследований американский учёный Гарольд Лассуэлл первым провёл всесторонний анализ социальной ценности коммуникации. В своей статье «Структура и функции коммуникации в обществе», опубликованной в 1948 г., он предположил, что ценности СМИ отражаются в трёх социальных функциях:

Li Yingying

- 1) мониторинг окружающей среды;
- 2) социальная координация;
- 3) культурное наследие [5].

Его последователь В. Шрамм видел ценность коммуникации в реализации политической, экономической и социальной функций [6]. К политическим функциям социолог относил наблюдение, координацию, социальное наследие, передачу законов и обычаев; к экономическим - материальные выгоды, которые может принести распространение новостей; к социальным - координацию общества, осуществление социального контроля и передачу членам общества норм.

Отметим, что объектом политических, социальных и экономических функций по-прежнему является человечество. По мнению учёных, основной ценностью СМИ является «служение людям». Сетевые медиа, выполняя названные функции, играют заметную и важную роль в цифровую эпоху.

Кроме того, в современных теоретических исследованиях находит отражение проблема формирования ценностных установок общества, специально выделяются аксиологические функции массмедиа. В многочисленных источниках СМИ рассматриваются как ретранслятор различных ценностей [7-9].

Российский учёный, профессор кафедры практической психологии Московского института открытого образования (МИОО), Елена Пронина, считает, что ценности общества спонтанно «раскрываются» в массовой коммуникации как социальные тенденции, определяющие социальную динамику [10, c. 6].

Вместе с тем, проблема самих медиа как ценности занимает незначительное место в этих исследованиях.

В Китае, где сетевые медиа активно развиваются, некоторые учёные обсуждают общую ценность медиа в контексте новых коммуникационных технологий. Юй Гомин отмечает, что под влиянием революции в области новых коммуникационных технологий социальная ценность и рыночная ценность традиционных СМИ входят в противоречие [11, с. 154–157]. Некоторые учёные анализируют ценность СМИ в конкретных ситуациях, например, Ма Сяойи рассматривает их межкультурной коммуникации [12, с. 29–31]. Другие учёные также проводят исследования различных типов СМИ. Например, в статье Гао Цзянь представлена реконструкция ценностей в трансформации печатных СМИ и проанализированы направления в развитии медиа как результат конвергенции и интеграции СМИ [13].

В авторской работе «Функционирование "мы-медиа" в условиях инфодемии: проблемы безопасности» нами подчёркивалось: «экология СМИ подверглась беспрецедентному сдвигу, и сегодня сетевые медиа характеризуются интерактивностью и автономностью, что значительно улучшает свободу прессы, что также является ценностью» [14].

Обзор научной литературы показал, что анализу ценностных аспектов функционирования СМИ в конкретных ситуациях придаётся большое значение. Вместе с тем в теории массовой коммуникации недостаточно исследований, посвящённых ценности СМИ, функционирующих в условиях чрезвычайной ситуации.

Результаты исследования и их обсуждение. В связи с появлением новых средств коммуникации сетевые медиа играют всё более важную роль в формировании общественного мнения и консенсуса, а основные СМИ, которые изначально находились в центре внимания, рискуют оказаться на обочине майнстрима [15]. Отчёт Social flagship report Q3 2020 о тенденциях в социальных сетях за третий квартал, опубликованный организацией GlobalWebIndex в сентябре 2020 г., показывает, что сетевые медиа стали краеугольным камнем потребления цифровых новостей и демонстрируют выдающиеся результаты в поиске и получении последних новостей, текущих событий и жизненных услуг¹. Однако эпидемия COVID-19 ускорила глобальную тенденцию полагаться на сетевые медиа для обновления информации². Кроме того, Организация We Are Social вместе с Hootsuite выпустила отчёт Digital 2020 October Global Statshot Report, согласно которому за последние 12 месяцев пользователи почти всех ведущих мировых сетевых медиа (Instagram (запрещён в Российской Федерации), Snapchat, TikTok) добились значительного роста, - более чем на 12 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего

¹ Social flagship report Q3 2020. – Текст: электронный // GlobalWebIndex.pdf. Web. URL: https://www.qwi. com/hubfs/Downloads/2019%20Q2-Q3%20Social%20 Report.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

² Маруф М. А., Икбал У., Ли Ю. Инфодемика социальных сетей во время пандемии COVID-19. - Пекин: ВМЈ (онлайн), 2020.

Ли Инин

года¹. Увеличение числа пользователей отражает постоянную значимость сетевых медиа. Мониторинг СМИ показал, что во время эпидемии ценность сетевых медиа отражена в следующих аспектах:

1. Социальная ценность заключается в донесении до всеобщего внимания голосов простых людей и фокусировании на потребности в выражении эмоций.

Обзор исследований продемонстрировал наличие общей социальной ценности. Во время эпидемии традиционные СМИ уделяли больше внимания таким группам, как государственные чиновники, авторитетные эксперты и медицинский персонал. Таким образом, не уделяли внимания обычным людям. Новые медиа технически преодолевали барьеры простых людей в выражении своей речи, их технологические преимущества делали сетевые медиа более способными защитить голос обычных людей по сравнению с институциональной системой и традиционными СМИ. Сетевые медиа сами по себе обладают интерактивностью, предоставляют большинству пользователей, которые в прошлом хранили молчание, возможность активного выражения своих мнений [16; 19]. Согласно китайскому исследованию «Анализ эмоций и психологической динамики интернет-пользователей в чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения – на примере инцидента "Новая коронавирусная пневмония"», с использованием алгоритма нейронной сети CNN для анализа эмоциональной тенденции 92347 текстовых данных Weibo, связанных с «эпидемией коронавирусных пневмонией» с 11 декабря 2019 г. по 12 февраля 2020 г., отмечено, что «в сетевом медиа Weibo количество постов с отрицательными эмоциями было выше, чем количество постов с положительными эмоциями (тексты с негативными эмоциями составляли 63,5 %, а тексты с позитивными эмоциями – 36,5 %)» [17].

Исследование показало, что чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения тесно связаны с жизненно важными интересами населения. Общественность, как правило, чувствительна к такой информации. На самом раннем этапе таких инцидентов, если авторитетная информация

не будет своевременно и открыто обнародована, то это легко приведёт к вирусному распространению негативных замечаний и даже сформирует феномен поляризации эмоций в различных социальных группах. Появление данного феномена согласованности коллективной негативной эмоции может привести к удвоению общественной социальной незащищённости. Однако соответствующее негативное эмоциональное смещение также играет определённую роль в содействии позитивному развитию события.

Теория стресса подчёркивает, что смещение негативного внимания является своего рода мерой самозащиты человека. Люди склонны отдавать предпочтение негативной информации, а не позитивной. Уделяя приоритетное внимание негативной информации, аудитория может лучше определить цели угрозы и подготовиться заранее. Это способствует выживанию и развитию человечества. В самом начале вспышки эпидемии коронавируса наблюдалось больше негативных явлений эмоциональной поляризации, таких как страх и тревога. Этот феномен не означает, что сетевые пользователи пессимистично и негативно относятся к самому событию. Скорее всего, это проявление психологической реакции людей и их желания, чтобы эпидемия закончилась как можно скорее. В начале 2020 г. эпидемия развивалась в позитивном направлении, и скрытые опасности, угрожающие общественной безопасности, контролировались. Позднее позитивный оптимизм среди общественности стал превалировать.

По состоянию на июнь 2020 г. тема «Уханьского дневника» в китайских сетевых медиа Weibo обсуждалась 4,216 миллиона раз. На постах зафиксировано: время 76-дневной изоляции людей в Ухане стало самым трудным временем для людей из всех слоёв общества². Среди постов зафиксировано много позитивных (например, отмечалось воодушевление Уханьских масс, люди старались преодолеть трудности эпидемии), что полностью подтверждало: в условиях чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения распространение социальных сетей играет положительную роль в снятии психологического напряжения людей и повышении сплочённости общества. Огромное количество со-

¹ We Are Social Hootsuit. – Текст: электронный // Digital 2020 October Global Statshot Report. – 2020. – 23 April. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2020-october-global-statshot (дата обращения: 30.07.2022).

 $^{^2}$ Вейгуан X. «Уханьский дневник — 2020»: запись любви и тепла Уханя с помощью Vlog // Media. — 2021. — № 7. — С. 3.

Li Yingying

общений в Weibo является доказательством того, что сетевые медиа гарантируют простым людям право голоса.

Новости, которыми делится аудитория, сопровождая их эмоциями, такими как печаль, гнев и горе, могут быть опубликованы только в сетевых медиа.

2. Ценность коммуникации заключается в преодолении ограничений межсоциального и международного диалога и открытии информационных каналов.

Сетевые медиа преодолевают ограничения, налагаемые географическими и физическими условиями, реализуют диалоги на расстоянии между разными субъектами коммуникации. Этот прорыв отражается в двух аспектах: во-первых, в передаче информации между правительством и народом, что имеет большое значение для открытости правительства в государственных делах, сетевого наблюдения за общественным мнением и обратной связи с общественным мнением, во-вторых, во взаимной коммуникации между народами. В эпоху традиционных СМИ распространение информации между правительством и общественностью происходит методом коммуникации, осуществляемой вертикально - сверху вниз, что является её недостатком, поскольку запаздывает обратная связь. Профессор Уолтер Ян Липкин, американский эксперт по инфекционным заболеваниям, известный как «охотник за вирусами», в интервью CCTV отметил, что «многие люди больше не получают информацию из газет, радио и телевидения, а привыкают не только получать информацию через платформы сетевых медиа, но и верят в такую информацию»¹.

В современной медиасреде взрывной эффект распространения информации больше не вызывает удивления. Развитие эпохи придало ценности СМИ новый смысл, так как развитие коммуникационных технологий создало условия для своевременного распространения новостей. В условиях конкуренции сетевые СМИ имеют преимущества перед традиционными, так как передают информацию быстрее. В результате коммуникационная ценность сетевых медиа проявляется в превращении «своевременного распространения новостей» в «передачу в реальном времени».

Децентрализация сетевых медиа нарушила первоначальную схему коммуникации. Сетевые медиа стали мощным центром формирования общественного мнения. поскольку каждый пользователь сетевых медиа может стать производителем и потребителем информации. Осознавая необходимость взаимодействия правительства с народом, государственные ведомства стали открывать официальные аккаунты на сетевых платформах для оперативного реагирования на запросы аудитории.

В прошлом году Санкт-Петербург уже стал одним из лидеров по работе с населением через сетевые медиа, в топ также вошли Вологодская, Челябинская и Самарская области и Ханты-Мансийский автономный округ - Югра. Так, за первый квартал прошлого года в Санкт-Петербурге от местных жителей через социальные сети поступило 22 137 сообщений, через платформу «Госуслуги. Решаем вместе» - 41 250 сообщений². Одной из самых популярных тем запросов стала вакцинация от COVID-19. Подобные ресурсы во время эпидемии использовались в Китае. Так, Государственный совет создал платформу «взаимодействия правительства и гражданского общества» в WeChat для сбора мнений и предложений общества по профилактической и контрольной работе. Это даёт возможность общественности своевременно сообщать правительству о различных проблемах, существующих в борьбе с эпидемией, и ускорять темпы победы в борьбе с эпидемией. В случае физической изоляции бесперебойный поток информации обеспечивает эффективный диалог с населением и помогает стабилизировать психологическое состояние людей.

3. Ценность пропаганды выражается в сплочении народов и содействии социальному сотрудничеству.

Перед лицом серьёзных социальных чрезвычайных ситуаций пропагандистская ценность сетевых медиа проявляется в повышении морального духа, сплочённости и

¹ Шаньмин Ц. Известный американский эксперт по инфекционным заболеваниям: СМИ играют большую роль в предотвращении эпидемий и борьбе с ними. - Текст: электронный // CRI Online. - URL: https:// baijiahao.baidu.com/s?id=1659234960374556153&wfr=sp ider&for=pc (дата обращения: 30.07.2022).

² Петербург стал одним из лидеров по работе с населением через соцсети. - Текст: электронный // Новости Курортного района Санкт-Петер-URL: http://www.kurort-news.ru/news/2021-04-29/peterburg-stal-odnim-iz-liderov-po-rabote-szhitelyami-cherez-sotsseti/?utm_source=yxnews&utm_ medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex. ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 30.07.2022).

Ли Инин

служении общей ситуации социального развития. Под влиянием интернета претерпели глубокие изменения как структура СМИ, так и способы общения, технологии связи. В освещении пандемии основные сетевые медиа придерживались позиции общественного мнения, играли синергетическую роль, объединяли технические ресурсы, внедряли инновационные методы коммуникации, повышали производительность интегрированных новостей с помощью коротких видеороликов, прямых трансляций и т. д. В целях демонстрации ценности публичности создатели медиапроектов запускали качественный контент.

В начале вспышки эпидемии основные сетевые медиа Китая (CCTV) объединились, используя форматы прямой трансляции («медленная прямая трансляция», «мобильная прямая трансляция», «подключённая облачная прямая трансляция») и запускали в своих мобильных приложениях инновационную прямую трансляцию «Эскорт для ангелов», представляющую трогательные истории медработников во время уханьской эпидемии [18]. Главное ценностное предложение большинства СМИ - «Мы даём людям знать, что происходит»¹. Прямые трансляции сетевых медиа способствовали эффективному устранению ложных слухов, распространяя максимально достоверные записи, пытались снять беспокойство и напряжение пользователей, передать тепло и позитивную энергию и укрепить решимость общественности на борьбу с эпидемией [19].

Заключение. В эпоху глобальной коммуникации асимметричная, односторонняя и локальная модель коммуникации традиционного общества была нарушена, и скрытая общественность получила право

голоса, сформировав многополярную модель коммуникации. Во время эпидемии COVID-19 сетевые медиа объединяли прогрессивные силы добра для сплочения вокруг общей социальной ценности — всеобщего здоровья.

В условиях современной информационной эпидемии необходимо повышать медиаграмотность, очищать киберпространство, создавать благоприятную атмосферу для распространения сетевых медиа, формировать здоровую и процветающую сетевую культуру. С одной стороны, сетевые медиа призваны осознавать смысл и ценность своего существования в процессе распространения информации, быть справедливыми, бескорыстными и скромными в отношении своей аудитории, служить людям и обществу. Это касается и коммерческих медиа, которые помимо достижения экономических интересов должны понимать сложившуюся ситуацию и оценивать общую тенденцию – брать на себя инициативу и бремя распространения знаний, осуществлять общую государственную политику. С другой стороны, сетевые медиа должны выступать единым фронтом в ценностной концепции распространения информации. В настоящее время существуют десятки тысяч медиа-платформ, конкурирующих друг с другом. Желательно их объединение в сознании позитивной энергии, организованной на сохранении общих ценностей.

Таким образом, когда сетевые медиа распространяют информацию, им необходимо проявлять инициативу, брать на себя ответственность, предпринимать активные действия, внедрять инновационные идеи и находить успешный способ формирования ценностей для общества.

Список литературы

- 1. Московкина Ю. Ю. Новые медиа как средства массовой информации. Текст: электронный // Молодой учёный. 2018. № 52. С. 239–241. URL: https://moluch.ru/archive/238/55136/ (дата обращения: 14.05.2022).
- 2. Казиев В. М. Медиаграмотность как основа информационно-коммуникационной и социально-психологической безопасности в цифровом обществе // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2020): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (19–21 ноября 2020 г.). М.: МГППУ, 2020. С. 80–87.
- 3. Землянский А. В. Причины возникновения инфодемии: сравнительный анализ освещения эпидемии SARS и пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2021. Т. 26, №. 3. С. 570–579.
- 4. Пэнчэн Ц., Лу Ч. Анализ распространения слухов в эпоху новых медиа // Журнал журналистских исследований. 2019. № 15. С. 88–89.

¹ Понимание ценности в СМИ: мнение потребителей и отрасли. – URL: https://www.weforum.org/reports/value-in-media (дата обращения: 30.07.2020). – Текст: электронный.

- 5. Лассуэлл Х. Структура и функция коммуникации в обществе // Коммуникация идей / под ред. Л. Брайсона. Нью-Йорк: Harper, 1948. С. 32–51.
 - 6. Шрамм В. Массовые коммуникации. Урбана, Иллинойс: Изд-во Иллинойского университета, 1949.
- 7. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб.: СПбГУ, 2010. 52 с.
- 8. Нигматуллина К. Р. Ценность информации как предмет аксиологии журналистики // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: материалы 55-го междунар. форума (21–22 апреля 2016 г.) / отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций, 2016. № 2. C. 154-157.
- 9. Сидоров В. Ценностные константы и переменные в медиасфере России XXI века // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: материалы 55-го междунар. форума (21-22 апреля 2016 г.) / отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций, 2016. № 2. C. 157-160.
- 10. Пронина Е. Е. Потребность в правде одна из приоритетных ценностей // МедиаТренды. Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова на события в СМИ. 2012. № 1.
- 11. Пей Л. Юй Гомин: «Вторая половина» Интернета предоставит возможности для трансформации традиционных медиа. Пекин: China Radio and Television Press. 2018. № Z1. С. 152–155.
- 12. Сяойи М. Значение китайских СМИ в межкультурной коммуникации // Академический журнал Китайского радио и телевидения (Пекин). 2013. № 9. С. 29–31. DOI: CNKI: SUN: GDXK.0.2013-09-015.
- 13. Цзянь Г. Реконструкция ценностей в трансформации печатных СМИ и развитии интеграции СМИ // Журналистика (Пекин). 2015. № 15. С. 41-44.
- 14. Ли Инин. Функционирование «мы-медиа» в условиях инфодемии: проблемы безопасности // Региональная информатика (РИ-2020): материалы XVII Санкт-Петербургской международной конференции (г. Санкт-Петербург, 28–30 октября 2020 г.).. СПб.: СПОИСУ, 2020. Ч. 1. 393 с. С. 262–264.
- 15. Припоров Е. С. Роль и влияние «Новых СМИ» в современном мире // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. №. 3–1. С. 251–255.
- 16. Мельник Г. С. Новые технологии медиапроизводства: достижения и издержки. Текст: электронный // Челябинский гуманитарий. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tehnologiimediaproizvodstva-dostizheniya-i-izderzhki (дата обращения: 30.07.2022).
- 17. Вэньхао П., Цзиньцзинь Л., Бикай Х. и др. Анализ эмоций пользователей Интернета и психологической динамики в чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения – на примере инцидента «Новая коронавирусная пневмония» // Media Observation (Пекин). 2020. № 7. С. 10–15.
- 18. Тайсюй Ч., Хунчжэнь Х. Рост и причины медленных прямых трансляций в новом отчёте об эпидемии короны // Молодые репортёры. 2020. № 682. С. 88-89.
- 19. Синьбо В. Несколько способов для новых медиа подключиться и вести прямую трансляцию в условиях нормализации профилактики эпидемий и борьбы с ними // Research on Communication Power. 2021. No. 18. Pp. 51-53.

Сведения об авторе

Ли Инин, аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; e-mail: yingyingli2701@outlook.com; https://orcid.org/0000-0001-6444-7627.

Для цитирования

Ли Инин. Ценность сетевых медиа как источника информации об эпидемии COVID-19 // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 157–164. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-157-164.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 23.09.2022.

References

- 1. Moskovkina, Yu. Yu. New media as mass media. Young scientist, no. 52, pp. 239–241, 2018. (In Rus.)
- 2. Kaziev, V. M. Media literacy as a basis for information and communication and socio-psychological security in a digital society. Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2020). Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. 2020. Pp. 80–87. (In
- 3. Zemlyansky, A. V. Causes of the infodemic: a comparative analysis of the coverage of the SARS epidemic and the COVID-19 pandemic. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism, journalism, no. 3, pp. 570-579, 2021. (In Rus.)

Ли Инин

- 4. Pengcheng, T., Lu, C. An analysis of the spread of rumors in the era of new media. Journal of Journalistic Research, no. 15, pp. 88–89, 2019. (In Chin.)
- 5. Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society. The Communication of Ideas / ed. by L. Bryson. N. Y.: Harper, 1948. Pp. 32–51. (In Engl.)
 - 6. Shramm, V. Mass communications. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1949. (In Engl.)
- 7. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism at the beginning of the 21st century). Dr. sci. diss. abstr. SPb., 2010. (In Rus.)
- 8. Nigmatullina, K. R. The value of information as a subject of axiology of journalism. Century of Information. Media in the modern world. Petersburg readings: mater. 55th Intern. Forum (April 21–22, 2016) / ed. by S. G. Korkonosenko. 2016. No. 2. St. Petersburg: Higher school of journalism and mass communications, 2016. Pp. 154–157. (In Rus.)
- 9. Sidorov, V. Value constants and variables in the Russian media sphere of the XXI century. Century of Information. Media in the modern world. Petersburg readings: materials of the 55th Intern. Forum (April 21–22, 2016) / ed. by S. G. Korkonosenko. 2016. No. 2. St. Petersburg: Higher school of journalism and mass communications, 2016. Pp.157–160. (In Rus.)
- 10. Pronina, E. E. The need for truth is one of the priority values / Elena Evgenievna Pronina. Media Trends. An expert view of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University on events in the media, no. 1, p. 6, 2012. (In Rus.)
- 11. Pei, L. Yu Guoming. The "second half" of the Internet will provide opportunities for the transformation of traditional media. Beijing: China Radio and Television Press, no. Z1, pp. 152–155, 2018. (In Chin.)
- 12. Xiaoyi, M. The Importance of Chinese Media in Intercultural Communication, Beijing: Academic Journal of Chinese Radio and Television, no. 9, pp. 29–31, 2013. DOI: CNKI: SUN: GDXK.0.2013-09-015. (In Chin.)
- 13. Jian, G. Reconstruction of values in the transformation of print media and the development of media integration. Beijing: journalism, no. 15, pp. 41–44, 2015. (In Chin.)
- 14. Li Yingying. Functioning of "we-media" in the conditions of infodemic: security problems. Regional Informatics (RI-2020). XVII St. Petersburg International Conference "Regional Informatics (RI-2020)". St. Petersburg, October 28–30, 2020: Conference Proceedings. Part 1 / SPOISU. St. Petersburg, 2020. Pp. 262–264. (In Rus.)
- 15. Priporov, E. S. The role and influence of "New Media" in the modern world. Bulletin of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University, no. 3-1, pp. 251–255, 2014. (In Rus.)
- 16. Mel'nik, G. S. New technologies of media production: achievements and costs. Chelyabinsk. Humanitarian, no. 4, 2020. Web. 30.07.2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tehnologii-mediaproizvodstva-dostizheniya-i-izderzhki. (In Rus.)
- 17. Wenhao P, Jinjin L, Bikai H. et al. Analyzing Internet User Emotions and Psychological Dynamics in Public Health Emergencies Case Study of "New Coronary Pneumonia" / Pang Wenhao, Li Jinjin, He Bikai et al. // [J]. media observation, no.7, pp.10–20, 2020. (In Chin.)
- 18. Taixu Ch, Hongzhen H. Growth and reasons for slow live broadcasts in the new corona epidemic report. Young reporters, no. 682, pp. 88–89, 2020. (In Chin.)
- 19. Xinbo W. Several ways for new media to connect and broadcast live in the context of the normalization of epidemic prevention and control. Research on Communication Power, no. 18, pp. 51–53, 2021. (In Chin.)

Information about the author

Li Yingying, Postgraduate Student; Saint Petersburg State University; 7-9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; e-mail: yingyingli2701@outlook.com; https://orcid.org/0000-0001-6444-7627.

For citation

Li Yingying. A Study of the Value of Network Media in Covering the COVID-19 Epidemic // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 157–164. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-157-164.

Received: August 15, 2022; approved after reviewing September 20, 2022; accepted for publication September 23, 2022.

http://www.zabvektor.com

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-165-175

Печать Квебека сквозь призму медиарегионализма: от зарождения до эпохи цифровизации (XVIII – начало XXI в.)

Елена Феликсовна Овчаренко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия felicella@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8960-502X

В настоящее время особенно ощутимо беспрецедентное давление на национальные языки и культуры глобальной англоязычной цифровой трансформации мира. Однако актуальность темы нашего исследования обусловлена и другой проблемой – сохраняющимся в ряде многонациональных государств неравноправием в информационной сфере, что вызывает ответную реакцию представителей какой-либо национальности. Подобная реакция рассматривается на примере печати Квебека - единственной франкоязычной провинции Канады. Явление медиарегионализма (наш термин – определение реакции франкофонов Квебека на их тотальное информационное англоязычное окружение) практически не изучается отечественными исследователями. Цель статьи – привлечь к ней внимание российского научного сообщества. Гипотеза исследования такова: на материале франкоязычной печати Квебека обосновать утверждение, что его информационная политика обрела исторически сложившуюся особенность - медиарегионализм, небезуспешно отстаивающий культурно-исторические ценности Квебека. Ключевым аспектом поставленной научной проблемы явилось формулирование научного определения медиарегионализма и характеристика его периодов. что и стало конкретным результатом исследования. в ходе которого нами применялась методология комплексного анализа. При обсуждении результатов исследования мы были вынуждены отметить, что медиарегионализм, с одной стороны, надёжно защищает идентичность квебекцев, но с другой – уподобляется хорошо известной редакционной самоцензуре: уделяя основное внимание языку, традициям и культуре Квебека, он лишает читателей иных тем (например, международных новостей, информации из других провинций Канады). Говоря о выводах и перспективах исследования, отметим, что, зная упорное стремление жителей Квебека бороться за свою идентичность, можно утверждать: медиарегионализм там уже более двух с половиной веков является своеобразной защитой от внешних деструктивных факторов – будь то переход к Британской короне в XVIII в. или глобальная англоязычная цифровая трансформация мира XXI в. Учитывая тот факт, что в мире немало многонациональных государств с аналогичной информационной проблемой, исследования в этом направлении необходимо продолжать.

Ключевые слова: информационное неравенство, франкоязычная пресса Квебека, франкоканадский национальный вопрос, медиарегионализм/локализм, монолингвизм Квебека vs официальный билингвизм Канады, защита идентичности

Original article

The Press of Quebec Through Media Regionalism Prism: From Origin to Digital Epoch (XVIII – the beginning of the XXI century)

Elena F. Ovcharenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia felicella@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8960-502X

Today all national languages and cultures feel this inconceivable pressing by global English-Language digital world transformation. In addition, we examine second actual problem – information inequality in multinational countries and "answer-reaction" of one national minority. Quebec is the only French-speaking province of Canada. We present agenda of Quebec French-language press during two centuries through Media Regionalism – our specific term for reaction of Quebec Francophones constantly surrounded by total English-speaking information environment. Practically, media regionalism is not studied by Russian researchers. Analyzing Quebec French-language press as material we formulate hypothesis of research: media regionalism is its historical feature, which defends successfully cultural and traditional values of Quebec. Key aspect of the present research problem is scientific definition for media regionalism. For characterization of media regionalism evolution in Quebec we used mainly the methodology of complex analysis. As a result, we should note that media regional® *Овчаренко Е. Ф., 2022*

Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4

lism, on the one hand, defends Quebec identity, but on the other hand, reminds self-censorship of newspapers. Elucidating the questions of French language, Quebec traditions and culture, media regionalism refuses international news, information of other Canadian provinces, etc. Seeing media regionalism as the basis of Quebec information politics during more than two centuries, we can predicate its future great vitality for French-language press. Quebec media regionalism is peculiar defense from external destructive factors – such as transition to British Crown in the XVIIIIth century or global digital world transformation in the XXIth. Media regionalism information problem is important for many other multinational countries. Finally, it is necessary to continue these studies.

Keywords: information inequality, French-language press of Quebec, French-Canadian question, media regionalism/localism, Quebec monolingualism vs Canada official bilingualism, identity protection

Введение. Одна из самых актуальных проблем современного регионального информационного пространства – медиарегионализм, который практически не изучен отечественными и зарубежными учёными. Его актуальность - в очевидном неравноправии в информационной сфере отдельных регионов ряда многонациональных многоязычных государств федеративного типа, к которым относится и Канада. Квебек – единственная франкоязычная провинция этой страны и крупнейший франкофонный регион мира после Франции, поэтому есть некая несправедливость в том, что, несмотря на открытие этой страны в 1534 г. французом Жаком Картье, информационная картина мира посредством печатных СМИ формировалась в сознании франкофонов Квебека долго и сложно. Сначала было нежелание первой метрополии (Франции) создавать в колонии типографии. Затем по итогам Семилетней войны Новая Франция перешла к Британской короне (1763), и для колонии с 65 000 человек франкофонного населения официальным языком был объявлен английский, что породило так называемый «франкоканадский национальный вопрос» - протест франкоканадцев против «англизации», защита своей идентичности [1, с. 27-28]. Однако именно тогда в новой британской колонии Квебек стала издаваться двуязычная «Квебекская газета» (1764) американцев шотландского происхождения У. Брауна и Т. Гилмора. Она готовилась на английском языке, затем переводилась на французский. Период такого «неофициального» билингвизма, когда владельцы газет, вслед за У. Брауном и Г. Гилмором, стремились издавать их на английском и французском языках одновременно, продолжался недолго [2, с. 110, 111] – до начала XIX в., когда появились два периодических издания-оппонента: англоязычная газета «Квебек Меркури» в 1805 году и франкоязычная «Канадьен» в 1806 г.

Построив свою редакционную политику на защите интересов франкоканадцев от

нападок «Квебек Меркури» [3, с. 16], «Канадьен» положила начало особой информационной политике франкоязычной прессы Квебека, которую мы определили термином медиарегионализм и которая характерна для неё до сих пор. Хронологические рамки нашей статьи охватывают 200 лет от основания первой газеты Квебека на французском языке (1806) до крайне важного для Квебека события — официального признания существования квебекской нации Парламентом Канады в 2006 г., за что так деятельно боролась франкоязычная пресса Квебека.

Предлагаемая исследовательская гипотеза заключается в следующем: на основе ретроспективного анализа печатных франкофонных СМИ Квебека (1806—2006) можно утверждать, что информационная политика Квебека обрела исторически сложившуюся особенность — «медиарегионализм». Ключевым аспектом поставленной научной проблемы является формулирование научного определения медиарегионализма. Основная цель исследования — привлечение внимания отечественного медиасообщества к этой проблематике¹.

В 2020 г. в ведущем журнале медиаисследователей Канады «Канадиан Джорнэл оф Коммюникейшн» появилась рецензия на книгу Кристофера Али «Медиалокализм: местная политика»². Рецензент Роберт Грант Прайс подчёркивал: «Существенно, что книга Али — первое исследование медиалокализма Канады, и уже по этой причине заслуживает внимания научного сообщества» [4, с. 181]. Позволим себе поправить профессора из Университета Торонто: к проблемам локальных/региональных СМИ Квебека обращались ещё в 2000-х гг. ка-

¹ Отметим, что англоязычные исследователи Канады пользуются термином «медиалокализм», а квебекские учёные-франкофоны сходным термином "local" традиционно обозначают городские новости и события города — административного центра какого-либо района/области, где издаются периодические издания, а «régional» — это новости и события его окрестностей.

² Ali Ch. Media Localism: The Policies of Place. – Champaign, 2017. – 272 p.

Ovcharenko E. F.

надские исследователи Даниэль Жиру и Филипп Маркотт из Центра изучения медиа Лавальского университета (г. Квебек), работы которых мы используем в данной статье¹. Отечественные учёные, например, профессора Р. П. Овсепян (2008) и В. В. Тулупов (2011) также отмечали важность изучения и внимания к проблемам региональных/местных медиа², однако основательно разработана эта тема была пока лишь для одного российского региона на небольшом временном отрезке - в докторской диссертации Н. В. Жиляковой «Журналистика Томской губернии второй половины XIX - начала XX века: идея областничества» (2012)³. Поэтому существенным ресурсом для нас стали работы канадских авторов - первого историка литературы и журналистики Квебека аббата Камиля Руа (1870–1943)⁴, а также каталоги прессы провинции под руководством наших современников Андре Больё (род. в 1936 г.) и Жана Амлена (1931–1998)⁵. Из отечественных источников - кандидатская диссертация Н. И. Ванниковой (1931–2017)⁶. Современное состояние франкоязычной прессы Квебека помогли проанализировать исследования Центра изучения медиа Лавальского университета и оцифрованная периодика, представленная на сайте Национального архива и Библиотеки Квебека⁷.

Методология и методы исследования. Исследование носит междисциплинарный характер, и мы использовали методологию комплексного анализа, позволившего рассмотреть медиарегионализм как сочетание журналистских практик и законодательных инициатив региональной власти на фоне политических и социальных перемен в Квебеке. В нашем исследовании методология комплексного анализа также потребовала применения общенаучного метода историзма.

Впервые особый тип информационной политики франкоязычных печатных СМИ Квебека, определённый нами термином «медиарегионализм», очень верно описала в 1981 г. Королевская комиссия по газетам (Комиссия Кента): «Франкоязычная журналистика с самого начала взяла на себя единственную миссию - спасти нацию, как говорили раньше, и этот священный долг настраивал на определённое презрение к обыкновенным новостям и большую привязанность к анализу, патриотическим тирадам и проповедям. Журналистский Пантеон Французской Канады населён в своём преобладающем большинстве памфлетистами и авторами передовых статьей. Простой репортёр здесь не фигурирует. ...Франкоязычный журналист, как священник или политик, волей-неволей всегда был наделён определённой национальной миссией» [5, с. 23, 31].

Результаты исследования. Действительно, после возникновения франкоканадского национального вопроса информационная политика печатных франкоязычных изданий Квебека сосредоточилась на защите родного языка, обычаев, традиций, вероисповедания и культуры. Исследуя франкоязычную печать Квебека сквозь призму медиарегионализма, мы выделили пять периодов его развития. Остановимся на их характеристике, чтобы в итоге придти к обоснованному определению такого явления.

Первый период – это *«медиарегиона***лизм защиты»**. Как справедливо отмечал квебекский историк литературы и журналистики аббат Камиль Руа, «именно с "Канадьен" (1806) начинается настоящая история франкоканадской журналистики. На её страницах впервые проявляется пыл нашей

Charlton S., Giroux D., Lemieux M. Comment les Québécois s'informent-ils? - Québec: Centre d'études sur les médias de l'Université Laval. 2013. – 125 p.: Giroux D. (dir.) et Marcotte Ph. La presse hebdomadaire régionale du Québec; analyse de son contenu. - Québec: Centre d'études sur les médias de l'Université Laval, 2007. – 60 p.; Giroux D. Les medias en chiffres (en français) // Северные грани. – 2010. – № 1. – С. 81–87.

² Овсепян Р. П. Региональная журналистика в условиях глобализации // Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика». - 2008. - № 6. -С. 9-18; Тулупов В. В. Перспективы местной прессы // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова: Изд-во Моск. ун-та, 2011. - С. 24-25.

³ См.: Жилякова Н. В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX - начала XX века: идея областничества: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. - СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2012. - 48 с.

⁴ Roy Camille. Manuel d'histoire de la littérature canadienne de la langue française. 21me éd. - Montréal, 1959. - 201 p.

⁵ Beaulieu A., Hamelin J. La presse québécoise des origines à nos jours. Tome premier: 1764-1859. -Québec: Les presses de l'Université Laval, 1973. – 268 p.; Tome quatrième: 1896-1910. - Québec: Les presses de l'Université Laval, 1979. – 417 p.

⁶ Ванникова Н. И. Франкоязычная литература Канады: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. - М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1970. - 503 с.

⁷ Québec,s Highways. – URL: https://numerique. bang.gc.ca/patrimoine/details обращения: (дата 24.07.2022). - Текст: электронный.

политической прозы»¹. Отечественный историк В. А. Тишков подчёркивал: «Противоречия между двумя основными национальностями особенно обострились в первые десятилетия XIX века, когда власти колонии и метрополии начали осуществлять политику открытого притеснения франкоканадского населения страны. Франкоканадцы были практически отстранены от политического управления страной и составляли основную массу эксплуатируемого населения…» [6, с. 14].

Главнейшие задачи этого периода заполняли страницы газет «Канадьен» (г. Квебек) и появившейся в 1826 г. в г. Монреале «Минерв»: отстаивание права на французский язык; установление «ответственного правительства» (Независимая выборная законодательная ассамблея для защиты франкоканадцев от произвола британских чиновников); упорное сопротивление англизации, вылившееся в Восстание Патриотов (1837-1838), а после его подавления - в открытое неприятие рекомендации «превратить народ в англичан» прибывшего из Британии лорда Дарэма [7, с. 151-160]. Девизом «медиарегионализма защиты» первой трети XIX века служило юридическое изречение "Fiat Justitia ruot Cœlum!" / «Да восторжествует справедливость вопреки всему!» [8, с. 215] – основатель «Канадьен», депутат Ассамблеи Пьер Бедар (1762-1829) был адвокатом. Существование газеты оказалось отнюдь не безоблачным, что отражает приведённая далее табл. 1 [9, с. 128].

Таблица 1

Британские власти vs франкоязычная «Канадьен»

Запрещена или закрыта	Возобновлена
Запрещена в марте 1810 г.	1817 г.
Закрыта в марте 1818 г.	1820 г.
Закрыта в 1822 г.	С 1825 г. выходит
	всего несколько
	номеров
1822–1824 гг. – не выходила	1831 г.

С 1831 г., после очередного возобновления, газета стала вести борьбу за сохранение идентичности франкоканадцев под девизом «Наши институты, наш язык, наши законы!» ("Nos Institutions, notre Langue et nos Lois!"), выдвинутым новым редактором «Канадьен», профессиональным журналистом

Этьеном Параном (1802–1874)². Право на французский язык (пока лишь в парламентских прениях) было завоёвано в 1848 г., как и «ответственное правительство». Однако новым испытанием для «медиарегионализма защиты» стала идея создания Канадской конфедерации и её образование в 1867 г. — франкоканадцы понимали, что окажутся там в меньшинстве.

Ещё за десятилетие до образования Конфедерации неравноправие двух наций в информационной сфере было очевидным: к 1857 г. в Западной Канаде (с преимущественно англоязычным населением) выходило 159 изданий, тогда как в Восточной (там преобладали франкофоны) - всего 54 [10, с. 11]. В сентябре 1864 г. редактор газеты «Юньон насьональ» Медерик Ланкто (1838-1877) выразил на страницах своего издания мнение большинства франкоговорящих жителей Канады: «Конфедерация собирается утопить франкоканадцев в англосаксонском море. Как нация они имеют право создать автономное государство; это даже является их долгом»³. Действительно, документ о Канадской конфедерации – Акт о Британской Северной Америке (1867) всего одной статьёй № 133 о праве парламентариев-франкофонов выступать на французском языке обозначил двунациональный состав нового государства⁴.

Тем не менее, в последней трети XIX в. часть вновь появившихся франкоязычных газет (например, «Пресс», основанная в 1884 г.) не практиковала «медиарегионализм защиты» и избрала типично англосаксонский подход к информации, став так называемой «телеграфной прессой». Крупный отечественный исследователь массовой коммуникации профессор В. П. Терин (1943—2021) охарактеризовал её так: «...совокупность газет и журналов, которые стали строиться по большей части на основе мгновенно поступающих в их редакции сообщений о разнообразных событиях...» [12, с. 29].

На рубеже XIX-XX вв. сошли со сцены столпы квебекской «медиарегиональной» прессы – газеты «Минерв» (1826–1899) и «Канадьен» (1806–1909), для неё завершился период «медиарегионализма защиты».

¹ Roy C. Manuel d'histoire de la littérature canadienne de la langue française. 21me éd. – Montréal: Beauchemin, 1959. – P. 25.

² Roy Camille. Manuel d'histoire de la littérature canadienne de la langue française. 21me éd. – Montréal, Beauchemin, 1959. – Pp. 26–27.

³ L'Union nationale. – 1864. – 3 September.

⁴ Сначала — Доминион Канада, затем Канадская конфедерация, куда вошли провинции: англоязычный Онтарио и франкоязычный Квебек, выделенные из Канады, а также англоязычные Новая Шотландия и Нью-Брансуик.

Ovcharenko E. F.

Начался второй период, названный нами «медиарегионализмом борьбы», который открылся в 1910 г. созданием новой «медиарегиональной» газеты «Девуар» («Долг») с девизом «Делай, что должно» ("Fais ce que dois"). Её основал в г. Монреале профессиональный журналист - Анри Бурасса (1868-1952), видевший свою миссию в создании идеологической базы для защиты самобытности Квебека. К. Руа писал по этому поводу: «Бурасса внёс вклад во франкоканадскую журналистику не только тем, что поднял её уровень, но и тем, что создал журналистику идей, которая была нам так необходима»¹. На страницах «Девуар» была изложена программа: «Научить франкоканадский народ разумному и деятельному патриотизму, который заставит его понять, полюбить и воплотить в жизнь свой национальный долг, а именно: сохранение его веры и традиций, истинное признание и энергичное требование его конституционных прав» [13, с. 330].

Историки прессы Квебека Андре Больё и Жан Амлен отмечают: «"Девуар" с первых лет своего существования стала газетой борьбы и инструментом повышения роли франкоканадцев в канадском обществе» [Там же, с. 330-331]. Это стремление подхватили многие франкоязычные издания Квебека, которые были заполнены материалами о сопротивлении квебекцев конскрипции во время Первой мировой войны (они не желали воевать за «колониальный» британский империализм), поддержкой первого в истории Квебека Закона о билингвизме общественных предприятий провинции (1910) коллеги А. Бурасса по Законодательной ассамблее Квебека Армана Лаверня, а также Закона о свободе печати (1929) – для содействия франкоязычным изданиям Квебека.

Однако в отличие от своего деда, руководителя Восстания патриотов Луи-Жозефа Папино, известного своими атеистическими взглядами, Анри Бурасса связывал выживание франкоканадцев в англосаксонском окружении исключительно с католической верой, за что его даже называли «католическим Папино» [9, с. 188]. Современные канадские исследователи, например, Венди Прингл, считают, что клерикализм, насаждаемый «Девуар» и другими «медиарегиональными» изданиями, встречал противодействие со стороны остальных девяти англоязычных провинций и существенно тормозил развитие Квебека с самого начала XX столетия: «Из-за традиции цепляться за католицизм - наследие французского колониального прошлого, Квебек экономически был изгнан из общества силами, принимающими решения в Оттаве...» [14, с. 514]. Однако взгляды А. Бурасса разделяли многие журналисты эпохи, например аббат Лионель Гру (1878-1967), основавший собственное издание – «Аксьон франсэз», «журнал, пропитанный клерикально-националистической идеологией», - подчёркивает сайт «Итог века» Университета г. Шербрука (Квебек), посвящённый истории провинции², а затем – журнал, который выходит и в настоящее время, - «Аксьон насьональ». Даже сейчас на его сайте, несмотря на то, что он носит более светский характер, можно прочитать: «"Аксьон насьональ" предоставляет свои страницы всем, кого интересует национальный вопрос»³. Программа нового издания была представлена аббатом Л. Гру в первом же номере: «"Аксьон насьональ" является органом мысли и действия на службе традиций, а также религиозных и национальных основ франкофонной группы населения Америки»⁴.

Несмотря на определённые достижения (Закон Лаверня, первый Конгресс франкоязычных стран в Квебеке в 1912 году, расширение круга «медиарегиональной» прессы), «медиарегионализм борьбы» с его стремлением сплотить франкоканадцев вокруг идеи «веры отцов» и его клерикальной идеологией подготовил почву для прихода к власти реакционной партии Национальный союз во главе с диктатором Морисом Дюплесси (1890–1959), который стал премьер-министром. Квебека в 1936 г.

Этим событием открылся третий период - «изоляционистского медиарегионализма», который продолжался всё время правления Национального союза - с 1936 по 1960 г. (с перерывом в 1939-1944 гг.). Совершенно верно отмечал отечественный исследователь Д. С. Жуков, что реакционной политикой М. Дюплесси «нация была определена в религиозных и лингвистиче-

¹ Roy C. Manuel d'histoire de la littérature canadienne de la langue française. 21me éd. - Montréal: Beauchemin, 1959. - Pp. 153-154.

² Bilan du siècle. Site encyclopédique sur l'histoire du Québec depuis 1900 (Université de Sherbrooke). - URL: https://bilan.usherbrooke.ca/bilan/pages/evenements/257. html (дата обращения: 24.07.2022). – Текст: электронный.

³ Action nationale. – URL: https://action-nationale [nous-joindre (дата обращения: 24.07.2022). - Текст: электронный.

⁴ Action française. 1933. Janvier. - URL: http:// numrique.banq.qc.ca/patrimoine/details/52327/3531325 (дата обращения: 24.07.2022). - Текст: электронный.

ских терминах» [15, с. 72]. Провинция всё больше замыкалась «в себе», опираясь на патриархальность и клерикализм. Именно тогда в прессе Квебека активно стали продвигаться сепаратистские концепции отделения провинции от англоязычной Канады — в многочисленных периодических изданиях, поддерживавших Национальный союз. Основные из них перечислены в табл. 2¹.

Недаром эпоха правления М. Дюплесси получила в квебекской историографии название «Великой тьмы», «Великого мрака» (La Grande noirseur) [16, с. 11; 17, с. 10]. «Медиарегиональные» издания рассказывают о Втором конгрессе французского языка в Квебеке (1937), пишут об утверждении официального флага провинции Квебек (1948), широко освещают референдум о конскрипции во время Второй мировой войны, а в 1957 г. – программу «Лаврентийского союза» (L'Alliance laurentienne), выступавшего за независимость Квебека. Однако два издания сумели подорвать доверие к режиму М. Дюплесси – журнал «Сите либр», основанный в 1950 г., и газета «Девуар». Журнал «Сите либр» утверждал: «Национализм слишком долго маскировал проблемы, поставленные социальным неравенством»², а газета «Девуар», например, сообщала читателям, что в обмен на пять миллионов долларов, внесённых в избирательную кассу Национального союза, американская компания «Айрон ор оф Канада» получала право платить один цент за каждую тонну квебекской железной руды³. Падение режима М. Дюплесси ускорила его скоропостижная кончина в 1959 г. В июне 1960 г. в Квебеке к власти пришла Либеральная партия.

Четвёртый период, «суверенистский медиарегионализм», начался в провинции одновременно с так называемой Тихой революцией 1960-х гг., проходившей под лозунгом «Пришло время перемен» ("C'est le temps que ça change") [17, с. 14]. Отечественный канадовед Ю. Г. Акимов утверждает: «Современный Квебек, безусловно, является детищем Тихой революции» [Там же, с. 19]. Канадская исследовательница В. Прингл заостряет внимание на результатах перемен: «Благодаря Тихой революции Квебек познал быструю секуляризацию, движение к индустриальному развитию, а также выдвинул требование большей политической автономии от Канады. Народ Квебека призвали "стать хозяевами в собственном доме"» (maîtres chez nous) [14, с. 514]. С этим призывом обращалась к аудитории не только франкоязычная пресса.

 Таблица 2

 Периодические издания, поддерживавшие Национальный союз

№ п/п	Название издания	Тип издания. Годы существования	Главный редактор/ директор	Направление издания
1	Le Temps (позднее – L'Unité, Le Temps de l'Union natio- nale)	Еженедельная газета. 1940–1979 гг.	Жан Мартель	Официальный орган На- ционального союза
2	Tradition et Progrès	Журнал. 1957–1962 гг.	Альбер Руа	Поддерживал Национальный союз
3	Notre Temps	Еженедельник. 1956— 1962 гг.	Леопольд Ришер	Поддерживал Национальный союз
4	Laurentie	Журнал. 1957–1963 гг.	Реймон Барбо	Ультра-автономистский, поддерживал Национальный союз
5	Le Courrier laurentien	Газета. 1952–1954 гг.	Андре Дажене	Поддерживала Национальный союз
6	Montréal-Matin (ранее, 1930–1941 гг. – L'Il- lustration, L'Illustration nou- velle)	Газета. 1941–1978 гг.	Роже Дюамель (1947–1952); Жозеф Бурдон (1952–1962)	Издание, с 1947 г. подконтрольное Национальному союзу
7	Nation nouvelle	Газета. IV–VIII 1959 г.	Андре Дажене и отец Гюстав Ламарш	Клерикальная, поддерживала Национальный союз

¹ Таблица составлена по: Gélinas Xavier. La droite intellectuelle et la Révolution tranquille: le cas de la revue Tradition et Progrès, 1957–1962 // The Canadian Historical Review. – 1996. – Vol. 77, no. 3. – September. – Pp. 353–387; Beaulieu A., Hamelin J. La presse québécoise des origines à nos jours. Tome sixième. 1920–1934. – Québec, 1984; Beaulieu A., Hamelin J. La presse québécoise des origines à nos jours. Tome septième. 1935–1944. – Québec, 1985.

² Cité libre. – 1958. – No 19. – Janvier. – P. 28.

³ Le Devoir. – 1956. – 8 août.

Другой канадский учёный Роберт Армстронг подчёркивает особую роль телевидения во время Тихой революции: «Причём не телевидения самого по себе, которое потрясло до основания прежний уклад, а именно появление общественного телевидения, освещавшего роль государства как необходимого инструмента для социального и экономического прогресса Квебека» [18, с. 281].

Когда в 1968 г. в Квебеке появилась суверенистская Квебекская партия со своей знаменитой концепцией «Суверенитет – Ассоциация» (политический суверенитет Квебека при экономической ассоциации с Канадой), её основателем стал бывший популярный тележурналист-международник Рене Левек (1922-1987), будущий премьер-министр Квебека в 1976-1985 гг. Тем не менее, до 1990-х гг. именно франкоязычная «медиарегиональная» пресса сохраняла на информационном поле Квебека лидирующие позиции. В 1985 г. Жак Дорион, президент фирмы «Стратежем», изучавшей СМИ Квебека, отмечал, что несмотря на многочисленные предсказания о наступлении эры телевидения, все СМИ провинции сохраняли свои позиции, а рекламодатели по-прежнему отдавали предпочтение газетам¹.

Самую развёрнутую характеристику «суверенистского медиарегионализма» уже упоминавшаяся Комиссия Кента (1981) в своём отчётном докладе. Во-первых, «франкоязычная читательская аудитория сконцентрирована в ареале немногим шире Бельгии, а внутри этого ареала - в центре деловой и культурной жизни (Монреаль), в крупном городе (Квебек) и в нескольких небольших городах. ...Такие условия франкоязычного рынка прессы дают большинству из его газет охват и резонанс внутри всего франкоязычного сообщества, что незнакомо газетам, распространяющимся по обширным англоязычным регионам» [5, с. 9]. Во-вторых, это специфический контент, связанный с проблемами существования квебекской нации в Канадской конфедерации и с особым предназначением печати Квебека: «В обществе, направляемом интеллектуально и морально газетой под названием "Девуар" (Долг), представление о социальной ответственности прессы обретает особенно благодатную почву, и этим объясняется, почему социальная ответственность печати здесь защищается более энергично, чем в других местах» [Там

же, с. 23]. В-третьих, это, конечно, французский язык печати Квебека: «Квебекские ежедневные газеты дают 94 % национального тиража на французском языке и 5,1 % на английском» [Там же, с. 7]. Так, в 1981 г., когда были опубликованы материалы Комиссии Кента, единственным англоязычным периодическим изданием Квебека оставалась монреальская «Газетт», основанная в XVIII в., а в г. Шербруке выходила небольшая англоязычная газета «Рикорд». Такой дисбаланс сохраняется и в настоящее время. Основная его причина - знаменитая «лингвистическая дуэль» с Оттавой периода «суверенистского медиарегионализма». Когда в 1969 г. главой Либерального правительства в Оттаве Пьером-Эллиотом Трюдо был инициирован федеральный Закон о билингвизме, в его основу была положена доктрина: «В стране есть одна нация - канадцы, говорящие на английском и французском языках». В 1976 г. к власти в Квебеке пришла суверенистская Квебекская партия во главе с Рене Левеком, на следующий же год федеральный закон получил резкую отповедь в виде «Хартии французского языка» (Закона № 101), которая провозгласила французский язык единственным языком Квебека. Более того, Рене Левек вдохновил однопартийцев на проведение двух референдумов о независимом будущем Квебека – в 1980 г. и, уже без него, в 1995 г. (когда сказавших «нет» независимости было больше всего на 1,16 %).

Наконец, пятый период «медиарегионализма квебекских ценностей, или нового квебекского медиарегионализма» (с 1995 г. по настоящее время), показал, что Квебек способен перестроить своё движение к независимости через поиск квебекских ценностей и «новую идентичность», когда квебекцами стали называть всех жителей провинции, независимо от их национальности и вероисповедания. Пока самый значительный результат этого времени – признание квебекской нации Парламентом Канады в 2006 г., почти два с половиной века спустя после перехода Новой Франции к Великобритании и фактического запрета населению этого региона жить по заветам предков. Значение регионального фактора в судьбе человека подчёркивает современный исследователь медиалокализма Канады Кристофер Али: «Истинный регионализм напоминает нам, что местный житель это нечто большее, чем просто рождённый на данном клочке земли. Ведь он формируется

¹ La Presse. - 1985. - 15 mars.

под воздействием истории, событий, мнений, речи и, конечно, самого места рождения» [19, с. 24]. Признание квебекской нации — незаурядное достижение, противоречащее концепции «старой гвардии» федералистов («одна страна — одна нация»), ставшее возможным во многом благодаря франкоязычной прессе Квебека.

Мы уже отмечали, что медиарегионализму франкоязычной печати Квебека всегда был присущ чисто «квебекский» контент. Наши наблюдения подтверждает исследование «Как информируются квебекцы?», подготовленное Центром изучения медиа Лавальского университета (г. Квебек). Его авторы - медиаисследователь Себастьян Шарльтон, генеральный секретарь Центра Даниэль Жиру и социолог Мишель Лемье отметили, что в информационных предпочтениях квебекцев из года в год наблюдается большое сходство. Так, четыре темы пользуются постоянно самой большой популярностью: местные и региональные новости, новости науки, политика правительства Квебека и прогноз погоды. Наименее важными для квебекцев являются (по мере снижения интереса): экономика и финансы, спорт, опросы общественного мнения, материалы о мировых знаменитостях, статьи об автомобилях и о модных тенденциях, наоборот, преобладающие в англоязычной прессе Канады [20, с. 40].

«Квебекские» новости и события – местные, региональные и провинциальные – являются самыми востребованными по сравнению с иными в региональных изданиях провинции, судя по исследованию «Региональная информация. Случай ежедневных газет» (2009) Даниэля Жиру и Филиппа Маркотта (Marcotte) из Центра изучения СМИ Лавальского университета. Выбрав для анализа три газеты – «Солей» (г. Квебек и его обширные окрестности), «Котидьен» (регион Сагеней – Лак-Сен-Жан) и «Трибюн» (регион Эстри и Центра Квебека), они представили их информационное наполнение в виде следующей табл. 31 (2007).

Как мы видим, во всех изданиях информация по Квебеку (наряду с международной) значительно преобладает над информацией по остальной (Английской) Канаде. Большое внимание уделено местной и региональной информации.

Кроме того, вопреки общей современной тенденции уменьшения аудитории традиционных газет, большинство региональных газет Квебека между 2004 и 2008 гг. показали рост тиража (табл. 4)².

Таблица 3 Распределение информации в трёх газетах Квебека¹

Газета	Местная информация	Региональная информация	Квебек	Канада	Международная информация	Иная
«Солей»	24 %	8 %	23 %	9 %	24 %	9 %
«Котидьен»	30 %	31 %	16 %	8 %	10 %	5 %
«Трибюн»	32 %	29 %	16 %	6 %	12 %	5 %

Таблица 4 Ежедневные газеты Квебека: количество постоянных читателей будних выпусков 2

Название издания	2004	2008	Изменение
«Солей» (Квебек)	128 200	155 500	+27 300
«Друа» (Оттава – Гатино)	74 000	88 600	+14 600
«Нувеллист» (Труа-Ривьер)	52 700	54 400	+1 700
«Трибюн» (Шербрук)	42 600	45 400	+2 800
«Котидьен» (Сагеней)	58 300	54 000	-4 300
«Вуа де л'Эст» (Гранби)	23 700	26 700	+3 000
«Пресс» (Монреаль)	459 200	444 600	-14 600
«Девуар» (Монреаль)	77 000	67 500	-9 500
«Журналь де Монреаль»	642 000	578 800	-63 200
«Журналь де Квебек» (Квебек)	204 300	167 400	-36 900
«Газетт» (Монреаль, англ. яз.)	358 100	294 300	-63 800
«Рикорд» (Шербрук, англ. яз.)	1 600	1 200	-400

¹ Данные по: Giroux Daniel et Marcotte Philippe. L'information régionale. Le cas des quotidiens. – Québec, 2009. – Pp. 23, 39, 53.

² Giroux Daniel. Les médias en chiffres (на французском языке) // Северные грани. – 2010. – № 1. – С. 82–83.

Флагманом медиарегионализма в Квебеке по-прежнему остаётся независимая газета «Девуар». Её содержание отражает таблица 5, из чего можно сделать вывод, что происходящее в Квебеке волнует читателей больше всего¹:

Таблица 5

Информационная тематика «Девуар»

Характер информации	Занимаемая в номере площадь, %
События в Квебеке	40
События в Канаде	14
Международные события	20
Реклама	26

Обсуждение результатов исследования. Медиарегионализм как явление присущ ряду многонациональных государств, и мы, используя материал прессы Квебека, характеризуем его следующим образом: медиарегионализм – это предоставление доступа к информации исключительно на национальном языке (что может противоречить законодательству многонациональной страны), наряду с практически не выходящей за пределы региона повесткой дня, не отвечающей информационным запросам населения данной страны в целом. В нашем случае французский язык печатных СМИ современного Квебека, утверждённый Законом № 101 («Хартией французского языка») в 1977 г., противостоит Закону об официальном билингвизме страны (1969) и сочетается со специфическим «квебекским» контентом (защита «квебекских ценностей» - того же французского языка, национальных обычаев, традиций, культуры, католического вероисповедания), что не является актуальным для англоязычной части Канады – девяти остальных провинций.

Исходя из «медиарегионального» опыта франкоязычной печати Квебека, мы отмечаем, что медиарегионализм имеет существенный недостаток: отстаивая доступ к информации на родном языке для «своего» региона, его печатные СМИ невольно становятся заложниками своеобразной «тематической» самоцензуры, подобной широко известной редакционной самоцензуре. В современном Квебеке стремление печатных франкофонных СМИ блюсти лишь интересы квебекской нации (что было исторически оправдано для XVIII—XIX вв.) ограничивает

доступ к ним англофонного и иных меньшинств, а также доступ самих франкофонов к другим видам информации - например, международной или общеканадской из других провинций страны. Это негативное свойство медиарегионализма привело к тому, что в настоящее время в медиа Квебека официальный билингвизм представлен минимально. Важно отметить, что, с одной стороны, правы авторы монографии «Системность массовых коммуникаций: образы "свой – чужой" в инфодемии»: «Национальные ценности - обязательное условие перехода к качественно новой цивилизации; они есть её фундамент» [21, с. 35], но, с другой стороны, в том же медиарегионализме, отстаивающем национальные ценности, присутствует элемент деглобализации - замыкания региона в своём узком мире.

Особенно наглядно это продемонстрировала пандемия COVID-19. Она отразилась на локальном уровне в провинции Квебек сокращением персонала местных предприятий, их закрытием - из-за падения спроса на определённые виды товаров и услуг, правительство Квебека выступило с призывом: «Покупайте квебекское!». С аналогичным призывом к населению обратилась депутат-либерал от избирательного округа Верден Изабель Мелансон – в отношении квебекских СМИ: «Покупать квебекское также значит подписаться на какое-либо местное СМИ, чтобы его поддержать»². Автор статьи о данном призыве депутата Каролин Плант из агентства «Канадиан Пресс» напомнила о мерах поддержки провинциальным правительством местных предпринимателей и уточнила: «Она [Изабель Мелансон] мечтает о такой же "подушке безопасности" для СМИ, которые более чем обычно страдают от колоссального падения рекламных доходов и вынуждены приниматься за увольнения сотрудников из-за кризиса, вызванного COVID-19»³.

Заключение. По нашему мнению, медиарегионализм — тип местной (локальной) информационной политики, проанализированный на примере франкоязычной печати Квебека, где он уже на протяжении двух веков является своеобразной защитой национальных ценностей от внешних деструктивных факторов — будь то переход к Британской короне в XVIII в. или глобальная

¹ Выборка номеров «Девуар» за 2000–2006 гг. для таблицы выполнена автором статьи.

² Le Soleil. – 2020. – 7 avril.

³ Там же.

англоязычная цифровая трансформация мира XXI в.

В последнее время внимание к медиарегионализму в Канаде возросло – с 2018 г. в масштабах страны действует «Проект исследования локальных новостей» ("Local News Research Project")¹. Его задача — изучение факторов, влияющих на освещение локальной информации. Возглавляет проект Эйприл Линдгрен — профессор журналистики Университета Торонто Метрополитэн. Канада занимает второе место в мире после России по протяжённости территории, и очень важно, что данный проект наглядно демонстрирует положительный эффект от использования современных цифровых технологий для привлечения внимания к региональным проблемам.

Подводя итоги, подчеркнём, что медиарегионализм как тип региональной информационной политики печатных СМИ присутствует во многих дву- и многонациональных государствах, поэтому это явление нуждается в подробном исследовании.

Список литературы

- 1. Овчаренко Е. Ф. У истоков печати Квебека (1534–1806). М.: МАКС Пресс, 2017. 88 с.
- 2. Овчаренко Е. Ф. Медиарегионализм как историческая особенность СМИ Квебека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2021. Т. 26, № 1. С. 107–114.
- 3. Beaulieu A., Hamelin J. La presse Québécoise des origines à nos jours. Tome premier: 1764–1859. Québec: Les presses de l'Université Laval, 1973. 268 p.
- 4. Robert Grant Price. Media Localism: The Policies of Place by Christopher Ali // Canadian Journal of Communication. 2020. Vol. 45, no. 1. Pp. 181–183.
 - 5. Royal Commission on Newspapers. Hull: Canadian Government Publishing Center, 1981. 296 p.
- 6. Тишков В. А. Исторические предпосылки Канадской революции 1837 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1969. 19 с.
- 7. Овчаренко Е. Ф. Печать Квебека от зарождения до признания квебекской нации (1764–2006): монография: в 2 т. Т. 1. XVIII–XIX века. М.: МАКС Пресс, 2022. 204 с.
- 8. Harvey Fernand. La presse périodique à Québec de 1764 à 1940. Vue d'ensemble d'un processus culturel / The Periodical Press in Quebec City, 1764–1940. General overview of a cultural process // Les Cahiers des dix. 2004. No. 58. Pp. 213–250.
- 9. Ванникова Н. И. Франкоязычная литература Канады: дис. ... канд. филол. Наук: 10.01.01. М., 1970. 503 с.
 - 10. Kesterton W. H. A History of Journalism in Canada. Toronto: McClelland and Stewart, 1967. 307 p.
 - 11. Desrosiers Adelard. Petite histoire du Canada. Québec: Librairie Garneau Ltee, 1933. 180 p.
- 12. Терин В. П. Человек и общество в электронном окружении: монография. М.: Прометей, 2021. 236 с.
- 13. Beaulieux A., Hamelin J. La presse québécoise des origines á nos jours. Tome quatrième, 1896–1910. Québec: Les presses de l'Université Laval, 1979. 417 p.
- 14. Pringle W. The Autoneige as Workaround: Infrastructural Momentum at The Emergence of the Snowmobile // Canadian Journal of Communication. 2020. Vol. 45, no. 4. Pp. 507–523.
- 15. Жуков Д. С. Квебекский фактор эволюции партийно-политической системы Канады в конце XX начале XXI века: дис. ... канд. полит. наук. 07.00.03. М., 2013. 173 с.
- 16. Lavigne Alain. Duplessis, pièce manquante d'une légende. L'invention du marketing politique. Québec: Septentrion, 2012. 194 p.
- 17. Акимов Ю. Г. Тихая революция в Квебеке и её лидеры: реформаторы или строители нации? // Революция и личность: материалы круглого стола в рамках IX Конвента РАМИ «Диалектика империи: революция vs преемственность» (г. Москва, МГИМО). М.: МАКС Пресс, 2019. С. 7–22.
- 18. Armstrong Robert. La télévision au Québec. Miroire d'une société. Québec: Presses de l'Université Laval, 2019. 322 p.
- 19. Ali Christopher. Media Localism: The Policies of Place. Champaign, IL: University of Illinois Press, 2017. 272 p.
- 20. Charlton S., Giroux D., Lemieux M. Comment les Québécois s'informent-ils? Québec: Centre d'études sur les médias de l'Université Laval, 2013. 125 p.
- 21. Системность массовых коммуникаций: образы «свой чужой» в инфодемии: монография / под ред. В. Л. Музыканта, В. В. Барабаша. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 368 с.

¹ Local News Research Project. – URL: http://localnewsresearchproject.ca/researchers (дата обращения: 24 июля 2022). – Текст: электронный.

Овчаренко Елена Феликсовна, кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: felicella@inbox.ru; https://orcid.org/0000-0001-8960-502X.

Для цитирования

Овчаренко Е. Ф. Печать Квебека сквозь призму медиарегионализма: от зарождения до эпохи цифровизации (XVIII – начало XXI в.) // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 165–175. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-165-175.

Статья поступила в редакцию 21.08.2022; одобрена после рецензирования 24.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

References

- 1. Ovcharenko, E. F. Quebec early media history (1534-1806). M: MAKS Press, 2017. (In Rus.)
- 2. Ovcharenko, E. F. Media Regionalism as a Historical Feature of Quebec Mass Media. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, no. 1, pp. 107–114, 2021. (In Rus.)
- 3. Beaulieu, A., Hamelin, J. La presse québécoise des origines à nos jours. Tome premier: 1764–1859. Québec: Les presses de l'Université Laval, 1973. (In French)
- 4. Price, R. G. Media Localism: The Policies of Place by Christopher Ali. Canadian Journal of Communication, no. 1, pp. 181–183, 2020. (In Engl.)
 - 5. Royal Commission on Newspapers. Hull: Canadian Government Publishing Center, 1981. (In Engl.)
- 6. Tishkov, V. A. Historical prerequisites of Canadian revolution (1837). Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 1969. (In Rus.)
- 7. Ovcharenko, E. F. The press of Quebec: from birth to recognition of Quebec Nation (1764–2006). In 2 v. V. I (XVIII–XIX centuries). M: MAKS Press, 2022. (In Rus.)
- 8. Harvey, F. La presse périodique à Québec de 1764 à 1940. Vue d'ensemble d'un processus culturel / The Periodical Press in Quebec City, 1764–1940. General overview of a cultural process. Les Cahiers des dix, no. 58, pp. 213–250, 2004. (In French)
 - 9. Vannikova, N. I. French-Language Literature of Canada. Cand. sci. diss. Moskva, 1970. (In Rus.)
 - 10. Kesterton, W. H. A History of Journalism in Canada. Toronto: McClelland and Stewart, 1967. (In Engl.)
 - 11. Desrosiers Adelard. Petite histoire du Canada. Québec: Librairie Garneau Ltee, 1933. (In French)
 - 12. Terin, V. P. Man and society in electronic environment. Moscow: Prometei, 2021. (In Rus.)
- 13. Beaulieux, A., Hamelin, J. La presse québécoise des origines á nos jours. Tome quatrième, 1896–1910. Québec, Les presses de l'Université Laval, 1979. (In French)
- 14. Pringle, W. The Autoneige as Workaround: Infrastructural Momentum at The Emergence of the Snowmobile. Canadian Journal of Communication, vol. 45, no. 4, pp. 507–523, 2020. (In Engl.)
- 15. Zhukov, D. S. Quebec factor of Canadian Parties and Political System Evolution at the boundary of the XX–XXI centuries. Cand. sci. diss. Moskva, 2013. (In Rus.)
- 16. Lavigne, Alain. Duplessis, pièce manquante d'une légende. L'invention du marketing politique. Québec: Septentrion, 2012. (In French)
- 17. Akimov, Yu. G. Quiet Revolution in Quebec and its leaders: reformers or nation-builders? Proceedings of the IXth RISA Convention (Moscow, MGIMO). Moskva: MAKS Press, 2019. Pp. 7–22. (In Rus.)
- 18. Armstrong, Robert. La télévision au Québec. Miroire d'une société. Québec: Presses de l'Université Laval, 2019. (In French)
- 19. Ali Christopher. Media Localism: The Policies of Place. Champaign, IL: University of Illinois Press, 2017. (In Engl.)
- 20. Charlton, S., Giroux D., Lemieux M. Comment les Québécois s'informent-ils? Québec: Centre d'études sur les médias de l'Université Laval, 2013. (In French)
- 21. Systemizing of Mass Communications: "our not our" images in infodemy. Ed. by. V. L. Muzykanta, V. V. Barabasha. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2021. (In Rus.)

Information about author

Ovcharenko Elena F., Candidate of Philology; Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; e-mail: felicella@inbox.ru; https://orcid.org/0000-0001-8960-502X.

For citation

Ovcharenko E. F. The Press of Quebec Through Media Regionalism Prism: From Origin to Digital Epoch (XVIII - the beginning of XXI century) // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 165–175. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-165-175.

Received: August 21, 2022; approved after reviewing September 24, 2022; accepted for publication September 28, 2022.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

Очерк

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-176-183

Языковые сообщества в сети: от искусственных языков к естественным Марат Николаевич Чистанов

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия maratchistanov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9002-5604

Деятельность по сохранению и развитию языков этнических меньшинств рассматривается как важнейшая часть действий по сохранению культурного наследия народов, населяющих Российскую Федерацию, обязательность чего закреплена в нашей стране конституционно. Для этнической интеллигенции вопрос о любых попытках каким-либо образом ущемить языковые права народа оказывается весьма болезненным. Данная проблема в отечественной традиции чаще всего рассматривается в традиции лингвистического релятивизма. Этот подход идёт ещё от гумбольдтианской традиции в лингвистике и в современной практике связывается с гипотезой Сепира – Уорфа. При всех достоинствах данного подхода он не лишён ряда недостатков. Теория уникальной языковой картины мира приводит к сакрализации языка, консервируя и ритуализируя его, лишая жизненной силы. Изменение ситуации с функционированием региональных языков возможно либо при ревитализации старых, либо при формировании новых языковых сообществ, в которых язык сможет функционировать как реальное средство коммуникации, получит новую жизнь. Учитывая тот факт, что вернуться к традиционным системам хозяйствования, в которых укоренены языки малых народов, вряд ли возможно, представляется интересным изучение опыта функционирования сообществ современных искусственных языков. Особенный интерес представляют сетевые формы организации таких сообществ, потому что в условиях глобализации возникновение и функционирование локальных языковых сообществ, основанных по географическому принципу, становится затруднено. Этот поворот заставляет иначе взглянуть на проблемы функционирования естественных и искусственных языков: на первый план выходит не внутренняя его структура, семантика и синтактика, а условия его применения и причины, заставляющие людей к нему обращаться, то есть прагматика. Иными словами, проблема жизнеспособности языка - это не столько вопрос о его морфологии и синтаксисе и даже не вопрос о его выразительных возможностях и средствах, сколько вопрос о мотивах языкового поведения людей.

Ключевые слова: лингвистический релятивизм, формальная семантика, лингвистическая прагматика, естественный язык, искусственный язык, сетевое сообщество

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-20099 по теме «Язык и культура: философия связи» (https://rscf.ru/project/22-28-20099/) при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

© Чистанов М. Н., 2022

Feature article

Networked Language Communities: From Constructed Languages to Natural Languages Marat N. Chistanov

Khakass State University, Abakan, Russia maratchistanov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9002-5604

Activities for the preservation and development of ethnic minority languages are considered as the most important part of the actions to preserve the cultural heritage of the peoples inhabiting the Russian Federation. The obligatory nature of such activities is enshrined in our country constitutionally. For the ethnic intelligentsia, any attempts to infringe on the linguistic rights of their peoples turn out to be very painful. This problem in domestic science is most often considered in the tradition of linguistic relativism. This approach comes from the Humboldtian tradition in linguistics and in modern practice is associated with the Sapir-Whorf hypothesis. With all the advantages of this approach, it is not without a number of disadvantages. The theory of a unique linguistic world view leads to the sacralization of the language, conserving and ritualizing it, depriving it of vitality. The situation with the functioning of regional languages will change either with the revitalization of old language communities, or with the formation of new language communities in which the language can function as a real means of communication and will gain a new lease on life. Accepting the fact that it is hardly possible to return to traditional economic systems in which the languages of ethnic minorities were rooted, it seems interesting to study the experience of the functioning of communities of modern artificial languages. The network forms of organization of such communities are interesting, because in the context of globalization, the emergence and functioning of local linguistic communities based on a geographical principle becomes difficult. This turn makes us take a different look at the problems of the functioning of natural and artificial languages: it is not its internal structure, semantics and syntactics that comes to the fore but the conditions for its use and the reasons that make people turn to it, that is, pragmatics. In other words, the problem of the viability of a language is not so much a question of its morphology and syntax, and not even a question of its expressive possibilities and means, but a question of the motives of people's linguistic behavior.

Keywords: linguistic relativism, formal semantics, linguistic pragmatics, natural language, artificial language, network community

Acknowledgment: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation project, no. 22-28-20099 "Language and culture: philosophical connection" (https://rscf.ru/project/22-28-20099/) with parity financial support from the Government of the Republic of Khakassia.

Введение. Проблема сохранения и развития исчезающих языков, в том числе языков этнических меньшинств Российской Федерации, - тема достаточно часто и много обсуждаемая как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Очевидно, что данная тема актуальна как минимум последние пару столетий, потому что глобализация и урбанизация за это время охватили большую часть земного шара, а малые языки и культуры страдают от губительных последствий этих процессов в первую очередь. Неудивительно, что к данной проблеме приковано внимание многих современных исследователей: «Сегодня переход к языку доминирующего этноса, происходящий, как правило, в условиях контактного билингвизма, относится к актуальным направлениям исследований жизни миноритарных языков в динамике социокультурного контекста» [1].

Вместе с тем исследования подобного рода в большей части остаются в рамках традиционного для гумбольдтовской пара-

дигмы языкового эссенциализма, в котором язык рассматривается как скрытая сущность, своеобразная "Ding an sich". В этой связи вопрос о формах и способах борьбы фактически становится сакральным вопросом, ответ на который разделяет языковые и этнические сообщества на лагеря идеологических противников. Коль скоро язык, по известному выражению В. Гумбольдта, объявляется носителем «души народа»: «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [2, с. 68], то противник языка по умолчанию объявляется врагом этноса. При этом, в зависимости от степени радикализма акторов, в категорию «врагов народа» могут быть занесены как те, кто закрывает школы и запрещает преподавание на языках этнических меньшинств, так и те, кто пытается модернизировать язык, приспособить его к изменяющимся условиям современности. В каком-то смысле консерваторы от языка,

Чистанов М. Н.

стремясь спасти его в первоначальной чистоте и неприкосновенности, на деле пытаются мумифицировать и музеефицировать то, что от него осталось.

Возможно, в современных условиях более перспективным подходом к проблеме сохранения и развития языков стало бы создание новых условий, в которых эти языки могли бы активно функционировать. Ограничив сферу действия языков этнических меньшинств бытовой сферой, а в условиях города это фактически границы малой семьи, то есть семьи, включающей только родителей и детей, мы фактически возлагаем заботу о сохранении языка на плечи самих родителей. Учтём тот факт, что значительная часть этих родителей родилась ещё в советское время, когда преобладала установка на формирование единой советской нации, а многие дети в городских семьях своего родного языка просто не знали или знали совсем плохо. Очевидно, что надежды на сохранение языка таким способом практически нет.

В этой ситуации неожиданно актуальным становится изучение опыта функционирования языковых сообществ, связанных с возникновением и распространением новых языков, то есть языков, искусственно созданных. Таких языков в мире к настоящему времени насчитывается более пятисот. Сюда относятся и эксперименты по созданию международных языков, таких как эсперанто, идо или интерлингва, и модные ныне артланги, такие как эльфийские квенья и синдарин из миров Толкина, клингонский язык из сериала «Звездный путь» и многие другие. Возникшие при различных обстоятельствах и не укоренённые ни в одной из существующих культур, некоторые из них не только не исчезают, но и активно развиваются, используются [3-8]. Более того, отчасти элементы искусственности присутствуют и в современном немецком языке, а также в иврите, которые в настоящее время вполне процветают.

Интересно, что в случае языковых сообществ искусственных языков чудесным образом снимается глобализационное проклятье. Дело в том, что искусственные языки изначально не предполагают локальной географической ограниченности, поэтому могут существовать в сетевой форме. Причём сетевая форма организации характерна для них задолго до создания интернета: так искусственный язык эсперанто изначально был создан как язык международной переписки.

Вопросы, связанные с сохранением и поддержкой миноритарных языков, широко обсуждаются в лингвистической литературе и в этнически ориентированной части социально-гуманитарного познания. Традиционные подходы к решению этих проблем, находящиеся в рамках гумбольдтианской парадигмы представлены, например, в работах Т. Г. Боргояковой [1], А. В. Гусейновой [9], А. Н. Чугунековой [10]. Постгумбольдтианская традиция языкознания представлена в работах А. Д. Каксина [11; 12], А. В. Павловой [13]. В любом случае, отечественная этнолингвистика как правило подходит к решению проблем миноритарных языков с позиций лингвистической относительности Сепира – Уорфа, трактуя их как проблемы построения языковой картины мира.

Альтернативой лингвистическому релятивизму становится формальная семантика естественного и, в нашем случае, искусственного языков, которая представлена в работах В. З. Демьянкова [14], М. С. Мартынца [3], К. В. Райхерта [15]. В отличие от лингвистов представители формальной школы исходят из принципа всеобщности логической структуры языка, поэтому вопросы этнической специфики языков решают через синтаксические и прагматические характеристики языковых ситуаций. Впрочем, нужно отметить, что для отечественной школы формальной семантики особый интерес к этнической проблематике отнюдь не характерен.

Особую группу источников составляет литература, посвящённая истории возникновения, развития и особенностей функционирования искусственных языков от легендарного Lingua Ignota, созданного в XII в., до дотракийского языка из сериала «Игра престолов». Здесь представлены работы У. Эко [7], М. Ю. Сидоровой и О. Н. Шуваловой [6], А. Пиперски [5], а также материалы специальных сайтов, посвящённых искусственным языкам [см., напр., 8]. Справедливости ради, необходимо сказать, что информация, содержащаяся в таких материалах, по преимуществу однотипна и часто дублируется. Возможно, серьёзные исследования в сфере социальной прагматики искусственных языков – вопрос будущего, по крайней мере, потребность в этом уже назрела.

Методология исследования. В исследовании последовательно применяются и критически анализируются два альтерна-

тивных методологических подхода: лингвистический релятивизм с элементами сравнительно-исторического и этнографического подходов, а также формально-семантический анализ в контексте исследований естественного и искусственного языков.

Особое место в исследовании отводится проблеме прагматики искусственных и естественных языков. В частности, используется анализ импликатур и пресуппозиций естественных языков, которые определяют специфику обычных и сетевых языковых сообществ на современном этапе.

Результаты исследования и их обсуждение. Как отмечалось ранее, в отечественной этнографии и лингвистике вопрос о сохранении и развитии языков этнических меньшинств рассматривается как важнейшая составная часть действий по сохранению культурного и исторического наследия народов, населяющих Российскую Федерацию, обязательность которых закреплена в нашей стране конституционно. Это порождает определённую проблему, потому что «для совмещения государственной и этнической идентичности необходимо выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании народов полиэтнического государства. С одной стороны, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности доминирующего русского большинства, но, с другой стороны, общероссийская идентичность должна стать привлекательной и для других народов России через соответствие ценностей, символов, представлений, ассоциирующихся с российскостью, их интересам и ценностям. Можно предположить, что такой системы межэтнических отношений пока создать не удалось... В национальных республиках высказывались опасения, что российская нация станет нацией русских, а остальные народы потеряют свою этничность» [10, с. 19].

Ничего удивительного, что для этнической интеллигенции вопрос о любых попытках каким-либо образом ущемить языковые права народа: через отмену обязательного изучения языков титульных народов в национальных субъектах России, через фактическую невозможность получить услуги в органах государственной власти или в бизнес-структурах при обращении на языке, отличном от русского и во множестве других, действительных или мнимых ситуациях, попирающих чувство национального достоинства, оказывается весьма болезненным. Здесь можно напомнить о сравнительно недавнем случае, когда в 2019 . в столице Удмуртии городе Ижевске местный учёный и общественный деятель Альберт Разин сжёг себя у здания местного парламента в знак протеста против языковой политики федерального центра.

Удивительным образом из всех возможных маркеров этнического своеобразия, таких как специфический способ хозяйствования, национальная одежда, сходство внешнего облика и генетическая близость, кухня, архитектура, музыка, оружие и ещё многих и многих деталей до начала XXI в. доживает именно язык. На наш взгляд, подтверждение тому как минимум две важные причины.

Во-первых, традиционный для XIX в. этнический примордиализм, опирающийся на Blut-und-Boden-Ideologie и методологию расово-антропологической школы, в XX в. оказался сильно скомпрометирован близостью с идеологией немецкого национал-социализма, поэтому апелляция к «чистоте крови» или автохтонности и укоренённости проживания с точки зрения современного либерализма всегда вызывает подозрение в проповеди национальной исключительности.

В этой ситуации язык оказывается сравнительно безопасной альтернативой, поскольку основан не на врождённой сущности, а на прагматике: «Прагматические нормы отражают ценности разных культур. Культурные нормы, отражающиеся в речевых актах, различаются в разных языках. Являясь неотъемлемой частью культурного знания, языковые знания, в свою очередь, могут быть представлены в виде определённых когнитивных структур. При определённой речевой ситуации в сознании индивида складывается когнитивная модель этой ситуации с набором возможных вариантов действий для её реализации» [13, с. 7].

Во-вторых, заявляя языковой эссенциализм, В. Гумбольдт лишь отчасти следует общей парадигме немецкого идеализма, в целом тяготеющего к романтическому мистицизму. В гораздо большей степени он выполняет конкретную политическую задачу: Германия XIX в. являет собой лоскутное одеяло, состоящее из множества мелких государств, которые населены людьми, у которых нет ни общей судьбы, ни религии, ни даже истории. Единственное, что их объединяет, - общность языка. Строго говоря,

Чистанов М. Н.

общего языка как такового не было, дело в том, что современный немецкий язык - во многом искусственное образование: «В пространстве, имеющем два измерения, - цель создания и источник языкового материала, и можно расположить все искусственные языки. Пожалуй, стоит упомянуть, что не слишком далеки от них и некоторые языки – объекты изучения вполне традиционной лингвистики. Речь идёт, во-первых, об искусственных литературных стандартах, которые создаются волевым решением нормализаторов на основе нескольких диалектов, - таков, к примеру, современный немецкий литературный язык» [5, с. 13]. Кстати говоря, на австрийцев риторика «немецкого мира» никакого впечатления не произвела, как раз потому что Австрия того времени – великая держава, недавно спасшая Европу от османской угрозы, а объединение с «бедными родственниками» - не тот бонус, ради которого стоило рисковать блестящим настоящим.

Нужно сказать, что в период формирования национальных государств поддержка языков государствообразующих народов необходимый элемент государственной политики. Совсем другое дело, когда речь заходит о языках этнических меньшинств. Дело в том, что в полиэтнических сообществах наряду с консолидирующими факторами всегда присутствуют определённые тенденции к сепаратизму. Поэтому этническое многообразие внутри государства обязательно содержит в себе элементы потенциальной дифференциации. Ничего удивительного, что взаимоотношения федерального центра и этнических регионов никогда не бывают простыми.

Государство всегда заинтересовано в языковой унификации законодательства и делопроизводства, в едином языке науки, образования и производства. Поэтому отдавать эти сферы в руки местных властей и тем более переводить документацию на региональные языки для федералов — крайне нежелательный вариант развития событий, который возможен только в период кризиса государственного управления и «парада суверенитетов».

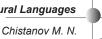
Поэтому действия по поддержке языков этнических меньшинств со стороны государства очень часто носят поверхностный и кампанейский характер и чаще всего направлены на получение общественного резонанса и последующее составление от-

чётов о масштабах проделанной работы. Многие специалисты, включённые по роду службы в такую деятельность, не представляют, с какими процессами им приходится иметь дело, и поэтому пытаются решить проблему привычным путём проведения культурно-массовых мероприятий, используя при этом методы из арсенала отельных аниматоров и маркетологов из соседнего торгового центра.

Представляется, что изменение ситуации с функционированием региональных языков возможно либо при ревитализации старых, либо при формировании новых языковых сообществ, в которых язык сможет функционировать как реальное средство коммуникации, получит новую жизнь. Очевидно, что в современных условиях восстановление в полной мере традиционной культуры и традиционных форм хозяйства крайне маловероятно, хотя этот вариант, наверное, не стоит совсем уж сбрасывать со счетов. Вопрос же о формировании новых языковых сообществ стоит напрямую связать с проблемами современной языковой прагматики, причём, на наш взгляд, в том числе и с прагматикой современных искусственных языков.

Известно, что попытки создать реально работающие искусственные языки предпринимались ещё в Средневековье, как это было в случае с уже упоминавшейся нами Lingua Ignota. Тем не менее, массовый характер это движение приобрело с конца XIX в., то есть с момента распространения глобализации на большую часть территории Земли. Чаще всего речь шла о создании некоторого вспомогательного языка, выполняющего роль языка международного общения и существующего параллельно языкам естественным. Будучи сконструированными, такие языки, как ожидалось, должны были быть лишены традиционных недостатков естественных языков: многозначности и внутренней неструктурированности.

Парадоксально, но в XX в. такие попытки поразительным образом приводят исследователей, в том числе исследователей из числа аналитических философов, к возвращению к естественному языку. Чисто формальные языки оказались малоинтересными и для изучения, и для практического использования: «Любопытным здесь является не тот факт, что аналитические философы исследуют естественный язык, а тот

факт, что они не исследуют формализованный язык. Здесь можно было бы поставить вопрос: "Почему строго формализованный язык науки является малоэффективным способом в познании?" и попытаться на него ответить. Другими словами, аналитические философы могли бы хотя бы попытаться исследовать механизмы, мешающие построить эффективный формализованный язык науки в познании» [15, с. 81].

Данный поворот заставляет иначе взглянуть на проблемы функционирования естественных и искусственных языков: на первый план выходит не внутренняя структура языка, семантика и синтактика, а условия его применения и причины, заставляющие людей к нему обращаться, то есть прагматика. Иными словами, проблема жизнеспособности языка - это не столько вопрос о его морфологии и синтаксисе и даже не вопрос о его выразительных возможностях и средствах, сколько вопрос о мотивах языкового поведения людей и степени эффективности языковой коммуникации. Очевидно, что в общем случае «понять высказывание - значит: 1) проинтерпретировать очередное речевое действие (на фоне уже имеющихся гипотез) как ход в рамках конкретного вида и стиля общения (в различной степени учитывая возможности расхождения своих правил общения и правил партнёра); 2) проявить диспозицию (т. е. принять или отвергнуть навязываемый вид общения; 3) получить интерпретацию собственного языкового выражения в контексте такого "навязанного" вида, - отстранившись, как бы со стороны, и спрогнозировав одновременно дальнейший ход общения» [14, с. 373-374].

Позволим себе в этом месте прервать изложение, поскольку в настоящее время в нашу задачу входила лишь постановка проблемы. Дальнейшее развитие темы является задачей наших последующих исследований.

Заключение. Широко обсуждаемая в социально-гуманитарных науках и публицистике проблема сохранения языков этнических меньшинств в отечественной традиции чаще всего рассматривается в традиции лингвистического релятивизма. Этот подход идёт ещё от гумбольдтианской традиции в лингвистике и в современной практике связывается с гипотезой Сепира – Уорфа. При всех достоинствах данного подхода он не лишён ряда серьёзных недостатков. Теория уникальной языковой картины мира приводит к сакрализации языка, консервируя и ритуализируя его, лишая жизненной силы.

На наш взгляд, изменить ситуацию можно было бы, радикальным образом поменяв методологию и методику исследований и действий в сфере сохранения языков этнических меньшинств, поставив во главу угла вопрос о создании условий для востребованности и живом функционировании таких языков на современном этапе. Учитывая тот факт, что вернуться к традиционным системам хозяйствования, в которых и были изначально укоренены языки малых народов, вряд ли представляется возможным, видится интересным изучение опыта функционирования сообществ современных искусственных языков. Особый интерес заслуживают сетевые формы организации таких сообществ, потому что в условиях глобализации возникновение и функционирование локальных языковых сообществ, основанных по географическому принципу, становятся затруднёнными.

Список литературы

- 1. Боргоякова Т. Г. Остановка языкового сдвига: глобальное и региональное измерение // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова. Абакан, 2022. С. 31.
- 2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.
- 3. Мартынец М. С. Естественные и искусственные языки: общее, особенное и единичное // Профессиональное образование в современном мире. 2011. № 2. С. 69–73.
- 4. Мищенко Д. Д., Личаргин Д. В. Сопоставительный анализ некоторых классов плановых языков и оценка их прагматического значения // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы международной заочной научной конференции (г. Москва, май 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 77–79.
- 5. Пиперски А. Ч. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. М.: Альпина Диджитал, 2017, 270 c.
- 6. Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: 1989.ру, 2006. 184 c.

Чистанов М. Н.

- 7. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с итал. А. Миролюбовой. СПб.: Александрия, 2007. 423 с.
- 8. In the Land of Invented Languages. 2009. URL: http://inthelandofinventedlanguages.com/ (дата обращения: 10.09.2022). Текст: электронный.
- 9. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В., Покоякова К. А. Языки миноритарных этносов Южной Сибири: статусно-дискурсивная репрезентация в социокультурном контексте // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 439–452. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-439-452.
- 10. Боргоякова Т. Г., Каксин А. Д., Чугунекова А. Н. Репрезентация российской, региональной и этнической идентичности // Вестник Хакасского государственного университета. 2016. № 18. С. 19–22.
- 11. Каксин А. Д. Хакасский язык в аспекте лингвистической типологии. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2013. 108 с.
- 12. Каксин А. Д. Мировоззрение человека и его отражение в языке (к проблематике современного типологического языкознания) // Язык: история и современность. 2017. № 1. С. 52–59.
- 13. Павлова А.В. Когнитивные и прагматические аспекты речевого акта просьбы при искусственном билингвизме: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2018. 19 с.
- 14. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 368–377.
- 15. Райхерт К. В. Логическая критика языка и критика логического языка // Науковій Вісник міжународного гуманітарного університету. 2015. № 9. С. 80–84.

Информация об авторе

Чистанов Марат Николаевич, доктор философских наук, доцент; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90; e-mail: maratchistanov@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-9002-5604.

Для цитирования

Чистанов М. Н. Языковые сообщества в сети: от искусственных языков к естественным // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-176-183.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

References

- 1. Borgoyakova, T. G. Stopping the Language Shift: A Global and Regional Dimension. Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: Materials of the V International Scientific Conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding orientalist, turkologist N. F. Katanov. Abakan, 2022. P. 31. (In Rus.)
- 2. Humboldt, V. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race. Humboldt V. Selected Works on Linguistics. Moscow: Progress, 1984: 37–297. (In Rus.)
- 3. Martynets, M. S. Natural and artificial languages: the general, special and particular. Professional education in the modern world, no. 2, pp. 69–73, 2011. (In Rus.)
- 4. Mishchenko, D. D., Lichargin, D. V. Comparative analysis of some classes of planned languages and evaluation of their pragmatic significance. Philology and Linguistics in Modern Society: Proceedings of the International Correspondence Scientific Conference (Moscow, May 2012). Moscow: Buki-Vedi, 2012: 77–79. (In Rus.)
- 5. Pipersky, A. Language Construction: From Esperanto to Lekh Dothraki. Moscow: Alpina Digital, 2017. 270 p. (In Rus.)
- 6. Sidorova, M. Yu., Shuvalova, O. N. Internet Linguistics: Fictional Languages. Moscow: 1989.ru, 2006. (In Rus.)
- 7. Eco, U. The search for a perfect language in European culture. Transl. from Italian. A. Mirolyubova. St. Petersburg: Alexandria, 2007. (In Rus.)
- 8. In the Land of Invented Languages. 2009. Web. 10.09.2022. URL: http://inthelandofinventedlanguages. com/ (In Engl.)
- 9. Borgoyakova, T. G., Guseinova, A. V., Pokoyakova, K. A. Languages of Minority Ethnic Groups of Southern Siberia: Status-Discursive Representation in the Socio-Cultural Context. Polylinguality and Transcultural Practices, no. 19, pp. 439–452, 2022. (In Rus.) DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-439-452.
- 10. Borgoyakova, T. G., Kaksin, A. D., Chugunekova A. N. Russian, Regional and Ethnic Identity in The Media Discourse and in Ethnic Stereotypes. Vestnik of the Khakass State University, no. 18, pp. 19–22, 2016. (In Rus.)

- 11. Kaksin, A. D. The Khakas language in the aspect of linguistic typology. Abakan: Khakass State University, 2013. (In Rus.)
- 12. Kaksin, A. D. Human outlook and its reflection in language (To the perspective of modern typological linguistics). Language: History and Modernity, no. 1, pp. 52–59, 2017. (In Rus.)
- 13. Pavlova, A. V. Cognitive and pragmatic aspects of the speech act of request in artificial bilingualism. Cand. sci. diss. abstr. Tver, 2018. (In Rus.)
- 14. Demyankov, V. Z. Pragmatic foundations for interpreting of proposition. Journal of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and language, no. 4, pp. 368–377, 1981. (In Rus.)
- 15. Reichert, K. V. Logical criticism of language and criticism of logical language. Scientific Bulletin of the International Humanitarian University, no. 9, pp. 80–84, 2015 (In Rus.)

Information about author

Chistanov Marat N., Doctor of Philosophy, Associate Professor; Khakass State University; 90 Lenina st., Abakan, 655017, Russia; e-mail: maratchistanov@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-9002-5604.

For citation

Chistanov M. N. Networked Language Communities: From Constructed Languages to Natural Languages // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-176-183.

Received: September 15, 2022; approved after reviewing October 22, 2022; accepted for publication October 25, 2022.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

PEOPLE. DEVELOPMENTS. TIME

Очерк

УДК 1(092)

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-184-190

50 лет доктору философских наук Дмитрию Трубицыну: обзор научных взглядов и судьбоносных событий

Александр Николаевич Новиков

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия geonov77@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-7086-6278

Представлен очерк о профессоре кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна факультета культуры и искусств Забайкальского государственного университета — Дмитрии Викторовиче Трубицыне, который 8 сентября 2022 г. отметил 50-летний юбилей. После окончания исторического факультета Забайкальского государственного педагогического университета имени Н. Г. Чернышевского в 2003 г. Д. В. Трубицын поступил в аспирантуру. В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Модернизация стран Востока и России: социально-философский анализ», в 2016 г. – докторскую на тему «Закономерности модернизации в аспекте взаимодействия природы и общества». Главное направление научных исследований Дмитрия Викторовича оформилось в годы учёбы на историческом факультете — это проблема изучения крупномасштабных социальных трансформаций, в частности, модернизации как формирования современного индустриального общества. Обе диссертации, большинство научных публикаций и монографий посвящены именно ей. Д. В. Трубицын активно занимается проблемами философии культуры и методологии социального познания. Наука прочно вошла в жизнь Дмитрия Викторовича. Даже его семья — научная. Супруга юбиляра — Ирина Сергеевна Дорогавцева — кандидат культурологии, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики, единомышленник, автор собственных и соавтор ряда работ Дмитрия Викторовича.

Ключевые слова: Забайкальский государственный университет, модернизация, философские исследования, Д. В. Трубицын

Feature article

The 50th Anniversary of Dmitry Trubitsyn, a Doctor of Philosophy: Review of Scientific Views and Fateful Events

Aleksandr N. Novikov

Transbaikal State University, Chita, Russia geonov77@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-7086-6278

We present an essay on Dmitry Viktorovich Trubitsyn, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Design, and Arts of the Faculty of Culture and Arts of the Transbaikal State University, who celebrated his 50th anniversary on September 8, 2022. After graduating from the Faculty of History of Chernyshevsky Transbaikal State Pedagogical University in 2003 he entered a graduate school. In 2006 he defended his Candidate dissertation on the topic "Modernization of the countries of the East and Russia: socio-philosophical anal-

© Новиков А. Н., 2022

ysis", and in 2016 – he proved a Doctoral dissertation on the topic "Regularities of modernization in the aspect of interaction between nature and society". The main direction of Dmitry V. Trubitsyn's scientific research took shape during the years of study at the Faculty of History. It was the problem of studying large-scale social transformations, in particular, modernization as the formation of a modern industrial society. Both dissertations, most scientific publications and monographs are dedicated to this subject. He is also actively involved in the problems of philosophy of culture and methodology of social cognition. Science has completely integrated into Dmitry Trubitsyn's life. His family belongs to science too. His spouse, Irina Sergeevna Dorogavtseva is a Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of European Languages and Linguodidactics. She is a like-minded person, the author of her own and co-author of a number of works by her husband.

Keywords: Transbaikal State University, modernization, philosophical research, D. V. Trubitsyn

Рис. 1. Профессор ЗабГУ Д. В.Трубицын

Fig. 1. Professor of Transbaikal State University D. V. Trubitsyn

Путь в науку. 8 сентября 2022 г. доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна факультета культуры и искусств Забайкальского государственного университета Дмитрий Викторович Трубицын отметил 50-летний юбилей.

Коллектив нашего университета интересен тем, что в нём собрались люди творческие и нестандартно мыслящие, в данном полном талантов сообществе есть личности, которые выделяются своим научным потенциалом. Таким человеком с полной уверенностью можно назвать Дмитрия Викторовича. Мы трудимся с ним на разных факультетах и относимся к различным областям наук. Однако в 2012—2014 гг. судьба свела нас в одном структурном подразделении — Институте социально-гуманитарных проблем. Учёный совет университета принял тогда решение освободить нас от

части учебной нагрузки для написания докторских диссертаций и перевести на должности старших научных сотрудников, дав возможность больше сил и времени отдавать науке. Мы активно общались: обсуждали вопросы методологии, делились опытом публикационной работы и работы над текстом. Общение выстраивалось легко и непринуждённо. Дмитрий Викторович – человек открытый, любит научную полемику, умеет профессионально вести дискуссию. Это было интересное время! У нас с юбиляром были сходно выстроенные «экосистемы отношений»: как соискатели мы активно взаимодействовали с членами диссертационного совета по философии при университете и сотрудничали с редакцией журналов «Гуманитарный вектор» и «Учёные записки ЗабГУ». Ещё у нас были два общих «научных ангела-хранителя», которые интересовались продвижением наших

дел и помогали нам добиться успеха. Это доктор социологических наук, профессор Марина Борисовна Лига и доктор культурологии, профессор Маргарита Ивановна Гомбоева, которым мы с юбиляром очень признательны.

Дмитрий Викторович — уроженец Забайкалья, родился и вырос в Чите, окончил среднюю общеобразовательную школу № 38. Несмотря на привитую родителями в детстве любовь к чтению, его путь в науку оказался извилистым. С конца 1980-х до начала 2000-х гг. Дмитрий Викторович успел поучиться в Читинском политехническом институте, отслужить в армии, поработать на машиностроительном заводе, на железной дороге, в геологоразведке.

В 2003 г. после окончания исторического факультета Забайкальского государственного педагогического университета имени Н. Г. Чернышевского Дмитрий Викторович серьёзно занялся наукой. В том же году поступил в аспирантуру кафедры философии и с тех пор с наукой, которую считает второй по важности в своей жизни после семьи, не расстаётся. В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Модернизация стран Востока и России: социально-философский анализ» (научный руководитель - доктор культурологии М. И. Гомбоева), в 2016 г. – докторскую на тему «Закономерности модернизации в аспекте взаимодействия природы и общества» (консультант – доктор философских наук, профессор Н. С. Розов). Своей работой и оригинальными идеями Дмитрий Викторович привлекает к себе внимание ведущих учёных. Не случайно руководителем его кандидатской диссертации стала Маргарита Ивановна, а консультантом по работе над докторской – Николай Сергеевич. Общение с этими людьми Дмитрий Викторович считает важным, с благодарностью отмечая их влияние на своё становление как учёного.

Грани научного труда. Главное направление научных исследований Дмитрия Викторовича оформилось в годы учёбы на историческом факультете — это проблема изучения крупномасштабных социальных трансформаций, в частности, модернизации как формирования современного индустриального общества. Обе диссертации, большинство научных публикаций и монографий посвящены именно ей. Активно занимается также проблемами философии культуры и методологии социального познания.

В философско-эпистемологическом плане Дмитрий Викторович видит свою позицию между позитивизмом и методологическим (не политическим!) марксизмом, что означает признание возможности социального познания посредством методов точных наук и понимание развития общества как закономерного процесса [1]. Данные принципы были реализованы им в главном исследовании модернизации [2]. Посредством методов теоретической истории и исторической социологии в работе проведён анализ динамики автохтонных очагов модернизации Евразии и Северной Африки в зависимости от обеспеченности ресурсами и численности населения. Исследование позволило представить модернизационный процесс как интенсификацию взаимодействия общества и природы, выявить ряд закономерностей, объяснить тенденции развития и сделать некоторые прогнозы.

В центре особого внимания Дмитрия Викторовича — проблемы и перспективы модернизации России [3; 4]. Здесь исследователь — пессимист. Крайне негативно оценивая происходящее в стране за последние двадцать лет, на основе собственного подхода он сумел предсказать ряд процессов и явлений современной России, ставших в настоящее время реальностью. Здесь позицию учёного характеризуют жёсткие оценки, нередко вызывающие критику со стороны коллег-учёных.

Модернизация в понимании Д. В. Трубицына – длительный исторический процесс формирования современного индустриального общества на основе распада традиционного аграрного. Из всех свойств данного процесса такое понимание актуализирует прежде всего конфликт, поскольку даже при условии успешного протекания он вызывает сопротивление общества. Поэтому модернизация не может не содержать внутри себя периодов революций, гражданских и религиозных войн, бунтов и мятежей, жёстких культурных трансформаций. Данное обусловлено тем, что в ходе модернизации радикально меняются социальные структуры и ценности, политические и правовые формы, экономические отношения. Этот болезненный процесс и приводит к формированию современного общества, которое характеризует индустриальная экономика, по преимуществу рыночный принцип организации производства на основе частной собственности с его идеологическим и политико-правовым обеспечением. В последний входят правовое государство, парламентаризм и конституционализм, разделение властей, гражданское равноправие. Характерные особенности культуры - толерантность, обеспечивающая мультикультурное взаимодействие, открытость к внешним воздействиям и изменениям, деидеологизация принципов и механизмов производства культурных образцов, демифологизация и десакрализация картины мира и принципов функционирования культурных институтов, рационализация и прагматизация мотивов социального поведения. При этом политико-правовые и культурные аспекты в своём становлении могут существенно отставать от технологических и социально-экономических, но в большинстве стран, завершивших или завершающих данный процесс, они либо сложились и обладают устойчивостью, либо проявляют тенденцию к формированию¹.

Таким образом, Дмитрий Викторович разделяет и защищает основные положения классической теории модернизации, но добавляет, что этот процесс жёстко детерминирован вызовом со стороны стеснённости в ресурсах традиционной аграрной экономики. Именно поэтому первыми двумя автохтонными очагами индустриального общества на планете стали Западная Европа и Япония, которые уже в Средневековье проявили черты интенсификации экономики и социальных отношений и соответствующей трансформации культуры.

Что касается России, здесь процесс модернизации не просто затруднён, а полностью заблокирован отсутствием как объективных (стеснённость в ресурсах), так и субъективных (культура и ментальные установки широких слоёв населения, интересы элит, устремления власти) факторов. Именно поэтому в истории России наблюдается не линейная динамика — необратимая от одного состояния к другому, а болезненный циклически-реверсивный процесс [3; 4]. Каждая попытка реформ заканчивается

отступлением, даже имеющийся успех не закрепляется в поколениях, и происходит обвал к прежним, досовременным формам организации общества. Это грозненский цикл, петровский, николаевский (Николай I), сталинский и современный. Каждый из них завершает провалом или откатом назад попытки преобразований – реформы середины XVI в., проекты развития России конца XVII в. и сам замысел петровских реформ, обернувшихся укреплением самодержавно-крепостнического строя, проекты М. М. Сперанского, Великие реформы и Русскую революцию второй половины XIX - начала XX в., перестройку и либеральные реформы 90-х гг. Д. В. Трубицын обнаруживает в этих циклах постоянно действующий фактор, блокирующий интенсификацию социальной системы. Именно ресурсное изобилие формирует объективную сторону возвратного механизма, реакционно-традиционалистские vсиливая устремления социальных акторов. Иначе говоря, процесс модернизации всегда и везде вызывает сопротивление общества, но в России оно поддерживается самими естественными условиями.

Однако некоторый линейный процесс «обновления» в российской истории всё же есть. Для его обозначения Дмитрий Викторович ввёл понятие «вялотекущая модернизация». Речь идёт о поверхностных изменениях, связанных с заимствованием идей и технологий, не ведущих к формированию и закреплению в следующих поколениях отношений и принципов современного общества. Главной чертой такой «модернизации» является отсутствие необратимости социальных изменений, а значит, неизбежное возвращение на круг циклической динамики. Данное обстоятельство подрывает положения «технологического детерминизма» - популярного подхода к объяснению развития общества. История показывает, что даже собственные технические инновации, не говоря уже о заимствованных, не гарантируют успех модернизации [5].

Особая роль (но не причина) в этой динамике принадлежит государству. После каждого очередного периода ослабления оно вновь монополизирует главный ресурс и на его основе выстраивает вертикали господства и подчинения взамен договорным отношениям, объективно требующимся модернизации [6].

Важное направление исследований Дмитрия Викторовича – роль культуры в

¹ Важно добавить, что учёный не считает современное общество венчающим историю «раем», это сложная и нестабильная система, которая, хотя и раскрывает безграничные способности человека и даёт ему беспрецедентные возможности, порождает при этом огромный комплекс проблем. Однако это всё же проблемы развития, открытия новых горизонтов, а не проблемы стагнации, повторяющиеся у досовременных обществ и обществ незавершённой модернизации из цикла в цикл.

процессе модернизации [7]. По его мнению, культура оказывает сильное влияние на изменения, но не порождает их. Причины развития общества не находятся в культуре, она является его субъективной и пассивной стороной, областью, ответственной, скорее, за сохранение, нежели за изменение существующих форм. Культурные признаки сохраняются или изменяются в зависимости от динамики господствующих социальных структур и стратегий, не поддерживаемые ими признаки изживаются, поддерживаемые - репродуцируются в следующих поколениях. Неоднократно выступая с критикой веберовского подхода к проблеме модернизации [8-10], Дмитрий Викторович настаивает на том, что культурные изменения следуют за социальными, а не предваряют их.

Как географ, не могу не отметить способность нашего юбиляра профессионально воплощать географический подход в исследованиях: «переключаться» с одного территориального уровня на другой (с глобального на региональный); выделять географические центры модернизации; находить общность в свойствах удалённых друг от друга регионов мира (Западная Европа и Япония). Именно географические особенности работ профессора ЗабГУ Д. В. Трубицына привлекают моё внимание. Встречаясь на переменах между занятиями, мы полемизируем по многим научным вопросам, обсуждаем политическую ситуацию, сообщаем друг другу о новых публикациях.

Образовательная и публикационная работа. Дмитрий Викторович публикует результаты своих исследований в ведущих научных изданиях страны, в частности в журналах «Вопросы философии», «Вопросы экономики», «Социологические исследования», «Политические исследования», «Мировая экономика и международные отношения», «Философские науки». В некоторых из них выступает рецензентом. Отмечу, что, изучая модернизацию как многоаспектный процесс, Дмитрий Викторович стал экспертом в ряде научных областей, он публикует результаты исследований в профильных журналах по философии, экономике, социологии, культурологии.

Дмитрий Викторович является также членом диссертационного совета Д212.299.06, который работает при Забай-кальском государственном университете по двум специальностям 24.00.01 Теория и история культуры (культурология) и

09.00.11 Социальная философия (философские науки). Проводя экспертизу докторских и кандидатских диссертаций, он проявляет себя принципиальным оппонентом, отстаивающим вопросы качества исследований, их глубины и фундаментальности.

Профессор ЗабГУ Д. В. Трубицын работает также в редакционной коллегии журнала «Гуманитарный вектор».

Важное направление работы – преподавание. Помимо культурологии Дмитрий Викторович читает авторские курсы «История стран Востока», «История Китая», «Проблема модернизации незападных стран», «Философия культуры», «Методология и методы научного исследования», «Организация учебно-исследовательской деятельности». Лекции пользуются успехом у студентов, вызывают интерес у коллег.

Отмечу две особенности характера юбиляра, которые делают нас с ним единомышленниками: приоритет научного творчества и отсутствие «чиновничьих» амбиций. Дмитрий Викторович имеет опыт работы заведующего кафедрой и научным отделом университета, но желание заниматься наукой оказалось сильнее: ради неё и преподавания он не раз с лёгкостью расставался с административной работой. Всякий раз, когда кадровая необходимость заставляла его занять должность заведующего кафедрой (теории и истории культуры; музыкального искусства), он стремился поскорее вернуться к научной работе.

Семья и увлечения. Наука прочно вошла в жизнь Дмитрия Викторовича. Даже его семья – научная. Супруга юбиляра – Ирина Сергеевна Дорогавцева – кандидат культурологии, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики, единомышленник, автор собственных и соавтор ряда работ Дмитрия Викторовича. Он благодарен ей за постоянную поддержку, а главное - за рождение и решающий вклад в воспитание дочери Ульяны, которая оканчивает в этом году начальную школу, девочка - круглая отличница и спортсменка с первым юношеским разрядом по спортивной гимнастике. Как и родители, Ульяна много читает, начинает интересоваться наукой.

Ещё одно увлечение семьи – природа и активный отдых. Реки и озера, леса и степи, склоны Яблонового, Черского и Даурского хребтов Забайкалья и даже знаменитые Красноярские Столбы и Енисей можно увидеть на фотографиях семейного архива Д. В. Трубицына (рис. 2).

Puc. 2. Фотографии из семейного архива Д. В. Трубицына, весна–лето 2022 г. **Fig. 2.** From D. V. Trubitsyn`s family photo archive, spring-summer 2022

Пожелаем юбиляру здоровья, гармонии в отношениях и творческих успехов!

Список литературы

- 1. Трубицын Д. В. Философская рефлексия в социальном и социологическом познании: к методологии исследования модернизации // Философские науки. 2016. № 10. С. 116–129.
- 2. Трубицын Д. В. Закономерности модернизации в аспекте взаимодействия природы и общества: автореф. дис. . . . д-ра филос. наук: 09.00.11. Чита, 2016. 39 с.
- 3. Трубицын Д. В. О макросоциологических основаниях стратегии России в XXI веке // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 147–156.
- 4. Трубицын Д. В. Ресурсное изобилие и особенности российской модернизации // Гуманитарный вектор. 2014. № 2. С. 64–78.
- 5. Трубицын Д. В. Индустриализм как технолого-экономический детерминизм в концепции модернизации: критический анализ // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 59–71.

- 6. Трубицын Д. В. Россия «договорная» и Россия «холопская»: опыт социологизации исторической концепции // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 97–107.
- 7. Трубицын Д. В. Онтологический статус культуры и её роль в процессе модернизации // Философские науки. 2010. № 11. С. 36–52.
- 8. Трубицын Д. В. Культура имеет значение? Критика российской веберианы в проблеме модернизации // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 16–27.
- 9. Трубицын Д. В. Капитализм и вебериана в России: к вопросу о возможностях понимающей социологии. Ч. 1. Критика веберианы // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 114–124.
- 10. Трубицын Д. В. Капитализм и вебериана в России: к вопросу о возможностях понимающей социологии. Ч. 2. Апология капитализма // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 12–22.

Информация об авторе

Новиков Александр Николаевич, доктор географических наук; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: geonov77@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-7086-6278.

Для цитирования

Новиков А. Н. 50 лет доктору философских наук Дмитрию Трубицыну: обзор научных взглядов и судьбоносных событий // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 184–190. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-184-190.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

References

- 1. Trubitsyn, D. V. Philosophical Reflection in the Social and Sociological Knowledge: to the Methodology of Modernization Research. Philosophical Sciences, no. 10, pp. 116–129, 2016. (In Rus.)
- 2. Trubitsyn, D. V. Laws of Modernization in the Context of the Nature-Society Interaction. Dr. sci. diss. abstr. Chita, 2016. (In Rus.)
- 3. Trubitsyn, D. V. Macrosociological Bases of Russia's Strategies in the 21st Century. Sociological Studies, no. 8, pp. 147–156, 2012. (In Rus.)
- 4. Trubitsyn, D. V. Resource Abundance and Distinctive Features of the Russian Modernization. Humanitarian Vector, no. 2, pp. 64–78, 2014. (In Rus.)
- 5. Trubitsyn, D. V. Industrialism as a Technological-Economic Determinism in the Theory of Modernization: Critical Analysis. Questions of Philosophy, no. 3, pp. 59–71, 2012. (In Rus.)
- 6. Trubitsyn, D. V. "Agreement-Based" and "servile" Russia: Sociologizing a Historical Conception. Sociological Studies, no. 6, pp. 97–107, 2019. (In Rus.)
- 7. Trubitsyn, D. V. Ontological Status of Culture and its Role in Modernization Process. Philosophical Sciences, no. 11, pp. 36–52, 2010. (In Rus.)
- 8. Trubitsyn, D. V. Does Culture Matter? A Critique of the Russian Weberiana in the Modernization Issue. Sociological Studies, no. 6, pp. 16–27, 2020. (In Rus.)
- 9. Trubitsyn, D. V. Capitalism and the Weberiana in Russia: Revisiting the Possibilities of Understanding Sociology. Part 1. The Critique of the Weberiana. Sociological Studies, no. 1, pp. 114–124, 2022. (In Rus.)
- 10. Trubitsyn, D. V. Capitalism and the Weberiana in Russia: Revisiting the Possibilities of Understanding Sociology. Part 2. An Apology for Capitalism. Sociological Studies, no. 2, pp. 12–22, 2022. (In Rus.)

Information about author

Novikov Aleksandr N., Doctor of Geography; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: geonov77@mail.ru; https://orcid.org/ 0000-0002-7086-6278.

For citation

Novikov A. N. The 50th Anniversary of Dmitry Trubitsyn, a Doctor of Philosophy: Review of Scientific Views and Fateful Events // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 184–190. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-184-190.

Received: October 2 2022; approved after reviewing October 27 2022; accepted for publication October 30 2022.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования». «Обсуждение результатов». «Заключение» должна быть не менее 80 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

- 1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
- 2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
- 3. Личную карточку автора сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки**:

- 1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
- 2. Материалы и методы исследования.
- 3. Конкретные результаты исследования.
- 4. Обсуждение результатов исследования.
- 5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал**: диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

- 1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
- 2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
- 3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
- 4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объёме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например рис. 1. Представляются в формате јрд (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисуночные подписи на русском и английском языках прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют по России – 200 р.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129 Забайкальский государственный университет Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна **e-mail:** zab-nauka@mail.ru **Teл.** +7 (3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 80%.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

- 1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
 - 2. Data of access and publishing agreement.
 - 3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowcase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that,* etc.) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

- 1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
- 2. Materials and research methods.
- 3. Specific results of the study.
- 4. Discussion of the research results.
- 5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English.

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion – resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e. g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e. g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section – in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form **References** according to the following requirements:

- 1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
- 2. Title of the work/source (translated into English).
- 3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
- 4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note "The article is published for the first time", the date and the author's signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter "I"), a hyphen (-) and a dash (-).

Don't use letter "e" instead of "ë".

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e. g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e. g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word "figure" should be always abbreviated (e. g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author's name/authors' names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author's copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V. e-mail: zab-nauka@mail.ru Tel. +7 (3022) 35-24-79